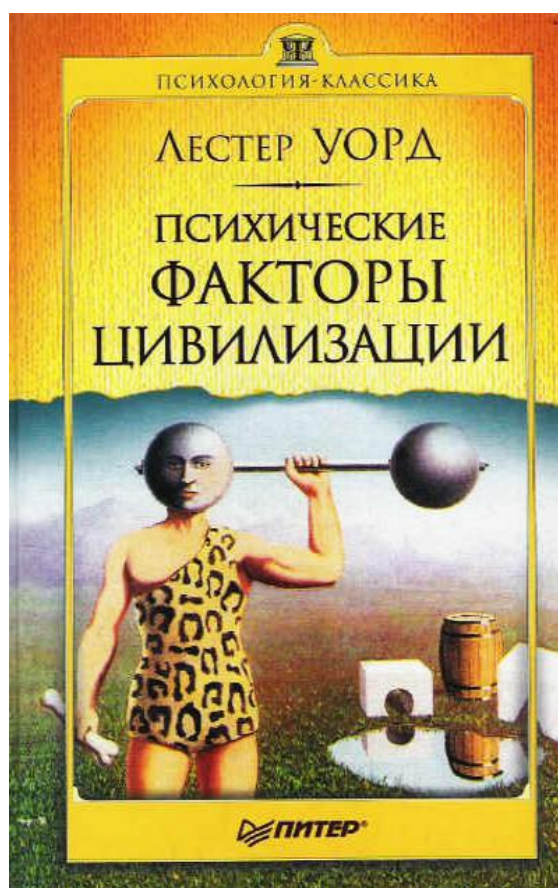

ПСИХОЛОГИЯ-КЛАССИКА

Лестер УОРД
ПСИХИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПИТЕР

Санкт-Петербург

Москва ■ Харьков ■ Минск

Л. Уорд Психические факторы цивилизации

Серия «Психология-классика»

Главный редактор

Заведующий редакцией

Зам. зав. психологической редакцией

Руководители проекта

Художественный редактор

Литературные редакторы

Корректоры

Верстка

ББК88.5 УДК 316.6 **Уорд Л.**

Е. Строганова

А. Зайцев

В. Попов

В. Попов, М. Корнилова

В. Шимкевич

Е. Кузьменок, В. Попов

У64 Психические факторы цивилизации. — СПб.: Питер, 2002. — 352 с: ил.

ISBN 5-318-00152-1

Лестер Франк Уорд (1841-1913) — геолог, палеонтолог, один из создателей американской социологической науки, основоположник психологического направления в социологии. Классический труд Уорда «Психические факторы цивилизации» (1893) относится к числу наиболее значительных достижений американской гуманитарной науки конца прошлого века. В своей работе Уорд развивает масштабную теорию планомерного социального прогресса («телезиса»), в рамках которой психика становится необходимым звеном в иерархии форм организации материи, а психология — в иерархии наук. Многие из идей американского мыслителя в нашу эпоху приобрели новое, весьма современное звучание.

© Издательский дом «Питер», 2002

ISBN 5-318-00152-1

Лицензия ИД № 01940 от 05.06.2000.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3000 - книги и брошюры.

Подписано к печати 18.09.2001. Формат 84хЮ8'/з2- Усл. п. л. 18,48. Тираж 5000 экз. Заказ № 472.

ЗАО «Питер Бук». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 67.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИШС «Лениздат» (типография им. Володарского)

Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Введение.....	10
Часть I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ.....	15
Глава I. Два рода философии.....	17
* Глава II. Двойственная природа ума.....	20
III Глава III. Психологический процесс.....	23
§ Глава IV. Субъективная психология.....	28
* Глава V. Объективная психология.....	33
Глава VI. Конативная способность.....	38
Глава VII. Происхождение и роль удовольствия и страдания	44
Глава VIII. Природа души.....	53
Глава IX. Философия желания	59
Глава X. Воля по Шопенгауэру.....	69
Глава XI. Опровержение пессимизма.....	73
Глава XII. Счастье.....	81
Глава XIII. Чувство, функция и действие.....	85
Глава XIV. Преобразующее влияние.....	91

Глава XV. Динамика ума.....	101
Глава XVI. Социальное действие	106
Глава XVII. Социальное трение.....	112
Глава XVIII. Социальные силы.....	126
Глава XIX. Краткое повторение изложенного.....	135
Часть II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ.....	141
Глава XX. Опущенный фактор.....	143
Глава XXI. Интуиция	148
Глава XXII. Интуитивное восприятие.....	158
Глава XXIII. Интуитивный разум	165
Глава XXIV. Принцип обмана.....	174
Глава XXV. Интуитивное суждение	181
Глава XXVI. Женская интуиция.....	186
Глава XXVII. Способность к изобретению.....	193
Глава XXVIII. Психология изобретения.....	202
Глава XXIX. Изобретательный гений.....	208
Глава XXX. Творческий гений.....	222
Глава XXXI. Умозрительный гений.....	229
Глава XXXII. Интеллект	237
Часть III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ .	253
Глава XXXIII. Экономия природы и экономия ума.....	255
Глава XXXIV. Мелиоризм.....	300
Глава XXXV. Социальное сознание.....	311
Глава XXXVI. Социальная воля.....	320
Глава XXXVII. Социальный интеллект.....	325
Глава XXXVIII. Социократия.....	333
СОЧИНЕНИЯ ЛЕСТЕРА УОРДА	

The Local Distribution of Plants and the Theory of Adaptation Popular Science Monthly, Vol. IX, New York, October, 1876, pp. 676-684.

The Relation between Insects and Plants, and the Consensus in Animal and Vegetable Life. The American Entomologist, Vol. III (New Series, Vol. I), New York, March, 1880, pp. 63-67; April, 1880, pp. 87-91.

Politico-Social Functions. Penn-Monthly, Vol. XII, Philadelphia, May, 1881, pp. 321-336.

What Mr. Ward was ready to say. — Herbert Spencer on the Americans and the Americans on Herbert Spencer. Being a Full Report of his Interview, and of the Proceedings at the Farewell Banquet of November 9, 1882. New York: D. Appleton & Co., 1883, pp. 76-79.

Dynamic Sociology or Applied Social Science as based upon Statical Sociology and the Less Complex Sciences. New York: D. Appleton & Co., 1883. 2 vols. 80.

Prof. Sumner's «Social Classes». Man, Vol. IV, New York, March 1, 1884. A review of Prof. Sumner's book in a rather sarcastic vein, published anonymously.

Broadening the Way to Success. The Forum, Vol. II, New York, December, 1886, pp. 340-350.

False Notions of Government. The Forum, Vol. III, New York, June, 1887, pp. 364-372.

What Shall the Public Schools Teach? The Forum, Vol. V, New York, July, 1888, pp. 574-583.

Our Better Halves. The Forum, Vol. VI, New York, November, 1888, pp. 266-275.

Genius and Woman's Intuition. The Forum, Vol. IV, New York, June, 1890, pp. 401-408.

Some Social and Economic Paradoxes. The American Anthropologist, Vol. II, Washington, April, 1889, pp. 119-132.

The Course of Biologic Evolution. Annual Address of the President of the Biological Society of Washington, delivered January 25, 1890. Proceedings, Vol. V, pp. 23-35. Separately paged reprint, pp. 1-33.

Neo-Darwinism and Neo-Lamarckism. Annual Address of the President of the Biological Society of Washington, delivered January 24, 1891. Proceedings, Vol. VI, Washington, 1891, pp. 11-71.

The Transmission of Culture. The Forum, Vol. XI, New York, May, 1891, pp. 312-319.

Weismann's New Essays. Public Opinion, Vol. XIII, Washington and New York, September 10, 1892, p. 559.

The Psychologic Basis of Social Economics. Address of the Vice-President of Section I, Economic Science and Statistics, of the American Association for the Advancement of Science, delivered at Rochester, N. Y., August 17, 1892. Proceedings, Vol. XLI, Salem, 1892, pp. 301-321.

Действительное место ума в системе природы составляет самую важную истину, с которой нас знакомит изучение философии... Истинный порядок развития идет от непсихического к психическому и от менее психического к более психическому, а не от высших проявлений психической способности к низшим, как обыкновенно предполагают. Последнее мнение есть важный психический парадокс, лежащий в основании философии и всегда составлявший ее главную язву. — *Dynamic Sociology*, II, p. 76.

Настоящий общий дух динамической социологии состоит в том, что она представляет каждое из этих последовательных состояний общества как неизбежный результат предыдущего и необходимую причину следующего состояния, согласно блестящей аксиоме великого Лейбница: *Настоящее чревато будущим*. — Огюст Конт. *Philosophie Positive*, IV, p. 263.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что написано — написано; О, если бы оно было лучше!

Байрон

Я собрал здесь только букет чужеземных цветов; мне принадлежит одна лишь связывающая их нить.

Монтень. *De la Physionomie*, p. 47.

В этой книге я старался представить ум с двух сторон: со стороны его причины и его пользы. На самом деле обе эти стороны составляют одно, так как причина ума заключается в его пользе.

С тех пор как десять лет тому назад я окончил свою систему остальной науки, названную мной «динамической социологией», если не мое перо, то мой ум постоянно работал по двум направлениям, на которые его натолкнуло сознание несовершенства этой системы. Я пытался, с одной стороны, поднять выше надстройку, с другой — заложить поглубже фундамент. К первой попытке меня не только влекло внутреннее чувство; меня убеждали приняться за это дело и другие, которые находили, что я обязан непосредственно приложить принципы динамической социологии к живым вопросам времени, и которые думали, что лучше будет, если это сделает тот, кто понял эти вопросы, чем если это дело будет предоставлено тем, которые никогда, может быть, не почувствуют всего их действительного значения.

Следуя в ином направлении, укрепление фундамента я предпринял исключительно под влиянием внешних побуждений, которым, однако, я уступил, отчасти потому, что они оказались сильнее моего внутреннего чувства, отчасти потому, что я сознавал, что это, собственно, мое дело, между тем как первое — скорее дело той обученной и быстро рас-

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

тущей теперь армии специалистов в социальной политэкономии, которая учится и учит, пользуясь индуктивным методом.

В настоящем сочинении я имею в виду точно определить роль ума в социальных явлениях. В предисловии к «Динамической социологии» я перечислил пять из заключающихся в ней принципов, на которые ранее не было обращено внимания. Из них три относятся к области ума. Так как, насколько мне известно, до сих пор я один настаиваю на реальности и важности этих принципов, то я и повторяю их здесь: «2. Теория социальных сил и основное противоположение

между чувством и функцией.

3. Контраст между этими настоящими социальными силами и руководящим влиянием интеллекта, обуславливающего применение косвенного метода усилия и составляющего сущность изобретения, искусства и динамического действия.

4. Превосходство искусственных, или теологических, процессов над естественными, или генетическими».

Я признал тогда, как сказано в том же предисловии, что раньше уже существовали «наброски» большей части или даже всех этих принципов; но читатель настоящего сочинения заметит, что все, что я говорю о них в предыдущем труде, само представляет только набросок той истины, которую я в полном виде старался представить здесь. Нечего и говорить, однако, что я далеко не намерен ограничиться одним только развитием тех различных понятий, на которые я или смутно намекнул или которые более или менее ясно представил в 1883 г. Я присоединил к ним некоторые другие и построил из всех находившихся у меня под руками данных то, что на деле без преувеличения можно считать отдельной системой, хотя она тесно связана с первой и находится в прямой зависимости от нее.

Отчасти для того, чтобы показать эту зависимость и дать возможность читателю проследить, если он желает, тесное соотношение и связь между обеими системами, отча-

8

ПРЕДИСЛОВИЕ

сти же для того, чтобы обозначить, до какой степени главные положения новой системы были уже намечены в старой, я поместил некоторые отрывки из «Динамической социологии» в виде вступления ко всем частям и главам этой книги, для которых я только мог найти там соответствующие места, выражающие если не основную мысль, то по крайней мере побочную или подчиненную идею, входящую в следующее затем рассуждение. Иногда я пользовался для подобных цитат некоторыми из многочисленных статей, более или менее популярного характера, написанными мною уже после выхода в свет «Динамической социологии». Содержание некоторых глав, однако, так недавно возникло в моем уме, что для него я не мог найти более ранних выражений.

Все такого рода цитаты должны служить указанием на то, каким образом развилась в моем уме изложенная здесь общая система; посредством Исторических ассоциаций они, таким образом, должны помочь читателю сопровождать меня на моем пути. Но, кроме того, в надежде не только украсить мое произведение, но и придать ему больше силы, я привел в начале глав в виде эпиграфов мысли других людей, заключающие в себе или только предполагающие принципы, выраженные в этих главах. Эти изречения поэтов, философов и мудрецов всех времен показывают, что едва ли существует теперь хоть одна мысль или истина, которая в какой-нибудь форме не была бы уже выражена раньше, и что всякая система только организует выраженные уже идеи и соединяет в одном фокусе рассеянный свет, проникающий весь интеллектуальный мир. В то же время редкость таких изречений, необходимость старательных изысканий, для того чтобы найти выражение истин, имеющих столь жизненную важность, скорее должна удивлять нас, чем самое нахождение их, и это же вполне доказывает потребность в систематических усилиях, для того чтобы собрать эти выражения, привести их в логический порядок и заставить их влиять на мысль и деятельность нашего века. Итак, я стремился сделать это сочинение произведением не

ПРЕДИСЛОВИЕ

9

единичного мозга, я хотел воплотить в нем всю мировую мудрость, имеющую отношение к данному предмету. Или же еще можно смотреть на это сочинение как на собрание чужеземных цветов, для которых я доставил только связывающую их логическую нить.

Л. Ф. У. Вашингтон, 18 июня 1893 г.

ВВЕДЕНИЕ

Во всякой области явлений законы, установление которых придает этой области вполне научный характер, зависят от действия известных господствующих в ней сил, на которых основываются или, вернее, которыми вызываются данные явления. — Л. Уорд. *Dynamic Sociology*, I, 458⁵⁹.

Хотя понятие о статике общественного организма должно, как я только что объяснил, составлять первое разумное основание в социологии, тем не менее нельзя не признать, что социальная динамика не только составляет ту часть социологии, которая, особенно в наше время, представляет самый живой интерес, но что кроме того — и это главное — с чисто научной точки зрения, она одна окончательно придает этой новой науке в ее целом резкий философский характер, ставя на первый план понятие, отличающее социологию в собственном смысле от простой биологии, а именно основную идею (*idée mere*) постоянного прогресса или, вернее, постепенного развития человечества. — Огюст Конт. *Philosophie Positive*, IV, 262.

Философы до Канта, за исключением очень немногих, объяснение процесса нашего познания начинали с обратной стороны; именно, они выходили при этом от так называемой души, — такой сущности, внутренние свойства и характерный функции которой заключались якобы в мышлении и притом непременно в абстрактном мышлении, в простых понятиях, которые будто бы имеют к ней тем больше отношения, чем дальше они лежат от всяких конкретных данных. — Шопенгауэр. *Welt als Wille und Vorstellung*, II, 312-313.

Между тем как многими второстепенными доктринами, объявленными во всеобщее сведение в «Динамической социологии», появившейся в 1883 г., завладели разного рода писатели, которые и положили их в основание дальнейших социологических и экономических рассуждений, две основные и самые важные доктрины, изложенные в этой книге и касающиеся природы социальных сил и управления ими, насколько мне известно, совершенно оставлены без внимания. Уже один этот факт, по-видимому, оправдывает новую попытку привлечь общее внимание к этим двум главным доктринам.

ВВЕДЕНИЕ 11

Если нельзя показать, что общество является областью действия естественных сил, то надо отказаться от всяких притязаний на возможность социальной науки. Если же мы будем настаивать на возможности ее, но не в состоянии будем доказать, что социальными явлениями можно управлять, как физическими, с помощью знания законов, по которым они совершаются, — в таком случае придется оставить надежду на улучшение социального положения человека, подобно улучшению, достигнутому в его физическом положении. Поэтому все, что только есть существенно динамического в социологии, в буквальном смысле сил или в более широком смысле развития, прогресса, все это непосредственно опирается на эти две доктрины и должно держаться или упасть вместе с ними.

Цель настоящего труда в том, чтобы подробно разработать эти два понятия и показать их научное основание. Они настолько различны между собой, что их можно рассматривать в отдельности, а логически их порядок тот, в котором они были упомянуты выше. Это делает возможным удобное подразделение сочинения на две части, из которых первая будет иметь дело исключительно с социальными силами, а вторая — со способом их управления. Более внимательное рассмотрение покажет нам, что такое подразделение имеет широкое оправдание в самой сущности задачи. В то же время оно покажет, что оба обсуждаемые вопроса в своих внутренних элементах не настолько различны между собой, чтобы они не могли принадлежать к одной общей отрасли науки. В самом деле, самое поверхностное исследование откроет нам тот факт, что в обоих случаях мы имеем дело с умственными явлениями; но в то же время ясно, что явления эти относятся к двум весьма различным областям ума. Другими словами — перед нами двойная психическая задача, и никто не должен удивляться, узнав, что социология в целом прежде всего основывается на психологии. Это

— ее естественное основание и по положению в иерархии наук. Даже животные обязаны своей общественной деятельностью своим психическим способностям, и это так же верно относительно пчел и муравьев, как и относительно волков и буйволов. Челове-

12 ВВЕДЕНИЕ

ское же общество, как высший продукт эволюции, имеет своим естественным условием ум как высшее свойство материи.

Доказать эту истину не так легко, и нелегко именно вследствие неопределенности общепринятого понятия об уме. В своем месте будет указано, каким образом произошло, что большинство привыкло понимать под термином ум только то, что собственно обнимается словом *интеллект*; чувства же и эмоции из него исключаются; поэтому необходимо объяснить, что ум в его истинном научном значении включает в себе все явления, стоящие выше простых жизненных явлений, т. е. имеющих отношение только к органической жизни.

Первая наша задача, следовательно, состоит в том, чтобы показать, что эта-то малоизучаемая и неправильно понимаемая сторона ума и составляет фундамент социальных сил. Мы укажем причины, по которым на эту чувствительную (аффективную) способность, или область, ума надо смотреть как на субъективную, в противоположность мыслительной способности, которую мы будем рассматривать как объективную.

Эти два вида, или две области, ума служат основанием для подразделения психологии на два большие естественные разветвления: на *субъективную психологию*, с одной стороны, и на *объективную* — с другой. Каждое можно рассматривать в отдельности, хотя и не без учета взаимной зависимости. Несмотря на то что обе они представляют собой две стороны одной медали, изучение каждой из них в отдельности все же требует особого труда.

Это подразделение психологии так просто и естественно, что надо удивляться, как оно до сих пор не было введено в употребление. Однако все были так далеки от этой мысли, что даже Кант, первый из всех философов ясно сформулировавший ее, не воспользовался ей и, кажется, считал, что объективная ветвь одна составляет всю философию. Большинство новейших авторов, трактующих об уме так же, как и все древние, подобным же образом игнорируют субъективную ветвь или признают ее только в ее высшем и производном виде, именно в воле, или в конативной способности

ВВЕДЕНИЕ 13

(conative faculty), которую они не анализируют и до источника которой в простейших явлениях не доходят. Даже Александр Бэн, известный своей логичностью, не принимает указанной мною простой классификации, что видно из заглавий двух его выдающихся сочинений — «О внешних чувствах и интеллекте» и «Об эмоциях и воле», в таком порядке и появившихся; он тут пользуется внешними чувствами, чтобы от них непосредственно перейти к уму, а потом рассматривает эмоции, как будто в них заключается все, что составляет чувствования.

Наконец, никто, кажется, не усмотрел в субъективных явлениях ума великого причинного фактора, являющегося побудительной, двигательной (motive) силой человеческой деятельности или же могущего служить основанием для научного обсуждения социальных явлений. И это одинаково верно как относительно тех, кто вполне посвящает себя социальной науке, так и относительно тех, кто ограничивает свои исследования какой-нибудь отдельной областью психологии.

Вторая наша задача состоит в том, чтобы показать, каким образом социальные силы могут быть подчинены управлению интеллекта. Тут мы, правда, возвращаемся на проторенную дорогу объективной психологии. На этом поприще все великие мыслители прошлых веков обнаруживали высочайший полет своего гения. Конечно, это ценная возможность — широко воспользоваться

трудами стольких мудрых людей. Но, приступая к рассмотрению предстоящей нам задачи, мы замечаем, что на практике она осталась нетронутой. Несмотря на то что она входит в великую область интеллекта, разума и мысли, так сильно поглощавшую энергию белой расы, мы находим, что единственный практический путь к исследованию этой задачи был упущен из виду, так что весь запас знания и вся глубина проницательности были потрачены на задачи, лишенные ценности для социологии и неприменимые в системе, преследующей благосостояние человеческого рода. В самом деле, кажется, все способности ума были открыты, проанализированы и исчерпывающим образом описаны, все, кроме той, которая послужила делу челове-

14 ВВЕДЕНИЕ

ского прогресса; и она-то осталась незамеченной. Число так называемых интеллектуальных способностей было неосновательно преувеличено, чтобы доставить материал для метафизических изысканий, но первичная и самобытная способность, та, которая составляет отличительную черту интеллекта и возвышает человека над животным, не включена в число этих многочисленных и разнообразных способностей.

Поэтому вторая задача, т. е. исследование объективной психологии в качестве руководящего начала в социологии, так же нова и так же мало разрешена до сих пор, как и первая, — и нам предстоит заняться не только новой социологией, но и новой психологией.

Итак, следующие две теоремы требуют доказательства.

1. Явления субъективной психологии, а именно чувствования, взятые в их совокупности и называемые собственно душой человека, составляют динамический элемент общества, или социальные силы.
2. Основное, самобытное или первоначальное условие объективной психологии, а именно интеллект в собственном смысле, или интуитивная способность, является руководящим элементом общества и единственным средством для управления социальными силами.

faofib /

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Представим себе, что мир населен мириадами живых и деятельных существ всевозможных родов и видов. Все они находятся в соприкосновении с другими окружающими их предметами, и все подвержены разным превратностям постоянно изменяющегося мира. Лишенные чувства, они не сознавали бы опасности, так как ничто не указывало бы им на нее, и, постоянно подверженные действию сил, разрушающих их организм, они быстро исчезли бы одно за другим под влиянием враждебных стихий, повсюду их окружающих. Полнейшее истребление всех видов при подобных условиях было бы только вопросом времени, и вся действительная жизнь исчезла бы с земного шара. Но предположим, что некоторые из этих существ слегка одарены чувствительностью к боли. Сообразно с этим они будут избегать влияний, могущих повредить их организму, потому что эти влияния, согласно гипотезе, были бы именно теми, которые причиняют боль. Поэтому одаренные таким образом виды выживали бы сравнительно дольше, в зависимости от степени своей чувствительности к боли, и, по ясно понимаемому теперь закону «естественного отбора», число существ, одаренных способностью чувствовать, увеличивалось бы, между тем как существа, лишенные чувствительности, вымерли бы, и *мир* сделался бы существенно таким, каким мы его видим теперь. — *Dynamic Sociology, U*, 114-115.

Какой бы новейший учебник психологии мы ни открыли, мы найдем в нем ум разделенным на «интеллект, чувство и волю», и мы узнаем, что это — «три различных вида ума», что «чувство» является качеством (*qualitas*) остального содержания ума и нераздельно от него. Мы не согласны с этим взглядом и надеемся оправдать наше несогласие исследованием умственных явлений в связи

с биологическим происхождением и неврологическим развитием человека. — Д-р Герберт Никольс. *Philosophical Review*, July, 1892 (Vol. I, p. 404).

ГЛАВА I

ЛБА РОЛА ФИЛОСОФИИ

Человек только самая слабая тростинка в природе, но это тростинка мыслящая. — Паскаль: *Pensees*. II, p. 84.

Все, что до позднейших времен понималось под названием философии, а теперь если не заброшено совсем, то распадается на множество специальных ветвей, может быть подведено под две главные рубрики: космологию и психологию. Как только люди начинали думать об отвлеченных вопросах, они старались открыть, или *что их окружает*, или *что такое они сами представляют*, т. е. они изучали или мир, в котором находятся, или самих себя. Изучая внешний мир, они изучали не то, что их окружает непосредственно, но весь мир, великий мир Вселенной. Изучая самих себя, они изучали не физического человека, доступного внешним чувствам, но его нематериальную часть, или ум. Изучение Вселенной, вначале вполне теологическое, а потом все более натуралистическое и научное, можно справедливо назвать космологией. Изучение же ума, который вначале рассматривался со стороны человеческой и божественной — но последняя малопомалу исключалась, пока наконец ум не был поставлен окончательно в связь с мозгом и нервной системой, — носит теперь название психологии.

Пропуская великие теологические космологии, изложенные в священных книгах Индии, Китая, Ассирии, Персии, Египта, Финикии и Палестины, упомянем о более рациональных греческих космологиях, каковы, например, космологии Фалеса, Пифагора, Анаксимандра, Демокрита, стоиков, Аристотеля, ученых Александрийской школы, также Лукреция Римского, затем о христианских космологиях св. Августина и схоластиков (включая сюда Cosmas Indicopleustes¹), а из новейших космологии упомянем более рациональные умозрения

¹ Имеется в виду «Христианская топография», сочинение VI в., написанное купцом и путешественником Козьмой Индикопловом, в конце жизни принявшим монашество. Состоит из 12 глав, в которых содержится описание мира и его строения. — *Примеч. ред.*

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Бэкона, Гоббса, Декарта и Спинозы, достигшие высшей точки развития в важных открытиях Коперника, Кеплера, Галилея, Лейбница и Ньютона.

Обращаясь затем к попыткам исследовать ум, скажем, что они начались гораздо позднее и более исключительно ограничивались великими интеллектуальными расами Европы. Движение это было начато Сократом и Платоном, но определенная форма ему была дана Аристотелем, который в своей физике и метафизике провел то же различие, какое здесь положено между космологией и психологией. В средние века метафизика была главной отраслью знания и в руках Фомы Аквината, Дунса Скота и других диалектиков была доведена до высшей степени схоластической тонкости. Самое серьезное изучение ума было начато Декартом, Спинозой, Локком, продолжено Беркли и доведено до наибольшего совершенства шотландской и немецкой школами. В первой замечательны Рейд, Юм, Стюарт, Броун, Гамильтон, во второй — Кант, Фихте и Гегель.

На все вышесказанное надо смотреть как на простой очерк этих двух великих потоков человеческой мысли, очерк, возведенный до начала научной эры и набросанный без всякого притязания на полноту.

Обе великие отрасли философии подверглись за истекшее столетие почти полной революции. Этим они обязаны, конечно, прежде всего наступлению научной эпохи: она снабдила исследователей макрокосма и микрокосма значительно увеличенным капиталом знания, которым они могли воспользоваться в философии, и, кроме того, она убедила их в необходимости почти совершенно нового метода рассуждения, именно индуктивного, или научного, метода. Но помимо этих двух причин революции была еще третья — может быть, более могущественная, чем обе первые. Это была перемена в постановке и в направлении исследования. В то время как прежде часто считалось достаточным вывести доказательство какого-нибудь предложения в надлежащей логической форме, согласно аристотелевскому правилу «*dictum de omni et nullo*»¹, точность же посылок едва проверялась, — те-

¹ «Говорить "каждый" или "ни один"» (имеется в виду модель силлогизма). — *Примеч. ред.*

ГЛАВА 1. ДВА РОДА ФИЛОСОФИИ 19

перь, напротив, стали считать, что прежде всего надо стремиться к объективной истине предложения, а не к безошибочности хода рассуждения.

Вызванная этими причинами революция в космологической философии привела, как уже было указано, к тому, что бесплодные умозрения и замысловатые теории о том, как могла произойти Вселенная и какое она может иметь устройство, были заменены той массой уже известных истин и правильных выводов из них, которые и составляют теперь научную философию.

Революция в психологической философии, также обязанная своим происхождением накоплению фактов и принятию научного метода, была двоякого рода. Нормальный ход ее, параллельный ходу, совершившемуся в космологии, привел к основанию той новой психологии, которую теперь преподают в высших учебных учреждениях под названием физиологической, или экспериментальной, психологии, или психофизики. Эта наука исследует умственные явления с точки зрения научного наблюдения и опыта. Она, несомненно, представляет истинный путь к познанию ума в его отношениях к телу, и хотя наука эта еще нова, но она уже обещает блестящие результаты.

Однако экспериментальная психология не может претендовать на то, чтобы совершенно покончить с необходимостью изучать ум с более широкой и более строго философской точки зрения; и вот такое изучение его под живительным влиянием научного духа ознаменовало новую революцию, новую перемену направления в психологии, уже дающую себя чувствовать и обещающую еще более великое будущее, чем экспериментальное изучение органов ума. Это торжественное заявление будет лучше понято, когда мы увидим, что последняя революция обещает не что иное, как установление на психологическом основании истинной социологии, науки, во всех отношениях параллельной и равной другим, менее сложным наукам в их иерархии. К этой стороне психологического прогресса я хочу привлечь особенное внимание, а последняя революция в изучении ума именно и побудила меня написать эту книгу и подала мне также надежду на великую будущность социальной науки.

ГЛАВА II

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА УМА

Основное различие, здесь только намеченное, непосредственно вытекает из различия, существующего между субъектом и объектом. Чувство можно определить как субъективную сторону ума, интеллект как объективную. — *Dynamic Sociology*, I, 381.

В видах подготовки, или напоминания, мы можем заметить, что существуют два рода человеческого познания, может быть имеющие общее, нам неизвестное происхождение: в первом нам *даются* предметы, во втором они *мыслятся* нами. — И. Кант. *Критика чистого разума*. Перев. М. Владиславлева. СПб, 1867, с. 22.

Своим происхождением наше познание обязано двум сторонам души: во-первых, ее способности воспринимать представления (восприимчивость к впечатлениям), во-вторых, способности познавать предметы посредством представлений (самодетельность понятий); посредством первой нам *дается* вообще предмет, посредством второй *он мыслится* применительно к упомянутому представлению (как простому состоянию души). — Кант. *Ibid.*, с. 81.

Мы не выводим существования объективной действительности из какого-нибудь акта разума; в самом деле, строгое применение логических процессов скорее колеблет, чем укрепляет нашу веру в существование внешнего мира. Но так как наш ум субъективно получает впечатления от разных свойств материи, то мы постепенно приучаемся истолковывать и соединять эти получающиеся в нашем сознании впечатления таким образом, что *выводим из них более или менее определенное понятие* об объекте. — В. Карпентер. *Mental Physiology*, p. 177-178.

Теперь сделалось уже пошлым замечание, что человек всегда приступал прежде всего к разрешению самых трудных из всех задач, представлявшихся его уму. Хорошим примером тому может служить обыкновение древних философов начинать с изучения самих себя как существ, отличных от окружающего мира. Они не начинали с изучения собственного тела или тела животных, устроенных по существенно такому же плану, как и их собственное. Они прежде всего исследовали ум, самый таинственный и неуловимый пред-

ГЛАВА II. ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА УМА 21

мет, какой только можно себе вообразить. Этого мало; вместо того чтобы исследовать свои чувства вкуса, обоняния, осязания, слуха и зрения, что было бы сравнительно просто, они погружались во все сложности и тонкости исследования мыслительной и познавательной способности. Платон посвятил свою жизнь выработке своего учения об *идее*, Аристотель установил законы силлогистического мышления, а позднейшие философы, вплоть до Канта, только и делали, что повторяли учения и методы древних учителей, подражали им и развивали из их теорий об уме хитросплетенные умствования. К последним еще примешивались продолжительные споры о природе человеческой и божеской воли, которая считалась «свободной» и рассматривалась как нечто совершенно *sui generis*¹. Наравне со всеми этими доктринами велись и бесконечные рассуждения о «душе», которая обыкновенно понималась как отдельное существо, одаренное бессмертием. Таким образом, интеллект, воля и душа, все понимаемые в онтологическом смысле, сделались после вселенной главными предметами изучения. Критический анализ новейших времен показал, что каждая из этих областей исследования очень обширна и запутанна, что факты и явления в них смешанны и сложны и что история, или генезис, их ведет далеко назад через лабиринт органической эволюции к первому проблеску психической способности.

Разнообразные умозрения об уме, под которым всегда подразумевался интеллект, так как никто не представлял себе, что воля и душа в действительности также относятся к уму, ограничивались главным образом отделом, называемым эпистемологией, т. е. вопросом о том, существует ли на самом деле внешний мир или он просто не что иное, как субъективный ряд умственных отправлений. Декарт думал, что он по крайней мере уверен в своем существовании на основании того, что он способен мыслить. Епископ Беркли, Юм и многие другие ученые не пошли дальше этого. Локк совершил великое дело, показав, что идеи получаются через посредство чувств, а Кант провел эту истину дальше, подтвердив двой-

¹ В своем роде, самостоятельное (*лат.*).

22 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ственную природу ума, т. е. его разделение на чувство (*Sinnlichkeit*) и интеллект (*Verstand*). Он искусно характеризовал эти стороны ума то как два ствола человеческого понимания, то как два основных источника ума; но, как мы увидим дальше, он воспользовался первой из них только для того, чтобы показать, что через нее одну интеллект получает материал для мышления, или, как он

сам выражается: «Посредством чувства мы узнаем предмет; посредством интеллекта представляем его себе мысленно».

Рейд и Стюарт, принадлежащие к шотландской школе, показали еще яснее зависимость интеллекта от внешних чувств как первоисточника всех идей, и можно сказать, что такое их взаимное отношение признается теперь всеми философами. Но дальше этой ступени, на которой мы видим интеллект состоящим из различным образом смешанных и переработанных представлений, полученных посредством чувств, едва ли был сделан еще шаг для того, чтобы дополнить объяснение их соотношения или чтобы показать их связь с душой, с одной стороны, и с волей, с другой. Когда рассматриваются эмоции, они рассматриваются независимо от всех прежде установленных психологических истин, а когда речь идет о воле, то она считается за особую способность, стоящую отдельно и ничем не связанную ни с какой другой в системе психических явлений.

Одна из главных целей, для которой были написаны эти страницы, и состоит в том, чтобы выяснить существование такой связи между всеми сторонами ума.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ум имеет две стороны: лицевую и обратную (*obverse and reverse*). Первая начинается ощущением и оканчивается чувствованием; вторая начинается перцепцией и оканчивается разумом. Одна составляет чувство, другая — интеллект. Во все времена люди стремились игнорировать первое из этих великих подразделений ума, которое по существу основное. Или же если они признавали его, то видели в нем что-то неуловимое, называемое волей, нечто такое, в определении чего ни один философ не был согласен с другим и что никому не удавалось постигнуть. Между тем значение интеллекта несправедливо преувеличивалось, и создавалось впечатление, будто ум состоит только из интеллекта и воли. — *Dynamic Sociology*, 11, 123.

Вот порядок их. Родовое название есть *представление* вообще. Ему подчиняется *сознательное представление*. Сознательное представление, поскольку оно относится к субъекту как видоизменение его состояния, есть *ощущение*; объективное сознательное представление есть *познание*. Оно бывает или *наглядным представлением*, или *понятием*. Первое относится непосредственно к предмету и имеет единичный характер, второе относится к нему посредством признака, общего многим вещам. — И. Кант. *Критика чистого разума*. Перев. М. Влади-славлева. СПб, 1867, с. 280.

Если мы примем за основание человеческого познания о всяком внешнем предмете (а следовательно, и о внешнем мире вообще), *во-первых*, субъективное ощущение, вызванное присутствием этого предмета; *во-вторых*, признание того, что причина ощущения находится вне нас; и *в-третьих*, образование понятия о том качестве предмета, которое вызвало раздражение, — то нам далее надо будет рассмотреть способ обобщения этих элементарных понятий или представлений (которые потом образуют сложную идею о предмете). — В. Карпентер. *Mental Physiology*, p. 184.

Всякое ощущение, чтобы быть сознанным, должно быть воспринято; и в этом отношении оно будет вместе и перцепцией. Всякая перцепция должна быть составлена из соединенных ощущений, т. е. в этом отношении имеет характер ощущения. Ощущение есть состояние сознания первичное и неразложимое, между тем как перцепция является состоянием его вторичным и разложимым, так как она составляет переход от одного первичного состояния к другому. Так как такие переходы несовместимы с неизменностью первичного состояния, то отсюда еле-

дует, что сознание этих переходов находится в антагонизме с сознанием состояний, в промежутках между которыми они совершаются. Так что ощущение и перцепция как бы всегда стремятся исключить одно другое, но им это не удастся. В самом деле, сознание в человеке поддерживается только в силу этой борьбы. — Герберт Спенсер. *Principles of Psychology*, I, p. 475.

Первый из этих элементов прежде всего является как возбуждение, затем он становится простым ощущением, потом сложным; потом группой частью непосредственных (*presentative*), частью опосредованных (*representative*) ощущений, составляющих зарождающуюся эмоцию; далее группой исключительно идеальных, или репрезентативных, ощущений, образующих эмоцию в собственном смысле; затем группой таких групп, что составляет сложную эмоцию; и в конце концов первоначальный элемент становится еще более сложной эмоцией, состоящей из идеальных форм прежних сложных эмоций. Другой элемент первоначально представляет непосредственный переход единичного стимула в простое движение, называемое рефлексом; но он быстро превращается в целый ряд стимулирующих толчков, возбуждающих ряд действий, что составляет инстинкт. Шаг за шагом возникают более запутанные и непостоянные сочетания стимулов, ведущие к сложным движениям, также непостоянным в своих применениях; отсюда происходят случайные колебания в сенсорно-моторных процессах. Затем соединенные группы впечатлений, не всегда появляясь одновременно, достигают степени, на которой они приводят к не совсем одновременным действиям; сюда относится и представление результатов, или мышление. — Герберт Спенсер. *Data of Ethics*, I, p. 105.

Если приложить кончик пальца к какому-нибудь материальному предмету, то получится два результата. Во-первых, явится *ощущение*, зависящее от природы предмета; во-вторых, о ней, т. е. о природе предмета, сообщится некоторое *представление* уму. Это ощущение и это представление не одно и то же, но две различные вещи, которые можно рассматривать в отдельности. Если предмет, как это большей частью и бывает, не слишком холоден и не слишком горяч в сравнении с температурой тела; если он не проникает в ткани и не повреждает прикасающуюся к нему часть тела каким-нибудь едким свойством, то получаемое от него ощущение можно назвать *безразличным*: т. е. оно не будет причинять нам ни удовольствия, ни страдания. Тем не менее если предмет способен вообще произвести ощущение, т. е. если это не газ просто, не могущий

ГЛАВА III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

25

оказывать воздействие на тело, — то ощущение это можно будет ясно различить, по своей воле продолжить и сосредоточить на нем внимание, исключая в то же время вполне или отчасти представление, которое оно доставляет уму. С другой стороны, в подобном случае можно совершенно игнорировать ощущение и более или менее исключительно образом сосредоточить внимание на представлении, получаемом о данном предмете, что обыкновенно и случается. При таком ходе процесса ясно, что представлением, сообщаемым нашему уму, мы обязаны природе предмета, так как оно будет различное при различных предметах. Другими словами, это представление и дает уму познание о природе предмета. Процесс, которым достигается это представление или познание, называется восприятием, или *перцепцией*.

Следовательно, первоначальный психологический процесс состоит в возбуждении ощущения и одновременно или почти одновременно с ним представления. Так как ощущение вполне принадлежит испытывающему его организму, или *субъекту*, то оно справедливо может быть названо *субъективным*; а так как представление исключительно относится к объекту, природу которого оно нам открывает, то с таким же основанием мы можем назвать его *объективным*. Таким образом, эта первая ступень в психологическом процессе служит основанием, или первичным элементом, обеих сторон ума, как субъективной, так и объективной. Исследование дальнейших явлений, последовательно вытекающих из повторения, умножения, соединения и координации ощущений, составляет субъективную психологию; между тем как подобное же исследование явлений, проистекающих из соответственного повторения, умножения, соединения и координации перцепций, составляет объективную психологию.

Для иллюстрации психологического процесса мы выбрали окончность пальца, потому что, как известно, эта часть тела, благодаря долгому упражнению и в силу существующих законов развития, физиологически дифференцировалась, так что отчетливее всех других частей тела может доставлять нам сведения о природе предметов, с которыми она находится в соприкосновении. Сила восприимчивости в ней специализировалась посредством приноравливания к этой

26 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

цели нервных концов, или сосочков. Такая специализация — обыкновенное явление в царстве животных и достигает еще большего совершенства, например, в кончиках усов кошки или щупальцах насекомых. Но тот же процесс можно проследить, делая опыты и над другими частями тела, не лишенными нервов (нервов лишены волосы и ногти), только мы увидели бы, что в этом случае субъективная часть процесса обнаружилась бы сравнительно с большей силой, между тем как представление о природе предмета получилось бы в соответствующей степени менее определенное.

Чувство осязания мы выбрали для иллюстрации психологического процесса потому, что оно с большим успехом, чем остальные четыре чувства, обнаруживает обе стороны процесса. Это происходит оттого, что все другие чувства слишком специализировались в том или другом направлении в виду экономических целей. Нервные сосочки языка и нёба, дающие нам ощущение вкуса, специализировались для растворения питательных веществ и для доставления нам ощущения удовольствия во время их прохождения в желудок, а также для того чтобы, причиняя нам страдания, не позволять нам вкушать вредные вещества. Эти нервы не дают нам представлений о других качествах предметов, а о нерастворимых веществах могут дать только такое понятие, какое мы получили бы о предмете, положив его на обратную сторону ладони. Таким образом, чувство вкуса имеет место, только когда даны растворимые вещества, и в этом случае на него надо смотреть, как на чувство, занимающее крайнее субъективное место на лестнице чувств.

Чувство обоняния также стоит близко к тому, что можно назвать субъективным полюсом. Обонятельный нерв специализирован для ощущения запахов, главным образом приятных или неприятных; по своему же местоположению он удален от соприкосновения с обыкновенными веществами. Если вводить в ноздри жидкости или твердые тела в размельченном виде и если они не пахучи, то они обыкновенно производят более или менее ясно чувствуемую боль, угрожая повредить тонкие ткани нерва. Инертные газы, как например воздух, не чувствуются. Вопрос о том, что составляет пахучесть,

ГЛАВА III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

27

долго возбуждал споры; недавно была предложена остроумная теория, что только летучие и химически нетвердые вещества пахучи¹, что только газы могут оказывать воздействие на обонятельный нерв, вызывая ощущение запаха.

Следуя порядку возрастающей объективности при соответственно уменьшающейся субъективности, за чувством обоняния идет чувство слуха, хотя в отношении субъективности расстояние между ними очень велико. Ясно, что ощущений, вызываемое звуком, равняется нулю, если только колебания не настолько сильны, чтобы причинить боль или явное расстройство аппарата. С другой стороны, посредством слуха мы получаем очень определенное понятие о природе предмета, издающего звук, конечно не о его форме или тканях, но о его звуковых свойствах. В силу такой своей объективной способности, чувство слуха становится одним из важнейших путей, которым знания сообщаются уму.

Наконец, у крайнего объективного полюса находим мы чувство зрения. При акте зрения, если только свет не настолько блестящ, чтобы он механически мог повредить зрительному нерву,

невозможно обнаружить никакого ощущения. Но из всех чувств оно дает самое полное представление о предмете.

Что касается материального посредника, требуемого внешними чувствами, можно сказать, что для вкуса нужен жидкий проводник, для обоняния (если подтвердится теория проф. Кларка) — газообразный, для осязания — твердый, для слуха — обыкновенно газообразный (атмосфера)² и для зрения — эфирный (всемирный эфир).

Порядок перехода от субъективного полюса к объективному тот самый, в котором чувства только что были перечислены, а именно: 1) вкус; 2) обоняние; 3) осязание; 4) слух; 5) зрение.

¹ Профессор Кларк изложил эту теорию в не напечатанной еще статье, прочитанной в Вашингтонском философском обществе в ноябре 1886 г. См. *Bulletin Phil. Soc*, Vol. VIII, p. 27.

² Твердые и жидкие тела также, конечно, проводят звук в различной степени, но непосредственно на слуховой орган оказывает воздействие воздух.

ГЛАВА IV

СУБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Явления чувства составляют истинное основание той части философии, которая всегда вообще интересна для человека. Одним словом, они — краеугольные камни всей социальной науки. Чувство имеет такое же значение в социологии, какое имеет функция в биологии. — *Dynamic Sociology*, II, 133.

Ощущение есть не что иное, как сознание перемены в состоянии молекул, находящихся в точке соприкосновения, происшедшей вследствие соприкосновения с внешним предметом. Между ощущением и силой раздражения нет прямо пропорционального отношения, первое гораздо больше зависит от степени чувствительности раздражаемой части тела. Чувствительность развивается благодаря специализации тканей для этой именно цели, что достигается действием естественного отбора и приспособления. Физиологическое значение этой высокой степени чувствительности в тканях состоит в том, что в некоторых местах, где это выгодно для организма, нервные волокна устроены таким образом, что даже легкое раздражение их окончечностей сообщает сравнительно сильный толчок внутренним центрам; и чем больше несоответствие между силой раздражения и силой толчка, тем чувствительней считается данная часть тела. — *Dynamic Sociology*, I, p. 381-383.

Особенность чувства поэтому состоит в том, что оно включает в себе исключительно субъективный элемент; оно не имеет никакого объекта кроме своего «я», в нем нет объективации этого «я». — В. Гамильтон. *Metaphysics*, Lecture 42, II, p. 432.

Внешние предметы, производя впечатление на органы чувств, вызывают сначала в нервах, на которые они воздействуют, а затем и в головном мозгу колебания маленьких, можно сказать неизмеримо малых, мозговых частиц. — Дэйвид Гартли. *Observations on Man*, Prop. IV.

Эти колебания состоят в движении маленьких частиц взад и вперед, они подобны колебанию маятника и дрожанию частиц звучащего тела. Надо представлять себе, что эти колебания чрезвычайно малы и коротки, так что никоим образом не могут произвести беспорядка или движения во всей массе нервов или мозга. — Дэйвид Гартли. *Ibid.* (Discussion of Prop. IV.)

Первой целью сознания является вполне субъективное различие страдания и удовольствия; но в высшем сознании эта субъективность

так быстро теряется вследствие соответствующей дифференциации, что и следы ее как будто исчезают. Чистая субъективность должна быть признана самым мимолетным, но в то же время и самым несомненным свойством развитого ума. Она составляет неизбежный прецедент всякого ощущения и представления. Мы всегда испытываем удовольствие или страдание, прежде чем сознаем то, что в нас вызвало эти ощущения. — Г. Стэнли. *Philosophical Review*, July, 1892 (Vol. I, p. 439).

Субъективная психология в собственном смысле имеет дело исключительно с ощущениями и с их различными комбинациями. Она не исследует интеллектуальные процессы. Простейшие из ощущений — это те, которые были упомянуты в начале предыдущей главы, именно — безразличные, т. е. не доставляющие ни удовольствия, ни страдания. Они многочисленнее, чем можно предположить с первого взгляда, а важность их мы увидим из следующей главы. Этих простейших ощущений субъективная психология касается мало. Ее главный предмет состоит в объяснении характера и значения двух других классов ощущений, т. е. ощущений удовольствия и страдания, которые, в противоположность безразличным ощущениям, можно соединить в группу под названием *интенсивных*. Дальше мы представим причины, по которым интенсивные ощущения надо считать первичными, а безразличные — вторичными.

Из внешних чувств только вкус, обоняние и осязание непосредственно доставляют интенсивные ощущения. Предметы, приведенные в соприкосновение с нервами одного из этих чувств, могут непосредственно произвести впечатление страдания или удовольствия. В случае же когда звуки слишком сильны, так, что могут причинить страдания уху, или если свет так блестящ, что вредно влияет на глаз, — то тут затронуто уже не чувство зрения или слуха, но чувство осязания. Осязание есть преимущественно болевое чувство¹, так

¹ Все вышеизложенное было уже написано, когда в январе 1892 г. я впервые узнал о том, что Гольдшейдер «положительно демонстрировал изолированные специфические болевые нервы», читая интересные статьи доктора Герберта Никольса в «*Philosophical Review*» за июль и сентябрь. См. это обозрение, Vol. I, pp. 400-407.

30 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

как мало таких предметов, которые могут производить приятное впечатление при непосредственном соприкосновении; однако же такие случаи существуют, например если трогать пушистый мех или при некоторых условиях ощущать теплую воду. Вкус и обоняние, напротив, чувства, более специально служащие для доставления приятных ощущений, хотя и существует много горьких, кислых и противных на вкус предметов, а также много неприятных запахов.

Страдания и удовольствия, доставляемые звуками и цветами, не непосредственны и самобытны, но посредственны и производны. Правда, что никакое ощущение не возможно, если оно не будет сообщено головному мозгу по соответствующим ему нервам, но это значит только, что для существования ощущения необходимо, чтобы организм осознал его. Боль, причиняемую ожогом руки, мы определенно локализуем в пострадавшей части тела. Получая приятное ощущение от вкусной пищи или душистых цветов, мы чувствуем его в самых органах вкуса и обоняния. Между тем мы не ощущаем в ухе приятного действия мелодии; мы чувствуем его, как обыкновенно говорится, умом. Еще и того менее можно локализовать в глазу ощущение наслаждения, получаемого нами от ландшафта. Это — рассеянное состояние психического организма, и оно неправильно называется иногда *интеллектуальным*. Оба эти разряда чувствований можно собственно назвать *эмоциональными*.

Теперь мы пришли к самой важной отрасли субъективной психологии, именно к эмоциям. Эмоции можно назвать вторичными ощущениями, потому что они не вызываются непосредственно

предметом через прикосновение соответствующего проводника к нерву, но рефлектируются мозгом по специальным нервным волокнам к особым специализированным эмоциональным узлам, находящимся внутри организма. Они составляют на самом деле отдельное чувство, часто упоминаемое шестое чувство, если кому-либо угодно так его называть. Однако это не будет так называемое нравственное чувство, о котором говорят некоторые этические писатели и в силу которого мы будто бы можем различать добро и зло (что нельзя назвать чувством в физиологическом значении слова), нет, эмоции составляют настоящее физио-

ГЛАВА IV. СУБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 31

логическое чувство, заключающееся, как и остальные пять чувств, в нервах, специализированных, чтобы доставлять особый род ощущений. Если бы мы хотели перечислить чувства в восходящем порядке их объективности, то эмоциональное чувство стояло бы на первом месте, а не на последнем, потому что оно настолько же исключительно субъективно, насколько зрение исключительно объективно. От эмоций мы не получаем представления. Было уже указано, что чувства вкуса и обоняния по преимуществу субъективны, что их главная функция заключается в возбуждении приятных (или неприятных) ощущений. Но чувства эти не только получают множество различных ощущений, в зависимости от различной природы предметов, они при этом действительно знакомят ум со многими различными качествами предмета. Мы хотим сказать, что эти чувства дают нам представления только о вкусовых и обонятельных свойствах предмета, могущих оказать на них воздействие, но ни о каких других свойствах. Эмоциональное же чувство не обогащает ум никаким познанием предмета, вызвавшего эмоцию. Оно дает нам только ощущение, хотя характер этих ощущений может быть очень различный и число их может увеличиваться до бесконечности.

Таким образом, нервная система развитого организма может, по-видимому, доставлять два больших разряда ощущений, которые грубо можно обозначить как *внешние* и *внутренние*. Я говорю — грубо, потому что это различие между ними не является безусловным. Нервы вкуса, обоняния, слуха и зрения принадлежат к внутренним, однако же проводник, оказывающий на них воздействие, проникает к ним извне и действует на них буквально так же, как действует удар кнутом на ту часть тела, которую он поражает. Напротив, для возбуждения эмоций не существует проводника, кроме самих нервных токов. Специализированные эмоциональные нервные узлы (ganglia) находятся во многих, хотя и не во всех, частях тела. Большое число их соединено со спинно-головой мозговой (cerebro-spinal) системой, но главные эмоциональные центры помещаются в симпатической системе. Нам нет нужды входить в подробное объяснение запутанных

32 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

отношений, существующих между обеими этими системами, отношений, которые и теперь еще не вполне поняты и возбуждают много споров. Главные факты давно уже установлены, а их для нашей цели и достаточно. Симпатическая система по существу внутренняя; отправления ее преимущественно или вполне бессознательны: мы не можем произвольно управлять ими, хотя на них и действует сильно умственное состояние, каким бы то ни было образом вызванное. Симпатическая система управляет произвольными отправлениями внутренних органов, каковы кровообращение, пищеварение, усвоение пищевых веществ и выделение железами, и, кроме того, она является местом возникновения главных эмоций. Здесь надо провести различие между ощущением и эмоцией. В обыденном значении эмоция есть ощущение, но не в том смысле, в каком это слово прилагается к внешним впечатлениям. Выше уже было замечено, что осязание есть прежде всего болевое чувство. Насколько известно, все нервы осязания принадлежат к спинно-головной мозговой системе и все органы, могущие подвергнуться повреждению извне, снабжены нервными волокнами также из этой системы, при этом они могут иметь волокна и симпатической системы, но могут и не иметь их. Такие органы, которые снабжены нервными волокнами одной симпатической системы, каковы печень, почки, яичники и т. п., лежат так глубоко внутри, что не нуждаются в защите чувствительного аппарата.

Хотя эмоциональные центры не специализированы так, чтобы испытывать ощущение страдания вследствие соприкосновения с посторонними веществами, и в этом смысле не относятся к чувству осязания, но они тем не менее могут доставлять нам сильнейшее чувство страдания или удовольствия. Если мы даже оставим нерешенным вопрос о том, ограничиваются ли эмоции исключительно симпатической системой или же возбуждению их может способствовать и система головного и спинного мозга, то во всяком случае несомненен факт существования рассеянного, но сильного эмоционального чувства, отличного от всех других чувств и способного вызывать в нас самые глубокие и самые важные душевные движения.

ГЛАВА V

ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Перцепция есть такое состояние сознания, которое получается вследствие раздражения ткани и вызывается характером объекта; она есть результат различия в ощущениях, вызванного различием в предметах; или еще яснее: результат различных ощущений, вызванных различными предметами. Низшая форма перцепции заключается во впечатлении, произведенном предметом на вносящий нерв и на нервный узел, к которому он непосредственно ведет... Это просто признание чувствительной нервной материей, которая была раздражена, что она испытала это раздражение; а качество раздражения указывает на свойство предмета. Вот в чем заключается основание идеи *знания*. Как бы нервная система ни была проста, но поскольку она таким образом признает свойства предмета, она в такой же мере *знает* его. Слово «*познавание*» в этом случае будет вернее, чем «*признавание*», потому что оно не предполагает предварительного знакомства с теми же свойствами. — *Dynamic Sociology*, I, 382-383.

Разум имеет женский характер: он может давать только после того, как получил сам. — Шопенгауэр. *Мир как воля и представление*, I, 59.

Белое вещество головного мозга служит непосредственным орудием, с помощью которого идеи представляются (are presented) уму, или, другими словами: какое бы изменение ни произошло в этом веществе, соответствующее изменение произойдет и в наших идеях, и наоборот. — Дэйвид Гартли. *Observations on Man*, Prop. II.

Объективная психология в собственном, ограниченном смысле имеет дело исключительно с представлениями и с их переработкой в мозгу. Соприкосновение какого-нибудь предмета или проводника с нервом одного из внешних чувств называется *впечатлением*. Оказанное на нерв действие передается в мозг и становится *ощущением*. По причинам, которые дальше будут указаны, нам кажется, что это ощущение испытывается нами непосредственно в той точке, которая была раздражена. Если ощущение не настолько сильно, чтобы вполне поглотить сознание, то появляется затем представление, дающее нам сведение о природе пред-

2 Зак. № 472

34 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

мета, причинившего ощущение. При ощущении боли такого сведения мы не получим. При раздражении нерва, служащего для доставления приятных ощущений, познание наше ограничивается теми немногими качествами предмета, который способен влиять на чувства, дающие приятные ощущения. Качества эти следующие: сладость, горечь, кислота, душистость и т. п. Сюда надо присоединить и познание о мелодии, гармонии и диссонансе, а также о цветах, хотя эти познания и не сопровождаются соответствующими ощущениями. Такие представления принадлежат к низшему классу. Общее правило таково, что чем менее отчетливо ощущение, тем яснее представление. Таким образом, чувства слуха и зрения являются главным образом поставщиками представлений.

Подобно ощущению и представлению, хотя происходит в мозгу, но кажется нам локализованным у воспринимающих оконечностей чувствительных нервов. Представления запечатлеваются в мозгу посредством физиологического процесса, который не вполне еще понят, но о котором уже многое известно. Запечатлевшееся представление прочно, т. е. оно остается, смотря по условиям, в продолжение более или менее долгого периода времени. К числу таких условий принадлежат важность представления, качество мозга, возраст субъекта и т. д.

Строение механизма головного мозга таково, что большое число запечатленных представлений возбуждает в нем процесс комбинирования, сравнения и распределения по группам. Каждый индивидуум от рождения до смерти беспрестанно получает через посредство соответствующих внутренних чувств множество впечатлений, которые надлежащим образом запечатлеваются в мозгу и составляют запас сырого материала для мышления. Процесс переработки этого материала отличается от всех других психических отправлений характером вполне *интеллектуальным*. Мозговой аппарат, посредством которого он совершается, — есть орган интеллекта.

ГЛАВА V. ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

35

Первый шаг в чисто интеллектуальном процессе состоит в соединении в одну группу разных представлений, доставленных предметом, и в образовании из них *понятия* о нем, концепции¹. Это понятие употребляется затем как психологическая единица для сравнения с другими понятиями. Если сравниваются два таких понятия, ум объявляет, подобны они между собой или нет, и объявление это в логике называется *суждением*, а выражающая его формула — *предложением*. Если такое суждение не ошибочно, то оно составляет *истину*, которую Джордж Генри Льюис остроумно определил как «признание тождества». Образовавшиеся таким образом в уме в большом числе суждения относительно всех многочисленных явлений опыта становятся, в свою очередь, отдельными психологическими единицами высшего порядка и сами делаются предметами сравнения и группировки.

Еще более сложный процесс состоит в образовании групп из сходных понятий, в выборе затем только тех свойств, которые общи всем понятиям одной такой группы и в составлении из них «*идеи*» в платоновском смысле; затем в классифицировании несходных идей. Но ум на этом не останавливается, он идет дальше и из прежних групп, в свою очередь,

¹ Слово «concept» было бы более подходящим выражением, чем «conception», в собственном смысле оно так и употребляется; но оно имеет также более широкое значение в смысле данной аксиомы или основной идеи. В психологии слово *концепция* (conception) должно бы означать только умственный акт понимания. Употребление его в этом смысле заимствовано могло быть из физического акта зачатия (conception), о котором предполагали, пока физиология мало была известна, что это духовный процесс. Вейсман (*Essays*, Vol. II, London, 1892, pp. 106-107) замечает по поводу этого мнения: «Некоторые писатели смотрят на явление наследственности, переданной через оплодотворение, как на чисто нематериальное явление: так, Гарвей в своей замечательной и до мелочей продуманной теории наследственности представляет зачатие как духовный процесс, причем складки слизистой оболочки, выстилающей матку, соответствуют извилинам мозга и под влиянием семени дают начало зародышу, подобно тому как мозг под влиянием внешних впечатлений дает начало мыслям. Происхождение слова "conception", в переносном значении прилагаемого к умственным процессам и явно заимствованного из акта зачатия женщины, представлено здесь в обратном виде, и слово это употреблено для объяснения того самого процесса, из названия которого оно заимствовано».

образует группы, все расширяя круг; более обширные группы имеют все меньше и меньше общих свойств, более тесные имеют их все больше и больше. Этот процесс называется *обобщением* и может продолжаться до тех пор, пока все существующие вещи не будут приведены к одному окончательному обобщению. До основания биологических наук философы, начиная с Платона, трудились над изысканием примеров этого процесса. Теперь их известно много, и они хорошо знакомы даже школьникам. Изучение классификации растений и животных помимо знания природы, которое оно дает, является более ценным уроком логики, чем все правила и формулы этой науки, запечатленные в памяти. Можно в продолжение нескольких лет безуспешно стараться постигнуть платоновскую «идею», но мы овладеем ей с той минуты, как только составим себе ясное понятие о значении рода или порядка в естественной истории.

Разум есть главным образом та способность, посредством которой ум доходит до заключений. Он пользуется для этой цели всеми имеющимися у него материалами, но больше всего понятиями, суждениями и другими высшими психологическими единицами. Два главных метода для вывода заключений — дедукция и индукция, оба слишком хорошо известны, чтобы требовать описания. Тот и другой метод имеет существенное значение в классификации; первый важен для проверки гипотез или предполагаемых соотношений между идеями, второй часто приводит к неожиданному открытию новой истины.

К описанию всех этих интеллектуальных отправлений составители руководства присоединяют еще рассуждения о памяти и воображении. Но память составляет общее условие, необходимое для всего процесса, и заключается в том, что не только представления, но и понятия, суждения и идеи на более или менее продолжительное время запечатлеваются в уме и могут быть вызваны, когда обстоятельства того потребуют. На этом факте основывается и явление ассоциации идей. Воображение не может превзойти опыт. Материалы для него должны быть накоплены заранее. Оно может только составлять из них новые и странные сочетания, образы-

ГЛАВА V. ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ 37

вать из них преувеличения или соединять их неестественным образом. То же самое верно относительно творческой способности в искусстве, которая считается обыкновенно особым видом воображения. Тут сущность процесса заключается в *выборе лучшего* из всего имеющегося материала. В действительном мире все несовершенно, но вне его существуют идеалы, между ними-то и выбирает истинный художник материалы для своего творчества и осуществляет затем, насколько это в его силах, свою идею о совершенном сочетании.

Объективная психология, как уже было замечено, ограничивается изучением одной только области ума, которую прежние философы считали единственно заслуживающей изучения, и очерченный выше процесс составлял большую часть разработанной ими области. Но существует еще другая область, до сих пор вполне не исследованная, хотя этот отдел ума в историческом отношении является первичным интеллектуальным процессом и на деле оказывается важнейшим из всех. Чтобы отличить его от всех других форм рассуждений, я предлагаю назвать этот процесс *интуицией*, а способность к такого рода умственной деятельности можно назвать *интуитивной способностью*. Вероятное объяснение того пренебрежения, с каким писатели, рассматривавшие ум, относились к этой способности, заключается в ее тождестве с тем, что мы называем *проницательностью*, или *хитростью*, т. е. с качеством, на которое смотрят как на низменный элемент, будет ли оно обнаружено у людей или у животных. Я уже показал раньше, а полнее установлю в главе XXIV, что в основании этой способности лежит принцип обмана, что придает ей особую важность в этической и социальной науке, между тем как это свойство, считаемое грехом, в значительной мере искупается своими заслугами в области физической природы, где оно составляло единственное условие возникновения и успеха материальной цивилизации. Но надлежащее рассмотрение этой важной отрасли объективной психологии не может быть предпринято впредь до знакомства с характером конативных (волевых) сил, так тесно с нею связанных; поэтому лучше отложить исследование этого предмета до второй части сочинения, где оно послужит главным основанием всего рассуждения.

ГЛАВА VI

КОНАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Более простые истины физики, химии и им подобных наук, как оказывается, на каждом шагу исследования представляют затруднения, парадоксы и приводят в недоумение. Поэтому неудивительно, что более неуловимые явления ума представляют загадки и парадоксы еще более замечательные и таким образом сбивают с толку как обыденный ум, так и ум философа. Нет сомнения, что и призрак воли — один из таких парадоксов. Уже случалось, что и глубже лелеянные верования по разным отделам наука относил в область парадоксальных мифов, и я не вижу никакого основания, чтобы с таким упорством настаивать на воле, после того как было показано, что это только блуждающий огонек (*will-o'-the wisp*). — *Dynamic Sociology*, I, 398.

Affectus coerceri nee tolli potest riisi per affectum contrarium et fortiolem affectu coercendo. (Аффект может быть ограничен или уничтожен только противоположным ему и более сильным аффектом.) — Спиноза.

Ethica, Pars VI, Propositio VII.

•

Хотя конативная способность (воля), собственно, принадлежит к субъективной психологии, но неудобно было бы рассуждать о ней прежде, чем были указаны главные принципы объективной психологии, вследствие важной роли, которую идеомоторный аппарат играет в совершении произвольных движений. Об этом я и буду сейчас говорить.

Мы видели, что впечатления недостаточно сильные, чтобы вызвать какие-либо ощущения, кроме безразличных, передаются в мозг в виде представлений и составляют сырой материал для мышления. Это значит, что они рефлектируют -ся в корковый слой и в другие специализированные волокна и узлы, посвященные процессу образования идей (*ideation*), описанному в последней главе. Если же впечатления настолько сильны, что могут вызвать ощущения, которые мы назвали интенсивными, то они, будучи переданы в мозг посредством *вносящих* нервов, рефлектируются обратно по другому ряду нервов в мускулы, связанные с органом, на который было произведено впечатление. У этих нервов, назы-

ГЛАВА VI. КОНАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ 39

ваемых *выносящими*, совершенно другая функция, именно они заставляют соответствующие мускулы сокращаться и приводят орган в движение; отсюда и их название двигательных нервов. В нервной системе чувствительный аппарат повсюду сопровождается двигательным. Великая отличительная черта животного организма заключается в его способности двигаться: или двигаться всем телом (за исключением некоторых низших форм, прикрепленных к какой-нибудь поддержке), или же по крайней мере двигать его частями. Все это движение совершается посредством одних только двигательных нервов, сообщающихся с соответствующими мускулами.

Следует заметить, что двигательный аппарат возбуждается к действию только интенсивными ощущениями, т. е. такими, которые доставляют удовольствие или страдание, хотя бы и в самой слабой степени; факт этот имеет первостепенную важность при рассмотрении конативных сигналов. Причина его понятна. Движения, вызванные такими ощущениями, не бывают неправильны или бесцельны: у них всегда определенный характер и определенная цель. Они могут совершаться в одном из двух направлений: или *удаляясь* от предмета, причиняющего страдание, или *приближаясь* к предмету, приносящему удовольствие. Из всех известных движений животных самое простое то, которое называется *рефлексом*. Оно состоит в том, что вносящий нерв передает впечатление прямо в мозг, или главный ганглиозный центр, а двигательный импульс немедленно рефлектируется обратно к органу, получившему впечатление,

и следствием является движение органа. Это явление так просто, что его можно вызвать и в ноге мертвой лягушки, если только все нервы целы.

Исходя из этого простого начала, двигательные явления могут быть прослежены во множестве разнообразных и сложных видоизменений, пока наконец не сделается невозможным анализировать их и разбирать их составные части. Чувствительно-двигательный (сенсорно-моторный) аппарат проникает весь организм и простирается ко всем органам,

40 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

исключая глубоко скрытые в организме. Некоторые из внутренних органов, как уже было раньше сказано, лишены чувствительно-двигательных нервов и снабжены только симпатическими; и одним из самых убедительных доказательств в пользу цели этого устройства служит тот факт, что яичники принадлежат к числу таких внутренних органов, между тем как соответствующие им мужские семенные железы (testes) снабжены чувствительно-двигательными нервами спинно-головной системы.

При симпатической системе также есть двигательные прибавления, что обнаруживается из ее управления перистальтическими мускульными движениями кишок, клапанами артерий, сжиманием и расширением сердца и кровеносных сосудов, действием выделительных желез и т. д.; но все это совершается бессознательно, или, говоря точнее, все это управляется большими подначальными ганглиозными центрами и не сообщается головному мозгу, главному органу сознания. Если этот случай и кажется исключением из общего правила, по которому движения могут вызываться только интенсивными ощущениями, то это происходит вследствие предположения, что ганглиозные центры не способны испытывать ощущений, предположения, никоим образом не оправдываемого физиологией. На нервную систему надо смотреть как на сложную, т. е. составленную из множества индивидуумов, из которых каждый одарен своим особым сознанием, а все вместе составляют общую систему, в которой головной мозг является высшим центром сознания. Это высшее сознание и есть наше «я», о котором говорят философы, и только то, что сообщается ему, может быть воспринято организмом в его целом, или нашим «я» (ego). Физиологическая экономия требует, чтобы большая часть внутренних жизненных процессов совершалась без траты общего сознания. Ощущения, вызывающие такие постоянные процессы, чрезвычайно слабы, и только когда происходит расстройство организма, настолько значительное, что его не в состоянии исправить низшие центры, ощущения эти сообщаются высшим центрам и доходят наконец до сознания в тесном смысле. Надо твердо держаться того положения, что не может

ГЛАВА VI. КОНАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ 41

быть движения без ощущения, а на бессознательные ощущения, если такое выражение позволительно, надо смотреть как на ощущения индивидуальных существ, отличных от нашего «я», которое поэтому и не сознает их, как не сознает ощущений посторонних ему организмов.

Надо однако заметить, что существует постоянное, хотя и слабое, течение, соединяющее низшие центры с высшим, благодаря чему деятельность всех жизненных функций постоянно принимается к сведению; в этом только и может заключаться *наслаждение* здоровьем. Оно есть не что иное, как удовольствие, вызываемое нормальной деятельностью всех органов, о которой низшие центры беспрестанно докладывают высшему. С другой стороны, при дурном состоянии здоровья таким же образом докладывается сознанию страдание, причиняемое неисправным выполнением функций, производящим разные степени патологических состояний, кончая полным истощением и смертью. До сих пор мы рассматривали только те действия, которые являются результатом чувствительно-двигательного (сенсорно-моторного) аппарата. Но в организмах с высоким развитием существует еще другой аппарат, более сложный по своей природе, называемый *идеомоторным*. Его находят во всех организмах, обладающих настоящим головным мозгом, в котором запечатлены какие-нибудь из впечатлений, описанных в предыдущей главе, т. е. представления, понятия, суждения, идеи, обобщения, мысли. Процесс образования идей (ideation) совершается в корковых слоях,

сообщающихся посредством продольных и поперечных нервов как между собой, так и со *сводом* (*fornix*), *мозолистым телом* (*corpus callosum*) и *чувствилищем* (*sensori-um*) в *зрительных буграх* (*thalami optici*) и *полосатых телах* (*corpora striata*). Эти органы снабжены выносящими нервами, которые соединяют их с мускульной системой и проводят Двигательный толчок, возбуждающий деятельность мускулов; последняя и заключает в себе настоящую цель образования идей. Проистекающие отсюда действия и понимаются обыкновенно под названием *разумных* действий. Все остальные представляют просто животные импульсы, к которым разум не имеет никакого отношения. К разумным действиям

42 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

настолько же, как и к чувствительно-двигательным действиям, или движениям, подходит общее определение, что движение является следствием интенсивных ощущений и что оно стремится прочь от предмета, причиняющего страдание, и по направлению к предмету, приносящему удовольствие. Первый род действий отличается только своим интеллектуальным происхождением, а вследствие этого и высшим характером. Такие действия, конечно, менее живы и менее сильны, но зато они более настойчивы и постоянны. Они проистекают из того, что называется *убеждением*, и достигают успешных результатов, если суждения и выводы содержат объективную истину. Но если последние заключают в себе ошибку, то действия должны оказаться несостоятельными. История и опыт доказали, что процесс образования идей так сложен, что заблуждение составляет в нем почти или совершенно столь же обыденное явление, как и истина; поэтому самые важные идеомоторные действия часто являются менее надежными, чем простые животные импульсы. Это происходит главным образом вследствие недостаточности приобретенных умом данных и служит главным аргументом в пользу усвоения возможно большего количества важнейших знаний, что одно только может сделать идеи верными, а идеомоторные действия достигающими цели.

Читатель заметит, что, говоря о конативной способности, я не употреблял слова «*воля*». Это я делал потому, что это слово, как и многие другие в нашем языке, имеет только обыденное значение, а не техническое или научное. Психология есть физика ума: ее явления так же неизменны, ее законы так же точны, как и в физике неорганического мира, иначе она не была бы наукой и нечего было бы и пытаться рассуждать о ней. По физическому закону ума двигательные импульсы следуют за чувственными впечатлениями, как следствие за причиной. В умственной физике, как и в механической, следствие соответствует причине и действует в направлении, данном причиной. Как в макрокосме, так и в микрокосме всегда действует множество причин, которые в природе вещей беспрестанно влияют одна на другую всевозможными способами и иногда вместе содействуют усилению последствий,

ГЛАВА VI. КОНАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ 43

чаще же прямо или косвенно сталкиваются между собой и различным образом видоизменяют последствия. В уме, как и в материи, действительное следствие является всегда точным выводом из всех этих причин; если они равны и противоположны друг другу, получится равновесие; если же они не прямо противоположны или если они различны по количеству и по направлению, произойдет род стесненного движения. Действительно, наблюдаемое движение только указывает на вызвавшие его причины и уведомляет наблюдателя о преобладающих импульсах.

То, что обыкновенно называется волей, просто выражение психологического факта, что в действительности восторжествовал тот или другой импульс, потому что он был сильнее всех остальных. Если мы будем искать другое разумное основание для понятия о воле, то не найдем его. Неосновательно было бы предполагать, как некоторые это делают, что волю составляют разумные мотивы и что их можно привести к преобладанию над физическими импульсами, так как не только они часто оказываются несостоятельными даже в лучших умах, но и в противном случае, как сказано выше, результат легко мог бы быть менее счастливым, чем при теперешних условиях. На заявление, что воля есть причина, заставляющая хорошие мотивы преобладать над дурными, можно ответить, что преобладание это неизбежно по самой природе умственного

механизма, так как движение только и возможно в смысле стремления к благу или удалению от зла, то и другое, конечно, с точки зрения самого организма, т. е. эгоистической. Если же мы станем утверждать, что понимаем благо только в альтруистическом смысле, то тут альтруистический мотив непременно будет и преобладающим эгоистическим, иначе у нас было бы следствие без причины, а в таком случае психология не могла бы быть наукой.

ГЛАВА VII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ УДОВОЛЬСТВИЯ И СТРАДАНИЯ

Нормальные отправления организма должны поддерживаться; жизнь должна сохраняться, виды должны увековечиваться. Поэтому естественный отбор сделал приятными акты, обеспечивающие достижение этих целей, и тягостными те, которые могут ему помешать. Виды, в которых ощущения эти не настолько сильны, чтобы обеспечивать выполнение актов, необходимых для поддержания и продления жизни и для защиты от внешних опасностей, должны быстро вымирать, так что до сих пор выжили только те, в которых ощущения были достаточно развиты для названных целей. — *Dynamic Sociology*, I, 388-389.

Цель, которую природа стремилась достигнуть, вводя удовольствие и страдание, надо видеть в сохранении, продлении жизни и в развитии чувствительных организмов. Удовольствие и страдание — просто средства для достижения этих целей, которые однако все с виду кажутся совершенно чуждыми им... Не видно необходимой связи между данным приятным или тягостным ощущением и результатом, к которому оно приводит, сохраняя испытывающий его организм, увековечивая и совершенствуя его. Результат этот достигается как бы заранее установленной гармонией, конечно не сверхъестественной, но, напротив, состоящей в чисто механическом приспособлении известных средств к известной цели, которая связана с ними крайней причинной необходимостью; однако связь эта такова, что существо, исполняющее положенное ему, в то же время не имеет никакого понятия, даже не подозревает существования цели. — *Dynamic Sociology*, II, 120-121.

Страдание соответствует действию, вредному для организма, а удовольствие — действию, способствующему благополучию организма... Неизбежным выводом из гипотезы эволюции является то, что ни при каких других условиях не могли бы возникнуть породы чувствительных существ. — Герберт Спенсер. *Principles of Psychology*, I, p. 279.

Выжить могли только те роды, у которых в общей сложности приятные и желательные чувствования совпадали с действиями, способствующими поддержанию жизни, между тем как неприятные и обыкновенно избегаемые чувствования совпадали с действиями, прямо или косвенно пагубными для жизни; многочисленнее и продолжительнее

ГЛАВА VII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ УДОВОЛЬСТВИЯ

45

случаи выживания должны были быть в тех родах, у которых при одинаковых остальных условиях это приращение чувств к действиям было самым удачным и постоянно стремилось приблизиться к совершенству. — Герберт Спенсер. *Ibid*, I, p. 280.

Я должен, однако, указать здесь на счастливое замечание г. Де Бленви-ля относительно места возникновения впечатления; кроме непосредственного раздражения главного органа, служащего для удовлетворения рассматриваемой потребности, происходит еще всегда симпатическое раздражение у оконечности канала, которым вводится деятель, предназначенный для этого удовлетворения, будем ли мы говорить о восприятии твердых, жидких или газообразных веществ; то же самое, только в обратном смысле, бывает при разных потребностях выделения, которые всегда симпатически ощущаются у оконечности выделительного канала. — Огюст Конт. *Philosophie Positive*, III, 517.

Как и все другие жизненные функции, ум должен был первоначально возникнуть в простой и элементарной форме, какая потребовалась в тот или другой критический момент для сохранения организма. Достаточно очевидно, что он не мог заключаться тогда в объективном сознании или в познавательном акте, в роде чистого ощущения, так как для жизни они не имеют непосредственного значения. Ум возник не как ведение предмета и не как способность к различению, так как простое понимание было бы не более полезно для существа, чем способность к отражению полезна для зеркала. Организм требует возможности совершить немедленное движение по направлению к месту безопасности. — Г. Стэнли. *Philosophical Review*, Juli, 1893 (Vol. 1, p. 433).

Если мы будем рассматривать волю там, где ее никто не отрицает, именно в познающих существах, мы везде найдем основным ее стремлением самосохранение каждого существа: *omnis natura vult esse conservatrix sui*. А все проявления этого основного стремления можно свести к исканию или преследованию, к избеганию или бегству, смотря по тому, каким поводом они были вызваны. — Шопенгауэр. *Welt als*

Wille, II, 338.

В действительном мире все имеет значение. Дело науки определить это значение. Без науки же или прежде, чем она явится, все полно тайн. Девиз науки: *nil admirari*¹. К числу

Ничему не удивляться (*лат*).

46 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

тайн, разрешению которых философы с незапамятных времен посвящали огромный труд и все свое искусство, принадлежит происхождение страдания, или, выражаясь более изысканно, но с меньшей точностью, — происхождение зла; новая наука, биология, нашла для него объяснение, совсем непохожее на все прежние, гораздо более простое, вполне разумное и согласное со всеми фактами и вместе с тем объясняющее также и происхождение чувства удовольствия. Впрочем, последнее чувство, хотя и более сложное и удивительное, чем страдание, никому не казалось таинственным; напротив, все видели в нем что-то такое, что должно существовать в природе вещей. На самом же деле ни страдание, ни удовольствие не существуют сами по себе или в природе вещей. Нет необходимости ни в том ни в другом; мир легко можно представить себе лишенным обоих. Необходимыми их можно считать только в том смысле, что все существующее необходимо. Во всяком другом смысле они являются делом случая.

Чтобы пояснить примером смысл моих слов о том, что страдание и удовольствие по существу своему не необходимы, можно сослаться на профессора Августа Вейсмана, недавно возвестившего, даже почти доказавшего, что смерть не безусловно необходима. Он показал, что различным породам животных несвойственна раз и навсегда определенная продолжительность жизни, как это обыкновенно предполагают, но что она постепенно выработалась под влиянием различных факторов, главным образом быстроты, с какой данный вид животных может размножаться, а также опасностей, которым он подвергается в своем естественном образе жизни. Содействием этих двух причин определяются размеры воспроизведения, а к ним уже принаравливается продолжительность жизни таким образом, чтобы она обеспечивала известное число пар отпрысков, необходимых для продолжения рода. Не будь этих влияний, человеческая жизнь, например, могла бы быть вдвое или вдесятеро продолжительнее теперешнего; или же, наоборот, могла бы сократиться до двадцати или до еще меньшего количества лет. На самом деле нет

ГЛАВА VII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ УДОВОЛЬСТВИЯ...

47

безусловных границ, и кошка могла бы жить сто лет. Мало того, принимая за основание эту истину, Вейсман с удивительным искусством разрабатывает свое учение о непрерывном существовании зародышевой плазмы (*the continuity of the germ-plasm*); он действительно

утверждает, что самое ничтожное из живых существ, представляющее только зародыш жизни, поистине «бессмертно» и что в самом последнем продукте органической природы находятся элементы, не перестававшие жить с тех пор, как жизнь появилась в мире!

В этом именно смысле страдание и удовольствие не являются необходимостью, но обуславливаются известными явлениями, принадлежащими к бесконечной цепи причин и следствий, которая составляет весь существующий мир. Выражая эту истину в виде общего положения, можно сказать, что *удовольствие и страдание являются условиями существования пластических (plastic) организмов*. Для существования непластических (not plastic) организмов, какова большая часть растений, нужны другие условия, а именно: крепкий стебель или ствол, глубоко сидящие в земле, и хорошо защищенные корни, многочисленные придаточные органы и т. п. Но пластические организмы, какова большая часть животных, требуют особых условий существования, и, между прочим, они снабжены чувствительной организацией, т. е. они *способны чувствовать*.

Происхождение жизни и происхождение ума представляют две различные задачи (если не принимать во внимание тонкостей, не входящих в наш труд), и в истории мира первое, вероятно, предшествовало второму на огромный промежуток времени. Возникновение ума относится ко времени первого появления чувствительности, свойства, принадлежащего пластическим самодвижущимся существам и обуславливающего их развитие, как сказано выше. Как бы слабо ни казалось оно нам в низших видах, надо предполагать, что все они способны чувствовать. А ввиду той цели, для которой чувство создано, надо думать, что оно состояло из удовольствия и страдания. Безразличное чувство, ко-

48

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

торое мы изобразили как лежащее в основании объективной психологии, не могло быть пригодно для обеспечения жизни возникающих пластических организмов. Представим ли мы себе, что они обладали зарождающейся нервной системой или только простыми каналами, проходящими в массе протоплазмы, с виду неустроенной, как бы то ни было, ощущения, побуждавшие их искать пищи и избегать опасности, должны были принадлежать к числу интенсивных. В более сложных животных и во всех развитых существах, населяющих землю, чувствительность обнаруживается очень заметно, а высшие животные, в которых одних только мы ее обыкновенно и наблюдаем, не представляют в этом отношении существенной разницы с тем, что мы испытываем в нас самих.

Мы видели, что спинно-головная мозговая система высших животных и человека снабжает все внешние органы чувствительно-двигательными (сенсорно-моторными) нервами, и мы знаем, что органы, лишенные таких нервов, не способны чувствовать. Это служит достаточным доказательством того, что назначение этих нервов заключается в предупреждении нервной системы об опасности, грозящей данным органам. Из обильной индукции можно сделать логичный вывод, что назначение и роль страдания состоит в охране организма от повреждений. С биологической точки зрения оно не может иметь другой цели, и если бы не было нужды в таком охранении организмов, то для всего животного мира было бы лучше, чтобы страдание не существовало. Нет также никакого сомнения, что, не будь этой нужды в охранении, такое качество, как чувствительность к боли, не могло бы развиваться. Удалите это качество, и все чувствующие существа быстро исчезнут. Окружающие враждебные влияния обступили бы их и безжалостно уничтожили бы. Само в себе и само по себе страдание есть зло, единственное зло. Однако же если смотреть на него с сухой научной точки зрения, оно является добром — если добро вообще существует, — потому что оно одно гарантирует жизнь. Итак, вот каким образом произошло зло; этим навсегда разрешаются долгие споры,

а также дается окончательный ответ пессимизму, аскетизму, ориентализму и всем «измам», оплакивающим мировые страдания.

Рассматривая явление страдания с другой стороны, мы увидим другой ряд фактов, параллельный первому. Пластические организмы существуют в силу того, что физиологи называют *метаболизмом*. Вещество их постоянно должно возобновляться посредством *усвоения* материалов, из которых они состоят. Помимо роста вещество это постоянно тратится в различных жизненных процессах. Такая трата тканей, или нормальная потеря органической субстанции, должна беспрестанно пополняться извне, что никогда не достигалось бы, если бы организм не побуждался к тому соответствующим стимулом. Потраченные ткани восстанавливаются питанием. Оно может быть обеспечено только тогда, когда организм получает побуждения к совершению актов, которыми оно достигается. Побуждение же нельзя себе представить иначе как в виде приятного ощущения. Для этой цели каждый организм снабжен нервным аппаратом, приспособленным к тому, чтобы делать акт питания приятным. В низших организмах он доставляет приятное ощущение во время соприкосновения питательных веществ с поглощающими тканями. В высших организмах аппарат этот превращается в чувство вкуса, с которым непосредственно связано обоняние. Но и этого недостаточно; на помощь является еще страдание, или «муки» голода, которые можно прекратить только возобновлением питания. Затем надо упомянуть и о невыносимом действии жажды, заставляющем всякое существо искать источник для утоления ее. Жажда относится к питанию, когда мы берем это слово в широком смысле доставления органическому телу всех элементов, входящих в его состав; большая же часть всякого организма состоит из воды. Впрочем, ощущения голода и жажды можно отнести к приятным ввиду сильного чувства удовлетворения, сопровождающего акты питания.

Наконец, для предохранения видов от вымирания по недостатку возобновления в большинстве высших организмов,

SO ЧАСТЬ 1. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

в которых эта цель иначе не могла быть достигнута, развилось чувство удовольствия при воспроизведении¹. Так как многие живые существа лишены этого чувства, то легко можно себе представить и всех живых лишенными его, что служит прекрасным примером случайного характера чувствительности вообще и объясняет, что мы подразумеваем, считая страдание и удовольствие не необходимыми сами по себе, но только обуславливающими существование организмов, подобных пластическим.

Таким образом, мы видим, что удовольствие и страдание возникли не сами по себе, но вследствие природы пластических организмов, которые без них не могли бы существовать, и что вся их роль заключается в сохранении жизни. Способствуют же они сохранению жизни, или давая возможность организму избегать опасностей, которыми ему грозит враждебный окружающий мир, или побуждая организм к питанию и размножению. Из этой основной истины вытекает то заключение, что так называемое мировое зло является чистой случайностью, вызванной сложными условиями жизни. До какой степени оно необходимо и до какой степени его можно избежать — это вопросы, относящиеся ко второй части настоящего сочинения.

При таком взгляде на предмет можно также исправить некоторые господствующие заблуждения. Обыкновенно предполагают, что удовольствие противоположно страданию. На самом деле этого нет, как видно из вышесказанного: они независимы одно от другого. Противоположно удовольствию может быть только отсутствие удовольствия, а страданию противоположно только отсутствие страдания. И то и другое чувство — только физиологические состояния, вызванные условиями, в которых находятся соответствующие

¹ По мнению Вейсмана, природа, развивая половой инстинкт, стремится не к возобновлению, или *воспроизведению*, но к *видоизменению* вследствие соединения различных наследственных склонностей. Впрочем, это сводится к тому же, так как без такого видоизменения органическая

жизнь была бы очень низкая и несложная, даже если бы она поддерживалась чисто бесполом воспроизведением.

ГЛАВА VII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОЛЬ УДОВОЛЬСТВИЯ

51

нервы. Эти нервы обыкновенно специализированы¹ так, что могут доставлять только одно из этих ощущений, и те части, которые доставляют неприятные ощущения, не могут доставлять приятных, примером чему служат чувства осязания, вкуса и обоняния. Осязание, как уже было замечено, есть преимущественно болевое чувство, и все нервные пучки спинного и головного мозга, ведущие к внешним частям тела, чувствительны только к боли. Хотя вкусы и запахи могут быть приятны и неприятны, но только в этом смысле они могут быть названы противоположными. То же самое верно должно быть и относительно эмоционального чувства, но эти внутренние явления так сложны и запутанны, что бесполезно принимать их в соображение.

Подобная же ошибка заключается и в мнении, будто удовольствие есть элемент положительный, а страдание — отрицательный. Оба они положительны и весьма несходны. Ничто не может быть положительнее страдания, хотя, как мы увидим далее, его отсутствие или исключение легче себе представить, чем отсутствие удовольствия. Кроме того, страдание не является в такой же степени нормальным условием, и философии, основанные на предположении, что страдание необходимо или что оно в сущности преобладает, являются скорей продуктом неблагоприятного состояния общества, чем продуктом ясного понимания действительной истины. По крайней мере ясно, что — употребляя принятые телеологические выражения — природе нет дела до степени удовольствия или страдания; она заботится только о сохранении и продолжении рода существ, которые она произвела.

Хотя страдание, как сказано выше, в известном смысле может быть названо благом, однако же изложенный здесь научный взгляд совершенно противоположен той философии, которая старается сделать его целью жизни. Оно было создано с целью предупреждения чувствительных существ об опасности, грозящей их жизни, и если организм не заме-

¹ Смотри примечание на с. 29. Широкое применение здесь этого принципа оправдывается, я думаю, дальнейшим изысканием.

52

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

часть этого предостережения, то страдание не выполняет своего назначения, и лучше бы в таком случае, чтобы его совсем не было. Из этого видно, что принцип, которому учили Бэн и Спенсер, а гораздо раньше их Спиноза¹, а именно — что удовольствие ведет к жизни, а страдание к смерти, что приятное составляет благо, а неприятное — зло и что обязанность жизни в том, чтобы искать первого и избегать последнего, — этот принцип опирается на основную истину органического развития и в то же время выражает простейшие предписания здравого смысла; противоположное же учение представляет один из тех выводов разума, которые часто вводят мир в заблуждение, потому что не исходят из прочного основания приобретенных знаний. Как я уже заметил в V главе, ничто не может быть менее надежно, чем логичные заключения невежественного или заблуждающегося ума. Но даже и те, которые ищут страдания и «умерщвляют плоть», все же признают более возвышенные требования здравого смысла; это видно из того, что их философия является порождением религии, которая учит о будущем состоянии бесконечной скорби или, напротив, безграничного блаженства; и «от верование в то, что теперешнее отражение обеспечивает будущее наслаждение в увеличенной степени, и служит основой учения этих философов; когда мы это вспомним, нам станет ясно, что в конце концов они ищут все же максимума наслаждения и что нет существенной разницы между их общей теорией и той, которую равно признает и наука, и здравый смысл.

' Laetitia directe mala non est, sed bona; Tristitia antem contra directe est mala. (Удовольствие, рассматриваемое прямо, не дурно, а хорошо; неудовольствие же, наоборот, прямо дурно.) — Спиноза. *Ethica*, Pars IV, Propositio XLI.

ГЛАВА VII1

ПРИРОДА ЛУШИ

Биология низвергла антропоцентрическую теорию, подобно тому как астрономия низвергла геоцентрическую; доказано, что каждое существо живет само по себе и для себя и до некоторой степени разделяет высокие атрибуты, принадлежащие человеку, атрибуты ума и души. — *Course of Biologic Evolution*, p. 26.

Дойдя до этих крайних психологических выводов из нашего монистического учения о развитии, мы встречаемся с древним представлением об одухотворенности материи, которое не раз уже находило себе различное выражение в философии Демокрита, Спинозы, Бруно, Лейбница, Шопенгауэра. Ибо вся душевная жизнь сводится в конце концов к двум элементарным функциям: ощущению и движению и к их взаимодействию в рефлексе. Простое ощущение удовольствия и неудовольствия, простейшая форма движения, проявляющаяся в притягивании и отталкивании, — вот истинные элементы, из которых посредством бесконечно разнообразного и запутанного сочетания создается вся душевная деятельность. «Любовь и ненависть атомов», притяжение и отталкивание молекул, движения и ощущения клеточек и составленных из клеточек организмов, образование идей и сознание в человеке — все это только различные ступени всеобщего психологического процесса развития. — Э. Геккель. *Die heutige Entwicklungslehre im Verhältnisse zur Gesamtwissenschaft*, p. 14.

Ночь смотрит тысячами глаз,

А день глядит одним;

Но солнца нет — и по земле

Тьма стелется, как дым.

Ум смотрит тысячами глаз,

Любовь глядит одним;

Но нет любви — и гаснет жизнь,

И дни плывут, как дым.¹

Ф. В. Бурдильон. *Light*.

Ввиду того что слово «душа», как и слово «воля», есть разговорный, а не технический термин и что все входящие в

¹ Пер. Я. Полонского.

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

это понятие элементы известны под специальными названиями и занимают соответствующие места в системе психологии, — многие писатели в своих попытках рассматривать ум с научной

точки зрения предпочитают опускать этот термин, находя, что он скорее ведет к недоразумениям, чем способствует ясности. Я думаю, однако, что удержание его можно оправдать тем, что он не может быть заменен никаким другим употребительным словом и что, оставляя его, мы избегаем необходимости вводить новый термин. Правда, оно выражает сложное понятие, различные элементы которого могут быть разъединены и поименованы в отдельности, но нам нужен именно общий термин, обозначающий все эти элементы в соединении и избавляющий нас от подробностей, помимо того что он сообщает нам как бы кристаллизованную идею, которую мы легко усваиваем. Английское слово «*souh*» имеет, правда, некоторое неопределенное и ненаучное значение, от которого его трудно освободить; соответствующее же немецкое слово «*seele*» свободнее от этого значения и употребляется учеными именно в том смысле, в каком мы здесь будем употреблять слово «душа».

Едва ли нужно говорить, что этот смысл имеет мало общего с тем, который придается слову «душа» духовными, а также светскими христианскими писателями средних веков и нового времени. Там оно употребляется, по-видимому, в том же смысле, как и в Новом Завете (угэдп^в греческом и *anima* в латинском переводе Библии), и никто не жалуется на такое его употребление. Значение его там не разнится существенно от того, которое ему придавалось в древности греками, а также Сципионом младшим, Цицероном и другими, которые размышляли о бессмертии, если не проповедовали его. Учение о бессмертии, как показал Тэйлор, не было другим нациям так чуждо, как евреям; отличительной чертой христианства является то, что оно привило к иудейству этот до тех пор незнакомый ему чужеземный догмат.

Но ни один из этих христианских и языческих писателей не попытался анализировать душу или рассмотреть ее с философской точки зрения как часть ума. Понятие о душе было

ГЛАВА VIII. ПРИРОДА ДУШИ 55

чисто онтологическое; существование ее большинством принималось на веру, и люди проявляли заботу только о будущей ее судьбе, ожидающей ее, когда телесная часть человека распадется на первоначальные элементы. В одном отношении, однако, это понятие согласно с научным: в обеих душа одарена способностью страдать и наслаждаться. На каком бы языке и с какой бы точки зрения ни упоминалась душа, она всегда отождествлялась с ощущением удовольствия и страдания и олицетворяла собой глубочайшее выражение симпатии и чувства.

Поэтому если мы определим душу как *совокупность чувствований*, то мы только выразим этим общее мнение всего рода человеческого всех времен и стран. Однако это определение неудовлетворительно в том отношении, что оно не выражает полного понятия, представляющегося уму; к нему надо еще присоединить представление о действии конативных сил, изложенное в VI главе. Таким образом, полное определение души будет таково: *совокупность чувствований существ, составляющих организм, и влияний, берущих начало из этих чувствований*.

Никакой предмет не может быть основательно понят без продолжительного исследования и глубокого размышления. До нынешнего же века душа, несмотря на массу времени и труда, потраченных на рассуждение о ней, никогда не была предметом критического изучения. Много проницательного анализа и остроумных умозрений было посвящено мыслительной и познавательной способности, и надо признать, что знание объективной стороны ума действительно далеко подвинулось. Но философы, способствовавшие этому успеху, старались не обращать внимания на душу, без сомнения вследствие смутного опасения, что душа может оказаться доступной анализу, а тогда погибнет ее онтологическое единство и опасность будет грозить предполагаемым основам религии и надежде на будущую жизнь. С другой стороны, богословы и религиозные писатели не обладали такой силой анализа и, заимствуя все свое познание о душе из Священного писания, не чувствовали никакого расположения или побуждения подвергать его умозрительному исследованию.

Хотя они и добивались непосредственно состояния бесконечного блаженства для души, но они вознегодовали бы при намеке, что это равняется исканию максимума наслаждения; и, хотя они надеялись в конце концов достигнуть состояния самого восторженного чувства, они горячо отрицали бы, что чувство в каком-нибудь смысле может быть целью, достойною преследования. Все люди непрерывно старались унизить чувства и, измеряя их постоянно посредством сравнения с самыми низменными из них, достигли того, что наложили клеймо на большую часть слов, употребляемых для обозначения чувств, о чем свидетельствуют слова «чувственный» и «чувственность». Даже немецкий язык при всем его богатстве терминами, служащими для обозначения различных атрибутов ума, не мог снабдить такого знатока его, как Кант, подходящим словом для выражения субъективных психических явлений, таким именно, которое не было бы заклеено другим значением; он принужден был поэтому употреблять в совершенно новом, техническом значении слово *Sinnlichkeit*, под которым в разговорном его значении подразумевается нечто даже еще более грубое и специализированное, чем под английским словом *sensuality*. Подвергнутые таким образом запрещению живые чувства, собственно и составляющие душу, разумеется, и не разбирались всепроникающей критикой, которая одна только и могла бы дать истинное понятие об их природе; итак, этот вопрос остался *terra incognita*¹ в философском и научном отношении². Он вполне был предоставлен другим влияниям — литературе, религии и управлению, — которые действовали слепо и ничего не прибавили к его значению и полезности.

Но с введением научного метода и его всеиспытующего духа такое плодородное поле не могло более оставаться не-

¹ Неизвестная земля {лат.}).

² Печальная несостоятельность общепринятых выводов особенно заметна в области чувства. Рассуждение о нем в большинстве руководств очень скудно и неудовлетворительно... При самом поверхностном обозрении видно, как мало достигнуто в чистой психологии чувства. Это почти еще не исследованная область, которая по причине обманчивости и туманности явлений многим казалась совсем недоступной исследованию. — Г. Стэнли. In «*Science*», Oct., 1892. Vol. X, pp. 203-204.

ГЛАВА VI11. ПРИРОДА ДУШИ 57

возделанным. По мере того как тело становилось предметом исследования и начали изучаться мозг и нервная система, функции этих органов стали все более и более привлекать внимание физиологов; тогда возникла новая психология, которая, вполне естественно, имела мало общего с прежней. Затем исследователи чистого ума, как бы под бессознательным влиянием второстепенных течений мысли, начали ощущать новый импульс и постепенно стали изменять основу своих умозрений. Эта перемена состояла главным образом в том, что они преодолели свое прежнее отвращение к изучению субъективной стороны ума и, поняв сделанный Кантом намек, подвергли чувство и конативную способность беспристрастному исследованию. В главе X я специально останавлиюсь на одной из таких философских систем и постараюсь указать на результаты, которые это движение, теперь едва только начавшееся, обещает в будущем. Эта революция идет от интеллекта к чувству и стремится положить в основание философии душу, вместо прежнего ее основания — разума.

Возникновение души было зарей психической способности. Оно отмечает эру в космической истории земли. Неясно и незаметно проявлялось оно в первобытные века в силурийском моллюске, в девонской рыбе и в мезозойском пресмыкающемся, едва вызывая некоторое изменение в нормальном ходе биологической эволюции. В продолжение этих долгих периодов времени органические творения, исполненные красоты или пользы, появлялись только тогда, когда природа случайно производила их на своем бесцельном пути. Но с появлением насекомых с высшей организацией в позднейший меловой и ранний третичный период психический фактор начал оказывать воздействие на мир растений, и, как я несколько раз уже указывал, непосредственным продуктом возраставшей эстетической способности явились цветы в от-

¹ На связь между насекомыми и растениями и на взаимодействие растительной и животной жизни. *The American Entomologist*, Vol. III, New York, March, 1880, pp. 63-67; April, 1880, pp. 87-91. Смотри особенно р. 87. *The Course of Biologic Evolution*, годовая речь президента Вашингтонского биологического общества, прочитанная 25 января 1890 г., Протоколы общества, Vol. V, Washington, 1890, pp. 23-55. См. особенно pp. 46-48 (pp. 24-26 в особо пронумерованном новом издании).

58

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

вет на запрос, сделанный истинной душевной силой природы. Позднее то же самое влияние, проявляясь в жизни птиц и млекопитающих, заставило появиться богатые, пышные и питательные лесные плоды, а также дающие хлеб растения на полях и лугах. Я останавливался уже¹ и на удивительной революции, вызванной развивающейся душой в сношениях между полами вышеупомянутых организмов и представляющей подходящую тему для будущей поэзии науки. В человеческом обществе, как я в скором времени постараюсь показать, душа является преобразующим агентом, который сквозь дикое состояние и варварство пробился до цивилизации и просвещения; в эволюции человека это — сила, скрывающаяся за престолом разума.

В конце вышеупомянутой речи.

ГЛАВА IX

ФИЛОСОФИЯ ЖЕЛАНИЯ

Состояние, побуждающее человека стремиться к какому-нибудь предмету, есть, собственно говоря, страдание, хотя и с ограниченной степенью интенсивности. Стремление добиваться какого-нибудь предмета называется желанием, поэтому желание в физиологическом отношении является тягостным состоянием. Его можно назвать *отрицательным страданием*, так как это неприятное состояние, испытываемое вследствие неимения возможности совершить нормальную функцию, чем оно и отличается от *положительного страдания*, т. е. неприятного состояния, испытываемого вследствие потери такой возможности, прежде имевшейся. — *Dynamic Sociology*, II, 149.

Cupiditas est ipsa hominis essentia, quatenus ex data quacunque ejus affectione determinata concipitur ad aliquid agendum. (Желание есть самая сущность человека, поскольку она представляется определенной к какому-либо действию каким-либо данным ее состоянием.) — Спиноза. *Ethica*, Pars. III. Affectuum Definitiones, I.

Id unusquisque ex legibus suae naturae necessario appetit vel aversatur, quod bonum vel malum esse judicat. (Всякий по законам своей природы необходимо чувствует влечение к тому или отвращается от того, что считает добром или злом.) — Спиноза. *Ethica*, Pars IV, Propositio XIX.

Сильное желание и принуждение — вот источник всех наших поступков: желание вызывает самопроизвольные поступки; принуждение — непроизвольные. — Паскаль. *Pensees*, I, p. 220.

Желания — это идеальные чувства, возникающие, когда действительные чувства не испытывались в продолжение некоторого времени. — Герберт Спенсер. *Principles of Psychology*, I, p. 126.

Есть страдания, происходящие вследствие состояния бездействия, мы их называем страданиями, потому что употребляем это слово как противоположное по значению слову «удовольствие»; но они более известны как томления или страстные желания, потому что у них есть свойство, делающее их сходными между собой и несходными с тем, что обыкновенно называется страданием. — *Ibid.*, p. 273.

Когда случается, что за двумя весьма сходными группами внешних свойств или соотношений на деле следуют различные двигательные изменения и когда, следовательно, присутствие одной из этих групп

60 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

отчасти возбуждает два ряда двигательных перемен, мешающих друг другу по своему взаимному антагонизму, — то одно из этих сочетаний возникающих перемен и возникающих впечатлений, обыкновенно сопутствующих им, составляет «*память*» о таких двигательных изменениях как о совершившихся раньше, и о впечатлениях как о полученных раньше; в то же время в нем заключается «*предвидение*» действия, которое соответствует этому новому случаю, и далее «*желание*» совершить это действие. — *Ibid.*, p. 481.

Всякое *желание* возникает из нужды, следовательно, из недостатка, следовательно, из страдания. Последнему полагает конец исполнение. — А. Шопенгауэр. *Мир как воля и представление*. Перев. А. Фета, I, с. 231.

Желание по природе своей — страдание: достижение скоро порождает пресыщение; цель была только кажущейся: обладание отнимает прелесть; под новым видом снова появляется желание, потребность; если же нет, то является бессодержательность, пустота, скука, борьба с которой настолько же мучительна, как и с нуждой. *Ibid.*, с. 372.

Каждое удовлетворение есть только устраненное страдание, а не принесенное положительное счастье. — *Ibid.*, с. 447.

Sed dum abest quod avemus, id exsuperare videtur Cetera; post aliut, cum contigit illud, avemus Et sitis aequa tenet vitae semper hiantis. (Пока мы не достигли того, чего сильно желаем, оно кажется нам важнее всего прочего; когда же мы достигаем его, то начинаем опять сильно желать чего-нибудь другого. Так жизнь всегда нас держит в неутолимой жажде.)

Лукреций. *De Rerum Natura*, III, 1082-1084.

Nibil enim acque gratum est adeptis, quam concupiscentibus. (Ничто не сравнится приятностью в достижении с тем, чего мы сильно желаем.) — Плиний Младший. *Epist.* XV.

Уже тысячу раз было замечено, и я должен заметить еще раз, что часы, которые мы проводим среди счастливых надежд, гораздо приятнее тех, в которые мы наслаждаемся достижением цели. — У. Голдсмит. *Vicar of Wakefield*, 1,337.

В VI главе я уже показал, что интенсивные ощущения обыкновенно возбуждают немедленные движения по на-

ГЛАВА IX. ФИЛОСОФИЯ ЖЕЛАНИЯ 61

правлению к предмету, вызывающему удовольствие, и прочь от предмета, причиняющего страдание. При простых или непосредственных ощущениях осязания, вкуса и запаха это обыкновенно возможно, так как предмет находится налицо и в соприкосновении с нервом. Так, рука отдергивается от горячего железа; рот плотно закрывается, когда в него поступят вкусные кусочки или глотки приятного напитка. Но при ощущениях, получаемых на расстоянии и до некоторой степени посредственных, движению в целом или отчасти может быть оказано препятствие. Если, например, мы видим пищу или питье на большем или меньшем расстоянии от нас и немедленно станем двигаться по направлению к ним, то потребуются некоторое время на то, чтобы достигнуть их, а если встретятся препятствия, то движение может быть прекращено. Так, если зрение и слух извещают нас об опасности, но заключение или оковы препятствуют бегству, движения не последует. Тем не менее такое, полученное косвенным путем ощущение существует

и соответствующее состояние сознания продолжается более или менее долгий промежуток времени. Такое состояние есть *желание* приблизиться или удалиться.

Такие репрезентативные ощущения всегда характера производного. Первое органическое существо, обладай оно и высоким типом строения, не могло испытывать желаний. Желание предполагает психический аппарат, созданный психическим процессом. Для него существенно необходимо запечатление ощущений и непрерывность сознательных состояний. Одним словом, желание предполагает *память*. Репрезентативное ощущение не что иное, как ощущение, сохранившееся в памяти, а желания суть не что иное, как сохранившиеся в памяти страдания и удовольствия чувствующих частей.

Простые, непосредственные ощущения, хотя они довольно обыкновенны, мало обращают на себя внимание и сравнительно не важны. Более же сложные, репрезентативные ощущения постоянно возникают вновь и на высших стадиях жизни становятся преобладающим состоянием сознания,

62

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

поглощающим все внимание организма и играющим главную роль в его жизни. Примеры, данные выше, принадлежат к самым простым, главные же случаи относятся к внутренним эмоциям; в человеке они получают наибольшую важность и затемняют все остальное. Все существо является театром действий многочисленных желаний, добивающихся удовлетворения посредством соответствующих действий, но стесняемых на каждом шагу и встречающих бесчисленные препятствия. Отсюда проистекает постоянное *усилие* добиться предмета желаний. Только когда эта истина будет вполне понята, может быть постигнуто все значение конативной способности, которая представляет принцип усилия, или напряжения (*conari* — делать усилия), постоянно проявляющийся активно и ведущий ко всевозможным действиям. Этот принцип дополняет понятие о *душе*, которое иначе имело бы мало значения.

Я употребляю слово *желание* в самом общем смысле, настолько широком, что под ним можно понимать всякую склонность действовать согласно с интенсивными репрезентативными ощущениями всякого рода. Эти «пружины действий» многообразны и могут быть классифицированы различным образом. Основным понятием в классификации их является чувственное влечение (*appetence*), к которому относятся все *appetites*. Самые повелительные из всех желаний те, которые ведут к поддержанию жизни, т. е. *голод* и *жажда*. Присоединяя к ним другие неизбежные потребности тела, каковы одежда и убежище в холодном климате, получим ряд желаний, которые можно сгруппировать под общим названием *нужд*. Далее по степени важности, если только она не стоит выше или наравне, идет потребность продолжения рода, или половое стремление. Если смотреть на него с человеческой, социальной точки зрения, то оно с данными ему цивилизацией второстепенными атрибутами, утонченное, одухотворенное и возвышенное нравственно благодаря разуму и культуре становится исполненным величия чувством, которое можно обозначить общим термином «*любовь*». Ко всем этим желаниям надо присоединить еще

ГЛАВА IX. ФИЛОСОФИЯ ЖЕЛАНИЯ 63

социальные, эстетические, нравственные и интеллектуальные влечения, жажду прекрасного, хорошего и истинного.

Но эта общая классификация неудовлетворительна в том отношении, что не дает достаточного понятия о конативных, т. е. душевных, силах природы. Каждая эмоция относится к конативной способности и помогает расти волне поднимающейся страсти, которая двигает корабль чувствующей жизни (*sentient life*). Вся одушевленная природа горит и кипит от напряженных желаний. С одной стороны, мы видим приманку, прелесть, обольщение и очарование; надежду, стремление, томление, решимость, усердие, честолюбие; с другой стороны — боязнь, страх,

опасение; избегание, отвращение, ужас; омерзение, ненависть, зависть, соперничество, ревность, гнев; бешенство, ярость и отчаяние. В другом направлении видим: печаль, огорчение, грусть, раскаяние и угрызение, служащие выражением всего недостигнутого, дурно направленного и безвозвратно потерянного. Даже пресыщение, скука и тоска становятся невыносимыми неизбежностями в отпадении нормальных физических функций.

Все эти аффективные явления ума так широко разнообразны, так сложны и темны, что неудивительно, если мы обыкновенно теряем из виду соединяющую их общую связь и забываем ту истину, что все эти явления представляют только один великий факт *усилия* (conation), т. е. всеобщей борьбы ради удовлетворения желания. И так различны между собой кажутся нам эти желания, что только при самом внимательном рассмотрении вопроса можно составить общее понятие об их истинном характере. Только одна истина по крайней мере была ясно понята и должным образом признана, именно, что желание в сущности есть вид страдания. Представление о некоторых желаниях, правда, связывается с представлением об удовольствии, и многие потому и смешивают желание с удовольствием, но, изучая их внимательнее, найдем, что ошибка происходит главным образом оттого, что трудно представить себе желание отдельно от того предмета, к которому оно относится. Часто почти невозможно сосредоточить все внимание на чисто конативном состоянии и совершенно игнорировать на некоторое время

64 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

цель, которую оно имеет в виду. Этой трудности мы не встречаем при таких желаниях, как, например, голод, всеми признанное тягостное состояние которого получило специальное название *мук*. То же можно сказать о жажде; что касается любви, то даже в первобытной форме приятная цель ее тесно связана с самим инстинктом. Однако чтобы уяснить себе тягостный характер любви, достаточно вообразить ее никогда не достигающей цели. Иначе обстоит дело при более сложных состояниях страсти в утонченных натурах: такая любовь представляется наслаждением и великим благом. Однако и тут на первом плане стоит любовь, пользующаяся взаимностью, и предполагается присутствие любимого существа. Удалите же это представление и подумайте об одной только любви, не обращая внимания на предмет, на который она направлена; представьте себе затем, что такое состояние продолжается неопределенно долгое время, как, например, когда любимый человек умирает, или находится в постоянном отсутствии, или соединен браком с другим лицом, или, наконец, не может отвечать взаимностью. Никто, я думаю, не станет отрицать, что при таких обстоятельствах лучше бы совсем не любить. Следовательно, любовь есть страдание. Даже всякая другая форма любви, в которой пол не играет роли, какова любовь родительская, сыновняя, братская или просто называемая этим именем пылкая дружба, всякая из них будет тягостна при постоянном отсутствии любимого существа. В случае же смерти последнего любовь становится горем, часто неутешным; но даже временная разлука причиняет душевное беспокойство, тоску, грусть, которые никак нельзя назвать приятными эмоциями. Таким образом, мы могли бы перечислить все желания и показать, что в каждом отдельном случае желание в тесном смысле, взятое само по себе, является страданием.

Но последнее и решительное доказательство этой истины заключается в том очевидном факте, что всякое усилие, к которому приводит желание, совершается с целью его *удовлетворения*. Удовлетворить же желание значит просто утишить его, т. е. прекратить. Другими словами, неприятный характер желаний доказывается тем, что мы всегда стараем-

ГЛАВА IX. ФИЛОСОФИЯ ЖЕЛАНИЯ 65

ся прекратить их. Мы правильно поймем огромные усилия, совершаемые человеком в течение его жизни, когда признаем, что они имеют в виду только избавление его от роя желаний, преследующих и терзающих всякое живое существо от рождения до смерти. Писатели, указавшие на значение этого факта, недостаточно, однако, настаивали на нем; чем лучше он будет понят, тем яснее будет представление о субъективной природе ума. Никто не должен бояться взглянуть в лицо истине. Те, которые пугаются сделанных из нее выводов, не должны пугаться самой истины. Я постараюсь показать, что некоторые из этих выводов неправильны. Я надеюсь также выяснить,

что некоторые заключения, которые не были выведены из этой истины, неизбежно должны следовать и следуют из нее, что они имеют величайшую важность и обещают огромные результаты для будущего благополучия человека.

До сих пор известно по крайней мере то, что желание есть всепроникающий, весь мир оживляющий принцип, всемирный *nisus*¹ и пульс природы, главная пружина всех наших поступков и жизненная сила мира. Это — органическая сила. Ее многочисленные формы, подобно физическим силам природы, служат только проявлениями одной всеобщей силы. Они могут превращаться одна в другую; сумма их при этом не изменяется, и сохраняется вся жизненная энергия. Все это служит основанием психической физики, а также единственным основанием науки об уме.

Надо однако заметить, что параллель, проведенная между физикой и психологией, погрешает в одном отношении. Между тем как потери психической энергии никогда не происходило, несомненно, что произошло значительное увеличение ее. В самом деле, было время, когда ее совсем не было. Она развилась вместе со всей органической природой и увеличилась одновременно с увеличением ума и развитием мозга. Полной аналогии между органическими и неорганическими силами мы не достигнем, пока не признаем, что первые произошли от вторых и что жизненные и психические силы

¹ Сила (лат.). 3 Зак. № 472

66

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

являются просто добавочными формами одной всемирной силы. Душа человека произошла из души атома, прошедшей через огромный перегонный куб органической жизни.

Между тем как всякое желание есть страдание, всякое страдание не есть желание, разве только в смысле стремления избавиться от этого страдания. Обыкновенные страдания сами по себе не желания, но причины поступков. Они действуют более или менее извне и непосредственно, между тем как желания, как сказано выше, обыкновенно возникают внутри, репрезентативны и в большей или меньшей степени относятся к эмоциям. Желания распадаются на два класса: на избегающие страдания и на ищущие удовольствия. Изучая эти два класса желаний, мы яснее всего заметим существенную психологическую разницу между страданием и удовольствием. Я уже показал раньше, что они не противоположны друг другу; теперь остается показать, что это совершенно различные психологические факторы. Из них страдание более просто и менее доступно анализу. Развитое в организме с целью его предохранения от гибели, оно состоит просто в неприятном ощущении, возбуждающем немедленное усилие, чтобы удалиться от предмета, причинившего это ощущение. Одновременность соприкосновения и движения не оставляет времени для желания; по крайней мере промежуток между ними бывает такой величины, насколько это требуется нервному току для выполнения его функции, т. е. он бывает слишком короток. Таковы отличительные черты прямых, или непосредственных, страданий, т. е. всех страданий, которые не суть в то же время желания, и мало что еще можно сказать о них. Более этого они не поддаются анализу.

Непосредственные ощущения удовольствия гораздо менее многочисленны. Они наделены ограничивающими чувствами вкуса и обоняния. Как и при непосредственном ощущении страдания, желание не успевает возникнуть между моментом соприкосновения и возникновением ощущения. Последнее возникает немедленно. Чтобы иметь в виду все возможные исключения, надо допустить, что приятные звуки и предметы, приятные для глаз, обыкновенно возбуждают соответствующее ощущение удовольствия непосредственно без

вмешательства чего-нибудь такого, что может быть названо собственно желанием. Может быть, существуют и другие случаи. Все эти ощущения можно подвести под рубрику непосредственных ощущений удовольствия, и тогда остается еще класс сложных ощущений удовольствия, из которых мы и извлекаем наибольшую долю наслаждений.

Если мы теперь ограничим свое внимание этим классом приятных ощущений, т. е. будем понимать удовольствие только в смысле сложного (репрезентативного) ощущения, то мы можем задать себе вопрос: в чем же состоит собственно удовольствие? Ответом на это явится само определение удовольствия: *удовлетворение желания*. Другими словами, преобладающий вид удовольствий заключается в *прекращении* преобладающего вида страданий. Как мы уже доказали, удовольствие не тождественно с желанием, оно есть только удовлетворение желания. Хотя желание имеет некоторые черты страдания и даже есть страдание в собственном значении этого слова, однако же оно весьма несходно со страданиями внешних частей тела. Если мы захотим найти между последними страдание, аналогичное желанию, то можем остановиться на явлении зуда как на самом подходящем. Явление это нельзя не причислить к тягостным явлениям, так как оно возбуждает в нас усилие поскорее прекратить его, и, однако же, действие, необходимое для прекращения его, не лишено того, что всякий признает приятным ощущением. Поэтому зуд может быть назван непосредственным физическим желанием. Если же он продолжится, то сделается невыносимым и является уже страданием. Если действие, к которому он нас побуждает, совершится, желание будет *удовлетворено* и в то же время прекратится. Самый же акт удовлетворения его заключает в себе удовольствие. Если все эти положения могут быть приняты, то аналогия между зудом и желаниями является полной. Желание отличается в высшей степени зудящим характером. Это и делает его таким действительным. Всякий знает, насколько легче выносить подлинное страдание, чем зуд. Недовольствованные желания становятся невыносимыми; они так заряжают батарею силы, что она не мо-

t

68 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

жет сдерживаться; происходит разряжение, которое совершает необыкновенные дела на благо или на зло людям.

Что следует за удовлетворением и прекращением желания? Восстановление равновесия. Какое бы влияние на окружающие предметы ни оказало разряжение конативной силы, все его воздействие на субъект ограничивается прекращением неприятного состояния сознания. Правда, желание было удовлетворено и этот акт удовлетворения вызвал удовольствие, которого искал субъект, но далее не было ничего; прекратилось не только страдание, но и удовольствие. Равновесие восстановлено, и субъект опять находится в тех же условиях, как и прежде возникновения желания. В этом именно заключается вопрос, от ответа на который зависит истинность или ложность пессимизма. Пессимизм не признает промежуточного состояния между существованием желания и его прекращением. Допуская, что желание есть страдание, это учение видит только страдание и избавление от него. Оно говорит, что удовлетворение желания есть простое прекращение его. Затем ничего не остается. Оно называет самообманом и иллюзией обыденное понятие, связывающее удовлетворение желания с удовольствием. Можно ли успешно опровергнуть эту теорию? Для этого недостаточно говорить авторитетным тоном. Она была до мелочей разработана некоторыми великими схоластикami и глубочайшими в мире мыслителями, и нам надо честно бороться с их доводами.

ГЛАВАХ

ВОЛЯ ПО ШОПЕНГАУЭРУ

Не в одних только явлениях, вполне сходных с его собственным, в людях и животных, признает он ту же самую *волю* за их внутреннюю сущность; но, продолжая размышлять, придет к тому, что признает и силу, которая питает и развивает растение, даже силу, которая обращает магнит к

северу, которая в виде удара отвечает ему на прикосновение к разнородным металлам, которая в сродстве материи проявляется притяжением и отталкиванием, разделением и соединением, даже самое тяготение, столь мощно проявляющееся во всей материи и влекущее камень к земле, а землю — к солнцу, — все это признает различным лишь в явлении, а по сущности тождественным с тем самым, ему непосредственно столь интимно и лучше всего другого известным, которое в очевиднейшем своем проявлении называется волей. — А. Шопенгауэр. *Мир как воля и представление*. Перев. А. Фета, I, с. 130-131.

В последней и высшей инстанции нет другого бытия, кроме воли. Она есть первоначальное бытие, и к ней относятся все атрибуты последнего: беспричинность (*Grundlosigkeit*), вечность, независимость от времени, самоутверждение (*Selbstbejahung*). Вся философия стремится только к тому, чтобы найти это высшее выражение бытия. — Шеллинг. *Werke*, I, 7, s. 350.

Воля ■■— это духовная субстанция человека в собственном смысле, причина всего, начало, произведшее материю (*das urspriinglich Stoff-Erzeugende*), единственное в человеке, что составляет источник бытия. — Шеллинг. *Werke*, I, 10, s. 289.

Между тем как Кант был величайшим из философов, писавших о голове, Шопенгауэр является величайшим из мыслителей, философствовавших о сердце. — Майнлендер. *Philosophie der Erlosung*, p. 465.

Это (шопенгауэровское учение о воле) было блестящее, гениальное воззрение, и я не опасаюсь заслужить обвинение в преувеличении, если скажу, что оно возвестило революцию в области духа, обещающую произвести в мире преобразования, подобные тем, которые были вызваны христианством. — Майнлендер. *Ibid.*, p. 466.

70 ЧАСТЫ. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Великих мыслителей осуждают не за их теоремы, но за сделанные ими из них выводы, между тем как дальнейший анализ часто доказывает, что последние не следуют логически из первых. Так было дело с Юмом, Вольтером, Контом, Томасом Пэнном и, наконец, с Шопенгауэром. Идеализм и пессимизм Шопенгауэра — вот две его великие философские ереси. Он думал, что они должны вытекать из его основных положений о причине и о воле. Первым из этих положений он впервые философски установил существующий в природе закон причинности, который теперь признается основанием всякой науки. Во втором положении он впервые выразил единство психических и физических сил, служащее высшим и самым сложным примером закона сохранения энергии, который гораздо позднее был сформулирован физиками. Если правда действительно должна восторжествовать, как уверены большинство людей, то в то время, когда пессимизм и идеализм уже сделаются любопытными историческими памятниками, Шопенгауэр будет всеми признан как философ, создавший две эпохи.

Первая из этих философских основ нас здесь не касается. Она относится к космологии и теперь всеми принята. Вторая же составляет сущность нашей теперешней задачи; но ее мало знают и еще меньше понимают даже те, кто посвящает себя философской психологии. Существует обыкновение, слыша имя Шопенгауэра, всплескивать руками и восклицать: «Пессимист!» Читающие его сочинения обыкновенно поверхностно пробегают их, пока не дойдут до учения о пессимизме, от которого они, точно очарованные, не могут оторваться. Чем строже оно осуждается, с тем большей жадностью оно читается. Но те, кто нападает на него с особенной яростью, те именно и не читали его. С другой стороны, учение это получило широкое распространение повсюду, где оно, по-видимому, особенно подтверждается суровыми условиями существования. Я уже указывал на то, что оно не вытекает логически из шопенгауэровской доктрины о воле, и в следующей главе приведу более полные доказательства в пользу этого мнения. Но сначала нам надо исследовать истинное значение шопенгауэровской воли.

ГЛАВАХ. ВОЛЯ ПО ШОПЕНГАУЭРУ

Начнем с указания на то, что, пока речь идет о чувствующих существах, шопенгауэровская «воля» представляет не более и не менее, как то общее понятие, которое мы определили в предыдущей главе и которое называется *желанием*. Это всеобъемлющая душевная сила, действующая под влиянием неумолимого закона достаточного основания, или механической причинности, который составляет единственное основание истинной науки об уме. Это скрытая причина всех усилий и всей деятельности одушевленной природы. Воля чисто субъективна. Сама по себе она не имеет никакого отношения к мыслительной способности. Это и подразумевает Шопенгауэр, когда он называет ее *бессознательной*. Она представляет слепое побуждение. Всякий интерес, всякое усилие и напряжение, всякая борьба представляют только подтверждение воли, направленной на жизнь (*Bejahung des Willens zum Leber*). Эта великая истина выясняется со всей мощью немецкого языка, так богатого синонимами и такого энергичного в своем построении. Шопенгауэр сознал, что он нашел в своем понятии о воле истинную основу ума; затем он стал придавать ей объективную реальность и даже видел в ней так давно отыскиваемую вещь в себе (*Ding an sich*). В качестве таковой он объявил ее превосходящей по своей важности разум и интеллект. С одной точки зрения он был прав, именно с той, что воля составляет динамическую основу ума, без которой разуму и интеллекту не на что было бы воздействовать.

Он также справедливо заметил, что воле принадлежит первенство во времени сравнительно с мыслительными способностями, и эта истина так овладела его умом, что он обыкновенно преувеличивал первую и уничижал последние. Так, например, он объявил, что интеллект есть случайное явление, поздняя прививка к дереву ума, достигшему уже полного роста, а первоначальный ствол этого дерева составляла воля. Правда, как уже было показано в одной из предыдущих глав, самая душевная сила, если на нее смотреть как на развившуюся из первоначальных жизненных элементов, окажется в этом смысле случайностью и позднейшей прививкой.

72 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Но как бы мы ни смотрели — с точки зрения геологической истории или с точки зрения физиологического развития, — орган и функция мысли являются чем-то чрезвычайно новым, между тем как конативная система стара. Их относительную древность между собою можно сравнить с относительной древностью ледниковой и эоценовой эпох, которая для геолога имеет огромное значение.

Высшая заслуга Шопенгауэра в философии состоит в том, что он вывел течение мысли из прежней, бесплодной колеи объективной психологии и поставил на новый и многообещающий путь субъективной психологии, в которой одной только заключается вся надежда на будущность науки об уме.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПЕССИМИЗМА

Всякое удовлетворение, или то, что обыкновенно называется" счастьем, в действительности и по существу только *отрицательно* и никак не положительно. Оно не есть первобытное и из себя самого на нас приходящее счастье, а всегда должно быть удовлетворением желания. Ибо желание, т. е. недостаток, есть предшествующее условие всякого наслаждения. С удовлетворением же кончается желание и, следовательно, наслаждение, поэтому удовлетворение, или счастье, никогда не может быть ничем иным, как освобождением от страдания, от нужды. — Шопенгауэр. *Мир как воля и представление*, 1, с. 379.

Впрочем, не могу воздержаться здесь от заявления, что для меня *оптимизм*, если только он не бессмысленные речи тех, под плоскими лбами которых ничего не гостит, за исключением слов,

является не только нелепым, но также и истинно *безнравственным* образом мыслей, как горькая насмешка над несказанными страданиями человечества. — *Ibid.*, I, с. 387.

Итак, мы никогда не живем, но только надеемся жить; и так как мы постоянно собираемся быть счастливыми, то отсюда неизбежно следует, что мы никогда не бываем счастливы. — Паскаль. *Pensees*, 11,41.

На меня всегда смотрели как на человека, которому счастье особенно благоприятствовало; я и не хочу жаловаться или роптать на ход своей жизни. Но в сущности она состояла только из труда и работы, и я справедливо могу сказать, что в течение семидесяти пяти лет моей жизни я не испытал и четырех недель полного удовольствия. Это было вечное вкатывание камня, всякий раз его надо было поднимать вновь. — Гёте. *Разговоры Эккермана*, I, 106.

Я не создан для того, чтобы быть отцом семейства. Кроме того, я считаю брак грехом, а рождение детей преступлением. Мое убеждение таково, что тот, кто налагает на себя иго брака, является глупцом, даже хуже, грешником. Он глупец, потому что отказывается от своей свободы, не получая за это соответствующего вознаграждения, и грешник, потому что дает жизнь детям, но не может ручаться, что они будут счастливы. Я презираю человечество во всех его слоях; я предвижу, что потомки наши будут еще несчастнее нас; разве я не был бы грешником, если бы, несмотря на эти воззрения, заботился о том, чтобы иметь потомков, т. е. несчастных?

III

74 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Вся жизнь — величайшая нелепость. И если даже в продолжение восьмидесяти лет будешь стремиться к чему-нибудь и наследовать что-нибудь, то в конце концов все же должен будешь сознаться, что ничего не достиг и ничего не узнал. Если бы мы знали по крайней мере, для чего мы в этом мире; но для мыслителя все есть и остается загадочно, и самое большое счастье состоит в том, чтобы родиться тупоголовым. — Гумбольдт. *Memoiren*, I, 365-367.

Всякий, кто только должен был родиться, должен был родиться ребенком и начать действовать, прежде чем начнет понимать; он должен был быть воспитан по законам, которым всегда обязан был подчиняться, но которые не всегда были исполнимы; он должен был выбирать, прежде чем начнет рассуждать, а его страсти были сильнее всего в то время, когда рассудок был всего слабее — он должен был без поводов скакать на диком коне, — и чем больше он нуждался в уздечке, тем меньше силы было у него, чтобы управлять ею. И так как таково было положение всего мира, то то, что было злом для одного человека, становилось еще большим злом для всех людей. И хотя положение каждого человека в отдельности было довольно плохо, но когда люди сходились вместе, положение их становилось еще хуже.

Подобно кораблям, захваченным бурей, каждому из них было довольно хлопот, чтобы спастись самому; но когда они встречались, помимо ужасов бури им приходилось еще испытывать невыносимое бедствие от взаимного столкновения, и каждый корабль, готовый погибнуть от бури, сам был опаснее бури для того судна, с которым он яростно сталкивался. Таково положение человечества: у каждого довольно своих собственных бед; трудно человеку жить благоразумно, умеренно и религиозно; но когда у него есть родители и дети, братья и сестры, друзья и недруги, покупатели и торговцы, законоведы и доктора, семейство и соседство, король, которому он должен подчиняться, и ленники, которые ему подчиняются, епископ, который управляет его духовными делами, и народ, духовными делами которого он сам управляет, тогда-то и случается, что каждый человек сталкивается с другим, и один родственник требует того, что другой отвергает; и когда один говорит, другой противоречит; и когда что-нибудь если и бывает хорошо сказано, то оно по простоте бывает неверно понято, и хорошая причина вызывает дурное последствие; и вследствие всех этих и еще тысячи других причин человек становится все несчастнее. — Джереми Тэйлор. *Works*, IX, 316.

Молодость — заблуждение; зрелый возраст — борьба; старость — сожаление. — Дизраэли. *Coningsly*, 118.

ГЛАВА XI. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ПЕССИМИЗМА 75

Нет в мире радости, которой он мог бы заменить радость, отнятую им у нас. — Байрон.

Пессимизм есть отрицание существования удовольствия¹. Я уже показал в главе IX, что при нормальных условиях удовлетворение желания прекращает его и приводит субъекта в то самое состояние, которое он испытывал до возникновения желания. Это явствует уже из обыкновенного употребления слова «удовлетворение» и из всеобщего признания, что слово это вполне соответствует выражаемому им факту. Ничто не может быть более чем удовлетворено. Для понятия «довольно» нет сравнительной степени, как это сильно и благозвучно выражает немецкая поговорка «*Satterwiesat kann man nicht Werden*» («Нельзя быть сытее сытого»).

Решив этот вопрос, обращаемся снова к прежнему: не происходит ли что-либо в промежутках между желанием и его удовлетворением? Продолжается ли тягостное состояние, называемое желанием, вплоть до того самого момента, когда оно совершенно прекращается и когда ум возвращается к предшествовавшему состоянию? Отрицательный ответ на этот вопрос опроверг бы существование удовольствия, отнес бы счастье к области иллюзий и сделал бы пессимизм единственной истинной философией.

Ответ пессимизму мы находим в психометрии; его дает нам опытное доказательство того, что все психические явления требуют известного промежутка времени. Если бы акт удовлетворения желания был совершенно мгновенен, ниче-

¹ Оба, и Шопенгауэр и Гартман, признают реальность удовольствия и тратят много времени, стараясь доказать, что сумма его значительно преувеличивается страданием. Но Шопенгауэр ясно высказывает, что удовольствие состоит только в избавлении от страдания, и таково же, вероятно, мнением Гартмана. Но такое прямо отрицательное состояние не заслуживает названия удовольствия. Поэтому все-таки остается верным то, что пессимизм отрицает существование положительного удовольствия. По крайней мере это следует из него логически, независимо от взглядов обоих философов.

76 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

го нельзя было бы возразить пессимистам. В таком случае действительно, согласно их учению, нам оставалась бы только тяжелая жизненная борьба без всякой другой награды, кроме постепенного прекращения, одного за другим, всех ужасных терзаний, с детства и до старости осаждающих всех живущих. Опыт учит нас тому, что на самом деле этого нет, но уже было доказано, что в вопросах, касающихся ума, на опыт нельзя полагаться. Галлюцинации рассудочной способности принадлежат к самым известным психическим явлениям. Галлюцинации чувств также вряд ли менее обыденны или менее засвидетельствованы. Насколько же более обманчивы должны быть эмоциональные состояния, которые составляют самые сложные и запутанные из всех умственных явлений. Сверх того для их обманчивости есть особое основание. Так, мы уже видели: эмоции эти развились для предохранения существования. Они служат для природы не целями, но просто средствами для достижения великой цели продолжения и умножения жизни. Ради этого всякое живое существо сделано как бы складом надежд. Постоянно приходится обращаться к разуму, чтобы сдерживать выходящие из границ ожидания. Даже между людьми мало индивидуумов, суждения которых могли бы бороться с их интересами. Предсказание тех или других результатов в большинстве случаев обнаруживает только, чему человек отдает предпочтение. Обыкновенно люди верят, что случится то, чего они желают. Оптимизм — только высшее выражение желания. Это выражение воли, направленной на жизнь. Никто не может уравновесить свои жизненные выгоды и потери; эта неспособность тем полнее, чем ниже стоит человек по своему рассудку. То же самое врожденное чувство, которое побуждает всякое создание искать удовольствия и избегать страдания, заставляет его также цепляться за

жизнь и спастись от смерти, как бы невыносима ни была жизнь и каким бы избавлением ни явилась смерть. Душа есть *fons et origo*¹ всяких иллюзий, которые нарочно заключены в нее, чтобы, так сказать,

¹ Источник и начало (лат.).

ГЛАВА XI. ОПОВЕРЖЕНИЕ ПЕССИМИЗМА

77

манить несчастные существа к продолжению и умножению жизни. Самая боязнь смерти самообман, так как страшна не смерть, а страшно страдание. Вера, надежда, энергия, энтузиазм — все это вызывается инстинктом самосохранения. Темпераменты, конечно, бывают различные; но с этой точки зрения все — сангвиники. Отсюда следует, что в этой великой жизненной битве, в этой действительной борьбе за существование истина и факт совсем не оказывают влияния на определение мнений и поступков. Легко себе представить, что самое наслаждение, очевидная цель всей жизни, может оказаться иллюзией и не существовать на самом деле. Очень часто, как мы знаем, оно существует только в нашем воображении, почему же не быть этому и всегда?

Ввиду всего этого следует тем, кто проповедует реальность удовольствия и счастья, доказать их существование чем-нибудь более значительным, чем обыкновенный опыт. Чтобы попытаться сделать это, нам необходимо вернуться на время к прямым, или непосредственным, ощущениям. До тех пор пока мы будем рассматривать только производные, или репрезентативные, ощущения, нас легко может ввести в заблуждение всемогущий оптимизм всякого умственного устройства. При этой же низшей форме ощущений мы опять стоим на твердой почве чувства; а все философы хотя и признают, что чувства могут ошибаться, однако считают их самым высшим критерием истины. При этом они имеют в виду представление, т. е. вторую ступень психического процесса; нас же здесь занимает первая ступень его — ощущение, — которая, следовательно, ближе к твердыне истины. Если нельзя доверять простым ощущениям, то после этого нельзя доверять ничему.

Положив кусочек сахара на язык, я испытываю ощущение. Если я нахожусь в нормальном состоянии, то скажу, что это ощущение приятно, и никто не вздумает опровергать это заявление. Если же я сам не знаю, каково это ощущение, то не могу претендовать ни на какое знание. Заявление же мое гораздо неоспоримее даже декартовского изречения. В нем нет «*ergo*»; это самое простое предложение, какое только воз-

78

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

можно: я испытываю приятное ощущение. С теми, кто вздумал бы оспаривать его, не стоило бы рассуждать; хотя, если бы я в какой-нибудь данный момент объявил, что я счастлив, они имели бы действительное основание сомневаться в этом вследствие сложного характера такого ощущения и обманчивости всех эмоциональных состояний.

Другой факт, который мы наблюдаем при вышеупомянутом опыте, состоит в том, что ощущение, производимое сахаром, бывает не мгновенное или короткое, но продолжительное, и продолжается оно до тех пор, пока остается сахар; хотя интенсивность его потом уменьшается вследствие того, что способность нерва отзываться на стимул, по-видимому, постепенно ослабевает. Тем не менее ощущение продолжается. Не приводя других примеров, мы можем сейчас же задать себе вопрос: существует ли в природе вещей причина, препятствующая нервам, управляющим эмоциональными центрами, также обладать силой отзываться более или менее продолжительное время на соответствующий стимул? И не будет ли вполне естественным предположение, что акт

удовлетворения желания, представляющий не что иное, как ответ на стимул, должен занимать больший или меньший промежуток времени? Новая экспериментальная психология не оставляет более этого вопроса в области предположений. Она доказывает его с такой же достоверностью, с какой доказаны проблемы электричества. Известно, что как в физике, так и в психологии явления не могут совершаться иначе как во времени; и хотя быстрота нервных токов в разных случаях бывает очень различна, однако во многих случаях она уже приблизительно установлена; оказалось, что она значительно уступает скорости большей части физических проводников, и вообще можно сказать, что молекулярное движение в органических телах гораздо медленнее, чем в неорганических. Все это в высшей степени благоприятствует мнению, что нервная деятельность, или нервные колебания, в которых и состоит акт удовлетворения желания, могут быть значительно продолжены, а в некоторых случаях могут даже на неопределенное время сделаться почти непрерывными. О точном же физиологическом ходе процесса нам здесь не

ГЛАВА XI. ОПОВЕРЖЕНИЕ ПЕССИМИЗМА 79

надо справляться. Для нас не имеет значения, существует ли на самом деле непрерывность или же, что более вероятно, ощущение удовольствия всегда, будет ли оно непосредственным или посредственным, представляет ряд более или менее быстрых колебаний, или молекулярных толчков, передаваемых нервом от раздраженной точки к головному мозгу и так быстро следующих одно за другим, что в сознании они представляются нераздельными, хотя на самом деле они и отличны одно от другого. Умственное же состояние во всех отношениях непрерывное.

При высших эмоциях приятное состояние продолжительнее, чем при низших. Так, например, в первобытной физической форме удовлетворения любви оно является мгновенным, между тем как в дальнейшей, духовной его форме оно может продолжаться неопределенное время. Тут удовольствие продолжается, пока предмет его находится налицо. По-видимому, чувство так вполне овладевает индивидуумом, так проникает все соответствующие нервные центры, пучки и волокна, что они приводятся в постоянное состояние гармонического колебания, которое ежеминутно возобновляется и повторяется в сдержанных пульсациях приятной молекулярной деятельности во все время, пока действует стимул. Может быть, эти слова совсем не научны, но они самые подходящие при теперешнем состоянии нашего знания относительно этих глубоких внутренних процессов.

То, что верно относительно любви, верно также и относительно других долговременных удовольствий и наслаждений. Они реальны, по крайней мере для испытывающего их субъекта, но мы имеем все основания считать их объективно-реальными. В этом и заключается опровержение пессимизма: оно просто имеет в виду доказать, что удовольствие есть объективная реальность, а не психическая иллюзия; но оно не имеет никакого отношения к великому обвинительному акту против горестей жизни. Что касается последнего, то я вижу признак здорового умственного развития в том, что явились философы, разум которых был так проницателен, что пробился сквозь туман оптимизма, обволакивающий остальной мир, и которые были достаточно смелы, чтобы воз-

80 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

вестить, до какой степени жизнь преисполнена страданий. Только признав эти страдания, можно их уменьшить. Взгляд же Шопенгауэра и Гартмана, заимствованный из индийской философии и полный безнадежности, основывается на предполагаемой необходимости существующего положения вещей. По их мнению, воля беспрестанно гонит свои жертвы к какой-то предполагаемой цели, обещающей им избавление; цель же эта никогда не достигается или если достигается, то только в том смысле, что одно страдание прекращается, но взамен начинается новое, и так без конца. Поэтому они видят единственную надежду в том, чтобы отвергнуть волю, противиться ее силе, оставить всякую надежду на счастье, отказаться от всякого представляющегося им блага, дать каждой функции прекратиться, пока, наконец, с прекращением самой жизни не найдут они успокоения в небытии.

Этой стороне пессимизма мы дадим совершенно другой ответ. Несвоевременно было бы говорить о нем здесь, а потому мы его только наметим и для этого вернемся к происхождению и роли страдания, изложенным в главе VII. На страдания человечества надо смотреть как на голоса природы, извещающие его о том, как оно стеснено окружающей средой и как оно развивается, применяясь к последней. Пессимизм есть продукт неблагоприятного общественного состояния. Ответ пессимизму должен выразиться в замене этого состояния благоприятным, тогда это учение исчезнет. Великая задача, предстоящая науке, состоит в поражении пессимизма единственным путем, которым он может быть поражен, именно улучшением социальных условий. Философия, противоположная пессимизму и долженствующая в конце концов восторжествовать над ним, — не оптимизм, проповедь бездействия, но *мелиоризм*, или научный утилитаризм, внушенный верой в закон причинности, в успешность верно направленных действий.

Счастье

Замечательно, что утилитаризм нашел себе самых усердных защитников между авторами, писавшими по-английски, т. е. на языке, который заметно отличается недостатком выражений, пригодных для передачи тонких оттенков мысли, что очень важно для достаточного истолкования этого учения. Отсутствие более мягкого выражения, которое могло бы заменить слово *happiness* (счастье), было очень ощутительно и, вероятно, воспрепятствовало успеху рациональных взглядов на этот предмет. То, что в этом виноват язык, а не самое понятие, видно из того факта, что другие языки обладают более подходящими словами. Если бы в английском языке был термин, равносильный французскому *bonheur* или немецкому *Glückseligkeit*, то он оказал бы большую помощь. — *Dynamic Sociology*, II, 147.

Счастье есть удовлетворение всех наших склонностей. — Кант. *Kritik der reinen Vernunft*, p. 532.

Если мы, таким образом, признаем, с одной стороны, крайностью бездействие, вызывающее отрицательное страдание, или жажду чего-либо, а с другой стороны, чрезмерную деятельность, вызывающую положительное страдание, то мы придем к тому заключению, что удовольствие должно сопровождать действия, лежащие между этими двумя крайностями. — Герберт Спенсер. *Principles of Psychology*, I, p. 276.

Мысль, будто бы счастье представляет нечто отличное от удовольствия, вероятно, не заслуживает серьезного опровержения. Она господствовала прежде вследствие того, что в удовольствии видели что-то в сущности дурное, между тем как счастье считалось позволительным с нравственной точки зрения. Теперь, когда мы знаем, что удовольствие есть первоначальное благо всего чувствующего мира и что оно служит необходимым условием существования жизни, мы не можем видеть в нем ничего дурного, рассматривая его само по себе.

Но некоторые будут утверждать, что идея удовольствия главным образом связана с чувственными ощущениями,

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

между тем как идея счастья относится к высшим ощущениям — эмоциям и потому требует особого объяснения. Это до некоторой степени верно, но, пожалуй, правильнее было бы определять счастье как состояние непрерывных или беспрестанно повторяющихся удовольствий, в значительной мере преобладающих над страданием, какого бы рода ни были эти удовольствия. Счастье бывает различных степеней: от простого довольства до интенсивного наслаждения. Подвергая счастье анализу, найдем, что оно требует различных условий. Первое из них — здоровье. Если все функции тела не находятся в гармоническом действии — невозможно ничто, заслуживающее название счастья. Однако же существует огромная разница между влиянием

различных расстроенных частей организма на уменьшение счастья. Чахоточные часто бывают счастливы, даже энергичны до последней минуты, между тем как общеизвестно, что страдающие дурным пищеварением чувствуют себя очень скверно, даже если болезнь их совсем не грозит им смертью. Мне кажется, не может быть сомнения, что причину этих фактов надо искать в том, что легкие снабжены нервами спинно-головной системы, а желудок и кишки — системы симпатической. Той же причиной можно объяснить необычайные нервные страдания женщин с расстроенной маточной системой, между тем как люди, испытывающие сильную боль в какой-нибудь внешней части тела, например в пальце, могут, несмотря на это, наслаждаться благами, которые им дает жизнь.

До сих пор утверждали, что даже самое совершенное состояние здоровья может доставить только отрицательную форму счастья, известную под названием довольства. Но есть основание думать, что полное и гармоничное отправление всеми органами их нормальных функций включает в себе такую сумму удовлетворения, что она сама по себе равняется положительному счастью. Это должно происходить так, как описано в главе VI. Там я показал, что большие ганглиозные центры, управляющие так называемыми растительными функциями животного тела, до некоторой степени ответственны перед высшим нервным узлом, или головным мозгом, и что наряду с надлежащим регулированием наших не-

ГЛАВА XII. СЧАСТЬЕ 83

рвных узлов, пучков и специализированных нервов происходит постоянное легкое молекулярное течение по направлению к головному мозгу, уведомляющее его о том, что все благополучно. Из всего процесса только одно это уведомление сознается субъектом; доклады о здоровье, как их можно назвать, принимаются с благодарностью и вызывают общее приятное самочувствие. Одно же простое довольство, если отличать его от счастья, выражало бы то состояние здорового тела, которое получалось бы, не будь этого сношения между ганглиозными центрами и головным мозгом.

Вторым важным условием счастья является более или менее полная свобода от страданий. Это условие хотя и совпадает с условием здоровья, но только до некоторой степени. Так как если мы даже отнесем к нездоровью случайные внешние страдания, вызванные повреждением или местным болезненным состоянием, то остается еще самый важный род страданий — эмоциональный, к которому принадлежат горе, разочарование, утомление, страх, сожаление, угрызение, беспокойство и т. д. В самом деле, все эти тягостные состояния начинаются за границами того обширного океана зудящих страданий, которые были изображены в главе IX под названием желаний. Если какое-либо из последних постоянно остается неудовлетворенным, счастье почти невозможно.

Отсюда естествен переход к третьему, и последнему, условию счастья, на котором надо особенно настаивать, именно к средствам удовлетворения желаний. Это условие гораздо важнее всех остальных, так как здоровье и свобода от страданий принадлежат к нормальным состояниям, а противоположные им явления относятся к патологии и до некоторой степени неизбежны; обвинять же в них можно только природу. Третье же условие, напротив, встречается сравнительно редко в достижимой на сегодняшний день для человека ситуации; почти все люди оказываются неспособными удовлетворять свои желания, и, сверх того, природа в этом мало виновата, главная же вина принадлежит социальным условиям.

Тут необходимы некоторые ограничения. Если мы будем рассматривать только желания пищи, питья и воспроизвод-

ства, то нельзя, конечно, сказать, что средств к их удовлетворению обыкновенно не хватает. Огромное число людей лишено, правда, даже этого, но такие люди гибнут; живущие же непременно обладают главными средствами удовлетворения своих нужд. Однако такое удовлетворение составляет только низшую степень счастья, его надо бы даже совсем исключить из понятия о счастье, если б последнее не употреблялось нами в самом широком смысле. В тесном разговорном смысле счастьем называется ощущение высших эмоциональных удовольствий, вызываемых удовлетворением социальных, эстетических, нравственных и интеллектуальных вкусов. Возможность такого удовлетворения доставляет счастье человеку, обществу, нации. Вкусы эти постоянно развиваются. Как только бывают удовлетворены грубейшие жизненные нужды, возникают во множестве новые, духовные потребности. Пессимисты справедливо говорят, что все желания невозможно удовлетворить, так как если даже допустить обратное, то сейчас же возникли бы новые желания, требующие удовлетворения. Степень счастья зависит от относительного количества желаний, которые удастся исполнить, и от характера и утонченности тех вкусов, которые получают удовлетворение. Поэтому она будет тем выше, чем многочисленнее и возвышеннее потребности, возможность удовлетворения которых обеспечена. Задача социальной науки состоит в том, чтобы указать путь, которым можно достигнуть наиболее полного и всеобщего удовлетворения человеческих желаний, другими словами — эта задача имеет в виду величайшее счастье.

ЧУВСТВО, ФУНКЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ

Две функции, существенно необходимые для жизни, состоят в питании и размножении. Им соответствуют в чувствующих существах два рода желаний, которые можно назвать *вкусовыми* и *половыми* аппетитами. Благодаря первым пища, необходимая для восстановления тканей, привлекается к соответствующим частям организма; благодаря последним акт воспроизводства сопровождается удовольствием, без которого он не стал бы совершаться.

Целям природы можно противопоставить цели организма или, если мы ограничимся человеческим родом, — цели человека. Природа имеет в виду сохранение и продолжение жизни; человек — удовлетворение своих желаний. — *Dynamic Sociology*, I, 468-469.

Удовлетворение желания, понимаемое в самом широком смысле, подразумевает три совершенно различные вещи: чувство, функцию и действие. Первое мы уже подробно рассмотрели, остается только указать место, которое оно занимает по отношению к двум остальным. Так как оно составляет условие существования пластических организмов, то санкция, даваемая им, очень важна; но, с точки зрения природы, оно не имеет значения само по себе, а служит только, как гласит формула, простым орудием, которым достигается цель, состоящая в выполнении функций.

Учение, которое удачно и справедливо было названо эволюционной телеологией¹, дает нам самое широкое понятие о цели органической жизни как состоящей в превращении неорганической материи в органическую. Многие видели эту конечную цель в усовершенствовании строения, но при внимательнейшем изучении оно оказывается только одним из средств, а не целью. Везде, где оно наблюдается, оно играет только такую роль, и природа не прибегает к нему, когда цель может быть вернее достигнута другими средствами. Другие

¹ Аса Грей. *Darwiniana*, New York, 1877, Chap. XIII.

86 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

считали целью органической жизни эволюцию, т. е. получение восходящего ряда все высших и высших типов; но слишком хорошо известно, что существующие ряды типов вовсе не всегда оказываются восходящими и иногда происходит вырождение, если оно вернее обеспечивает переживание и размножение. Если же мы видим, что эволюция была до сих пор преобладающим условием, то это потому, что она больше всего может содействовать великой цели умножения

количества органической материи. Примером тому служат высшие типы растений и животных. Хотя и не в такой мере, как крупнейшие животные, человек все-таки подтверждает тот же закон, так как благодаря тому, что он обладает самой высокоорганизованной субстанцией, разумным мозгом, он размножается в большей мере и распространяется на гораздо большее протяжение, чем всякий другой вид существ; а во всех вместе взятых индивидуумах человеческой расы заключается гораздо большее количество органической материи, чем во всяком другом виде животных, населяющих земной шар.

Все это имеет то отношение к предмету нашего исследования, что цель органической жизни вернее всего достигается совершением функций, необходимо вытекающих из удовлетворения желания. Чувство вызывают функции, а функции обеспечивают защиту, питание, рост, сохранение, воспроизводство, размножение и продолжение рода.

Чувство и функция — две различные вещи. Между ними нет физиологического соотношения. Вкусовые и пищеварительные органы лежат в разных частях тела. Место возникновения полового стремления удалено от места зарождения. Не страх смерти или прекращения рода заставляет бежать от опасности, но только боязнь страдания. И однако удовлетворение желания пищи приводит к избавлению индивидуума от голода; удовлетворение полового инстинкта приводит к продолжению рода, а спасение бегством или другим путем от страдания, которое причинили бы враги, приводит к спасению жизни. Чувство и функция совершенно несходны и лишь своего рода предварительно установленной сообразностью так соотносились друг с другом, что одно сделалось

ГЛАВАХІІІ. ЧУВСТВО. ФУНКЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ 87

причиной, а другое следствием. На самом деле эта сообразность не установлена заранее, она явилась постепенно под влиянием законов отбора и переживания и в этом отношении не отличается от множества других, хорошо известных естествоиспытателям под названием *приспособления*.

В начале XI главы я сказал, что удовлетворение желания приводит субъекта в то же психологическое состояние, в котором он находился до возникновения желания. Я нарочно употребил слово «*психологическое*», потому что *физиологическое* состояние субъекта при этом во многих случаях не остается прежним, вследствие совершения функций. Удовлетворение желания поесть доставляет питательный материал, наполняет желудок, приводит в действие органы пищеварения и поглощения, усиливает кровообращение и может сделать тощее животное жирным, а слабое — сильным. Стремление к размножению переходит в функцию только в самке, но вызывает в ней ряд великих и удивительных перемен, производящих новое существо того вида, к которому принадлежат родители. При страдании функция — отрицательная, она просто состоит в защите; но хотя спасение от опасности не вызывает физиологической перемены, оно предупреждает ту перемену, которая произошла бы, если бы спасение не удалось. При удовлетворении высших эмоциональных желаний функция менее ясна, но нет сомнения, что она существует зачастую и в этой сфере. При этом она выражается в росте, усилении и развитии физиологических центров и увеличивает, расширяет и утончает способность наслаждаться. Закон усовершенствования путем упражнения, наблюдаемый во всех других психологических процессах, распространяется и на более тонкие внутренние процессы; всем известно, что эстетические вкусы, нравственную чуткость, интеллектуальные удовольствия и социальные качества можно развить и возвысить, так же как можно их усилить и умножить. Этими различными путями достигается великая цель органической жизни; ибо, как уже было замечено, усовершенствование строения делает возможной более высокую организацию и обеспечивает переживание, а также количественный прирост

88 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

материала, взятого из неорганического мира и навсегда присоединенного к органическому.

Все это не имело бы отношения к теме нашей книги, если бы не было так тесно связано с другой стороной предмета. Нет надобности дополнительно подчеркивать тот факт, что *функция составляет цель природы*, для того чтобы выставить его в резком контрасте с другим несколько новым и поразительным, но тем не менее достоверным фактом, именно, что *чувство есть цель*, которую *преследует чувствующее существо*. Однако, выражаясь языком эволюционной телеологии, можно сказать, что природа сделала это не намеренно. Природа смотрит на чувство просто как на средство заставить совершиться функцию. Она совершенно равнодушна к страданию и удовольствию. Об этом свидетельствует животный мир, где одна половина существ пожирает другую и где безжалостно совершаются ужасные жестокости. Об этом свидетельствует и человеческий род, одна половина которого погружена в такое безнадежное и бедственное положение, что беспрестанно молит о смерти, между тем как в другой половине его процветает философия, проповедующая, что жизнь есть страдание (*Leben ist Leiden*), и не находящая более возвышенной темы, как бедствие существования (*Elend des Daseins*).

Но сделав удовольствие средством осуществления своей цели, природа как бы обманула самое себя. Возникновение удовольствия дало начало сразу и надеждам, и отчаянию мира. Предназначенное будто бы для того, чтобы служить орудием, оно в конце концов сделалось целью, и всю последнюю половину истории земли между природой и жизнью шла борьба за достижение их различных целей. Если цели эти оказывались несовместимыми, жизнь должна была или отказаться от своей цели или прекратиться; но в большинстве самых разнообразных случаев были возможны компромиссы, приводившие к замечательнейшим последствиям. Опуская в настоящую минуту рассмотрение этого вопроса на низших ступенях жизни, так как его лучше можно будет обсудить несколько позднее, остановимся на той стадии его, которую представляет человеческая жизнь. Здесь мы найдем

ГЛАВА XI¹¹¹. ЧУВСТВО, ФУНКЦИЯ И ДЕЙСТВИЕ 89

великий антитезис между целями природы и человека выраженным гораздо более определенно, чем на прежних этапах эволюции. Внимательный исследователь человека и его истории легко обобщит как великую драму жизни человечества, так и маленькую драму каждой индивидуальной жизни в единственной теме удовлетворения желаний. Все *dramatis personae*¹ стараются достигнуть какой-либо цели, содействовать какому-либо плану, исполнить какое-либо намерение, удовлетворить тот или иной позыв честолюбия, осуществить какое-нибудь стремление. Или же они стараются избежать какого-нибудь угрожающего бедствия, помешать низкому замыслу, расстроить гнусный план. Нет конца намерениям, хорошим и дурным, высоким и низким: какое-нибудь намерение всегда найдется. С узкой точки зрения личности все эти намерения хороши, т. е. они хороши для действующего лица, или по крайней мере оно их считает такими. Я этим хочу сказать только, что посредством осуществления своих намерений действующее лицо надеется обеспечить себе какую-нибудь выгоду или избежать вреда, таким образом получить удовольствие или избавиться от страдания или по крайней мере добиться перевеса удовольствия или счастья над страданием или бедствием. Для краткости эту общую цель человеческих поступков, то единственное, к чему стремится человек, можно назвать счастьем. Таким образом, мы наконец пришли к заключению, что *природа имеет целью функцию, а человек — счастье*.

Вышесказанное послужит приготовлением к рассмотрению третьего явления, состоящего в удовлетворении желания и названного за неимением лучшего выражения *действием*. Совершенно отличное по своей природе от чувства и функции, оно тем не менее неизменно сопровождает их и служит посредником между ними в качестве прямого последствия первого и необходимого условия второго. Вне этого значения, само по себе, оно совершенно бесполезно как для природы, так и для организма. Для первой оно служит просто механическим орудием, для последнего оно является до-

¹ Действующие лица (лат.).

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

рогостоящим бременем. Какая же польза от него? В чем заключается его внутренняя ценность? Для чего оно само по себе?

Ответам на эти вопросы надо будет посвятить отдельную главу; в ожидании же их полного рассмотрения можно несколько забежать вперед и установить, что если вообще можно утверждать полезность этой душевной деятельности для низшего мира живых существ, то она может быть выгодна только для органического прогресса или эволюции. На человеческой же стадии выгода эта принимает более конкретную форму и без всякого натянутого толкования может быть названа *обществом* в истинном и буквальном значении этого слова.

Итак, имея в виду только человеческую стадию существования жизни, мы можем сказать, что предыдущие соображения, вытекающие из субъективной психологии вообще и из философии желания в частности, привели нас к трем следующим истинам.

1. Цель природы — функция.
2. Цель человека — счастье.
3. Цель общества — действие.

ГЛАВА XIV

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ

Социальные силы в том смысле, в каком мы здесь о них говорили, представляют собою влияния, побуждающие человека к действию. Это свойства человека, определяющие его физическую деятельность и управляющие ею. Они заключаются в нервной системе и заставляют тело и члены двигаться тем или другим специфическим образом. Мы называем их *желаниями*. Это двигатели, возбуждающие нас так, как того требует организм, и толкающие нас к желаемому предмету. Великое влияние, сделавшее общество тем, что оно есть, исходило из человеческой деятельности: она-то и выработала цивилизацию. — *Dynamic Sociology*, I, 663.

Этой новой силой, обнаружившейся в истории земли почти одновременно по крайней мере тремя различными способами и вызвавшей столь удивительные революции, была психическая сила, которая явилась последствием долгого процесса увеличения объема мозга в животном. С нею возникла душа в природе; с нею впервые явилась возможность удовлетворения нужд, инстинктов и вкусов; в ней же впервые нашли себе выражение намерение и воля. Названные здесь качества и заставляют пчелу собирать мед на цветах, птицу — стремиться к блестящим гроздьям плодов и самку высших видов — выбирать себе в супруги прекраснейшего из самцов. Все это — психические качества, составляющие великое сердце природы или субъективную половину умственного мира. — *Course of Biologic Evolution*, p. 31.

Глубокие изменения, произведенные этим фактором [перекрестным оплодотворением. — *Ред.*], не ограничились величиной, цветом, ароматом и выделением сока. Во многих случаях совершенно изменилась форма цветов и появилось множество удивительных неправильностей, от незначительной разницы в лепестках до поразительных уродств орхидей; причем все они рассчитаны на то, чтобы приспособить растения к возможным полезным действиям насекомых, иногда, как, например, в случае юкки, насекомых какого-либо одного вида, без которого размножение невозможно. — *Ibid*, p. 25.

В той отрасли философии, которой мы в I главе дали название космологии, самым важным законом является закон

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

эволюции, несмотря на то что вполне его поняли и признали совсем недавно. В органическом мире закон этот столь же часто носит название закона развития. История органического развития послужила темой многих самых важных новейших вкладов в биологию. Ей посвятил свою жизнь Дарвин, этот Ньютон биологии, создавший новую эпоху в науке и произведший революцию в человеческой мысли. Его выдающиеся современники в передовых странах мира, особенно в Англии, Германии, Франции и Америке, много содействовали великому движению, пока наконец литература по этому вопросу не достигла огромных размеров; и теперь она все еще растет с удивительной быстротой. Разнообразные проблемы, к постановке которых привел науку этот плодотворный подход, были подвергнуты обсуждению, и можно было бы думать, что не осталось больше ни одной точки зрения, с которой предмет не был бы уже рассмотрен. Однако же несмотря на усиленную деятельность, развитую в этом направлении, несмотря на основательное обсуждение проблемы многими компетентными умами, несмотря на множество существенных сочинений по вопросу эволюции вообще, а особенно об органическом развитии, одна сторона предмета все же была оставлена без внимания, и теперь мы должны перейти к ней, поскольку она важна для предстоящей нам задачи.

Влияния, содействовавшие образованию новых жизненных типов, можно отнести к двум различным классам: к первому принадлежат те, которые можно назвать нормальными, или законными, ко второму — сверхнормальные, или незаконные. Нормальные, или законные, влияния дают начало таким изменениям или свойствам организма, польза которых очевидна. Сверхнормальные, или незаконные, влияния производят изменения, которые или только косвенным образом могут быть благотворны для организма, или представляют сомнительную пользу, или даже являются вредными для него. Но обыкновенно, хотя и бесполезные с виду, они в конце концов оказываются в высшей степени ценными. Отличительный признак этих влияний состоит в том, что они дают

ГЛАВА XIV. ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ 93

новое направление развитию, создают неожиданные и другим образом недостижимые изменения, выводят организм на совершенно новый уровень существования и вполне изменяют дальнейший ход развития.

Исследуя предмет внимательнее и ближе, мы увидим, что ниже той ступени, на которой в чувствующем мире нервная система начинает возбуждать заметную деятельность с целью удовлетворения ясно чувствуемых потребностей, весь процесс вызывается нормальными причинами. Отсюда, конечно, последовательно исключается все растительное царство. К этой ступени органической истории относится весь первичный, или палеозойский, период геологии и, вероятно, также мезозойский, кроме последней его части. В дальнейшем действие нормальных причин простирается до области сверхнормального развития всех низших типов животных и кончается при переходе к одной из более высоких ступеней животного развития; для этого перехода имеет значение только нервная организация, которая и определяет его независимо от скелетного и всякого другого типа строения. Влияние сверхнормальных причин впервые ясно обнаруживается в жизни насекомых, хотя оно смутно чувствуется и в некоторых организмах, стоящих на более высокой или более низкой, чем насекомые, ступени принятой зоологической классификации; шире оно проявляется в жизни птиц, а еще более выдающимся образом в жизни млекопитающих и решительнее всего в жизни человека.

Читатель сейчас же заметит, что описанное здесь сверхнормальное влияние во всех отношениях соответствует тому, что в VIII главе было названо душой; остается показать, что оно составляет также и преобразующее влияние природы. До сих пор изменения в строении и ходе эволюции определялись главным образом окружающей средой в ее взаимодействии с чисто растительными процессами жизни. Теперь же перемены и превращения производятся главным образом организмом, действующим под влиянием известного рода внутренних побуждений. Эти два вида эволюции можно считать относительно объективным и субъективным видами;

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

субъективная эволюция составляет первую главу в субъективной психологии. Она начинается с появлением души в природе, с первым признанием потребностей творений, с возникновением желаний и с началом того великого крестового похода, успехи которого изображены в IX главе.

Преобразующее влияние отражалось иногда на окружающем мире, иногда на организме, но все, что оно затрагивало, должно было уступать его могуществу и сообразовываться с целями действующей силы, которые всегда заключались в удовлетворении желаний. Непосредственным орудием этого было *действие (action)*, в том смысле, в каком оно определено в последней главе; в этом смысле действие есть сама преобразующая сила — а субъективная эволюция представляет продукт всей суммы работы этой силы, направленной в разные стороны. Здесь полезно будет остановиться и рассмотреть некоторые из самых поразительных и характеристичных примеров преобразования в дочеловеческой (*subhuman*) стадии, прежде чем перейдем к рассмотрению важного значения этого вопроса для человека и общества.

К самым замечательным и в то же время характеристичным и первоначальным явлениям этого рода принадлежит влияние насекомых на мир растений. Вплоть до конца юрского периода растительность земного шара состояла, насколько мы знаем, исключительно из тайнобрачных и голосемянных растений, т. е. растений с незаметными органами воспроизводства, служившими единственно выполнению своей нормальной функции. Последняя выполнялась или посредством особого рода тесного самооплодотворения, или, при раздельных полах, с помощью ветра, или воды, или какого-либо иного механического и более или менее случайного посредника; причем размножение обеспечивалось только образованием большого количества спор или пыльцы, способной к перенесению. Известно, что в продолжение меловой эпохи появились растения, принадлежащие к классу тех, которые теперь приносят настоящие цветы, часто яркие и душистые; однако не найдено остатков цветов, относя-

ГЛАВА XIV. ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ 95

щихся к этому раннему периоду¹. Известно, что к концу той же эпохи, а особенно в продолжение третичной, появились насекомые, сходные с нынешними перепончатокрылыми, жестkokрылыми и чешуекрылыми. Таким образом, теперь известно, что единственная цель ярких и душистых цветов состоит в том, чтобы привлекать насекомых и гарантировать перекрестное оплодотворение. Отсюда тот логичный и научно обоснованный вывод, что цветы обязаны своим происхождением влиянию насекомых и что они развились одновременно с высшими типами последних в конце вторичного и в начале третичного периода. Только ботаник может вполне оценить всеобщий характер этого великого преобразования, совершенного духом жизни, перешедшим в ум этих ничтожных созданий и распространившимся по лицу земли.

В феврале 1886 г. д-р И. С. Ньюбери (*Trans.. N. Y. Acad. Sel., Vol. V, p. 137*) объявил, что он нашел цветы растения, принадлежащего к виду *helianthoid*, в Эмбой Клейзе (низшей меловой формации), Нью-Джерси. Месяц спустя (*Bull. Torr. Bot. Club, Vol. XIII, March, 1886, p. 37*) он предложил назвать эти цветы *Palaeanthus*. Я не согласился с этим определением ввиду прочно установленного теперь факта, что *Gamoperalae* — растения позднего развития, а *Composite* принадлежат, вероятно, к новейшему классу растений. Но так как я не видел образцов, а рисунки не были изданы, то я и воздержался от выражения своего мнения по этому предмету. Теперь же, когда я недавно имел случай рассмотреть как образцы, так и рисунки, снятые с них д-ром Ньюбери, я не колеблясь говорю, что факты не оправдывают его заявления. Вид этот, вероятно, родственный тому, который проф. В. М. Фон-тэн и я открыли в Потомакской формации у реки Джемс. Проф. Фонтэн причисляет эти цветы к *Williamsonia*, которые обыкновенно считаются принадлежащими к *Cuscutaceae*.

Эта часть статьи была написана в феврале 1892 г., а в начале апреля д-р Юджин Смит, правительственный геолог в Алабаме, и я составили коллекции ископаемых растений, добытых из двух очень благоприятных местностей этого штата, принадлежащих к Тускалузской формации, которая относится приблизительно к тому же времени, что и Эмбой Клейз в Нью-Джерси. Между материалами, собранными в обеих местностях, я нашел предметы, весьма похожие на цветы трех различных видов. В двух случаях как будто имеются чашелистики или лепестки, но, конечно, невозможно определить, были ли они окрашены для привлечения насекомых или нет.

96

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Подобная же эпоха началась несколько позднее, когда жизнь птиц стала реагировать на окружающие растения. До сих пор, хотя травы, кусты и деревья и приносили яркие и душистые цветы, вызванные к появлению насекомыми, плоды же, однако, должны были состоять из сухих корочек или других вместилищ, содержащих твердые и непитательные семена. Но ум птиц оказался способным превратить их в мясистые ягоды, или в косточки, или в питательные зерна, полные живительной белковины. В результате появились плодовые деревья с их пышными и сладкими мясистыми плодами и косточками; в то же время начали произрастать и злаки, дающие хлебные продукты.

Есть основание думать, что млекопитающие не только до некоторой степени способствовали достижению вышеизложенных результатов, но что они, кроме того, оказали важную услугу, ускорив и направив развитие деревьев, приносящих орехи (если только они не положили ему сами начало), в чем им содействовало, может быть, и влияние птиц. Все это не представляет умозрительной фантазии, но основано на действительно известных фактах о взаимных отношениях животного и растительного мира. Нельзя ручаться только за точность специальных подробностей; но вероятно, если бы вся истина была известна, она оказалась бы еще гораздо более удивительной, чем ее может представить воображение натуралиста, сдерживаемое осторожностью, которую внушает всякое научное исследование. Практически достоверно, что без этого психического фактора животного мира растительность земного шара не только была бы совсем не та, что теперь, но при этом ей недоставало бы столь многого из того, что теперь способствует прокормлению и наслаждению человека, что жизнь для него на земле едва ли была бы возможна. Рассмотрим теперь одно из важнейших преобразований, происшедших в животном организме. В низших формах живых существ размножение — бесполое. Дифференциация полов явилась нормальным процессом эволюции и совершилась очень рано. Сначала размножение едва отличалось от питания, одним из видов которого в теории его можно считать даже и на высших ступенях жизни. Разобшение полов в сво-

ГЛАВА XIV. ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ 97

ей первоначальной форме состояло в том, что способный к размножению индивидуум дополнялся посторонним оплодотворяющим деятелем или помощником, все значение и вся роль которого заключалась в разъединении или скрещивании зародыша, для того, чтобы предохранить его жизненную силу от истощения. Хотя самцом тут справедливо можно назвать последний, обычно сравнительно меньший и помимо целей оплодотворения не имеющий никакого значения организм, самкой же то другое, основное и настоящее существо данной расы или вида, однако же ясно, что имнно она составляет главный ствол и во всех других отношениях, кроме оплодотворения, и есть собственно организм. Истина эта подтверждается тем, что во многих случаях услуги оплодотворителя нужны только по временам и главный организм хотя бы до некоторой степени способен к воспроизводству без его помощи. Поэтому очевидно, что с точки зрения природы собственно организмом является самка, самец же представляет только принадлежность или случайность, иногда полезную, иногда необходимую. По мере дальнейшего развития достигнуто было большее равенство между полами, но и теперь почти у всех беспозвоночных и у значительной части позвоночных, особенно у низших видов, ясно обнаруживается превосходство самки над самцом. У многих, даже высших, насекомых самец мало

имеет значения вне своей роли оплодотворителя; часто он отличается кратковременностью жизни и в некоторых случаях лишен органов питания. У пауков наблюдаем мы тот теперь общеизвестный факт, что самец часто гораздо меньше самки и иногда становится ее добычей в то время, когда ухаживает за ней. Самец москитов малоизвестен, и его обыкновенно принимают за насекомое, принадлежащее к другому типу. Самец пчел, трутень, должен выполнять одну только функцию оплодотворения. У многих рыб заметна большая разница в величине обоих полов, и даже у некоторых птиц, как, например, у соколов, самка больше самца.

Из всего этого и многих других фактов, которые легко можно было бы привести, явствует, что с точки зрения природы и согласно с нормальным процессом эволюции самка

4 Зак. № 472

98 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

представляет главный пол и есть основной ствол развития, так как ею одной продолжается род, и разве только в высших видах нуждается она, обыкновенно для того, чтобы скрещивать породу и возобновлять жизненность отпрыска, в помощи свежего элемента, доставляемого самцом. Без вмешательства некоторого сверхнормального влияния превосходство самки было бы всеобщим явлением во всем животном царстве. Обратное же явление, наблюдаемое в большинстве пород птиц и млекопитающих, представляет аномалию и требует объяснения. Объяснение это дает нам тот самый закон, который мы теперь стараемся проиллюстрировать. Мы замечаем, что, подобно рассмотренным уже случаям сверхнормального развития, это явление начало обнаруживаться в раннюю третичную эпоху, т. е. в то самое время, когда душевная сила стала реагировать на растительный мир. Хотя рассматриваемое нами теперь явление не похоже на другие рассмотренные случаи, но причины их, как оказывается, весьма сходны. Предыдущее движение было обязано своим происхождением развитию тех способностей, которые помогают обеспечению доставления необходимого пропитания. Оно началось тогда, когда усилилось влияние обоняния, вкуса и зрения; когда впервые мед цветов, аромат и красота стали доставлять приятные ощущения. Одним словом, оно возникло одновременно с эстетической способностью, с ее первым появлением в мире. И тогда уже эстетическая способность едва ли не была такова, какой мы ее теперь видим в человеке, заявлявшем в своем самомнении, пока он не узнал новой истины (насколько-то он знает ее теперь?), что прекрасные и душистые цветы, восхитительные плоды и питательные зерна были созданы для него. Рассматриваемое нами теперь явление было также следствием развивающейся эстетической способности. Сам по себе грубый инстинкт размножения не имел для него значения; явление это было вызвано утонченным чувством красоты, романтическим выбором сожителей самками высшего типа животных. Эти бессердечные кокетки осуждали на вечное безбрачие более слабых некрасивых поклонников их прелестей; они предоставляли право сделаться отцом только тем, кто этого заслуживал особенной

ГЛАВАХІУ. ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ 59

доблестью, физической красотой, ростом или другими привлекательными качествами. Наследственность сделала остальное; а полученный результат доказывает, что метод был действительно таков, и позволяет нам составить себе определенное понятие о природе эстетических чувств, способствовавших отбору. Опять-таки мы находим их тождественными с высшими вкусами человека, так как и человек включает великолепное оперение птиц и ветвистые рога оленя и лося в число предметов, самых приятных для взгляда.

Есть много оснований считать хитрость одним из упомянутых нами средств к достижению женской милости. Если она и мало обнаруживалась в жизни птиц и млекопитающих, о которых шла речь, то она, может быть, была главным фактором в жизни предков человека в продолжение досоциального и дочеловеческого периода. Мы знаем, что ничто так не пленяет женщину, как проявление блестящих умственных способностей; поэтому легко себе представить, что самку *Anthropus'a* в африканских и лемурских лесах больше, чем всякое другое качество, привлекала проницательность самца и его умение обмануть соперников. Если это предположение верно, оно

объясняет многие трудности, представляющиеся исследователю, изучающему человека. Главным образом оно объясняет сравнительно малый объем женского мозга и относит большой мозг мужчины к числу второстепенных половых признаков, из которых многие, как известно, развиты отдельно в обоих полах. Таким образом, становится понятным тот факт, каким образом мужчина сделался существом с особенно развитыми мозговыми полушариями.

Одна сторона вопроса представляет особенный интерес. Я показал в главе X, что сравнительно с душой интеллект относится к позднему времени, так как он, по-видимому, возник только в конце третичной или даже четвертичной эпохи. Если вышеизложенная гипотеза оправдается, она послужит удивительным подтверждением мнения Шопенгауэра, что интеллект только случайность. Он не только является новейшей отраслью, в недавнее время отделившейся от почтенного психического ствола, представляющего чувства, но он случайность еще и в том смысле, что появление его

100 ЧАСТЫ. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

было вызвано сверхнормальными, или незаконными, эволюционными влияниями. Если бы Шопенгауэр знал законы и ход эволюции, он наверное заклеил бы интеллект названием незаконного продукта нечестивого союза. Но мы будем лучше смотреть на него как на побочное дитя, не ответственное за свое происхождение, от которого, как это бывает и между людьми, тем скорее можно ожидать высоких качеств и действительного значения.

Бросив взгляд на результаты, достигнутые на низшей стадии жизни преобразующим влиянием, которое всегда сопутствует желанию, ищущему удовлетворения, нам бы следовало теперь рассмотреть действие этого влияния в человеческой и общественной жизни; ради полноты следовало бы также обосновать какими-нибудь доводами наше утверждение, что здесь закон этот развернется во всей силе; однако же по многим причинам удобнее будет отложить обсуждение этого предмета до второй части сочинения, когда будут уже представлены все предварительные соображения. Пока достаточно будет заметить, что вся деятельность, особенно все важнейшие подвиги, человечества служит проявлением преобразующего фактора. Бесконечно разнообразные и интенсивные желания людей, проявляющиеся в действиях, стремящихся к их удовлетворению, произвели случайно, но с необыкновенной силой такие значительные перемены в окружающем мире, каких никогда не могли бы произвести животные или какие бы то ни было неразумные существа.

ГЛАВА XV

ДИНАМИКА УМА

Умственная сила относится к чувственной так же, как руль, управляемый кормчим, относится к парусам, управляемым ветром. Желание, не подчиняющееся влиянию разума, составляет истинную силу природы и повинуетя всеобщему закону динамики. Тела, испытывающие воздействие какой-нибудь нормальной силы, всегда стремятся двигаться по прямой линии, или прочь от отталкивающего их, или по направлению к притягивающему их телу. Если они двинутся по кривой или неправильной линии, это значит, что несколько причин действует на них в разных направлениях. То же самое бывает с организмами, побуждаемыми только желаниями. Они движутся прямо по направлению к предмету желания, подобно тому как тело, притягиваемое магнитом, движется прямо по направлению к последнему, а падающее тело — прямо по направлению к центру земли. — *Dynamic Sociology*, I, 486—487.

Давление голода есть действительная сила или ощущение, подразумевающее состояние некоторого нервного напряжения. Мускульное действие, которое им возбуждается, дает ему возможность перейти в движение тела, причем, если анализировать сопровождающие его умственные акты, можно убедиться, что переход этот совершается по линии наименьшего сопротивления. — Герберт Спенсер. *First Principles*, p. 244.

Все науки имеют дело с силами, называется ли данная сила тяготением, как в астрономии и барологии, или теплотой, светом, электричеством, магнетизмом и т. д., как в соответствующих отраслях физики, или сродством, как в химии, или жизненной силой, как в биологии; в каждом из этих случаев будет существовать динамический фактор, вызывающий явления во всяком отделе знания, которое только заслуживает название науки.

Прежняя психология, так долго носившая название метафизики, обязана своей бесплодностью тому, что в ней не было такого динамического фактора; поэтому она была совсем безжизненна. Она имела дело исключительно с интеллектом, который, как будет показано во II части, вовсе не есть

102 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

сила в собственном смысле. Метафизика не заключала в себе никакого оживляющего свойства, никакого живительного принципа. Поэтому она скоро выродилась и сделалась пошлой и пустой. В течение нескольких веков она занималась перемолачиванием старой соломы, которую обращала в порошок, пока наконец сама не задохнулась от пыли, подымавшейся из-под ее цепа.

Ум может быть предметом науки только рассматриваемый в целом. Динамический агент его заключается в чувствах. Умственная сила есть душа. Психическое могущество коренится в эмоциях. Энергия, приводящая мир в движение, есть шопенгауэровская «воля». Активный принцип чувствующей природы составляет желание. На романическом и разговорном языке эмоциональная сторона называется *сердцем*. Некоторые физиологи объясняли это невежеством; но в известном смысле название это более чем наполовину верно даже с физиологической точки зрения. Оно связывает эмоции не с течением крови, но с нервными токами, а если есть нервный центр, заслуживающий того, чтобы его назвать местом возникновения эмоций, то это, конечно, большой сердечный нервный пучок, принадлежащий к симпатической системе. Поэтому сильнейшие эмоции можно решительно отнести к этой области тела. Разговорное выражение можно защищать и с другой точки зрения; только не надо при этом забывать, что мы имеем в виду аналогии, а не буквальные факты. Физиологическое сердце скорее, чем всякий другой орган, представляет машину живого тела, насос для накачивания жизненной силы и ее местопребывание. За ним скрывается возбуждающая его система нервных волокон, пучков и узлов, запасающая и передающая нервный ток, составляющий самую силу. Та же сила, проникающая все тело и управляющая каждым органом его, возбуждает своим ритмическим биением все движения тела и все жизненные акты, как сознательные и разумные поступки, так и непроизвольные, растительные функции. Поэтому, если с нашей точки зрения мы назовем чувства великим сердцем природы, в противоположность мыслительной способности, составляющей голову природы, это будет не только риторическое украшение, но и

ГЛАВА XV. ДИНАМИКА УМА

103

до некоторой степени точное выражение научной истины. И чувства, и мыслительная способность в отдельности составляют предмет действительных наук, в которых, как и во всех науках, преобладает какое-нибудь особое проявление всемирной силы, благодаря чему они доступны точному изучению и могут дать полезные результаты. Чувство есть основа философии действия и как с точки зрения усовершенствования и прогресса, так и с точки зрения этики и счастья служит единственным истинным основанием науки об уме. Субъективная психология вносит в философию сердце и душу, придает ей жизнь и значение, делает ее практической и утилитарной и доставляет ключ к объяснению как прошлой истории, так и будущего прогресса.

При таком взгляде на предмет мы увидим, какой важный факт составляет чувство и как оно достойно всякого внимания и уважения. Для того чтобы психология сделалась наукой, необходимо преодолеть глупую сентиментальность, изгоняющую из философии чувство как недостойное занимать место рядом с его правнуком — интеллектом; надо также признать, что

эмоции и даже то, что мы обыкновенно называем низшими страстями, обладают равным с интеллектом достоинством и благородством, и надо указать их настоящее место в системе философии. Когда это будет сделано, не только многое из того, что теперь считается дурным, окажется хорошим, но многое ошибочное в теперешнем способе рассуждения уступит свое место верным понятиям о природе и жизни.

Из подходящих сюда иллюстраций возьмем только одну, именно обиденную оценку достоинства женщины вообще. На том основании, что она не обладает наравне с мужчиной способностью к отвлеченному мышлению, последний всегда показывает своим отношением к ней, как бы он его ни выражал, — а особенно ясно, когда совсем никак не выражает, — что она помимо своей функции продолжения расы имеет очень мало относительного значения в мире. Она могла бы ответить ему, что в его филогенетической истории был период, когда он, как это видно из предыдущей главы, буквально ни на что не был нужен, кроме выполнения функции размно-

104 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

жения; да и для этого, может быть, он не был необходим, а она поистине была тогда представительницей расы. Кроме того, она могла бы еще с большей силой возразить ему, что эмоциональный характер, в отношении к которому он признает ее превосходство над собой, не только гораздо древнее в истории развития, но и гораздо важнее по своей природе, а также полезнее в экономии человека и общества, чем его новейшая способность к умозрению. Чего бы она ни лишилась от действия описанных нами незаконных влияний, она все же сохранила лучшее из того, что имела, — свое сердце, с неумещающей силой и правильностью бьющееся в унисон с биением великого сердца природы, часть которого оно составляет.

Все сказанное до сих пор в этом сочинении должно было привести к той главной и центральной истине, что *«желание есть истинная сила природы»**. В этой формуле нет ни малейшей иносказательности, метафоры или аналогии. Она буквально выражает истину. Психическая сила вполне соответствует критерию, установленному для природы сил, а иллюстрировать ее можно бесчисленным множеством разнообразных примеров. Она подчиняется ньютоновскому закону движения. Животное тело, так же как и физическое, под влиянием одной только силы будет двигаться по прямой линии в том направлении, в каком действует эта сила. Если же на него оказывают действие две равные и противоположные силы, что в животном мире встречается не реже, чем в физическом, оно останется неподвижным. Если же эти силы не равны и не противоположны друг другу, тело будет двигаться по линии равнодействующей силы. Но так как в животном мире несколько сил всегда действуют непрерывно, то следствием их обыкновенно является стесненное движение и описывается соответственная кривая.

Из всех других видов силы или движения психическая сила ближе всего подходит к магнетизму. Это уже давно было замечено. Самое типичное из всех желаний — любовь; и вот во французском языке одно и то же слово служит причастием настоящего времени от глагола «любить» и названием магнита. Между этими силами есть, однако, явная и значи-

ГЛАВА XV. ДИНАМИКА УМА 105

тельная разница. Магнит, по-видимому, сам притягивает предметы, между тем как в желании субъект притягивается объектом. На самом деле между магнитом и предметом существует строго взаимное притяжение, как это бывает и при тяготении, специальным видом которого является магнетизм; только магнетические свойства предметов могут быть очень различны. Психическую силу можно также уподобить электричеству. Тогда на животное тело можно смотреть как на батарею, а функция жизни будет состоять в том, чтобы держать ее постоянно заряженной. Она соединена с мускулами, и сила движения ее будет аналогична силе движения электрического вагона. Нервную же систему можно сравнить с телеграфом или телефоном, причем волокна будут изображать проволоку. Но не в этих аналогиях надо искать доказательство динамического характера субъективных явлений. Оно заключается в природе самих явлений и вызываемых ими

результатов. Явления эти, как мы уже показали и как покажем еще полнее в следующих главах, ничем не отличаются от других естественных явлений, вызванных действием известных нам сил.

ГЛАВА XVI

СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Хотя мы полагаем, что все предметы на поверхности земли состоят из множества движущихся в своей среде молекул и хотя мы знаем, что они подвергаются вековым изменениям и рано или поздно должны без всякого человеческого воздействия принимать совершенно другой вид, тем не менее в ежедневном обхождении с ними человека их можно считать находящимися в состоянии покоя, или инерции. Сила тяготения и химическая реакция привели их в состояние равновесия. Хотя они весьма различаются между собой своими свойствами, формой, величиной, плотностью и т. д., они по большей части настолько доступны воздействию, что человек по своей воле может изменять их взаимные соотношения. Короче сказать, предметы не удаляются от него, не противятся ему, но позволяют подразделять их, изменять их форму, перемещать их в пространстве. Перед активными усилиями человека материалы природы являются совершенно пассивными. Они естественно пришли в статическое состояние. Свободные силы природы влияли на них в их предыдущем динамическом состоянии до тех пор, пока они не были приведены в настоящее состояние, в котором они менее всего могут оказывать воздействие на окружающие предметы. Между тем как их материя интегрировалась, движение их рассеивалось, пока наконец сила и материя вселенной или по крайней мере той части ее, которую занимает человек, не были разлучены или отделены друг от друга и не стали существовать и проявляться самостоятельно. Таково кажущееся положение вещей, таково оно и на самом деле в отношении к действиям людей.

Таким образом, предметы природы постоянно испытывали влияние окружающего мира до тех пор, пока они не пришли в крайне устойчивое состояние, на какое они только способны при существующих условиях. Поэтому справедливо можно предположить, что всякая попытка нарушить эти условия более или менее вывела бы их из устойчивого состояния и сделала бы их менее инертными и безразличными к влиянию свободных сил, все еще действующих на них. Так и случилось на деле, а неоспорима та истина, что необыкновенные результаты были достигнуты человеком в управлении материальными предметами земли благодаря тому, что он выводил эти предметы из спокойного состояния материальной смерти и ставил их в такое отношение к окружающим влияниям, приведшим их в это состояние, что последние снова

ГЛАВА XVI. СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ 107

могли вызывать в нем перемены и как бы оживлять их. Выражаясь научно, человеческая цивилизация могла возникнуть и идти вперед благодаря приведению материальных предметов из статического в динамическое состояние, или из состояния молярного равновесия в состояние молярной деятельности. —*Dynamic Sociology*, II, 379-380.

История человека, если она когда-нибудь будет написана, должна представлять собою отчет от его делах. В ней должны быть упомянуты и многочисленные изменения в положении некоторых воображаемых линий, проходящих по земной поверхности и называемых политическими границами, а также вызвавшие их события, но все это не должно составлять главной части человеческой летописи, занимая в ней только второстепенное место. Такие изменения и обуславливающие их события составляют явления временные, поверхностные и не важные. Они не оставляют по себе прочного следа, и время скоро совсем изгладит память о них из истинной летописи человеческих дел. Главная же часть настоящей истории человека будет посвящена воспроизведению этой истинной летописи. Хотя она и записана самыми событиями на челе природы, подобно тому как космическая история земли записана на скалах, ее надо, однако, изучать по этим запискам, истолковывать с помощью наблюдаемых в них фактов и передавать ее письменно и графически, т. е. трактовать ее так, как геолог трактует историю земли. Человеческие явления, или, как их обыкновенно называют, социальные явления, отличаются в этом отношении от геологических и других явлений только природой вызывающих их сил. Тут действует

психическая сила, описанная в последней главе. Орудием этой силы служит человек, а непосредственной причиной явления — человеческое действие. Так как человек в продолжение большей части своей истории был общественным существом и так как главные результаты его деятельности были достигнуты благодаря какому-нибудь роду социального сотрудничества, то обыкновенно и вполне справедливо такое действие называют социальным. Законы и принципы таких действий относятся к социальной науке, или социоло-

I

108 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

гии, таким образом для нас делается ясно, что социология опирается на психологию, особенно на субъективную психологию.

Субъективная психология есть философия действия. Если с точки зрения естественной истории оглянуться назад на все перемены, происшедшие в организме или в окружающем мире, то мы увидим, что они обязаны своим происхождением организму, действовавшему под влиянием психических или жизненных сил, и что с того времени, как сознательные желания начали определять поступки, произошли и теперь происходят большие преобразования. На низшей стадии жизни мы не будем останавливаться; очевидно, что из всех существ в человеке всего явственнее обнаружилась преобразующая сила. Представляя собою животное с незначительной физической силой, одаренное немногими естественными орудиями защиты и нападения, не обладающее ни способностью видеть ночью, ни тонким чутьем, ни особенным искусством в плавании, которое могло бы помогать ему при переселении, ни быстротой в преследовании или в бегстве, — человек тем не менее почти совершенно изменил как наружный вид, так и характер всего находящегося на половине поверхности суши и занял верховное место во всех обитаемых частях земного шара. Все это обыкновенно вполне справедливо приписывается уму, и я покажу во II части, какими специальными путями ум достиг этих результатов. Но с настоящей точки зрения я настаиваю на том, что двигательной силой ума были его многочисленные и все возрастающие потребности, для удовлетворения которых делались постоянные усилия и происходила беспрестанная деятельность. Эта целесообразная деятельность занимает место в ряду трех психологических терминов: она служит посредником между желанием и чувством, составляя необходимое условие удовлетворения первого посредством достижения второго. Здесь более чем где-либо удовольствие, или счастье, сделалось целью, хотя природа предназначала его только быть средством. Но самые перемены, произведенные деятельностью человека, вовсе не представлялись для него в каком бы то ни было смысле целью этой деятельности. Общая сумма всех этих

ГЛАВА XVI. СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ 109

перемен составляет то, что называется материальной цивилизацией; но человек никогда не делал цивилизацию целью своих усилий. Если же все достигнутое и принесло выгоду, то единственно обществу, как это показано в главе XIII.

Некоторые утверждают, что цивилизация может быть достигнута только деятельностью индивидуума, не сознающего цели этой деятельности, но выполняющего то, что ей способствует. Теперешнее состояние прогресса приводится в доказательство необходимости такого результата. Но допуская, что такой результат действительно получен на сегодня в некоторых местностях, мы все же должны отрицать, чтобы он повсюду оказался благотворным или чтобы влияние его где-нибудь было безусловно полезным; если же где-либо доставленные им выгоды и были очень велики, то нельзя ручаться, что это будет продолжаться неопределенное время. Можно также привести логические доказательства в пользу того, что гораздо большие выгоды были бы обеспечены, если бы общество было сознательным деятелем, ясно представляющим себе своей целью развитие. Но мы забегаем вперед. Надо только заметить, что хотя мы и называем деятельность целью общества, однако не наступило еще время, когда можно будет сказать, что общество сознает свою цель. Общество еще не начало искать ее. Оно не дошло до степени

психического развития, достигнутой насекомым в меловой период, птиц — в эоценовый, млекопитающим — в миоценовый и человеком в период четвертичной формации, когда сознательное желание стало внушать им деятельность, обеспечивающую его удовлетворение. Душа общества еще не родилась. Тем не менее общество извлекает пользу из результатов человеческой деятельности, насколько последняя вообще бывает полезна, — хотя бы она и была направлена исключительно к достижению цели индивидуального человека, т. е. к достижению счастья.

Сущность индивидуалистической доктрины состоит в том, что то, что полезно для личности, должно быть полезно для общества. Это положение основывается на том общепризнанном факте, что общество существует только для личности. Общество есть идея, платоновская идея, подобно иде-

по

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ям вида, рода, порядка и тому подобного в естественной истории. Реальна только личность. Рассуждают таким образом: зачем стараться приносить пользу тому, что лишено чувства и поэтому не может ее ощущать? Это благовидный довод, но он проистекает из непонимания того, что говорят социальные преобразователи, хотящие исправить общество. Между ними нет таких простаков, которые бы буквально представляли себе общество в каком-нибудь олицетворении и считали его одаренным потребностями и страстями. Под улучшением общества они подразумевают только такие изменения в его состоянии и устройстве, которые, по их мнению, привели бы к улучшению положения каждого из его индивидуальных членов. Поэтому их требования не представляют ничего нелогичного, а чтобы возразить им, надо в каждом отдельном случае показать, что та именно реформа, за которую они стоят, на деле не привела бы к тому улучшению положения индивидуальных членов общества, которое они имеют в виду. Такой аргумент был бы логичен.

Логично было бы также доказывать, что никакая возможная перемена в существующем строе (status) общества не может иметь благотворного влияния; но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь защищал это положение. Даже при самом поверхностном взгляде слишком очевидно, что беды, испытываемые индивидуумами, часто вытекают из общественного устройства, которое делает их неизбежными. Это происходит вследствие беспрестанных перемен, совершающихся во всех направлениях благодаря деятельности индивидуумов, стремящихся к своим целям. Перемены эти время от времени заставляют потребности масс перерастать стеснения, которые общество должно было наложить на них при прежних, совершенно других обстоятельствах. Так что если бы в какую-нибудь данную минуту можно было представить себе состояние совершенного приспособления личности к обществу, оно не надолго осталось бы таковым: новые внутренние перемены скоро опять привели бы индивидуальные единицы в несогласие с общественной совокупностью. Инерция общества и его свойство всегда отставать в росте от живущей массы и вызывает появление социальных реформато-

ГЛАВА XVI. СОЦИАЛЬНОЕ ЛЕЙСТВИЕ 111

ров, представляющих законный и необходимый, мало того, вполне естественный продукт всякой страны и всякого века. Одна из забавных нелепостей нашего времени состоит в том, что консервативные писатели, так напирающие на слово *естественный*, не знают этого факта.

Поэтому, до тех пор пока общество останется бессознательным продуктом индивидуальных требований каждого века, всякая организация его будет после некоторого времени оказываться не согласной с истинным духом века и отставшей от него; и это будет зачастую до того невыносимо, что вызовет более или менее сильные потрясения и социальные революции. Если же когда-нибудь идеальная организация общества сделается ясно определенной и сознательной индивидуальной потребностью, то ее можно будет снабдить такими гибкими элементами, которых будет

достаточно, чтобы сделать ее более или менее прочной. Но и здесь, как всюду, где действуют психические силы, цель человека, состоящая в счастье или в каком-нибудь улучшении его личного положения, должна живо представляться ему, возбуждая его желания и побуждая его к деятельности.

С

ГЛАВА XVII

СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ

Этические принципы являются порождением социальной системы. Они буквально связывают членов общества не посредством воображаемых уз, но посредством положительного принуждения. Одно из преобладающих понятий то, что человек мог бы вести себя безнравственно, если бы захотел; и только этот чистый «*принцип*» и удерживает большинство людей от подобного поведения. Такие идеи вытекают из доктрины о свободе воли и из других подобных заблуждений, наполняющих преподаваемое нам всем учение нравственности. Истина та, что люди принуждены поступать согласно с установленными правилами приличия. Благодаря этому условию общество могло развиваться. Немногие, которые пытаются нарушить лежащие на них ограничения, быстро гибнут. Они причисляются к классу преступников и попадают в исправительные дома; или же их клеймят названием фанатиков, мономаньяков и тщательно стерегут. Изгнанные из культурных центров, они в продолжение некоторого времени находят еще возможность продолжать свое вольнодумное поприще на окраинах цивилизации. Там они известны как «негодяи» и «отчаянные» и могут процветать до тех пор, пока не навлекут на себя быстрое правосудие «надзирательных комитетов», являющихся просто суровыми блюстителями нравственного закона в таких общинах. В самом деле, невозможно провести резкую границу между преступностью и наименее гнусными проявлениями безнравственности, но в развитых специальных центрах даже малейшее отклонение от прямого пути служит сигналом к остракизму, к лишению уважения, делающим жизнь невыносимой и доказывающим строго принудительный характер кодекса этики. Этот кодекс силой заставляет себе подчиниться и поэтому не нуждается ни в жрецах, ни в руководствах. Странно, здесь только и можно было бы правильно применить доктрину «*laissez faire*»¹ а между тем эта школа здесь взывает о «регулировании». — *Dynanic Sociology*, II, 372-373.

Главная цель действия в том, чтобы что-нибудь сделать. Поведение же стремится к тому, чтобы избежать какого-нибудь действия. Оно избегает вмешиваться в преследование другими людьми их целей, избегает препятствовать им в этом, избегает оказать пользу другому лицу, чем

¹ Принцип несоздания препятствий (*φρ.*).

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ 113

избавляет его от равносильного поступка, избегает причинить ему вред, который мог бы помешать ему в достижении цели. Поведение, все как есть, представляет ряд отрицательных поступков, на каждом шагу вмешивающийся в нормальный ход деятельности. Поведение так управляет поступками, что искусственно препятствует столкновениям действий или вызывает их. — *Dynanic Sociology*, II, 376-377.

Нравственное поведение, вместо того чтобы идти по прямой линии, каким его обыкновенно изображают, на самом деле идет по очень неправильной линии. «Прямой» путь на самом деле очень извилист, и время, потерянное при следовании ему, сильно удерживает мировой прогресс, хотя все же не до такой степени, как его задержали бы сотрясения и толчки, неизбежно последовавшие бы за уклонением с «прямого» пути.

Надо заметить тот удивительный факт, что предметом всех этических учений и сочинений, наводнявших мир с самых ранних исторических времен, всегда служили те поступки людей,

которые просто стремятся к избежанию столкновения интересов, хотя они гораздо менее важны, чем главное течение человеческой деятельности. — *Dynamic Sociology*, II, 377-378.

С социологической точки зрения этика есть не что иное, как точный перечень форм поведения, приспособленных к общественному состоянию людей таким образом, чтобы жизнь их была как можно продолжительнее и шире. — Герберт Спенсер. *Data of Ethics*, p. 133.

Наши пороки не что иное как наши переряженные добродетели, которые их степень или неожиданность делает злом. — Поп. *Essay on Man*, Epistle II.

Итак, несмотря на всю остроумную ложь француза, большая часть наших пороков — только переряженные добродетели. — Поп. *Ibid*.

Если бы кто-нибудь вздумал написать книгу, в которой, судя по заглавию, намеревался представить значение машин и их пользу для цивилизации, а между тем на самом деле ограничился бы рассуждением о трении, указывал бы на то, как важно довести его до минимума и какие для этого пригодны колеса, оси и рычаги, распространялся бы насчет масел для смазывания, — то он поступил бы подобно писателям, трактующим о деятельности человека и общества. Законы, прин-

114 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ципы, методы этой деятельности, так же как и важные результаты, достигнутые ею, без сомнения представляют величайший интерес для человеческого ума; однако же все это было оставлено без внимания, а тысячи томов были написаны о трении, порождаемом деятельностью людей, о представляющих ей препятствиях и столкновениях и о том, как их можно уменьшить. Этот лишенный значения предмет исследования был почтен высоким названием этики, а иногда даже еще более торжественным названием «науки о нравственности». Эти объемистые отчеты касательно «искусства понимать, чего и как нам не надо делать» напоминают традиционное сочинение ученика о булавках, где говорится об их пользе, состоящей в том, что они спасают от смерти людей, которые их не проглатывают.

Неудивительно, что люди, не привыкшие мыслить отвлеченно, как, например, богословы и авторы сентиментальных проповедей, превозносят нравственность и видят в ней главную цель жизни. Но то, что философы, обладавшие широкими взглядами и проницательностью, все одинаково не сумели предоставить этике в своих системах то место, которое ей в них естественно надлежит занимать, — этот факт навсегда останется любопытным явлением в истории человеческого ума. Можно было бы предположить, что по крайней мере те из этих философов, которые были также и представителями социальных наук и в качестве таковых должны были крайне тщательно изучить и анализировать разные виды социального действия, не могли не увидеть второстепенного значения и случайного характера отрицательных явлений, которые только и относятся к этике. Поэтому тем более удивляешься, что г. Герберт Спенсер сделал ее венцом своей великой системы синтетической философии и считает все остальные части этой системы только «добавочными» к этике, как он сам говорит.

Между тем как социология рассматривает все человеческие поступки, следовательно, включает в себя и этику, последняя занимается только ограниченным числом поступков, обнимаемых словом «поведение» и представляющих, как сказано выше, препятствия, на которые наталкиваются

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ

115

нормальные поступки. Они не важны не только по своей малочисленности, но и по своему вполне отрицательному характеру. Как и механическое трение, они стремятся к тому, чтобы задерживать правильные действия общества и, насколько возможно, препятствовать им. Поэтому они

совершенно не прогрессивны. Если кто-нибудь из нравственных соображений действует несколько иначе, чем его побуждают действовать заключенные в нем психические силы, то он тем самым ослабляет свой поступок. Конечно, я вовсе этим не хочу сказать, что не надо так поступать: очень часто это необходимо и во всех отношениях это лучше. Я хочу только показать, что с широкой философской точки зрения в нравственных поступках нет ничего удивительного или возвышенного. Если же рассматривать этот вопрос только с точки зрения социального прогресса, состоящего в достижении максимума прочных улучшений в окружающем человека мире, то всякая помеха к достижению этой цели является злом, а потому поступки, хорошие в нравственном отношении, дурны в социальном.

Можно допустить, что вопрос о препятствиях, представляющихся человеческим поступкам, и об избегании их труден и сложен, но он изучается уже так давно и так исчерпан, что ничего важного о нем уже не остается сказать. Великие нравственные правила так же древни, как и история людей. Они не раз проповедовались, начиная с Конфуция, но никогда никем не приводились в исполнение. К числу благороднейших принципов принадлежат принципы браминов; а Антонин и стоики составили такое чистое и возвышенное понятие о долге, какого только могут пожелать новейшие авторы сочинений о нравственности. Г. Спенсер объявляет, что он нашел научное основание для этики. Один том его «принципов этики» вышел теперь; но я не вижу, чем он оправдывает свое заявление, если только под «научным основанием» он не подозревает прежнего ее основания. То же, что он нашел нового, не входит в этику. Доктрину, что удовольствие есть благо, а страдание — зло и что цель действий заключается в счастье, если и можно назвать научной, то нельзя назвать этической. Это вывод, который смутно предвидели Спиноза и

116 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

другие и который вытекает из принципа, изложенного в VII главе, принципа психологии или даже биологии. Что касается спенсеровского «правосудия», то этот вопрос относится не к этике, а к юриспруденции. Рассуждение его о нем является партийной защитой крайнего индивидуализма, доходящего до практического анархизма.

Как ни важно само по себе нравственное поведение — а касательно его важности нет разногласия во мнениях, — его утрированное значение представляет, однако, много причин, ради которых следовало бы, чтобы оно менее поглощало внимание мыслящих людей. Нравственные правила, соблюдаемые в какой бы то ни было стране и во всякое время, составляют следствие, а не причину нравственного поведения. Если и есть взаимодействие между этическим учением и нравственным поведением, в силу которого каждое из них влияет на другое и содействует его преуспеванию, то взаимодействие это очень слабо. Достоверно то, что при слишком усердном наставлении в нравственности нравственное чувство может более или менее притупиться или быть заглушено, как это часто и случается, от беспрестанного повторения этических правил. Для личной нравственности, вероятно, было бы лучше, если бы этика преподавалась только с исторической и философской точек зрения.

Другое серьезное зло происходит от ошибочного мнения, что учение этики может сделать нравственный характер лучшим. Многие лица, особенно преподаватели, обыкновенно несут на себе такую гнетущую ответственность за нравственный характер тех, кто находится под их влиянием, что способность их быть полезными в жизни парализуется. Ни один не смеет сказать того, что он думает. Всякая оригинальность тщательно удалена из их произведений. Преподавание, благороднейшее из занятий, вырождается и становится педантизмом. Это дошло теперь до такой степени, что речи профессоров колледжей приняли стереотипную форму, и всякий проницательный студент заранее знает, что они скажут. А если бы кому-нибудь из этих профессоров случилось сказать что-нибудь оригинальное, то он счел бы себя обязанным немедленно отречься от сказанного или прибавить спасительную оговорку, что он не то хотел выразить. Теперь вошло в

обыкновенные серьезные статьи, речи и схоластические адресы, в которых уму была предоставлена некоторая свобода выражения, заключать «протестом», как называют это католические писатели, т. е. отречением от всего, что могло бы быть истолковано как угрожающее нравственности. Часто вслед за изложением какой-нибудь важной научной истины считают необходимым пояснить читателю, как судья поясняет присяжным, насколько в нее можно верить и каких заключений из нее не следует выводить. Университетские лекции до того заражаются этой настоящей нравственной трусостью, что стиль аудитории легко можно узнать и отличить от непосредственного изложения истины самым исследователем.

Та же разница заметна и между сочинениями профессоров и исследователей; раболепный страх одних составляет резкий контраст с мужественной смелостью других.

Задерживающее влияние такого положения вещей поддерживается и деморализующим действием эгоизма и самомнения, так как сознание постоянно оберегает нравственность других, порождает преувеличенное понятие о собственной важности; и к этой важности всегда забавно примешивается напускное смирение. Нечто подобное овладевает иногда и действительно великими умами, и, если их не удержит здоровое влияние извне, они легко могут впасть в такое состояние, что будут значительно переоценивать влияние, которое могут оказать их труды. Так случилось с Огюстом Контом, который, после того как он долгие годы держался своей «*мозговой гигиены*», т. е. не читал ничего и не разговаривал ни с кем, а только вырабатывал свою систему из глубины своего самосознания, вообразил себя наконец провозвестником нового откровения и назначил даже время, когда оно будет всеми принято. А разве не заметны следы такого преувеличения собственного значения у Герберта Спенсера, когда он в предисловии к своему «*Data of Ethics*» объясняет, что спешит изложить миру свою систему этики из боязни, чтобы от промедления не произошло серьезных бед? В этом ведь смысле он говорит, что не многие бедствия могут сравниться с теми, которые вызываются упадком и гибелью регулирующей системы, оказавшейся непригодной, прежде

118 ЧАСТЬ 1. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ **ми**

чем на смену ей явится другая, более пригодная. В сознании своей тяжелой ответственности он может по крайней мере утешиться взглядом, выраженным в этой главе, и порадоваться тому, что нравственность всего мира не подвергнется опасности, если он даже умрет, не окончив своих «Принципов этики».

Ко всему этому можно прибавить тот дальнейший закон, что нравственность составляет продукт социальной эволюции, а также одно из условий существования общества. Нравственный кодекс отличается от кодекса законов только тем, что ему подсудны дела, которые общество решает без помощи судов. Общество не потерпит неисправимо безнравственного члена. Чтобы принадлежать к обществу, не будучи в тюрьме, он должен отличаться добродетелями, принятыми в его стране в данное время. В этом отношении возможна, конечно, большая терпимость, но обращение с человеком его сотоварищей находится в зависимости от того, насколько он сообразуется с народным представлением о «праве», и, если он даже подчиняется законам, но упорно нарушает нравственные правила, он будет подвергнут ostracismu и лишен возможности зарабатывать средства существования, так что в конце концов погибнет и уступит место другому, который более будет сообразовываться с понятием о нравственности. Поэтому нет надобности проповедовать нравственность: она сама собою устанавливается, общество буквально принуждает своих членов соблюдать ее законы.

Мнение, что этика представляет только трение общества, могут обвинить в узости взгляда ввиду того, что некоторые части этики нельзя будто бы обнять этим определением. Я пытался найти такие отделы ее, но мне это не удалось, хотя иногда возражение с виду кажется справедливым. Могут сказать, что этика не касается непременно отношений к другим, но может ограничиваться и отношениями к самому себе. Человек может поступить безнравственно по отношению к самому себе, совершенно не касаясь другого индивидуума. Например, невоздержанностью он может оскорблять собственную природу. На это я отвечу, что это был бы действительно подходящий

пример, если бы человек этот один был в обширной пустыне и поступок его не был известен никакому-

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ 119

му другому человеческому существу. Но это только гипотетический случай, который никогда не осуществится на деле; а если бы что-нибудь подобное и случилось, то не имело бы никакой важности, так как такая жизнь была бы бесполезна для общества. Но раз человек примкнул к обществу, его безнравственные поступки начинают воздействовать на других и различным образом усиливают трение в общественном механизме.

Правда также, что я прежде всего имею в виду нормальное, или эгоистическое, поведение, а затем уже сверхнормальное, или альтруистическое, которое еще лучше можно назвать «сверхдолжным». По крайней мере благодетельность, благотворительность, филантропия и милосердие не проистекают прямо из столкновений в нормальном действии. Но если мы только проанализируем их мотивы, мы увидим, что они являются все же, хотя и косвенными, последствиями таких столкновений. Рассматривая благотворительность как общий тип сверхдолжных поступков, мы ясно увидим, что она предполагает предшествующее ей существование в обществе серьезных препятствий для нормального хода деятельности. Благотворительность существует только потому, что один из классов общества почему-либо в большей или меньшей степени лишен средств существования. Как мог образоваться такой класс? Ясно, что он был вызван препятствиями, представлявшимися нормальным действиям этих людей. Пища существует в изобилии. Благотворительный класс, обладающий достаточным излишком, чтобы прокормить класс нуждающихся, составляет только горсть в сравнении с неблаготворящим классом, обладающим также излишком. Если бы те, которые ничего не имеют, могли действовать свободно, они завладели бы этим излишком. Что-то удерживает их от этого. Какого рода эта преграда, к делу не относится; необходимо только указать на то, что она существует. Этим мы хотим сказать только то, что что-то препятствует нормальным действиям, останавливает их, стесняет, подавляет, вследствие чего и появляются в обществе объекты для благотворительности. Таким образом, с нашей точки зрения, дела благотворительности служат способом, часто только временным, облегчить гнет, тяготеющий на этом

120 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

классе общества, удалить препятствия, мешающие ему жить, одним словом, преодолеть общественное трение.

Вышесказанное не зависит от этического характера как проявляющегося здесь общественного трения, так и благотворительности вообще. В настоящее время вошло в моду порицать все дела благотворительности с той мнимой научной и мнимой основательной точки зрения, будто бы это нарушает закон переживания способнейшего. Аргумент этот нельзя назвать ни научным, ни основательным; он выводится из внешнего сходства между жизнью животных и людей. Верно только то, и на этом основывается общераспространенное заблуждение, что по закону бережливости индивидуум всегда стремится достигнуть наибольшей выгоды при наименьшем усилии, поэтому неблагоразумная благотворительность легко может создать класс нищих, который становится в обществе точным подобием выродившихся паразитов, так хорошо известных почти во всякой области биологии.

Однако против благотворительности можно привести действительно основательное и научное возражение, которого я, впрочем, еще ни от кого не слыхал. Оно состоит в том, что подаяния благотворительного класса поступают не в класс нуждающихся, но в неблаготворительный класс. Для примера возьмем обычай давать на чай половым и носильщикам. Кто хоть немного когда-нибудь подумал об этом, что делать эти подачки значит просто давать деньги содержателю гостиницы или железнодорожной компании. Последних мы этим побуждаем продолжать платить маленькое жалованье служителям, предоставляя им надеяться на публику; и чем щедрее публика, тем ниже жалованье. Если бы все решились совсем перестать давать на чай, эти служители стали

бы получать определенную плату, как и все другие служащие. Благотворительность и милостыня в принципе не отличаются от давания «на чай». Правда, что получающие «на чай» в точности знают, кто им дает деньги, как бы по праву следующие им; между тем как в первом случае дающие составляют многочисленный и неопределенный класс. Но несомненно, что люди, обладающие богатством на земле, владеют и частью, принадлежащей тем, кто не имеет ничего. Избежать этого вывода можно, только сказав (как многие и готовы это сде-

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ 121

лать), что те, у кого ничего нет, не имеют права существовать в обществе. Но для того чтобы это положение имело некоторое основание, надо было бы, чтобы класс нуждающихся совпадал, был тождествен с преступным классом. Однако те же люди, которые не признают за неимущими права на существование, утверждают обыкновенно, что бедные нравственнее богатых, и должно быть верно, что богатые классы дают больший процент преступников, чем бедные. Против бедных остается еще только тот довод, что они обязаны своим положением лени и разврату. Но если бы можно было сравнить процент ленивых и развратных между богатыми с процентом между бедными, то результат для богатых получился бы еще более плачевным, чем когда речь шла о сравнительной преступности обоих классов. Итак, остается неопровержимым вывод, что достаточные классы по справедливости должны давать средства существования нуждающимся; и никакие выплаты со стороны благотворительных особ не могут свести этих счетов с обществом. Выплаты эти еще увеличивают излишек неблаготворительного класса теми суммами, которые доставляет благотворительный.

Вышеприведенные соображения служат только образчиком той близорукости и поверхностности, которая характеризует почти все слова и дела, имеющие отношение к этике. Происходит это оттого, что по самой природе предмета нельзя рассуждать о нем логически и основательно. Как только мы применим к нему научные и логические принципы, он выйдет из области этики и будет касаться социологии. Основания этих наук противоположны друг другу. Этика имеет в виду обуздание социальной энергии, социология — освобождение ее. Философия, стремящаяся к тому, чтобы заключить и сдержать великую силу природы, не может быть прочной. Это все равно что пытаться задержать плотиной волны реки и надеяться в конце концов достигнуть успеха.

Эта мысль может служить введением к основной истине, которой надо заключить рассуждение об общественном трении. Эта истина состоит в том, что весь предмет этики имеет временный характер, а состояние людей, к которому он относится, есть состояние переходное. Есть люди, которые, посвящая всю свою жизнь добрым делам, воображают себе и

I

122 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

будущую блаженную жизнь такой, что в ней не будет никакого другого занятия, кроме делания добра. Они забывают, что их учили тому, что в той жизни никто не будет нуждаться в их служении. Если бы они могли себе представить такое состояние, оно показалось бы им тягостным, так как они были бы лишены единственного, что им доставляет наслаждение. Я знавал положительно святых людей, которые, казалось, так жаждали возможности делать добро, что не могли скрыть тайной радости при всяком несчастном случае, обещавшем доставить им эту возможность. Если бы все людские страдания были уничтожены, такие личности лишились бы своего занятия. Однако г. Спенсер и другие этические писатели, повторяя общее широко распространенное убеждение, считают поведение, согласное с этикой, высшей степенью человеческого совершенства, а самую этику — целью философии.

Мысль, что для этики всегда должно существовать поле действия, составляет только часть той более общей мысли, что положение вещей всегда останется таким, как теперь. Обе они

господствуют наперекор тому факту, что многие радикальнейшие перемены на самом деле уже не раз происходили даже в тесных границах человеческой истории. Слова «нищих вы всегда имеете с собою» считаются выражением неизбежной социальной истины. Без сомнения, в настоящее время они так же верны, как и две тысячи лет тому назад, но это не дает нам права утверждать, что они останутся верными еще через две тысячи лет. Многие считают даже, что они перестанут быть верными уже через двести лет. Если это случится, такая перемена будет вызвана не этическими учениями, но улучшением социальной организации. Начав с бедности, можно перебрать и все остальные социальные факты, делающие возможным этическое поведение, и вообразить их в теории несуществующими. Конечно, такую идею назовут химерической и несбыточной. Согласимся с этим; но все же остается верным то, что с удалением одного из существующих зол область этики несколько ограничится. Если отрицать возможность этого факта, то придется всю этику признать бесполезной. Допуская же его возможность, надо стараться лишить ее всей ее области.

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ 123

Но разве эта мысль совсем несбыточна? Разве нравственность не сделала успехов? Если так, то зачем продолжать внушать нравственные правила? На самом деле мы достигли большого прогресса в нравственности. Пусть кто-нибудь прочтет историю Англии или даже называемый историей скудный отчет о королях и их подвигах и пусть сравнит поступки людей в эпоху от XII до XVI столетия с поступками людей, занимающих в настоящее время сравнительно такое же положение в обществе или в стране; пусть он затем скажет, замечен ли прогресс в нравственности. Даже Россия, которую мы называем деспотической, не представляет теперь ничего такого, что бы можно было сравнить с открытой и беззащитной безнравственностью, практиковавшейся по всей Европе триста лет тому назад. Другой пункт, который надо заметить, состоит в том, что весь этот действительный нравственный прогресс вовсе не произошел благодаря внушению и навязыванию нравственных правил. Мы им обязаны исключительно ходу событий, именно: росту научных идей, распространению литературы, влиянию торговли, учреждению университетов, изобретению книгопечатания, введению машин и мануфактур; вообще прогрессу мысли, обнаружившему ужасные прежние злоупотребления и создавшему новый кодекс нравственности, которому общество буквально заставляет подчиняться. Теперь люди, если бы даже и хотели, не могли бы быть такими жестокими и безнравственными, какими они были некогда. Сила общественного мнения подавила бы всякое проявление безнравственности. Другими словами, нынешняя улучшенная нравственность составляет, как я уже говорил, условие нынешнего улучшенного состояния цивилизации, и последнее служит причиной первой, а не наоборот, как учат истолкователи этики.

Социальное трение всегда производит тягостное действие, поэтому нравственный прогресс, состоящий в уменьшении трения, по народному пониманию ограничивается тем, что уменьшает скорбь, смягчает страдание, ослабляет нищету и вообще удаляет всякое бедственное состояние. Одним словом, он отличается отрицательным характером — и по большей части таким и бывает. Но возможен и положительный нравственный прогресс; он состоит в увеличении

124 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

удовольствий и наслаждений и в доставлении людям более глубокого и полного счастья. Насколько социальное трение тягостно, настолько социальное действие приятно. Всякое желание стремится к отправлению какой-нибудь функции, и только то, что делает такое отправление возможным, и может сделаться предметом желания. Поэтому счастье может увеличиться только с увеличением количества и интенсивности удовлетворимых желаний. Обоими этими путями оно и было в действительности значительно увеличено. Не развивая далее этого принципа, я просто укажу только на недавнее происхождение двух возвышеннейших источников теперешнего наслаждения человека в цивилизованных странах, именно на музыку и на то, что может быть названо красотой в аморфном, т. е. в пейзаже, в облаках, в море, в скалах и в горах. В так называемые древние времена люди, по-видимому, не обладали способностью ценить эти источники наслаждения; мы ее наблюдаем только у новейших цивилизованных рас. По крайней мере нигде она не была развита настолько, чтобы в ней заключалась значительная часть

наслаждений, которую мы с этой точки зрения находим в жизни. Зародыш же ее, способный к развитию посредством цивилизации, существовал, без сомнения, у всех племен и во все времена.

Итак, высший идеал счастья состоит в свободном упражнении наибольшего числа самых энергических способностей. Таков же должен быть и высший идеал этики. Но ясно, что осуществление его совсем отменило бы нравственное поведение и удалило бы самый предмет этики из области философии. Уничтожить препятствия, мешающие свободной деятельности общества, значит уничтожить так называемую этическую науку. Открыто признанная цель этики состоит в том, чтобы уничтожить самое себя. Высшая этика заключается в отсутствии этики. Идеальное нравственное поведение есть поведение вовсе не нравственное, или, выражаясь правильнее, высший идеал нравственности состоит в том, чтобы не было ничего, что можно бы назвать нравственным.

Как с точки зрения социального прогресса, так и с точки зрения индивидуального благополучия желательное заключается в предоставлении свободы социальной энергии. Соци-

ГЛАВА XVII. СОЦИАЛЬНОЕ ТРЕНИЕ

125

олог требует ее, потому что она увеличивает прогрессивную силу общества. Моралист должен бы требовать ее, потому что она увеличивает счастье. И то и другое заключается в деятельности, поэтому чем больше деятельности, тем лучше. Истинная нравственность, как и истинный прогресс, состоит в освобождении социальной энергии и в свободном действии силы. Зло заключается только в трении, которое надо побороть или по крайней мере довести до минимума. Этого можно достигнуть не увещаниями, а усовершенствованием общественного механизма. Влечения, которые производят зло, сами по себе не суть зло. Абсолютного зла нет. Ни одна из наших склонностей, причиняющих зло, не дурна по существу. Все они сами по себе хороши и необходимо должны быть таковыми, потому что они были развиты в человеке единственно с той целью, чтобы приспособить его к существованию, переживанию и прогрессу. Всякое зло — относительно. Всякая сила может причинить вред. Силы природы хороши или дурны, смотря по тому, на что они тратятся. Ветер есть зло, когда он толкает корабль на скалы, он — благо, когда он надувает парус и подгоняет его на его пути. Огонь — зло, когда он бушует в большом городе и губит жизнь и имущество; он — благо, когда он согревает жилища людей или создает чудесную силу пара. Электричество является злом, когда оно молнией падает из облаков и сеет кругом смерть и разрушение; оно является благом, когда пересылает нашим отдаленным друзьям сердечные послания. То же самое можно сказать про страсти людей, волнующие общество. Предоставленные самим себе, они, подобно физическим стихиям, всевозможными способами находят себе выход и постоянно сталкиваются с интересами тех людей, которые случайно стоят у них на дороге. Но, как и стихии, они легко поддаются влиянию истинной науки, которая направляет их безопасными, даже полезными путями и делает их орудиями добра. В самом деле, с точки зрения социологии единственное благо заключается в человеческих желаниях (как они определены в IX"главе), ищущих удовлетворения в соответствующей деятельности. Эти желания составляют социальные силы.

ГЛАВА XVII 1

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ

Все существа, которые могут совершать какие-либо действия, выполняют их в силу известных умственных состояний, называемых желаниями. .. Желание представляет существенное основание всякого действия, а поэтому и истинную *силу* чувствующего мира, а последовательность заставляет нас признать верность этого положения также и относительно человека, как и относительно существ, занимающих низшее место на лестнице животной жизни... Классификация сил, действующих в области одушевленной природы, будет тогда равносильна, даже тождественна с классификацией желаний животных; а так как то, что верно относительно целого, должно быть

верно и относительно части, то такова же будет и классификация социальных сил. Нижеследующая таблица позволяет одним взглядом объять классификацию социальных сил, как она была уже набросана.

Dynamic Sociology, I, 472.

Только когда мы увидим, что процесс во всех случаях одинаково определяется силами и что его можно истолковать научно только в терми-

ГЛАВАХУШ. СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ 127

нах этих сил, только тогда дойдем мы до понятия о социологии как о науке в полном значении этого слова. — Герберт Спенсер. *Study of Sociology*, p. 329.

Ни один психолог еще не пытался — или же никому еще не удавалось — сделать полный анализ эмоций, разлагая сложные чувства на их простые элементы и восходя от их сложных эволюционных форм до их источника, кроющегося в первобытных страстях. Это многообещающий и весьма нужный труд остается еще выполнить; но когда он будет выполнен, окажется вероятно, что эмоции произошли первоначально из двух основных инстинктов, или — если мы прибавим сознание своей природы и цели — из двух страстей, именно: страсти самосохранения со средствами и способами самозащиты, которые она внушает и поощряет, и страсти размножения с любовью к детям и другими связанными с нею первобытными чувствами. — Модели. *Fortnightly Review*, April I, 1874, Vol. XXI (New Series, Vol. XV), p. 470.

Соразмерно этому забота о поддержании бытия при таких тяжелых, ежедневно снова стучащих в дверь требованиях обыкновенно наполняет всю человеческую жизнь. К ней непосредственно примыкает затем второе требование — продолжения рода. В то же время угрожают ему со всех сторон многообразнейшие опасности, для избежания которых он нуждается в постоянной бдительности. — Шопенгауэр. *Мир как воля*, I, 380.

Между тем как не всякое богатство производится трудом, всякий труд производит богатства. Человек трудится не потому, чтобы труд неизбежно предшествовал богатству, но потому, что богатство неизбежно следует за трудом. Земледелец стремится к обладанию продуктами, удовлетворяющими потребности; а двигательную силу во всем процессе составляет желание. Труд не надо себе представлять как «*vis a tergo*», толкающий мир вперед; но богатство надо себе представлять как сирену, манящую труд вперед. Богатство всегда составляет причину труда; но труд не всегда есть причина богатства. Природа, подчиненная и присвоенная в собственность, составляет богатство; подчинение природы человеком есть труд. — Э. Кларк. *Philosophy of Wealth*, p. 25.

Ввиду того что вопрос о социальных силах был уже так основательно разработан в «Динамической социологии», я конечно не имею в виду подробно его рассматривать в этой

¹ «Сила, приложенная сзади», сила толчка (*лат.*).

128 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

главе. Как я уже сказал в начале данной книги, социальные силы составляют одну из двух основных доктрин динамической социологии, которые вряд ли были замечены каким-нибудь другим писателем и до сих пор оставлены без внимания даже теми, кто расположен в пользу общей системы философии, набросанной в этом сочинении. Я забочусь о признании этого, как и всякого другого, принципа вовсе не потому только, что я его открыл; я был бы очень рад узнать, что кто-нибудь раньше меня развил его еще полнее, особенно если бы это способствовало признанию его всеми, так как я считаю этот принцип чрезвычайно плодотворным и притом таким,

который лежит в основании специальной науки и без которого эта наука не могла бы существовать; хотя и с этим принципом может случиться то же, что случается с большинством великих истин, именно, когда он будет хорошо понят, он может показаться почти трюизмом. Тем, которые найдут его слишком простым, я отвечу, что почти все важные истины очень просты и удобопонятны, что не помешало им, однако, долго оставаться непонятыми сначала и Производить революции в образе мыслей, после того как они были признаны и применены. Напротив, эти два качества, простота и разумность, и делали возможным такое их употребление.

Поэтому я вовсе не склонен думать, будто этот принцип тем, что он не был признан и не был применен к великим социальным и экономическим задачам, в значительной мере обязан скромному источнику, из которого он был предъявлен, или тому, что он не был возведен «ex cathedra»¹; я предпочитаю приписывать его неудачу причинам, более достойным способного и серьезного класса тружеников, работающих на этом поприще. Я не сомневаюсь, что неудача в значительной степени произошла оттого, что сочинение, в котором этот принцип был изложен, было по необходимости обращено к небольшому кругу читателей, требовало слишком большой сосредоточенности от занятого мозга деятельных исследователей, содержало много других мыслей, способных отвлечь внимание читателя, и, наконец, тому, что оно

¹ «С кафедры» (лат).

ГЛАВА XVIII. СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ

129

не попало в «curriculum» колледжей, т. е. в список материалов для обязательного чтения, избранных из большинства писателей и преподавателей¹.

С течением времени для меня делалось также все более ясным, что, хотя принцип этот прямо призывает в свидетели рассудок и разум, но современный строго научный метод сделал исследователей всех вопросов настолько осторожными, что они нашли его недостаточно доказанным в упомянутом трактате и не решились признать его в таком виде. Я же в то время был так сильно поражен этим принципом, такое он произвел на меня впечатление своей простотой и очевидностью, что из боязни навлечь на себя весьма возможное обвинение в стремлении доказать аксиому я воздержался от указания на его философские основания и ограничился тем, что возвестил его как очевидную для всех истину.

Последующее рассуждение было исключительно посвящено разработке частных, естественно из него следующих. Но со времени выхода в свет этого сочинения мне не раз уже указывали на то, что я с недостаточным вниманием отнесся к этой стороне предмета. Правда, что в нескольких местах, особенно в главах V, VII, IX и XI, я изложил общую философию желания с психологической точки зрения, но чем больше я о ней размышлял, тем труднее она мне казалась и тем очевиднее становилась для меня необходимость подвергнуть ее, как основание доктрины социальных сил, строгому анализу. Как ни проста кажется мысль, что желания составляют социальные силы, но едва только попытаешься пойти дальше и объяснить природу желаний, как возникают большие затруднения. Тут разворачивается вся философия чувства, и предстоит исследовать до основания запутанные вопросы страдания, удовольствия, души и воли, а также ряд сложных antecedentов индивидуальных и социальных действий. При этом не избежешь и рассмотрения социального трения, являющего собой загроможденную разным хламом область этики. Поэтому те, которые не решаются признать доктрину

¹ Сочинение это вошло теперь в учебный план аспирантур Чикагского и Ин-дианского университетов, а также университетов Корнелля и Кольби.

социальных сил в ее первоначальном изложении на том основании, что она недостаточно подкреплена научными доказательствами, кажутся мне гораздо более правыми, чем те, кто отвергает ее, находя ее слишком элементарной. К первым я питаю большее уважение, что я и хотел показать теперешней моей попыткой разработать основания этого принципа. Для этого я счел нужным держаться почти исключительно области психологии и показать, что принцип социальных сил опирается на один важный, хотя и заброшенный, отдел ее, который служит единственным надежным основанием для всей социологии. Вот на чем ум, ищущий причинной связи, может наконец остановиться с чувством удовлетворения.

Но в наших поисках за основами социологии мы как бы натолкнулись на истинную науку об уме. Источник обеих наук глубоко коренится в первом появлении чувствующей жизни, и вот нам волей-неволей приходится ощупью отыскивать свою дорогу при слабом мерцании рождающейся души. Мы присутствуем при возникновении великого преобразующего деятеля и следим за этой новорожденной силой, пока она не достигает зрелости в социальных силах. Из XV главы мы узнаем, что желание представляет естественную силу, которая служит основанием динамической психологии и объясняет нам перемены, происшедшие вследствие деятельности выеших животных и человека. Очевидно, что и социальные перемены были вызваны той же побудительной причиной, а отсюда вытекает та истина, что социальные силы — в сущности психические, вследствие чего и было необходимо искать основу социологии в психологии. Я хочу придать особенную силу этому факту, так как на нем недостаточно настаивали до сих пор, и писатели-социологи скорее, кажется, пытались основать эту науку на биологии и искать ее динамику в жизненных силах.

Хотя я употребил выражение *динамическая социология* в несколько специальном смысле, который вполне разъясняется в сочинении, носящем это заглавие, и сделается еще более понятен, если это только возможно, из второй части настоящего труда, однако я не упускал из виду и первоначального его смысла, в котором общество считается поприщем актив-

ГЛАВА XVIII. СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ 131

ных сил, явления его объясняются как вызываемые этими силами, а состояние его во всякое данное время и во всяком месте представляет результат прежнего действия этих сил. Употребление слова *динамический* в этом именно смысле принято в одной только геологии, где оно служит для обозначения особого отдела этой науки.

Но я не вижу, почему бы не ввести его и во все другие науки¹, так как все они, для того чтобы быть науками, должны заключать в себе динамический отдел. Кроме него большая часть наук или даже все они содержат в себе главным образом еще исторический и описательный отделы. Некоторые науки ограничиваются только последним. Динамический отдел в других науках, кроме геологии, или не был отдельно поименован или получил какое-нибудь другое название.

В астрономии этот отдел обыкновенно называется математическим; это самая точная из всех наук, если исключить из нее звездную астрономию, в которой до сих пор почти еще нет динамического отдела и которую, следовательно, едва ли можно назвать наукой. В физике динамический отдел не получил отдельного названия, потому что он обнимает почти всю науку. В химии он заключает в себе все, что касается сродства и реакции, так что помимо него в науке мало что и остается, кроме описания химических веществ и истории их открытия.

В биологии динамический отдел не признавался до времени Дарвина. Ламарк и немногие другие положили ему основание и обратили биологию в науку; но их взгляды не были приняты. Теперь же биология содержит ясно определенный динамический отдел, и необыкновенные успехи, сделанные этой наукой со времени Дарвина, свидетельствуют о живительной силе, которой обладает этот принцип, когда он бывает применен, или, короче, о могуществе научного исследования предмета.

¹ Эта глава была написана в начале марта 1892 г., а после этого времени проф. Пенсильванского университета Саймон Н. Пэттэн издал сочинение, озаглавленное: *Теория динамической экономики*. Publications of the University of Pennsylvania. Political Economy and Public Law Series, Vol. III, № 2, Philadelphia, 1892.

132 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Прежняя психология была совершенно лишена динамического отдела. Это была не наука, а просто метафизика; т. е. она витала за пределами природы и была трансцендентальна, как признавали сами метафизики. Объективная психология сама по себе в сущности всегда такова. Психология становится наукой, только когда принимаются в соображение субъективные явления, так как в них-то и заключаются действующие в ней силы.

Что касается социологии, то, хотя Конт, основавший эту науку и давший ей название, и усматривал в ней смутно существование динамического отдела и даже трактовал отчасти социальную статику и динамику и хотя Спенсер в своем раннем труде, озаглавленном «Социальная статика», подразумевает существование социальных сил, я обязан тем не менее заявить, что определенный динамический отдел в этой науке не был признан до появления «Динамической социологии» в 1883 г. Произошло это не потому, чтобы Конт и Спенсер не пытались установить этот отдел, но потому, что оба они делали ошибку, считая социальные силы жизненными, а не психическими. Оба они замечали аналогию между обществом и организмом, а Спенсер разработал ее даже до мельчайших подробностей. При этом хотя он и слишком компетентный биолог, чтобы не видеть, что это только аналогия и что общество не есть организм в буквальном смысле, однако он упорно трактует развитие общества с биологической точки зрения и считает обуславливающими его причинами те же биологические законы и принципы, которые он так искусно толковал в своих «Принципах биологии».

Спешу впрочем заявить, что всем этим я вовсе не хочу сказать, будто бы ни одному писателю не удалось постигнуть ни существования истинных социальных сил, таких, как я их определяю, ни того факта, что желания составляют *эти силы*. Нет ни одной важной истины, установленной научным исследованием, которую не наметили бы в неопределенных, но понятных выражениях такие поэты и пророки, как Гёте, Шекспир и Эмерсон. Из прежних философов Спиноза, Гоббс и Бэкон начертали значения голода и любви как главных пружин человеческих поступков. Из новейших Модели ясно

ГЛАВА XVIII. СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ 133

усматривал социальное могущество любви, отличное от ее физиологической функции. Надо однако согласиться, что как Конт, так и Спенсер заметили эти скрытые причины социальных явлений, не раз ссылались на них и признавали их основную природу. В самом деле, какой философ или даже просто мыслящий человек может не видеть, что голод, любовь и вообще нужда вовлекают людей в великую борьбу с природой и поглощают энергию большей части человечества. По народному представлению «деньги», правда, составляют все, к чему мир стремится, или «деньги и женщины», как полнее и определеннее выражаются некоторые грубые, но проницательные натуры, и простонародные газеты, объявляющие в заголовке, что «в это дело замешана женщина», свидетельствуют о том, что любовь в обществе признается всемирной силой.

Но все это еще не является философией, а показывает только, что массы смутно заметили принципы, которых никто, однако, не мог бы сформулировать. Эти принципы нельзя считать установленными потому только, что поэты воспользовались проблесками их, замеченными массой, для изящных эпиграмм и вплели их в свои повести. Всякий знает, какой огромный труд необходим для того, чтобы какая-нибудь великая истина была обнаружена и действительно получила жизнь. Несколько университетских лекций, несколько опытов в лаборатории и даже тщательно составленные мемуары в «Philosophical Transactions» не установили бы закона тяготения. Для того чтобы мир овладел этой истиной, потребовался труд целой жизни, завершившийся созданием «Principia». Чтобы установить закон органического развития, Дарвин

должен был написать по крайней мере пять томов, переполненных фактами и снабженных вескими аргументами. Идея космической и органической эволюции нисколько не продвинулась, пока на помощь ей не явилась синтетическая философия. Так бывает со всеми великими идеями. Литтрэ выразил эту мысль в своем предисловии к курсу «позитивной философии» Конта, изданному в 1869 г., сказав, что «не бывает великой доктрины без великой книги» (*il n'est point de grande doctrine sans grand livre*). Поэтому я

134 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

полагаю, что потребуется гораздо более двух толстых томов, для того чтобы идея динамической социологии действительно получила распространение; а те 132 страницы, которые посвящены одному из двух основных принципов этой доктрины, должны быть дополнены еще половиной нового тома, где этот принцип прямо будет утвержден на его психологическом основании так, чтобы не оставалось для него ни малейшей возможности пошатнуться и чтобы ничто не грозило нарушить его прочную связь с природой. Биология представляет для него неудобное и ненадежное основание, так как между ними чувствуется пробел в причинности, на психологию же он опирается естественно и безопасно, так как мы знаем, что динамический отдел психологии становится тем же и для социологии, как только мы переходим от индивидуума к обществу. Социальные силы — это те же психические силы, только действующие в коллективном состоянии человека.

Настоящий труд и предпринят с той целью, чтобы пополнить прежний. Там были определены социальные силы, установлены их законы, показано их действие и влияние; но их происхождение, природа и причина не обсуждались. Предыдущие страницы должны восполнить этот пробел и утвердить на научном основании самую доктрину существования естественных сил в обществе.

ГЛАВА XIX

КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ ИЗЛОЖЕННОГО

Полезно вкратце повторить различные ступени, ведущие через лабиринт умственных явлений к полному понятию о социальных силах.

Умственные явления в их самом широком смысле относятся к двум различным классам; один из них обнимается чувством, другой интеллектом, причем оба эти термина понимаются настолько широко, что включают в себя предварительную, или первоначальную, стадию, так же как и дополнительную или производную. Отдел чувства составляет субъективную психологию, отдел ума — объективную.

Впечатление, производимое предметом с помощью соответствующего посредника на нервы внешних чувств, вызывает ощущение. Ощущение вызывается непременно, хотя при некоторых внешних чувствах организм, как единица, или «Я», не сознает его. Вызванные таким образом ощущения можно распределить на следующие классы:

Ощущение состоит в передаче впечатления в сенсориум в виде предполагаемого незначительного молекулярного изменения в волокнах вносящего нерва и в обратной передаче его по выносящему нерву к раздраженной точке. Будет ли ощущение интенсивным или безразличным — это зависит от силы впечатления. Сильные впечатления производят ощущения интенсивные, слабые — безразличные. Субъективная психология касается интенсивных ощущений и следующих за ними явлений. Объективная психология вытекает из без-

136 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

различных ощущений. Ощущение настолько слабое, что хотя его и можно различить, но оно не причиняет ни удовольствия, ни страдания, сообщает мозгу познание о предмете, которым оно было вызвано. Это познание называется представлением. Представления — это впечатления, произведенные нервным током на корковый слой мозга. Они запечатлеваются, так что делаются более или менее прочными, благодаря чему мозг может обладать множеством представлений. Все эти представления беспрестанной деятельностью всего мозгового вещества при помощи бесчисленных соединительных волокон комбинируются, группируются, сравниваются и классифицируются. У каждого предмета много свойств, и, когда некоторое число их бывает воспринято, ум описанным только что процессом соединяет их в понятие о целом предмете. Подобным же образом сравниваются между собой и понятия, и их согласие или несогласие становится третьей психологической единицей, называемой суждением. Суждения также подвергаются подобным процессам, и в результате получаются всевозможные формы рассуждения и мышления. Память, воображение и художественное творчество обуславливаются тем фактом, что все психологические операции более или менее запечатлеваются в мозговом веществе и по произволу, в какое угодно время, могут быть употреблены в дело. Весь этот процесс, как бы далеко он ни зашел, составляет предмет объективной психологии, или интеллектуальные явления.

Чувственные явления, составляющие предмет субъективной психологии, весьма отличны от интеллектуальных, составляющих предмет объективной психологии. С чувствительным аппаратом всегда бывает связан двигательный. Интенсивное ощущение всегда действует на двигательный нерв, соединенный с соответствующими мускулами, вследствие чего они сокращаются. Если ощущение было тягостно, сокращаются те мускулы, которые стремятся удалить орган или весь организм от предмета, причиняющего страдание. При приятном ощущении сокращаются противоположные мускулы, и орган или организм приближается к предмету или старается продолжить или усилить ощущение.

ГЛАВА XIX. КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ ИЗЛОЖЕННОГО 137

Кроме пяти внешних есть еще шестое внутреннее чувство, которое можно назвать эмоциональным. Подобно осязанию и в противоположность остальным четырем чувствам оно рассеяно по всему телу и не имеет особенного местопребывания, хотя и для него существует много областей с усиленной чувствительностью благодаря широким нервным пучкам. Эмоциональное чувство локализовано главным образом или даже исключительно в тех частях тела, которые снабжены волокнами большой симпатической нервной системы. Специальная отличительная черта эмоционального чувства состоит в том, что материальные предметы не могут действовать на него ни непосредственно, ни через посредство какого-нибудь проводника; впечатления доставляются ему только нервными токами, идущими из мозга. Поэтому эмоциональные ощущения вызываются преимущественно психологическими объектами, продуктами описанной выше мозговой деятельности. Деятельность эта называется иногда идеацией, а продукты ее — идеями. Идеи и вызывают эмоциональные ощущения. Эмоциональное чувство и эмоциональные ощущения имеют первостепенную важность для субъективной психологии, хотя они и находятся в зависимости от объективных психологических явлений.

Удовольствие и страдание являются условиями существования пластических организмов, так как удовольствие вызывает акты, обеспечивающие питание и размножение, а страдание — те, которые обеспечивают безопасность. Чувствительность к обоим развилась под влиянием законов полового отбора и переживания способнейшего и не представляет особенной биологической аномалии или чего-нибудь непонятного. Для достижения этих целей в нервной системе двигательный аппарат присоединен к чувствительному, и интенсивные ощущения всегда ведут к движениям, вызываемым природой предмета, производшего ощущение.

В животном мире под влиянием закона эволюции совершался постепенный процесс увеличения мозга, благодаря которому увеличилась способность сочетать представления о качествах предмета в понятия и в запоминаемые умственные состояния. Воспоминание о приятном ощущении и со-

ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

путствовавших ему обстоятельствах положило начало воображению удовольствия, не испытываемого в данную минуту. Это умственное состояние реагировало на эмоциональное чувство, производя особый вид ощущения интенсивного и в сущности тягостного по своей природе, но не похожего на первоначальную форму страдания. Такое ощущение называется желанием. Желание может быть названо вторичным, или репрезентативным, страданием в противоположность тому, которое причиняется слишком сильным столкновением с предметом и представляет первоначальное, или презентативное, страдание. Желание по природе своей непреодолимо, зуд его успокаивается только с достижением соответствующего предмета, который должен доставить приятное ощущение, представлявшееся в данном случае уму. Подобно другим ощущениям, оно сопровождается двигательным воздействием, причем сокращаются те мускулы, которые увлекают организм к желаемому предмету. Достижение предмета не только удовлетворяет и прекращает желание, но и доставляет представлявшееся уму удовольствие. Так как желание может проистекать только из идеи какого-нибудь доставляющего удовольствие качества предмета, то оно должно было развиваться одновременно с органом, функция которого состоит в образовании идей, т. е. с корковым слоем, или мозговыми полушариями. Поэтому ближайшим результатом увеличения мозга было развитие и умножение сознательных желаний.

Следствием этих процессов увеличения мозга и умножения желаний явилось усиление деятельности в животном мире, а эта деятельность сделалась преобразующей силой. Предметом главных желаний были питание, защита и воспроизведение, которые и составляют цели природы; других целей у нее нет. Но так как удовлетворение желания, обеспечивая достижение этих целей, в то же время вызывало чувство удовольствия в организме, то это удовольствие и сделалось целью, и притом единственной, к которой стал стремиться организм. Достижение же ее обеспечивает цели природы, функции. Преследование цели организма привело к важным результатам, не имевшим отношения к удоволь-

ГЛАВА XIX. КРАТКОЕ ПОВТОРЕНИЕ ИЗЛОЖЕННОГО 139

ствию или к функции, но произведшим большие перемены в устройстве органической жизни и окружающих ее условий. Важнейшие из этих перемен на низшей ступени развития состояли в создании растительности, приносящей цветы и плоды, в переходе физического превосходства от самки к самцу и, вероятно, в развитии первой руководящей способности мозга, называемой проницательностью, или хитростью.

Преобразующая сила не заключалась ни в желании, ни в удовольствии, вызываемом его удовлетворением, ни в функции, которая при помощи этого удовлетворения выполняется, — но в деятельности, вытекающей из усилий, направленных к достижению этих целей. Перемены, произведенные ею, не имелись в виду ни природой, ни организмом, но были вполне случайны. Они не всегда оказывались полезными, но в общем до сих пор были прогрессивны. Они отметили великие эпохи в эволюции; поэтому настоящую выгоду извлекла из них эволюция, или общий органический прогресс. Что касается вопроса о желании, то можно сказать вообще, что

- 1) цель природы — функция;
- 2) цель организма — удовольствие;
- 3) цель эволюции — деятельность.

Если рассматривать действия как движения, производящими их силами являются желания, а науку о них можно назвать физикой ума, или *психикой*. Она составляет динамический отдел психологии, и ее можно также назвать динамикой ума.

На человеческой стадии развития мы не замечаем перемены в природе рассматриваемого нами принципа, но только кооперативные свойства животного—человека, создавшие то, что называется обществом, придают этому принципу еще гораздо большее значение.

Будучи, подобно низшим животным, только еще в сильнейшей степени, воодушевлен желаниями и стремясь к высшим и более общим удовольствиям, понимаемым под словом «счастье», человек почти так же бессознательно, как и они, проявлял множество разнообразных и беспрестанных усилий, которые сопровождались всеобъемлющей, постоянной

140 ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

и неутомимой деятельностью и производили обширные, радикальные и огромные перемены в окружающем мире. Перемены эти были не всегда полезны, как и те, которые были вызваны низшими существами; но в целом они тем не менее оказались прогрессивными и составили, вместе взятые, то, что называется цивилизацией. Перемены эти не были целью, к которой бы стремились природа или человек, и, насколько они вообще были полезны, главную пользу из них извлекло общество, которое относится к ним так же безлично и бессознательно, как эволюция относится к результатам животной деятельности. Итак, мы опять приходим к тому заключению, которое было выведено из XIII главы, а именно, что

- 1) цель природы — функция;
- 2) цель человека — счастье;
- 3) цель общества — действие.

Если смотреть на человеческую деятельность как на социальные движения, силой, производящей их, будут желания; они рассматриваются наукой, которую можно назвать социальной физикой. Она составляет динамический отдел социологии, или *динамическую социологию*, в первоначальном смысле этого слова, т. е. отдел, в котором обсуждаются социальные силы.

Часть 2

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Единственный способ, которым положение рода человеческого когда-либо было или может быть улучшено, состоит в утилизации существующих в природе материалов и сил. — *Dynamic Sociology*, I, 18.

Без научного наблюдения, без опыта и без здоровой теории немислим постоянный успех в технике. Он необходимо опирается на сознательное пользование силами природы, постигнутыми в их правильном действии. — Э. Дю-Буа-Реймон. *Culturgeschichte und Naturwissenschaft*, p. 19.

Какие тонкие перегородки отделяют чувство от мысли! — Поп. *Essay on Man*, Epistle I, line 226.

ГЛАВА XX

ОПУЩЕННЫЙ ФАКТОР

Оглядываясь назад на путь, пройденный эволюцией, и помня ее неровный ход, который я старался описать, мы можем различить в ней великие космические кризисы, или эпохи, резко выдающиеся над остальным ее течением и представляющие такие неожиданные и громадные перемены, что их можно предположить лишенными связи с предыдущим. К истории жизни, существующей на земном шаре, относятся три такие космические эпохи. Первая была — возникновение самой жизни; вторая — возникновение в природе души, или воли, третья — возникновение мысли, или

чистого интеллекта. Я не хочу этим сказать, что какой-либо из факторов, произведших эти эпохи, появился неожиданно или что можно провести определенные границы между жизнью и душой или между душой и интеллектом; но, выражаясь теоретически, верно то, что на деле они представляют собою различные принципы, имеющие различное действие, появившиеся в совершенно разные периоды истории земли и следовавшие один за другим в названном порядке. — *The Course of Biological Evolution*, p. 32.

Интеллект известен нам только из животной природы, следовательно, как второстепенное и подчиненное начало в мире, продукт позднейшего происхождения; поэтому он никак не мог быть условием бытия мира, равно как *mundus intelligibilis*¹ не мог предшествовать *mundus sensibilis*², так как первый только из второго и заимствует свой материал. Не интеллект произвел природу, но природа произвела интеллект. — Шопенгауэр. *Ueber den Willen in der Natur*, p. 39.

В конце V главы мы упомянули об одной оставленной без внимания способности, или интеллектуальном процессе, которую мы назвали *интуицией*, или *интуитивной способностью*, и которой решили специально заняться во 2-й части, где она будет служить главным основанием рассуждения. Этот опущенный фактор есть особое свойство ума и, что довольно странно, относится к отделу объективной психологии, т. е. к

¹ Мир умопостигаемого {лат.}.

² Мир чувственно воспринимаемого {лат.}.

144 ЧАСТЬ I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

тому отделу, который стал изучаться прежде всего и привлекал почти исключительное внимание.

Еще более странно то, что это свойство из всех относящихся к этому отделу было ранее всего развито и особенно полезно для существ, обладавших высшими атрибутами ума. Хотя оно относится к интеллекту, отправления которого были так тщательно исследованы, действие этого свойства не было описано; и несмотря на богатую терминологию, существующую для интеллектуальных способностей, это свойство не получило названия.

Значительно увеличив бесплодность прежней философии ума, происходившую главным образом, как сказано в XIV главе, от непризнания психических сил, это замечательное опущение имело такое же роковое влияние и на принятую социальную философию, которую оно низвело на уровень биологии, лишив ее единственной ее отличительной черты, именно свойственного ей человеческого, или антропического, характера. Это-то и есть недостаток прежней политической экономии, заключающейся в учениях Рикардо и Мальтуса; что касается социологии Герберта Спенсера и его приверженцев, то она представляет только широкое толкование двух первых писателей. Мальтус открыл биологический закон, но приложил его к человеку, к которому его нельзя приложить по причине этого опущенного фактора. Дарвин, который признавал, что его великие труды внушены ему сочинениями Мальтуса, увидел приложимость этого закона к животному миру и, доведя его до логического заключения, создал новую эпоху в биологии. Несмотря на то что закон Мальтуса был разбит на всех пунктах, осталось все же впечатление, господствующее и теперь, — будто это основной закон общества; общепринятая социология на нем и основана. Все направление социальных событий прямо говорит против этой доктрины, до такой степени, что защитники ее за последнее время все стали жаловаться на безрассудный и бешеный ход вещей; однако же никто не замечает, что этот ход вещей вызван элементом, совершенно оставленным без внимания общепринятой философией, и что, если иметь в виду

ГЛАВА XX. ОПУЩЕННЫЙ ФАКТОР 145

этот элемент, ход вещей не будет ни безрассудным, ни бешеным, но окажется нормальным и здоровым результатом естественных и законных причин.

Благодаря этому фактору человек и общество разве только в очень ограниченном смысле находятся под влиянием великих динамических законов, управляющих остальным органическим миром. Динамическая биология и динамическая социология представляют два совершенно различных отдела. Динамика общества в главном является антитезисом динамики животной жизни. Упомянутый нами психический элемент вытесняет природу *искусством*. Если мы называем биологические процессы естественными, мы должны назвать социальные процессы искусственными. Основным принципом биологии является естественный отбор, а социологии — искусственный подбор. Переживание способнейшего есть просто переживание сильного, или лучше это можно назвать истреблением слабого. Если природа прогрессирует благодаря истреблению слабости, то человек совершенствуется благодаря защите слабого. И так во всем. Все условия обратные.

Несправедливо было бы сказать, что современные ученые и философы не принимают во внимание таких важных вещей, как развитие мозга и возрастание человеческого разума. Они не видят только, какую радикальную перемену вызвали эти факторы. Воспитанные на здоровых принципах однообразия в природе, они естественно боятся сенсационных умозрений касательно катаклизмических перемен. Но с этим методом можно зайти слишком далеко. Так как если и верно, что природа не делает скачков, и если, рассматривая начало эволюции, мы и видим, что все крупные шаги в ней достигнуты ничтожными прибавлениями, повторявшимися в течение долгих периодов, то все же, когда мы совершим обозрение всего пройденного эволюцией пути — что необходимо нам, для того чтобы понять ее план, — и когда мы сопоставим крайности, мы найдем, что природа сделала ряд огромных скачков, переходя от одного уровня развития к другому. Эти-то не находящиеся во взаимной зависимости успехи ее и должен изучать истинный философ.

146 ЧАСТЫЙ. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Не говоря уже о разнице между туманным пятном и Солнечной системой или между огненным шаром и обитаемой планетой, самое возникновение жизни благодаря развитию субстанции, которой присуща жизнь, представляет *saltus*¹, не имеющий себе подобного. В XIV главе я изобразил удивительные перемены, произведенные появлением того, что я определил как душу в природе, — появлением, время которого можно довольно точно определить геологически. А теперь нам надо рассмотреть третью космическую эпоху в истории жизни, именно — возникновение интеллекта, развивавшегося в силу тех же законов и для лучшего достижения той же цели — удовлетворения желания.

Можно с уверенностью сказать, что общепринятая социология не сознает всего значения этого психического фактора. Совершенно подобно тому как метафизики были увлечены на ложный путь чрезмерным поклонением уму, и новейшие эволюционисты промахнулись, низведя ум на уровень механической силы. Они как будто готовы отказаться от великих результатов, к которым иначе доктрина эволюции не может не привести. Я открыто признаю, что богословы делают роковую ошибку, считая душу независимой от тела; но это огромное заблуждение вряд ли больше заблуждения современных эволюционистов, не сознающих, какой важный шаг был совершен, когда душа приобрела руководящего деятеля. Студент-энтузиаст, желающий взобраться на Альпы и не свалиться в пропасть, должен взять проводника. Большой корабль может великолепно плыть посреди океана, но когда он приблизится к гавани, ему понадобится лоцман. Первого не спасет энтузиазм, а второго попутный ветер. Ход биологической эволюции был крайне неправилен, биологическая политика безумно расточительна, так что только безмерная плодовитость могла предотвратить окончательную неудачу. Прогресс в природе, пока действовали простые силы, происходил крайне медленно. Виной всему этому было отсутствие проводника, в чем и заключается все различие между животными и людьми. Предполагать, что челове-

¹ Скачок (лат.).

ческая форма необходима для человеческого существа, значит смотреть на дело очень поверхностно. Форма может содействовать или препятствовать, но никакая форма не могла бы предотвратить главных результатов. В существующей человеческой форме легко можно найти и преимущества, и недостатки. Если мы благодарны за то, что снабжены ртом и зубами вместо беззубого клюва, то можем оплакивать лишение крыльев. В каждом из этих случаев и во всяком другом случае разумный мозг сделал бы человека господином над творениями.

Слишком многие уже поддавались искушению рассуждать о результатах «развития мозга», об успехах «ума» и о «разумных способностях», и рассуждения эти по большей части оказывались бесполезными, потому что никто не пытался показать, каким образом мозг и ум могли вызвать те результаты, которые мы теперь наблюдаем; понятно, при таких обстоятельствах народный ум столь же естественно мог приписывать эти результаты прямохождению, лицевому углу, отставленному большому пальцу и другим анатомическим особенностям, отличающим физического человека, как и более неуловимым качествам, которыми они на самом деле исключительно были вызваны. До сих пор еще недостает ясного и понятного объяснения того, в чем действительно заключается та особенная принадлежность ума, которая дала человеку превосходство над остальными существами, и каким путем он ее развил и достиг более выгодного положения.

Изучение общепризнанных свойств ума не дает нам ответа на эти вопросы. Как бы хорошо мы ни понимали процессы восприятия впечатлений, познания, образования понятия и суждений, рассуждения, мысли, они не могут осветить нашу задачу. Разрешить ее не помогут нам и явления памяти, воображения и творческой силы, как бы чудесны и обаятельны они ни были. Чем более созерцаем мы эти свойства, тем яснее становится нам, что не они доставили человеку его превосходство, так как те, кто обладает ими в высшей степени, не пользуются превосходством над остальным человеческим родом.

ГЛАВА XXI

интуиция

Второй, или косвенный, метод, посредством которого существа, одаренные сознанием, стараются достигнуть желанных целей, включает в себе совершенно новый принцип и приводит к совершенно другим результатам. Процесс развития мозга и психических способностей достиг в конце концов той стадии, на которой сознание приобрело свойство, давшее ему возможность постигать некоторые общие законы, управляющие явлениями, и предсказывать по данному изменению некоторые второстепенные перемены, которые должны за ним последовать. В этом заключается простейшее проявление «интеллектуальной» способности, а эта способность и составляет тот элемент, который потребовался для перехода от прямого метода к косвенному. Переход этот представляет один из больших скачков, сделанных природой на ее эволюционном пути; со времени развития протоплазмы это был первый перерыв в процессе эволюции. С этого времени возможность существования жизни должна была увеличиться, а быстрота органического прогресса значительно ускориться; ибо успех в чувствующем мире означает умение достигать своих целей, а интеллектуальный элемент особенно приспособлен к тому, чтобы увеличивать это умение. При прямом методе действие в этом направлении ограничивается теми случаями, для которых мускульная сила организма бывает достаточной и в которых не приходится наталкиваться на препятствия. О крайнем пределе, которого только можно было достигнуть на этом пути, можно было судить по затраченной энергии. Малейшее препятствие, удалить которое мускульной силой было выше сил индивидуума, ставило непреодолимую преграду достижению желаемого предмета. С помощью же нового элемента все изменилось. Преграды стали обходиться окольными путями. Преодолевать сопротивление было предоставлено посредством соответствующих приспособлений мощным силам природы, и то, что совершенно недостижимо в настоящее время, с помощью необходимого приспособления может быть обеспечено в будущем. — *Dynamic Sociology*, II, 99-100.

Порядок эволюции следовал не от знания в каком-либо виде к чувству, но наоборот, и мы можем предполагать, что при самом полном анализе все же найдем, что сознание подчиняется своему первоначальному закону. Если происхождение знания было вызвано чувствами, то, ко-

ГЛАВА XXI. ИНТУИЦИЯ 149

нечно, невероятно, чтобы основной порядок был более чем явно нарушен. — Г. Стэнли. *Philosophical Review*, July, 1892, Vol. I, p. 438.

Признавая, что легко можно сделать много промахов, так далекоотступая от традиций, я все же должен заявить, что считаю весь этот вопрос о биологическом происхождении ума одним из самых многообещающих источником будущих психологических исследований. По-моему, это также главный путь к познанию более глубоких тайн вселенной и будущности человека. — Д-р Герберт Никколс. *Philosophical Review*, September, 1892, Vol. 1, p. 534.

Воля как вещь в себе создает внутреннюю, настоящую и ненарушимую сущность человека, — но сама в себе она бессознательна, ибо сознание обуславливается интеллектом, а интеллект — только простая случайность нашего существа. Этот интеллект — только функция мозга, который, вместе с относящимися к нему нервами и спинным мозгом, является плодом, продуктом и даже в известном смысле паразитом остального организма, — паразитом именно в том отношении, что он не принимает прямого участия в его внутренних процессах, а содействует его самосохранению только тем, что резюмирует его отношения к внешнему миру. — Шопенгауэр. *Мир как воля*, II, 242.

Это повышение мозговой деятельности — т. е. интеллекта и ясности представлений — на каждой из этих поднимающихся вверх ступеней возбуждается возрастающим повышением *потребностей* в этих явлениях воли. Эти-то потребности всегда и дают первый повод к большей разумности, ибо без нужды природы (т. е. воплощающаяся в ней воля) не создает ничего и в особенности не станет создавать самый трудный из своих продуктов, сложный и развитый мозг. — Шопенгауэр. *Ibid*, II, 338.

Название *интуиции* я даю незамеченному фактору, который мы только что рассматривали, или по крайней мере его первым проявлениям, для того, чтобы избежать введения нового термина, и отлично знаю, что об интуиции очень много было говорено. Однако я не воспользовался бы этим названием, если бы не было очевидно, что применение его здесь будет только расширением общепризнанного, даже народного, смысла этого слова, хотя применение это будет ново и не многие, вероятно, найдут его подходящим.

150 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Открытие истинного динамического принципа биологии не только произвело революцию в этой науке, но должно было в равной степени отразиться и на тех науках, которые опираются на биологию, т. е. на психологии и социологии. Хотя в биологии — один динамический деятель, а в психологии — другой, но второй является непосредственным порождением первого, а объяснение его надо искать в понятии о *выгодности*. Мы видели уже, что душевная сила возникла и развилась в природе вследствие соответствующего роста потребностей.

Единственной *выгодой* для организма является увеличение способности удовлетворять свои желания; все, что обеспечивает достижение этой цели, становится предметом усилия. Следствием этого было развитие конативной силы. Для чувствующих существ *стремиться* является необходимостью. Желание составляет ту силу, которой возбуждается всякая деятельность; и благодаря умножению желаний и усилению их интенсивности было достигнуто все, что только могло совершить действие одной психической энергии. Удалены были все препятствия, которые оно могло преодолеть, и осуществлены все цели организма, подававшиеся непосредственному усилию. Таков и до сих пор главный метод, которым животные и низшие типы людей пользуются

для осуществления своих желаний. В народной речи он носит довольно точное название *грубой силы*.

Однако бесчисленное множество предметов желания не могло быть достигнуто этим способом. Поэтому бесчисленному множеству желаний было суждено остаться неудовлетворенными. Чем выше было развитие, тем сложнее и разнообразнее становились желания и тем значительнее была та часть их, которую нельзя было удовлетворить первоначальным способом непосредственного усилия. Как в царстве чисто биологических законов, когда в какую-нибудь данную эпоху достигнута известная стадия организации, она может развиваться только до некоторой степени, а там организм должен будет остановиться, пока усовершенствованное строение не даст ему возможность идти далее, — совершенно так

ГЛАВА XXI. ИНТУИЦИЯ 151

и в царстве психических законов чисто конативная сила не способна подвинуть организм дальше известной стадии, на которой он бы и остался навсегда, если бы не появилась новая психическая способность, которая могла дать ему новый толчок. Эта стадия резко совпадает с появлением высших животных, хотя новый элемент начал действовать и несколько ранее этого периода. Опять-таки подобно тому как всякую новую и прогрессивную структуру в биологии — например, ствол дерева, цветочные органы, сменившие споры, закрытый яичник или последовательные степени развития цветочных оболочек — можно считать средствами, которые природа изобрела, чтобы обеспечить достижение биологической цели, т. е. увеличение органической массы в мире, так и на всякую новую психическую способность, благодаря которой лучше удовлетворяются желания и полнее достигается психическая цель, можно смотреть как на приспособленное к особой цели изобретение природы. Однако каждый такой шаг в органической эволюции имеет за собой длинную историю, составляет нормальное следствие предшествовавших причин и достиг наблюдаемой нами степени совершенства благодаря медленному действию развивающих влияний. Вследствие непризнания этой истины общепринятая философия ума и оказалась такой неудовлетворительной, и по этой же причине, как я вполне убежден, произошли те удивительные опущения, одно из которых мы теперь рассматриваем. В биологии начинают признавать, что существа, населяющие землю, если рассматривать их как материальные, органические продукты, достигли своего теперешнего состояния, только пройдя через целый ряд степеней развития; но в психологии все еще принято считать ум чем-то не имеющим связи с прошлым, как будто бы он вышел, как и богиня его, Минерва, совершенно готовым из головы Юпитера.

Руководствуясь биологическим принципом выгоды, помня, что физиологическую цель составляет наслаждение, и заметив, как недостаточны оказались для этой цели первые психические средства, т. е. непосредственное усилие, или грубая сила, мы можем понять те внутренние условия, вслед-

152 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ствие сочетания которых стремления к развитию произвели такую психическую способность, с которой началась новая и высшая эпоха. Желание, как естественная сила, устремляет организм или по прямой линии к предмету, который его привлекает, или прочь от предмета, который его отталкивает. Но иногда встречаются препятствия. Сперва, если деятельность недостаточно активна, организм просто приходит в состояние покоя, подобно материальному телу, испытывающему такое же воздействие. Сила его встречает сопротивление, и устанавливается равновесие. Затем, когда желание усилилось, а деятельность сделалась интенсивнее, если препятствия и останавливают движение, внутреннее действие продолжается и усилие не ослабевает. Представьте себе, что речь идет о крылатом насекомом. Крылья его продолжают трепетать, как если бы перед ним не было препятствия. Предположим, что препятствие это прозрачно и предмет желания ясно виден за ним. Насекомое будет продолжать биться о него, но каждое колебание крыльев будет только оказывать давление на преграду. Наконец, усталость заставляет насекомое уступить закону тяготения. Оно падает и, может быть, наталкивается на отверстие, через которое немедленно устремляется и схватывает желанную добычу. Но если бы

этого и не случилось, минута сравнительного покоя восстанавливает его энергию, и оно возобновляет свои усилия, двигаясь на этот раз неправильно и наудачу по всей поверхности, на которую оно продолжает напирать, пока наконец случайно не поднимется над нею или не передвинется к правому или левому краю ее или к какому-нибудь отверстию в ней и не достигнет таким образом цели. Если мы представим себе, что такая или подобная преграда, препятствующая значительной части усилий существа, заключается в окружающей его среде и что среда эта остается более или менее неизменной в течение многих поколений этих существ, то постоянные вертикальные и боковые движения принесут ту пользу, что под влиянием известных законов отбора и переживания они произведут в мозге изменения строения, способствующие правильному и систематическому выполнению их. Индивидуумы, в которых это свойство наиболее развито, будут жить дольше

ГЛАВА xxi. интуиция 153

всех и могут быть более всех уверены, что оставят потомство, так что наконец лишенные этого свойства индивидуумы исчезнут, и разовьется новый организм, обладающий большей способностью удовлетворять свои желания. Эта умственная способность примет сначала форму инстинкта, но все инстинкты являются таковыми только отчасти, и эта способность скоро настолько усилится, что будет в состоянии выдерживать и побеждать незначительные изменения в окружающей среде. Способность эта окажется тем полезнее, чем она будет менее инстинктивна; она будет продолжать развиваться до тех пор, пока развитие не предоставит какое-либо преимущество. Это развитие заключается в образовании корковых центров, функция которых состоит в том, чтобы направлять деятельность организма к совершению таких актов, которые сами по себе не ведут непосредственно к достижению целей организма, но с помощью которых он только и может их достигнуть в большинстве случаев.

Эту ступень в прогрессе интеллектуального развития можно назвать стадией «исследования». Ее хорошо иллюстрируют многочисленные опыты, делаемые теперь над лягушками. Пока вивисектор не удалит мозговые полушария этого животного, способность «исследования» в нем вполне развита. Если опустить лягушку на дно резервуара с водой и накрыть ее стеклянным колоколом, то ей скоро будет не доставать воздуха, и она поднимется к погруженной в воду поверхности колокола, сквозь которую она видит открытый воздух и свет, но не может до них этим путем добраться. Вместо того чтобы напирать на стенки колокола неопределенное время, пока она не потонет, она сейчас же начнет ряд движений, сначала по верхушке его, затем вокруг боков и наконец вернется на дно. Если с какой-нибудь стороны под нижним краем колокола осталось небольшое пространство, через которое она может пройти, то она найдет его и скоро выйдет вон из колокола на поверхность воды. Если же мозговые полушария этой лягушки были искусно удалены, так, чтобы не повредить особенно ее жизненности, что нетрудно сделать, то животное оказывается приведенным в состояние нашего гипотетического насекомого до развития в нем инстинкта исследования

154 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

и останется таким же неподвижным под крышкой стеклянного колокола, как и произведенные им в воде пузыри, действующие под влиянием чисто физических законов.

Лягушка, без сомнения, прошла уже стадию просто инстинктивного исследования и решительно вступила во вторую стадию, которую правильнее можно назвать стадией *зарождающейся интуиции*. Благодаря приобретенной ею способности она в состоянии догадаться, что косвенный акт будет успешен. Но эта способность в ней еще так слаба, что, если бы даже она ясно видела отверстие внизу, она все же, вероятно, сначала исследовала бы внутренность колокола и нашла бы настоящий выход только после многих неудачных попыток уйти другим путем. Третья стадия, стадия *полной интуиции*, бывает достигнута только тогда, когда животное, оглядевшись вокруг, сразу способно заметить, что, только устремляясь в обход, оно придет к цели. Поэтому оно не будет предпринимать исследований, но прямо направится к местонахождению пути, ведущего к цели, как будто бы это была самая цель. Запертая в комнате канарейка будет биться о закрытое

окно, ища выхода; но галка будет искать маленькое отверстие, ведущее наружу, хотя бы оно находилось и в таком месте, где свет на него не падал бы.

Рассматривая большое количество разнообразных животных, обладающих этой способностью в различной степени, мы могли бы, вероятно, установить все градации между чисто механическими действиями низших типов и высшей стадией, какая только была достигнута в мире животных, кроме человека. Мы увидели бы, что проявление этого свойства не совпадает в точности с чисто биологическим развитием и не зависит также всецело от физической организации, хотя с течением времени между ними обнаруживается резкое соответствие. Однако некоторые беспозвоночные в психическом отношении стоят выше некоторых позвоночных, а некоторые птицы выше многих млекопитающих. Способность интуиции в значительной степени зависит от других причин, как, например, от окружающей среды, способа существования, плодовитости и т. п. Она более развивается во враждебной среде, чем там, где опасностей мало; хищные животные

ГЛАВА XXI. ИНТУИЦИЯ 155

обладают ею в гораздо большей мере, чем травоядные; при медленном размножении она появляется как бы для замены численности. Примером последнего может служить контраст в этом отношении между крысами и мышами, находящимися в таком близком родстве; хотя в этом случае имеет значение и булыжная величина крысы. К этой способности примешивается и очень позднее влияние, которое теперь чрезвычайно сильно действует на многих животных, именно страх перед человеком. Немало было говорено о естественном ручном состоянии животных на отдаленных островах, каковы, например, острова Галапагос; но многие, как и я сам, имели возможность наблюдать, как сильно развивается страх перед человеком в тех местах, где население быстро увеличивается. Касательно этого явления можно сомневаться, достаточно ли было времени, чтобы успели развиться специальные корковые центры, хотя это, может быть, происходит быстрее, чем мы предполагаем; но, по всей вероятности, у тех птиц, у которых такие мозговые центры существовали, хотя и развитые сначала для других целей, как, например, у тетеревов, они взяли на себя прибавочную функцию, как бы в качестве заместителя, и быстро приспособились к своим новым обязанностям.

Если мы исследуем этот вопрос глубже, то не только найдем, что все эти проявления подразумевают одну и ту же способность, но что другой строго интеллектуальной способности и не существует у рассматриваемых нами животных. Это — основная и первоначальная форма, которую принимает интеллект, и вплоть до самой высшей стадии, до сих пор обсуждавшейся, она и составляет самый интеллект. В противоположность так называемым рефлексивным способностям, служившим предметом почти всех психологических исследований, эта способность является существенно *практической*, существует для определенной цели и составляет средство и тайну успеха в борьбе за существование тех, кто ею обладает. Она проста и непосредственна и далее тех степеней ее, которые мы объяснили и которые ведут как бы к открытию ее путем исследования, она не поддается анализу, и ее нельзя свести к более простому выражению.

156 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Я назвал эту способность интуицией, потому что в этимологическом отношении это название самое правильное. Оно означает приобретенную умом способность вглядываться в более или менее сложный ряд обстоятельств и замечать, что успех обещают не те движения, к которым побуждает первоначальная психическая сила. Эту способность можно еще назвать *психическим притяжением*, или способностью обращать средства в цель и отвлекать психическую силу от последней к первым. Средство становится на время предметом желания, и поэтому существо прямо к нему и стремится. Но для этого надо чтобы средство было сначала замечено умом, который должен обладать отдельным аппаратом, для того чтобы менять ход идей, и с пути, ведущего к цели, ставить его на тот, который ведет к средству. С другой точки зрения этот род интуиции можно еще назвать *восприятием отношений*. Восприятие в собственном смысле, как оно определено в V главе, представляет нечто совсем другое. Оно только познает природу предмета или непосредственно, или через посредство соответствующего проводника всякий раз,

как впечатление вызывает безразличное ощущение. Нечто другое опять-таки представляет то, что я понимаю под немецким словом *Anschauung* (созерцание), которое, как говорил Кант, «непосредственно относится к предмету», хотя этот предмет, как и в тех случаях, когда речь идет о восприятии, может и не быть материальным, но обозначать время или пространство. Это свойство ближе подходит к тому, которое мы рассматриваем, и при некоторой натяжке кантовского определения второе можно включить в первое. Но слово «интуиция» в том смысле, в каком оно употреблено здесь, всегда означает *восприятие отношений*, не только отношений во времени и в пространстве, но также отношений сопротивления и направления. Сверх того, я не знаю, применял ли Кант когда-нибудь немецкое слово, хотя он и переводил его латинским *intuitus*¹, к описанному здесь первоначальному и практическому свойству ума. Для него это чисто метафизическое познание, доставляющее уму через посредство внешних

¹ Взгляд, зрение, точка зрения, отношение (*лат.*).

ГЛАВА XXI. ИНТУИЦИЯ 157

чувств материал для его сложных процессов идеации, рассуждения и мышления. Наша же интуиция высшего порядка. Она пользуется чувствами, но не происходит прямо из них. Это одна из форм мышления, она подчинена воле и является продуктом вечно испытываемых и постоянно неудовлетворенных желаний, поэтому источником ее служит эмоциональное чувство. Она гораздо теснее связана с великим субъективным психическим стволом ума, чем какая бы то ни было из обсуждаемых в этой книге так называемых способностей. В самом деле, интуиция это сам интеллект в его основной форме; она старше разума и служит родоначальником всех позднейших способностей отвлечения и рефлексии.

ГЛАВА XXII

ИНТУИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Первый шаг в этом направлении может быть сделан только под руководством интеллектуальной способности. Употребляемые средства так разнятся с целями, что выбор их даже в простейших случаях возможен только благодаря интеллектуальному предвидению. Поступки, которые нужно совершить на самом деле, так не похожи на те, которые понадобились бы, если бы можно было прямо идти к цели, что они требуют от существ, способных их выполнить, в высшей степени развитой способности рассуждения. Когда существо, одаренное желаниями, ищущими удовлетворения, узнает о существовании предмета его желаний, оно немедленно чувствует побуждение двигаться или делать усилия по направлению к этому предмету. Такому существу всякое другое, которое стремится к той же цели, но не идет прямо к ней, а обращает свое внимание на другие окружающие предметы, показалось бы крайне глупым. Его действия были бы «неестественны», т. е. они были бы «искусственны». Если бы они оказались успешными в достижении цели, недостижимой прямым усилием, они были бы упражнением в истинном искусстве и подразумевали бы знакомство с принципами истинной науки.—*Dynamic Sociology*, II, 380.

ΤΤ[V 8ε Τερσοχρίν ορυνν* с/χοί το Jvj/ov ιοχεiv em to trpelv ессито. (Главное желание, как говорят, для живого существа состоит в самосохранении.) — Диоген Лаэртский. *Zeno*, 52.

Nulla virtus potest prior hac (nempe conatu sese conservandi) concipi. (Никакой другой добродетели первее этой (именно стремления сохранить свое существование) нельзя себе представить.) — Спиноза. *Ethica*, Pars IV, Propositio XXII.

Поэтому пища должна быть отыскиваема, выбираема с той минуты, когда животное вырвалось из яйца или утробы матери, в которой оно бессознательно прозябало. Поэтому движение по мотивам и ради него сознание становятся здесь необходимыми, являясь на этой ступени объективации воли как вспомогательное средство, и.Т)%avr], к сохранению индивидуума и продлению породы. Оно выступает, при представительстве мозга или более объемистого узла (Ganglion), точно так же, как

всякое другое стремление или назначение объективирующейся воли находит представителя в известном органе, т. е. является для *представления* в виде органа. — Шопенгауэр. *Мир как воля*, 1, 182. Пер. А. Фета.

ГЛАВА XXII. ИНТУИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ 159

Даже интеллект животных значительно поднимается под влиянием необходимости, так что в затруднительных случаях животные проделывают такие вещи, которые приводят нас в удивление; так, почти все животные способны сообразить, что меньше опасности не бежать, если их не видят; потому заяц тихо лежит в поле в борозде и очень близко подпускает к себе охотника; насекомые, когда они не могут бежать, иногда убивают себя и т. п. Основательнее всего можно изучить эту сторону дела на истории самообучения волка, которому в цивилизованной Европе пришлось жить в самых затруднительных условиях; эту историю можно найти во втором письме превосходной книги Леруа: *Lettres sur l'intelligence et la perfectibilitu des animaux*. Сряду за нею идет в третьем письме описание той высокой школы, которую прошла лисица; находясь в таком же затруднительном положении, как и волк, она обладает гораздо меньшей телесной силой — что, впрочем, у нее вознаграждается высоким развитием интеллекта; только путем постоянной борьбы с нуждой, с одной стороны, и с опасностью, с другой, — следовательно, под шпорами воли — она достигла той высокой степени хитрости, которой она обыкновенно отличается — в особенности под старость. — *Ibid*, II, 266-267.

Особенности интуиции, или главной отрасли интеллектуальной способности, состоят в том, что она развилась под давлением сильного чувства, или страсти, т. е. желания. Она была продуктом, или порождением, желания как главного ствола ума, одной из ветвей которого можно считать интеллект. Она явилась как высшая инстанция на помощь психической силе, стремившейся к достижению главных целей организма. Так как эти главные цели состоят в питании, безопасности и воспроизведении, то желания, ведущие к этим целям, сильнее всех других, и они-то главным образом и вызвали этот метод для своего удовлетворения. Различные степени, достигнутые в развитии этой способности после простого исследования и простейшей животной интуиции, носят различные названия. Говоря об их проявлениях у животных, обыкновенно употребляют выражения «*проницательность*» и «*хитрость*», хотя оба эти слова приложимы и к человеку. Выражения эти не были анализированы. Их считают простыми, и всякий их действительно хорошо понимает. Интеллектуальный акт, который они обозначают, является таким же

160 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

простым и непосредственным, как восприятие или *Anschau-uhg*. Он состоит, как и простейшая интуиция, из восприятия отношений сопротивления, направления и т. д., предполагает познание свойств и сил и всегда связан с пользой, т. е. всегда практичен.

В случаях, рассмотренных нами в предыдущей главе, упоминаемые здесь свойства и отношения относились к неодушевленным предметам; но когда речь идет о проницательности или хитрости, то имеются в виду большею частью свойства и отношения других организмов, деятельность которых представляется однообразной при одинаковых условиях. Когда интуиция действует в видах спасения, при избежании опасности, то степень проницательности бывает обыкновенно, хотя и не всегда, слабее, чем когда имеется в виду питание или воспроизведение. Существа, в которых это свойство не развито, не имеют других средств к спасению, кроме непосредственного бегства от источника опасности; но у некоторых способ спасения становится уже косвенным. Некоторые птицы, как, например, одна порода тетеревов, преследуемые собаками, просто взлетают на деревья, заметив, что собаки не лазают на них. Если же их вспугнут люди, они улетают. Полевой тетерев обыкновенно прячется в траве и обнаруживает большую способность принимать положения, в которых он становится незаметен. Я однажды увидел одну из этих птиц сидящей на почти голом пространстве земли между двумя вспаханymi полями. Придя к этому месту, я в продолжение пятнадцати минут искал везде кругом, тщательно исследуя почву. Наконец, отражение света в ее глазах открыло ее мне, и я увидел, что вся птица была совсем на виду; она находилась так близко от меня, что я убил ее прикладом; в моих поисках я несколько раз

шагал через нее. Зайцы часто делают вид, будто следуют вдоль изгороди, но в конце концов проскакивают через нее и возвращаются по ту сторону мимо своих преследователей. Хорошо известными примерами могут служить обычаи разных птиц и четвероногих, принадлежащих к стадным животным, расставлять часовых, лететь треугольником и т. д.

ГЛАВА XXII. ИНТУИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ 161

У травоядных и зерноядных животных, когда они отыскивают пищу, интуитивная способность обыкновенно мало действует или совсем не действует; хищные же обнаруживают ее в значительной степени. Они, как мы выражаемся, *знают*, что станут делать их жертвы при данных обстоятельствах, и придумывают средства, чтобы помешать их бегству. Более обыкновенные способы, в которых обнаруживается их хитрость, заключаются в умении приближаться подкрадываясь и в выборе удобного времени и места нападения. За -тип таких животных обыкновенно принимают лисицу, а замеченные в человеке подобные черты доставляют ему название «лисы»; и весь этот образ действий называется иногда лисьим.

Самым действительным образом способность интуиции, вероятно, проявляется в связи с функцией воспроизведения. Эта мысль может показаться странной, но всякий, кто читал в сочинениях Дарвина главы о половом отборе как об одном из элементов происхождения человека, не может не признать ее справедливости. Здесь это уже не усилие перехитрить других животных, обладающих этой способностью в меньшей степени; здесь приходится состязаться с животными того же вида, и способность эта изощряется до высшей степени. Соперничество между самцами за обладание самками отличается крайне напряженным характером. Они не только должны понимать образ действия своего собственного пола, но еще должны угождать капризам самок. Успеха добивается в лучшем случае только небольшая часть. Большинство же во всех видах терпит неудачу и осуждено на безбрачие. Этот инстинкт самый сильный из всех страстей. Награда бесконечно велика и соразмерно с нею велико и усилие. Все умение пускается в ход. Выставляются на вид все привлекательные и чарующие качества. Соперников надо не только поразить в открытой битве, их надо еще и «провести» тайными кознями. Поэтому наряду с развитием силы и оружия для одоления противников и с развитием роста, красоты и грации, чтобы прельщать самок, идет также особое и быстрое развитие физических дарований, благодаря которым можно косвенными путями достигать того, что недостижимо пря-

6 Зак. № 472

162 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

мым путем. Подобные факты и заставили меня предположить, как я сказал в XIV главе, что развитие мозга можно считать настоящим второстепенным половым признаком, принадлежавшим первоначально самцам, как и клыки, оленьи рога, пестрые перья хвоста и большой рост, но отразившимся потом, как и многие другие признаки, в слабейшей степени на анатомии самок.

Но и у самок помимо тех же усилий, какие употребляют и самцы для добывания пищи, проявляются во время ухаживания за ними косвенным образом некоторые умственные дарования. Формы отказа бывают разнообразны и требуют искусства. В продолжение большей части жизни самки внимание к ней самцов бывает невыносимо и желания их непрерывны. Нужно нечто большее, чем просто грубая сила, чтобы помешать насиловать природу. Поэтому самка прибегает ко всевозможным хитростям и изобретает разные уловки. Но даже и в надлежащее время ей надо осуществить свое предпочтение и избежать настойчивых усилий неприятных ей ухаживателей. Для выполнения всего этого нужны бесчисленные ухищрения и обманы, так что она становится осторожна, хитра и коварна.

К этому следует прибавить, что на развитие интуитивной способности оказала также влияние любовь к детям, и тут она проявляется почти исключительно у самок. Обыкновенно мать, правда, не знает лучшего средства защиты, как вести открытую атаку против всякого, кто угрожает причинить вред ее детенышам; и она надеется стремительностью и яростью устрасшить своих

врагов, если они даже в сто раз превосходят ее физической силой. Но обыкновенно она при этом прибегает к уловке принимать при помощи особого мускульного развития страшный вид, ошетиливаясь или взъерошивая перья. Однако важнее всего для защиты детенышей не прямой способ притворства. Почти все птицы и многие млекопитающие притворяются ранеными, когда враги приближаются, и стараются, обыкновенно успешно, увлечь их в бесполезное преследование их самых, пока не удалятся значительно от места, где находятся молодые животные. Такие действия самок бывают очень разнообразны, и хотя они на-

ГЛАВА XXII. ИНТУИТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ 163

конец становятся инстинктом, как и большая часть других относящихся к тому же классу действий животных, но развитие их сопровождалось мозговыми изменениями как в общем направлении увеличения мозга, так и в специальном направлении образования координирующих мозговых извилин того класса, который мы теперь рассматриваем.

Самые очевидные примеры настоящей проницательности можно найти только между высшими в умственном отношении животными, особенно между домашними собаками, слонами и реже между лошадьми. Всякому известны анекдоты, касающиеся таких случаев, часто недостоверные, но слишком многочисленные и обыкновенные, чтобы их не знать. Трудно узнать, насколько этот принцип развит в диких животных, кроме слона. Некоторого внимания в этом отношении заслуживает сделанный мною следующий опыт. Когда летом 1875 г. я собирал ботанические коллекции в Уте, в Кроличьей долине по реке Фремонт, лагерь мой в отсутствие меня и моего помощника несколько раз подвергался нападению койотов (обыкновенный степной волк, *Canis latrans*); по ночам эти животные были вокруг нас и иногда подходили совсем близко. Я взял свое охотничье ружье, зарядил оба ствола крупной дробью и утвердил его в кустах шагах в ста от палатки; затем привязал кусок мяса к веревке длиной 20 аршин, противоположный конец которой был пропущен вокруг ствола куста и привязан к обоим спусковым крючкам. Малейшее дерганье за веревку должно было разрядить ружье, которое тщательно было нацелено немного поверх мяса. На следующее утро следы были видны на этом месте, но мясо, веревка и ружье остались нетронутыми. На следующее утро мясо было похищено, а веревка перекушена. Мясо они протащили на 6 дюймов ближе к ружью, как показывали следы, оставленные ими на мягкой почве, и веревка была ослаблена. Ружье не выстрелило. Я привязал новый кусок мяса, снова утвердил ружье, и на третью ночь услышал выстрел. Луна светила, и я пошел как можно скорей на то место, но, не найдя убитых волков, отложил осмотр до утра. Утром я увидел, что проделка предыдущей ночи была повторена; но как-нибудь случайно они дернули за веревку, и ружье выстрелило,

164 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

вероятно не причинив вреда животным, так как веревка не была натянута. В продолжение нескольких ночей я продолжал повторять этот опыт с различными результатами; но мне не удалось убить ни одного волка. Следы показали, что в первую ночь они прошли вдоль веревки и обошли вокруг ружья, очевидно основательно исследуя положение и действуя согласно с познаниями, которыми они обладали.

Совсем недавно я сделал почти такой же интересный опыт, пытаясь поймать в ловушку осторожную крысу, забравшуюся в мою кладовую. Когда самые замысловатые выдумки мои оказались несостоятельными и я почти уже отказался от попытки, она вдруг удалась мне, как бы по недостатку принятых предосторожностей, так как животное, должно быть, предполагало, что то, что я не попытаюсь скрыть, не может быть сопряжено с опасностью.

Способность хитрости или проницательности проявляется всевозможными способами в зависимости от животного, от обстоятельств и т. д., и эти способы мы выражаем многочисленными словами с различными оттенками значения. Самые обыкновенные выражения, применяемые при описании животных и большая часть которых приложима также и к человеку — лукавый, догадливый, искусный, ловкий, изворотливый, находчивый, умелый и т. п., — кроме общих прилагательных: хитрый и проницательный. Однородность всех этих слов очевидна, а

центральная идея, в них заключающаяся, — идея *непрямого пути*. У них общая цель — совершать успешные усилия с целью удовлетворения желания, и общий метод — пользоваться замечаемыми соотношениями. Но интеллектуальный акт тут прост и на этой ступени может быть назван «*интуитивным восприятием*».

Этот интеллектуальный акт мы рассмотрим теперь на несколько высшей ступени, в том виде, как он проявляется у человека. Я назову его *интуитивным разумом*, не потому чтобы я хотел этим сказать, будто бы существует родовое различие между интуицией животного и человека, но просто из снисхождения к преобладающему мнению, что человек главным образом разумное существо.

ГЛАВА XXIII

интуитивный РАЗУМ

В силу закона естественного отбора выгодно все то, что только защищает индивидуумы от истребления внешними врагами, как органическими, так и неорганическими, или дает им возможность лучше обеспечивать себе средства существования. Порода больших обезьян, живущая в обширных лесах Центральной Африки или тропической Азии, изобилующих львами, тиграми, леопардами и многими другими большими и хищными плотоядными, должна быть постоянной добычей этих зверей, которые особенно легко могут уносить и пожирать детенышей, угрожая таким образом самому существованию этой породы. Они лишены главных орудий защиты и бегства, необходимых для спасения от истребления такими зверями; и заменить недостающее могут только увеличенная проницательность и умение перехитрить врагов. Но увеличенная проницательность может явиться только вследствие увеличения мозговой массы сравнительно с величиной тела. Существа эти, вероятно, постоянно оказывались в необходимости изобретать средства для отвращения нападения, и мы имеем полное право предполагать, что вследствие повторения таких усилий, в которых можно было рассчитывать только на умственную, а не на телесную силу, развитие мозговых долей быстро шло вперед в силу закона непосредственного приспособления. Таким образом, и взрослые особи, и дети лучше были защищены, а вследствие этого большее число последних выживало. Они наследовали увеличенный мозг родителей и с новым приращением передавали его потомству.

Кроме этого отрицательного влияния, может быть самого сильного, в борьбе этих созданий за средства существования проявлялось также положительное влияние, действовавшее в том же направлении. Вследствие разобщения их древесных мест обитания, большая часть их естественной пищи находилась на недостижимом для них расстоянии. Им надо было ждать, чтобы роскошные орехи, висевшие на ветвях больших деревьев, финики и прекрасные плоды пальм, смоковниц и бананов, созрев, упали на землю, если их до того не съели маленькие мартышки и белки. Эти потери должны были быть пополнены, что могло быть достигнуто только увеличенной хитростью; и здесь опять-таки дается прямой толчок дальнейшему развитию мозга. На основании этих двух влияний, действующих в одном и том же направлении при

Млн.

166 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

помощи полового отбора, можно объяснить, как получилась вся сумма увеличения мозга и соответствующего ему расширения черепа, которая была необходима, чтобы заполнить бездну, разделяющую настоящую обезьяну и настоящего человека, или самый развитый из мозгов животных и мозг самого низшего из человеческих существ, и при этом не надо будет выходить из границ времени, установленных геологией для этой дифференциации. — *Dynamic Sociology*, I, 428[^]-29.

Этот последний шаг в расширении и усовершенствовании мозга, а вместе с тем и в подъеме познавательной способности, природа делает, как и все другое, только в силу осложнения

потребности, т. е. в интересах воли. То, что она ставит целью для человека и чего она достигает, хотя в существе дела является тем же самым, что было ее целью и в других животных, именно — питание и продолжение породы, — но в силу организации человека условия, необходимые для достижения этой цели, так осложнились, и повысились, и специализировались, что для достижения их необходимо значительно большее повышение интеллекта, чем на всех предшествующих ступенях, или, по крайней мере, указание для него легчайших средств для того. А так как интеллект по самой своей сущности — только орудие, которое допускает самое многостороннее применение и которое пригодно для достижения самых разнородных целей, то природа, верная своему духу бережливости, могла покрыть исключительно им все запросы настолько разнообразных потребностей. — Шопенгауэр. *Мир как воля*, II, 339-340.

Ибо тогда они гордятся, тогда они хвастаются и хвалятся, что разыграли людей, когда они одержали такую победу, какую не могло одержать ни одно живое существо, кроме человека, т. е. когда они одержали ее благодаря силе и могуществу ума. Телесной силой (говорят они) борются медведи, львы, волки, собаки и другие дикие звери. И если бульшая часть их превосходит нас силой и свирепым мужеством, то остротой ума и разумом мы гораздо сильнее их всех. — Томас Мор. *Utopia*, pp. 133-134.

Если людям на их мирском поприще помогают их добродетели, то, может быть, столь же часто помогают им и их пороки: раболепство и наущничество, жестокосердое и скарёдное себялюбие, ложь и обман, дозволенные в торговле, игорные спекуляции, нередко и явное плутовство. — Джон Стюарт Милль. *Chapters on Socialism*.

Сердце всегда одурачивает ум. — Ларошфуко. *Maxime*, 102.

ГЛАВА XX111. ИНТУИТИВНЫЙ РАЗУМ 167

Если хитрость и сообразительность представляют свойства, принадлежащие и людям, и животным, то проницательность и сметливость по большей части ограничиваются первыми. Эти свойства представляют несколько более высокую ступень развития той же самой умственной способности. Обыкновенно, хотя и не обязательно, они применяются в тех поступках человека, которые имеют отношение к прокормлению, особенно в его производных формах. В погоне за средствами существования животные и низшие типы людей идут прямым путем; но в общественном состоянии путь этот быстро становится непрямым. Вместо того чтобы преследовать, схватывать и пожирать добычу или отыскивать, находить и съедать растительные продукты земли, человек скоро приобретает привычку искать удобного случая для того, чтобы обеспечить себе постоянный запас средств существования, — мера, к которой, правда, прибегают многие животные благодаря инстинкту. В общественном состоянии человека, как бы ни было оно первобытно, действовало *предвидение*, которое само представляет одну из форм интуитивной способности, поэтому и возникло у него обыкновение делать запасы на будущее время. Немедленным следствием этого было то, что потребности человека перестали ограничиваться его желаниями, испытываемыми в данную минуту; искание средств существования, вместо того чтобы быть периодическим, сделалось постоянным и привело к беспрестанному преследованию этой цели. Возникли также другие побочные потребности, неизбежные спутники социального существования, особенно потребность одежды и крова в различной степени. Грубое эстетическое чувство, вероятно, также очень рано развилось, так как до сих пор не встречалось ни одного племени дикарей, которое стояло бы на такой низкой степени развития, что не любило бы украшений, хотя бы самых грубых, а те, которые не нуждаются в одежде, требуют украшений и усердно их добиваются. Появилось затем много других предметов желания, и усилия были направлены к обладанию ими. Медленно развилось понятие о собственности, и приобрете-

168 ЧАСТЬ11. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ние последней, как показывает история, поглотило большую часть человеческой энергии. Еще со времени, задолго предшествовавшего всяким писаным летописям, главной страстью человека всегда было приобретение собственности. Наряду с развитием этой страсти развивалась и

способность, которая сильнее всего могла содействовать ее удовлетворению. И самая страсть эта и средство к ее удовлетворению обуславливали развитие общества, и, если смотреть на них правильно, были также главными факторами цивилизации. Но так как человек должен был сопротивляться человеку, то и тут началась борьба, подобная той, какая происходит в животном царстве, настоящая борьба за существование, только отличающаяся более высоким интеллектуальным характером.

В этой великой борьбе роль грубой силы все уменьшалась, а роль ума увеличивалась. Низменная хитрость и животная проницательность, хотя и очень сильные, все более и более вытеснялись более тонкими и очищенными проявлениями того же психического начала. Успех этот был значительно ускорен ростом учреждений и установлением правил поведения, необходимых для жизни в обществе. Грубые животные приемы были невыносимы, и если не каким-нибудь другим способом, то посредством естественного отбора общество избавилось от них. Нечто менее предосудительное и более утонченное должно было управлять отношениями между людьми в общественном состоянии. Но по мере того как общественный порядок становился прочнее, жажда стяжания усиливалась между людьми. Когда собственность стала защищаться законом, она сделалась еще заманчивее, и люди в своем усилии достигнуть ее стали прибегать ко всевозможным средствам. Нельзя себе представить условий, более рассчитанных на то, чтобы вызвать, развить и усовершенствовать умственную способность, чем приобретения и соблазны в социальном состоянии человека.

В «Динамической социологии» (Chap. VII, Vol. I, pp. 497-597) я довольно подробно рассмотрел закон приобретения и различные виды его, господствующие в социальном мире. Теперь надо только открыть заключающийся в них особый

ГЛАВА XXIII. ИНТУИТИВНЫЙ РАЗУМ 169

принцип. Способность интуитивного восприятия, которая, как мы видели, преобладает в высших животных, была далее приспособлена к положению человека, к обществу и к установленным учреждениям. Погоня за пропитанием сделалась погоней за средствами пропитания и вообще наслаждения. Животная деятельность сделалась промышленной деятельностью, а общий термин, прилагаемый к промышленной деятельности, носит название *дела*. Главная цель жизни — успех в делах. Общественный порядок делает животные приемы безуспешными, так что главным образом употребляются человеческие приемы. Но психический принцип остается тот же.

Кроме пропитания, т. е. только того, что необходимо для жизни, целью усилий сделались теперь и многие другие предметы, для жизни, собственно, ненужные. Всякий знает, как смысл слова «необходимое» расширился в принятом у нас законном толковании и как он изменяется, смотря по общественному положению данного лица. Но если есть предметы, которые, не будучи необходимыми в одном веке, становятся такими в другом, или которые для одного класса не считаются необходимыми, а для другого считаются, то есть и много такого, что ни один закон не назовет необходимостью и к чему однако люди стремятся сильнее, чем ко многому действительно необходимому для жизни, — это именно роскошь, утонченность, потворство прихотям. Огромное число новых желаний, неизвестных на низших ступенях развития, было создано общественным бытом и цивилизованной жизнью. Сюда относятся все желания, перечисленные в главах IX и X, и многие другие, не упомянутые там. Помимо любви к приобретению в ее усиленной и возвышенной форме, вызванной борьбой за сохранение жизни, развились еще высшие желания, которым положил начало инстинкт воспроизведения, именно страсть индивидуальной любви и эмоции, возникающие из кровного родства. Прибавьте к этому эстетические, нравственные и интеллектуальные стремления, каждое из которых заявляло свои права и требовало себе удовлетворения.

170 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Косвенный метод, лучше всего обеспечивающий успех в делах, чаще всего, пожалуй, выражается словом «проницательность». Отношения, которые тут надо наблюдать, многочисленнее и сложнее

тех, для которых достаточно хитрости. Это большей частью бывают поступки людей, они требуют знания человеческой природы. Удивительно, как большинство на самом деле мало ее знает и как легко воспользоваться этим общим незнанием. Главное, что ослепляет людей в этом отношении, это господствующий между ними оптимизм; поступки, которые для хорошего наблюдателя явно проистекают из чисто эгоистических мотивов, совершаются таким образом, что заставляют всех верить в их полное бескорыстие. Этим объясняется удивительное всеобщее легкоеверие публики, которое настолько явно, что принято говорить о существующей «любви к обманам». Большая часть всего, что делается и говорится в обществе, проистекает из эгоизма, и все должно истолковываться и поправляться этим уравнением.

Кроме *suppressio veri*¹ и *suggestio falsi*² существует еще много других искусных приемов в речи, которые породили французскую поговорку, гласящую, что язык дан нам для того, чтобы скрывать наши мысли³. Искусство молчать бывает иногда очень выгодным. С эгоистической точки зрения часто верно, что в тех случаях, когда речь была бы серебром или неблагородным металлом, молчание оказывается золотом. Самое обыкновенное явление составляют недалекие люди, предполагающие, что молчание может приобрести им репутацию мудрецов⁴. Напуская на себя достоинство, которого у них на самом деле нет, многие люди достигают того,

¹ Умолчание истины (лат.).

² Внушение ложных идей (лат.).

³ «Они пользуются мыслью только для того, чтобы оправдывать свои несправедливости, и употребляют слова только для того, чтобы скрывать свои мысли». — Вольтер: *Dialogue XIV. he Chapon et la Penlarde. Oeuvres Completes*; Vol. XXXVI, p. 100.

⁴ *Stultus tacebit? pro sapiente habebitur.* (Заставьте глупца молчать, и он прослышет мудрецом.) — Публий Сирус.

Taciturnitas stulto homini pro sapientia est. (Молчание заменяет мудрость глупцу.) — Публий Сирус.

ГЛАВА XXIII. ИНТУИТИВНЫЙ РАЗУМ 171

чего бы говорливость их лишила. Если они и знают очень мало на самом деле, то по крайней мере своим знанием вышеупомянутой истины пользуются наилучшим образом. Это напоминает нам о том важном факте, который обыкновенно забывают современные философы, стоящие за предоставление полного простора в обществе закону естественного переживания, именно — что способность к переживанию вовсе не зависит, как они утверждают, от степени умственного развития, но от проницательности, которая может быть соединена с очень незначительной степенью развития. Эта проницательность, рассматриваемая нами теперь, смотря по степени своего развития, и доставляет успех в жизни, а также обеспечивает успех в делах и во всех предприятиях цивилизованных людей. Она представляет нечто совершенно отличное от способности понимания и, за исключением одного из ее видоизменений, которое мы рассмотрим дальше, является низшим свойством ума.

Между новыми желаниями, развившимися в обществе из первоначальных, самое сильное, без сомнения, — честолюбие. Оно особенно развилось под влиянием института правительства, одного из древнейших человеческих институтов. Здесь оно принимает форму властолюбия, и различные проявления его сыграли главную роль в истории человека. В деспотических правительствах оно было просто и грубо и поэтому мало прибегало к непрямому пути; но угнетаемые им жертвы обуздали и ограничили его, так что в современных более или менее представительных правлениях оно принуждено почти исключительно пользоваться непрямым методом. По причине множества утонченных форм, которые оно приняло, властолюбие служит отличной иллюстрацией рассматриваемого нами принципа. Самое благодарное поле для деятельности чистого интеллекта представляет то, что называется народом. Нерассуждающий и неорганизованный, он легко поддается управлению и разве только в крайних случаях понимает побуждения своих правителей;

еще менее того способен он действовать с общего согласия так, чтобы мешать их планам. Коварный правитель или политик всегда старается уверить народ, что он действует для его блага,

172 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

и тех, которые ему верят, обыкновенно бывает достаточно, чтобы воспрепятствовать действиям остальных. Политики и демагоги всех стран — попросту люди, в которых властолюбие, ни перед чем не останавливающееся, или желание воспользоваться общественными доходами, соединяется с высшим развитием животной стороны интеллекта. Со строго биологической точки зрения это те люди, которые в обществе всего способнее к переживанию. Поэтому те, кто основывает социологию на законах биологии, должны не только считать их высшими типами, но и приветствовать их как совершеннейшие образцы социального развития. Со стороны этой школы философов совсем непоследовательно нападать на этот класс людей, так как если кто достоин пребывать в обществе и заслуживает, чтобы его оставили в покое, то это именно они.

От плутоватого и интригующего политика отличается и действительно выше его искусный дипломат, который уже ближе подходит к честолобивому, но сдержанному и осторожному правителю или государственному деятелю. Дипломатия представляет типичную форму основной интеллектуальной способности на одной из ее высших ступеней. Проявляется ли она в макиавеллевских интригах и презирает истину и принципы или ведется честно из патриотических побуждений, она во всяком случае предполагает интуитивную проницательность высшего порядка; и если она направлена искусно, то становится одним из главных источников народного процветания и безопасности. Нечего и говорить, что дипломатия широко практикуется людьми в их второстепенных житейских делах.

Не мешает упомянуть еще об одном применении рассматриваемого принципа. Вследствие захватов, производившихся одними племенами у других, и вследствие стремления правящего класса расширить территориальные границы война сделалась одним из первых явлений, сопутствовавших социальному положению, и до сих пор составляет одну из главных характеристических черт человеческой истории. Завися преимущественно от грубой силы, она, однако, скоро стала нуждаться в указаниях интеллекта, который и принял

ГЛАВА XXIII. ИНТУИТИВНЫЙ РАЗУМ 173

тут особую форму, называемую *стратегией*. Роль численности, храбрости и превосходящего оружия значительно усиливается еще рассудительным выбором времени и способом нападения. Если худшая армия превосходит лучшую военной тактикой и разбивает ее, то это надо приписать работе ума, и результат тут достигается благодаря именно тому самому свойству его, которое обеспечивает успех в торговых делах, политике и дипломатии. Сообразительность, сметливость, политика, демагогия, дипломатия, стратегия — все это только применения одного и того же принципа, только разные проявления основной интеллектуальной способности при соответствующим образом изменившихся обстоятельствах.

Если проявлениям этой способности у животных и у низших типов людей соответствует название интуитивного восприятия, то более сложные процессы, выполняющие то же назначение в высших типах людей и имеющие дело со сложными условиями, созданными обществом, справедливо можно назвать *интуитивным разумом*. Это также восприятие отношений, главным образом отношений сопротивления и направления, но более сложных и отдаленных, более темных и непонятных; не только проницательность здесь должна быть гораздо больше, но кроме того, извилистый путь, которым надо идти, делает акт интуитивного восприятия более продолжительным и возвышает его до степени мыслительного процесса, что оправдывает новое данное ему название; но не надо упускать из виду, что разница тут в степени, а не в сущности.

ГЛАВА XXIV

ПРИНЦИП ОБМАНА

Этот закон (принцип обмана) возникает вместе с развитием интеллектуальной способности, и, если смотреть на него правильно, он составляет необходимую форму проявления ее, хотя эта истина прикрывается большим разнообразием предметов, на которые бывают направлены интеллектуальные действия. — *Dynamic Sociology*, I, 501.

Нормальные действия интеллекта, которые мы рассматриваем отдельно от действий эмоций и благодаря которым интеллект достигает наиболее важных результатов, носят в сущности такой характер; и можно сказать, что изобретение — обман. Посредством изобретений мы обманываем и ловим в западню силы природы. Самый язык наш подтверждает эту истину. Методы искусства мы называем хитростями, приемы в них — хитрыми; машины — это махинации. Первообытный человек рано должен был научиться тому, что обманывать необходимо для того, чтобы жить, и хотя этот принцип и не нашел себе выражения ни в одном кодексе этики, он тем не менее беспрестанно применялся в истории человека. — *Dynamic Sociology*, I, 502.

Несмотря на множество прекрасных правил, которые постоянно приводятся, чтобы побуждать людей быть честными в их взаимных отношениях, вряд ли когда-нибудь совершаются сделки, к которым не примешивался бы обман в каком-нибудь виде. Умение заключать сделки означает не что иное, как особый вид хитрости, умение представлять факты не совсем такими, каковы они на самом деле, благодаря чему другие люди бывают обольщены и обмануты и платят за вещь, правда может быть не больше, чем она стоит, но больше, чем они дали бы в другом случае. Не будет преувеличением сказать, что только очень немногие купцы, зарабатывающие себе торговлей средства существования, в состоянии во всем поступать согласно с указанными образцами честности. Есть много причин полагать, что это было бы во многих случаях пагубно для их интересов. Всякий ожидает, что другой на его месте обнаружит некоторую долю того, что каждый для себя лично считает дозволенным обманом; и если кто-нибудь не поступал бы так, его вряд ли сочли бы обладающим всеми умственными способностями или находящимся, как говорится, в здравом уме. Лживость так незаметно сливается с проявлением нормальной степени рассудка, что между ними никак нельзя провести разграничивающей линии. — *Dynamic Sociology*, I, 511-512.

ГЛАВА XXIV. ПРИНЦИП ОБМАНА 175

Совершенная правдивость — одна из самых редких добродетелей. Даже те, которые считают себя безусловно правдивыми, ежедневно бывают виновны в преувеличении или в умалении фактов. В преувеличение впадают почти все без исключения. Постоянное употребление слова «очень» в тех случаях, когда оно вовсе не нужно, показывает, как распространена теперь и как глубоко укоренилась привычка искажать факты. И эта привычка не мешает людям громко нападать на лживость. — Герберт Спенсер. *Principles of Ethics*, I, 400.

Лицемерие — это знак уважения, который порок оказывает добродетели. — Ларошфуко. *Maxime*, 218.

Наши добродетели часто не что иное, как переряженные пороки. — *Ibid.*

То, что свет называет добродетелью, обыкновенно только призрак, созданный нашими страстями, которому дается честное имя, для того чтобы безнаказанно можно было делать что угодно. — *Ibid.*

А в конце концов, что такое ложь? Это только истина под маской; и я ручаюсь, что ни историки, ни герои, ни законоведы, ни священники — никто не изложит факта без примеси лжи. — Байрон. *Дон Жуан*, песнь XI, строфа 37.

От внимания понимающего читателя, вероятно, не ускользнуло, что все умственные акты, рассмотренные в последних двух главах, заключают в себе род обмана, который и составляет сущность этих актов и дает ключ к их успешности. Интуитивная способность, насколько мы ее до сих пор рассмотрели, проявляется главным образом по отношению к чувствующим существам и направлена к тому, чтобы доставлять преимущества действующему лицу в ущерб другим чувствующим существам. Так как ни одно из последних не желает, чтобы это случилось, то

необходимо, чтобы данный поступок совершился против желания тех, которые при этом теряют. От них надо каким-нибудь образом скрыть последствия, которое этот поступок будет иметь, иначе они могут оказать ему сопротивление или избежать его. Эта мысль скрывается во всех таких словах, как способный, изворотливый, искусный, лукавый, сообразительный, плутоватый, скрытный, коварный, хитрый, пронырливый, расторопный,

176 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

проницательный и т. д. Часто этимология слова не представляет ничего замечательного, но иногда она хорошо иллюстрирует историю какой-нибудь идеи.

Хитрость лисицы и других животных заключается главным образом в умении обманывать существа, составляющие их добычу. В таких случаях обманутые животные бывают менее проницательны, чем те, которые их обманывают и захватывают; но птица-мать, притворяющаяся раненой, служит примером того, что и обман, практикуемый существом с низшим умственным развитием, часто может успешно противостоять хитрости существа, более развитого умственно. В самом деле, обман до такой степени составляет сущность рассматриваемого принципа, что в большинстве случаев чем больше обман, тем больше и успех¹.

Принцип обмана играет важную роль во всех способах, которыми человек стремится к приобретению. Почти все

¹ Спенсер в своем превосходном обсуждении вопроса «правдивости», которое он дает в IX главе I тома своих «Принципов этики», сильно укрепил этот взгляд по отношению к первобытным народам. Он, по-видимому, несколько удивлен открытием, которое, впрочем, нельзя подвести под неизменное правило, что простодушные горные племена — самые правдивые из всех, а более умные береговые племена к остальным своим порокам присоединяют еще лживость. Он показывает даже, что высшие расы, в том числе и та, к которой он сам принадлежит, проявляют это качество просто в постыдной степени, особенно в своих сношениях с низшими расами. Всего этого и надо ожидать, если обман составляет необходимый элемент интеллектуальной деятельности. Последнее явствует из того, например, что в племени уганда «на искусного лгуна смотрят как на ловкого, проворного малого»; из того, что в Центральной Америке об обманщике говорят «какой ловкий малый», из того, что филиппинские островитяне «по-видимому, не считают ложь грехом, но скорей законным преимуществом, хотя и исполненным коварства»; с другой стороны, та же истина еще лучше видна на примере племен саура, которые не умеют лгать. «Они не настолько цивилизованны, чтобы уметь изобретать»; а «магары так глупы, что говорят правду, совсем не рассуждая».

Отыскивая причины, определяющие сравнительную правдивость рас, Спенсер приходит к тому заключению, что «существование или отсутствие деспотического правления приводит к преобладанию лжи или к преобладанию правды», и довольно убедительно объясняет, что лживость является нормальным результатом запугивания и злоупотреблений; примером

ГЛАВА XXIV. ПРИНЦИП ОБМАНА 177

люди бывают ослеплены могущественным влиянием привычки к оптимистическим мыслям, которая представляет позднейшую форму первоначального самообольщения желаниями или проявления воли; вследствие этого ослепления цивилизованные народы легко поддаются обману и неразмысливающая масса становится жертвой небольшого класса людей, которые приучаются рассчитывать на обман для улучшения своего положения. Почти повсюду человек стремится к богатству, состоянию, собственности, достатку или к тому же самому под другим названием. Бедность сделалась позором, ее опасаются и страшатся так, что готовы прибегнуть к каким угодно средствам, лишь бы избежать ее. Поэтому тот, кто имеет мало или кто ничего не имеет, выбивается из сил, стараясь показать, что у него есть все, чего он только желает. В самом деле, заслуживает внимания, что, несмотря на бурю желаний, бушующих в человеке, очень немногие из них обнаруживаются, так как человек прибегает к систематическому обману, чтобы не дать их

заметить. Никто не хочет, чтобы другие знали о его страданиях, особенно если он испытывает потребности, которые не может удовлетворить; поэтому те лица, которые с виду кажутся утопающими в довольстве, на самом деле может быть в эту самую минуту переносят ужасные душевные муки, ловко ими скрываемые. Муки эти не всегда происходят от нужды, бедности, безденежья; иногда они бывают вызваны домашними неурядицами, стыдом перед каким-нибудь поступком, заведомо противным принятым социальным правилам, страхом, чтобы не было

этого могут служить восточноафриканские рабы, о которых Ливингстон говорит: «С трудом можно убедить раба перевести что-нибудь верно, так он старается говорить то, что может понравиться». То же явление поразило меня и между вольноотпущенниками Юга перед окончанием войны, приведшей к их освобождению. Нет сомнения, что свобода внушает искренность, так же как и другие мужественные качества, и что рабство и тирания обыкновенно деморализуют. Но это доказывает только то, что к обману во всякой форме прибегают как к орудию защиты от опасности и что он представляет нормальную и законную деятельность первоначального интеллекта, который для этой цели только и был развит.

178 ЧАСТЬ 11. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

открыто что-нибудь такое, обнаружение чего может повлечь за собою гибель. Подобно этому люди скрывают и разные свои чувства. Обнаружение чувства служит признаком слабости и вредит успеху. Наилучшей тактикой оказывается напускное равнодушие ко всему. Тот, кто кажется удрученным печалью, считается неспособным. Человеческой природе свойственно сильных возвышать, а слабых презирать и притеснять. Эти слова кажутся суровым обвинением, но они верны. На чем основано это явление? Без сомнения, люди смутно видят в неудаче следствие сравнительной слабости. Если кто-то не в состоянии зарабатывать себе на пропитание, то его предполагают лишенным необходимых для этого свойств характера. Никто не хочет тратить энергию на недостойный предмет. Обладанием значительной долей благ мира сего сделалось всеобщим признаком и мерилом характера. Исследуя основание этого явления, мы видим, что за критерий человеческой ценности принимается всеми известная умственная способность, с помощью которой приобретается и удерживается богатство. Люди инстинктивно чувствуют, что интуитивная способность, обеспечивающая успех в жизни, составляет главный элемент достоинства человеческого характера, и сообразно с этим она и ставится высоко.

Такой взгляд на деятельность этих свойств ума позволил им занять в социальной жизни еще более выдающееся место, чем в жизни, предшествовавшей появлению человека и образованию общества. Поддерживаемые господствующими легковерием, доверчивостью и оптимистической уступчивостью, они развились в цивилизованном человеке с беспримерной силой. Вследствие этого весь строй общества пропитан обманом. Эта склонность поддерживается и поощряется жизнью в отдельных домах, благодаря которой сношения между людьми возможны только при условиях благоприятствующей скрытности. Не раз было замечено, что когда люди, прежде жившие в одном обществе, силою обстоятельств были вынуждены отказаться от своих культурных привычек и встречаться друг с другом в более естественном состоянии, в котором все их дела и помышления становились явными, их настоящий характер, обнаруживавшийся при

ГЛАВА XXIV. ПРИНЦИП ОБМАНА 179

этом, оказывался вовсе не таким, каким его предполагали. Я наблюдал это, когда был в армии и во время походов и сражений стоял на равной ноге с моими согражданами, занимавшими дома весьма различные общественные положения. Некоторые лица, стоявшие в самом низу общественной лестницы, неожиданно обнаружили тогда неподдельные достоинства, между тем как другие, пользовавшиеся наибольшим уважением в обществе, оказались трусами и подлецами или плаксивыми брюзгами. При более тяжелых обстоятельствах, в больших лишениях, в страдании и опасности золотые крупинки характера еще тщательнее очищаются от примеси. Но в культурной жизни это невозможно, и то, что мы видим на поверхности, вовсе не свидетельствует о том, что существует на самом деле. Всякое слово, всякий взгляд или поступок легко могут оказаться притворством. В этой жизни всё — хитрость, подделка, притворство, лицемерие, подлог

и обман. , А при удобном случае эти свойства принимают более открытые и вредные формы мошенничества., надувательства, плутовства и шарлатанства. Между тем как большинством людей все это практикуется в более мягкой форме, у всегда существующего меньшинства оно принимает форму злокачественную. Это меньшинство являет собой паразитов общества, которые, как говорится, кормятся с помощью своей изворотливости. Общественные учреждения благоприятствуют учреждению такого класса; а он более всего усердствует в созидании и упрочении этих учреждений. Так, например, едва ли можно сомневаться, что, если бы из каждых десяти членов юридической профессии девять было исключено и эти девять обратились бы к какому-нибудь полезному занятию, правосудие от этого очень много бы выиграло, а промышленность приобрела бы тысячи новых работников. Но масса поручает этому классу созидать законы для нее, и до тех пор, пока она будет продолжать так поступать, она должна расплачиваться за свою глупость. То же самое можно сказать относительно всего торгового ведомства, хотя тут разумное сотрудничество нужно для того, чтобы обеспечивать успех. Другое большое ведомство, изобилующее непроизводительными членами, — это финансовое, к которому отно-

180 ЧАСТЬ 11. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

сятся бесчисленные ловкие планы приобретения состояний посредством торговли всевозможными ценными бумагами. Но этим список не кончается, о чем свидетельствуют разные проекты, союзы, хлебные торговцы, железнодорожные спекуляции и так далее до конца; остановиться можно, только перечислив все монополии.

Все это будут совершенно законные способы приобретения, пока мы смотрим на социологию с биологической точки зрения и считаемся только с биологической динамикой. Это естественный метод: в животном мире другого нет. Там он называется законом переживания более счастливых рас в борьбе за существование. Здесь он называется законом конкуренции. Вслед за хитростью животного явилась изобретательность человека, и интуитивное восприятие превратилось в интуитивный разум. Оба они представляют одну и ту же нормальную основную интеллектуальную способность; оба заключают в себе принцип обмана, который и составляет сущность употребляемого процесса. Биологическая школа социологов говорит, что положение ее относительно этого промышленного паразитизма, если его можно так назвать, в противоположность ее положению относительно политического паразитизма, упомянутого в предыдущей главе, вполне логично, и она учит, что его надо оставить в покое и дать ему идти своим ходом. Согласно с этикой биологии те, которые каким-нибудь способом могут приобрести большую часть продуктов земли, лучше всех приспособлены к переживанию, а те, которые не могут добиться этих продуктов, должны умирать. Таким образом общество очищается от худших и сохраняет лучших, а благодатная способность, благодаря которой это сделалось возможным, еще более развивается.

ГЛАВА XXV

ИНТУИТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ

Весьма возможно, что импульсы и интуиции надежнее даже большей части обдуманных суждений... Всякий знает, что во многих важных политических и судебных вопросах кропотливое описание подробностей и забота о технической стороне дела со стороны законодателей и судей вредит истине и справедливости, и народный ум, сразу увидевший, что дело было правое, испытывает горькое разочарование, видя, как истина затемнена логическими и законными формами. — *Dynamic Sociology*, II, 327.

Только очень небольшая часть наших действий бывает направлена к определению новых условий. Опыт уже определил, как нам надлежит поступать во всех обстоятельствах, от которых самым непосредственным образом зависят сохранение нашей жизни и наше благополучие; в этих случаях действие не требует сравнения и суждения, обыкновенно оно должно быть настолько быстро, что не может допускать обдумывания и мышления. Способность не размышляя действовать

правильно и быстро в бесчисленных нуждах обыденной жизни по крайней мере настолько же важна, как и способность расширять поле нашей разумной деятельности. — В. Брукс. *Popular Science Monthly*, June, 1879 (Vol. XV, pp. 154-155).

Ход событий показал на деле, что в некоторых часто встречающихся обстоятельствах известное поведение является надлежащим и ведет к благополучию, между тем как противоположное ему поведение оказывается пагубным. Если этот опыт постоянно повторяется, склонность поступать правильно при этих обстоятельствах постепенно становится инстинктом, интуицией, привычкой или законом долга. С этого времени все люди, обладающие образовавшимся таким образом импульсом, при таких обстоятельствах будут поступать одинаково; но два лица, лишенные этого импульса, послушаются своего индивидуального суждения и могут поступить одинаково и неодинаково. — В. Брукс. *Ibid*, July, 1879, p. 348.

Теперь нам надо заняться тем видом интуиции, который общим характером и способом применения отличается от того, что мы называли интуитивным разумом, гораздо больше, чем этот последний отличается от того, что было названо

182 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

интуитивным восприятием, хотя этот новый вид интуиции в противоположность тем двум является исключительно свойством человека. Тем не менее я надеюсь удовлетворительным образом показать читателю, что разница тут только в форме и в применении, а не в сущности предмета. Интуитивное суждение мало отличается от того, что, вероятно, обычно, — понимается под словом «интуиция». Если первоначальная животная интуиция, интуитивное восприятие и интуитивный разум в психологическом смысле представляют восприятие каких бы то ни было простых или сложных отношений, то можно сказать, что интуитивное суждение в психологическом смысле состоит в восприятии «истины». Самую истину можно назвать отношением, и это будет справедливо, с той оговоркой, что первоначальным интеллектом воспринимаются не отношения тождественности, согласия, несогласия и другие, устанавливаемые актом суждения, но отношения сопротивления, направления, быстроты, расстояния и т. п. Интуитивное суждение не касается отношений, принадлежащих к последнему классу или таких, которыми в каждую данную минуту надо немедленно воспользоваться, для того чтобы руководить движениями. Оно не связано так непосредственно с конативной силой и скорее приближается к производным интеллектуальным способностям, которые почти исключительно служили темой философии. И однако же оно и от них отличается. Оно ни в каком смысле не представляет способности к обдумыванию или размышлению или способности к отвлечению или бескорыстной идеации. Оно и не форма рассуждения, как предполагали, например, некоторые. Понятие, будто интуитивное суждение состоит в быстрой или моментальной комбинации длинного ряда выводов, представляет одно из заблуждений, вызванных обратным порядком, в котором изучались умственные явления, т. е. тем, что изучение их начиналось с верхушки, а не с основания строения. Интеллектуальные способности, главным образом поглощавшие внимание исследователей, все суть второстепенные и производные, поэтому естественно, что когда приходилось рассматривать еще какую-нибудь из этих способностей, ее старались объяснить наподобие прежних;

ГЛАВА XXV. ИНТУИТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ 183

между тем в настоящем случае вновь открытое свойство действительно является первоначальным и основным и составляет как бы главный ствол, в качестве разветвлений которого явились все другие свойства.

Чтобы пояснить ошибку, в которую впадали тут логики, можно привести следующее замечание епископа Уэтли, параллельные которому можно найти и в сочинениях многих других писателей этой школы. Он говорит: «Часто случается, что длинная цепь рассуждений промелькнет в уме с такой быстротой, что процесс совершится бессознательно или по крайней мере оставит не более следов в памяти, чем оставляют их движения мускулов горла и рта во время речи или те суждения, посредством которых мы определяем *расстояние* между видимыми предметами, так что можно

предположить, будто заключение постигается интуицией, между тем как на самом деле оно является следствием быстрого вывода». В том же направлении д-р Карпентер замечает: «Я давно признал за факт, что суждения, в действительности основывающиеся на длинном ряде незначительных опытов, большей частью забытых или, может быть, никогда ясно не сознанных, часто приобретают сходство с интуитивными восприятиями. Я думаю, что в этом надо искать объяснение глубокому интуитивному взгляду, считающемуся характеристической чертой женщин и встречающемуся также у опытных практичных людей, которые никогда не обращали много внимания на теорию и которым редко приходилось объяснять основания своих суждений. Таким же образом объясняю я и некоторую долю истины, заключающуюся в предчувствиях».

Герберт Спенсер, доказывая простоту или психологическое единство интуитивных суждений, заходит, может быть, слишком далеко, когда прилагает эту простоту и к запутанным суждениям механика, но он прав, говоря, что обыкновенно слово «интуиция» означает «неразложимый умственный акт». Нельзя отрицать, что умственные antecedentes большей части интуиции этого вида чрезвычайно сложны; но главным предметом спора служит то, что в уме не происходит никакого процесса соединения этих элементов в цепи рассуждения или в методическую систему отдельных выво-

184 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

дов. Тут нет никоим образом процесса дедукции. Данные для интуиции уже комбинированы в мозгу в одну психологическую единицу, которой интуитивный акт пользуется как целым числом, а не разлагает ее. Употребляя более физиологическое выражение, можно сказать, что приготовление мозга к такому акту сделалось присущим его строению; соответствующие корковые ядра были созданы запечатлением опытов, и толчок прямо и непосредственно исходит из этих готовых центров.

Способность интуитивного суждения приспособлена и часто применяется к вопросам, не имеющим непосредственного значения для самосохранения, например к вопросу об истине аксиомных предложений в геометрии и логике или к вопросу о более сложных отношениях силы в механике; но не эти упражнения положили в мозгу начало этой способности. Они представляют только дальнейшие применения орудия, устроенного с совершенно другим назначением. Назначение это, подобно тому для которого были созданы интуитивное восприятие и интуитивный разум, было в высшей степени практическое и прямо касалось интересов расы, ее сохранения и безопасности. Другие рассмотренные нами виды интуиции были так рассчитаны, чтобы управлять действиями в каждую данную минуту, этот же вид ее был приспособлен к тому, чтобы руководить нашими действиями в близком или более или менее отдаленном будущем. Помимо необходимости знать, как поступить, чтобы обеспечить удовлетворение настоящего желания, обнаружилась также важность знания того, какой путь лучше всего избрать в случае известного совпадения обстоятельств. Сначала имелись в виду только такие совпадения обстоятельств, которые легко могли произойти, как это было известно из прежних повторявшихся опытов, но позднее стали предусматриваться все менее и менее частые и менее вероятные случаи, и, наконец, была достигнута такая степень принорования, благодаря которой человек был приготовлен ко всевозможным стечениям обстоятельств или защищен от них. Эта первоначальная и практическая сторона предмета и имеет наибольшее значение и наибольшую важность как для психологии, так и для социоло-

ГЛАВА XXV. ИНТУИТИВНОЕ СУЖДЕНИЕ

185

гии. И если только выбраться из колеи прежней философии, то легко можно будет увидеть, что эта сторона предмета доставляет нам наибольшее число и лучших примеров. -

Люди в обыкновенных житейских делах не полагаются на свой разум. Они не пользуются силлогизмом, когда стараются решить, какой путь лучше всего избрать, чтобы обеспечить успех

какого-нибудь предприятия. Они прибегают в этом случае к тому, что обыкновенно называется «здравым смыслом»; последний же едва ли сколько-нибудь отличается от того, что мы здесь назвали интуитивным суждением'. О здравом смысле мало можно найти в книгах. Если же он упоминается, как, например, в сочинениях Рейда, то ограничивается каким-нибудь малоизвестным применением его или же совершенно расходится с первоначальным своим значением. Большая часть всего, что было написано об этой способности и о том видоизменении ее, которое рассматривается в следующей главе, относится к тем случаям, когда, как это часто случается, тщательное обсуждение вопроса приводит к заключениям, ложность которых сразу видна при помощи чистой интуиции. Выработанные судом мнения, как это хорошо известно, часто не только способствуют затемнению дела, но положительно отуманивают ум судьи, отвлекают его от главных понятий справедливости и права и заставляют его неправильно решать такие вопросы, в которых истина в силу интуиции ясна для других, а иногда, в случае важного процесса, — даже для целого народа.

ГЛАВА XXVI

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ

Всем известно, что женский ум, столь не привыкший рассуждать точно при теперешнем состоянии общества, приходит к правильным выводам во многих случаях, в которых мужской ум не может открыть истину после самого внимательного рассмотрения. — *Dynamic Sociology*, II, 327.

Рассматривая женщин, насколько они были изучены в их деятельности, можно сказать с почти полной достоверностью, что характер их способностей главным образом практический. — Джон Стюарт Милль. *Subjection of Women*, p. 105.

Если женский организм консервативен и ему вверено на хранение все, что было приобретено в продолжение прошедшей истории человеческого рода, отсюда должно следовать, что женский ум представляет склад, наполненный инстинктами, привычками, интуициями и правилами поведения, добытыми прошлым опытом. Если же мужской организм, напротив, изменчив и составляет производящий элемент в процессе эволюции, то мужской ум должен обладать способностью распространять опыт на новые области и путем сравнения и обобщения открывать новые законы природы, которые, в свою очередь, будут управлять действиями и присоединятся к прежнему ряду опытов. — В. Брукс. *Popular Science Monthly*, June, 1879 (Vol. XV, p. 154).

Я ставлю заглавием этой главы выражение *женская интуиция*, в том смысле, что хотя она и проявляется, конечно, главным образом у женщин, но я думаю, что корень ее скрывается на дочеловеческой стадии развития и что интуитивная природа женщины составляет прямое порождение более древних и более простых умственных отличий самок многих животных. Надо признать, однако, что едва ли существует родовое различие между интуицией женщины и интуитивным суждением, описанным в предыдущей главе.

Главное, что надо заметить относительно интуиции женщины с современной биологической точки зрения, это то, что она представляет в высшей степени специализированное развитие умственной способности, единственным назначением

ГЛАВА XXVI. ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ 187

которой первоначально была защита матери и детей. Эта способность составляет часть материнского инстинкта, и, как это бывает со всеми инстинктами, ее изощренность и тонкость соответствуют узости ее цели. Умение женщины мгновенно и точно судить о том, как она должна поступать, когда находится в опасности она сама или ее дети, развилась в продолжение древнейшего периода человеческого рода, когда он только что перешел из животного состояния в собственно человеческое; единственным его применением была защита матери и детей от окружающих их опасностей, опасностей, возраставших по мере развития интеллектуальной способности и по мере расселения людей по земному шару. С возникновением и прогрессом

цивилизации способность эта приобретала все большую сложность и всегда служила охраной семьи от всех нападений, споров и обид с какой бы то ни было стороны. На высших ступенях просвещения ей все еще приходится действовать ежедневно и ежечасно, сохраняя добродетель женщины, обнаруживая неверность мужчины, спасая молодежь обоего пола от всякого рода искушений и ловушек, отклоняя обиды со стороны несправедливых мужей и жестоких отцов, обуздывая финансовое сумасбродство и предосудительную расточительность мужчин, и в тысяче других случаев. Относительно таких вопросов в уме женщин уже составлены суждения, унаследованные ими как организованные опыты из неопределенного прошлого вместе с ответственными корковыми центрами, образовавшимися в строении мозга; так что в случае нужды не приходится терять времени на размышление или обдумывание. Опасности, всегда угрожавшие женщине и ее беспомощным питомцам, обыкновенно не оставляли ей времени для этих более медленных умственных процессов. Она должна была действовать немедленно, или все было потеряно; и естественный отбор сохранял тех, которые могли так действовать, так что в современном обществе все еще верно, хотя и в гораздо более широком смысле, чем предполагал Аддисон, что «женщина, которая рассуждает, погибла». Многие авторы упоминали об этом защитительном свойстве. Спенсер говорит: «В варварские времена женщина, которая по одному движению, по

188 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

тону голоса или по выражению лица умела обнаружить в своем диком муже возникающую страсть, могла, вероятно, избежать опасностей, которым подвергалась женщина, менее искусная в толковании естественного языка чувств. Путем постоянного упражнения в этом умении и путем переживания тех, которые обладали им в наибольшей степени, оно должно было сделаться наконец женской способностью. Обыкновенно эта женская способность, выказывавшаяся в умении отгадывать умственное состояние по внешним признакам, приводила просто к образованию интуиции, не имевших за себя никаких неопровержимых доводов; но если к ней присоединяется понимание психического анализа, как это бывает в редких случаях, то в результате получается замечательная ловкость в истолковании умственных состояний других людей».

Мы можем однако вернуться гораздо дальше назад в нашей попытке понять женскую интуицию. В XXII главе было показано, что интуитивное восприятие, приобретенное животными благодаря совершенствованию умения обмануть других животных, и особенно самцами, благодаря их борьбе с другими самцами того же вида во время соперничества из-за самок, распространилось в некоторой степени и на самих самок, что и помешало этому свойству ума сделаться исключительно второстепенным половым признаком. Я указывал также, что в несколько измененной форме оно было вызвано в самке постоянным бдением ее над детьми. В последнем я вижу источник более полно развитой женской интуиции, которую мы теперь рассматриваем и которая, как уже было замечено, даже в развитой женщине все еще сосредоточивается главным образом вокруг ее детей.

Существенно женский характер ее проявляется разными способами. Одну из главных отличительных черт женщины составляет то, что она всегда находится в оборонительном положении. Главная цель женских действий — защита.

Наряду с заботой о безопасности членов будущего поколения, находящихся под ее попечением, в матери развился строй ума, который всегда настороже и готов заметить и отворотить малейшую опасность. Она никогда не рискует.

ГЛАВА XXV. 1. ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ 189

Люди, принадлежащие к классу моряков, часто замечают, что старые морские капитаны из двух дорог всегда выбирают более безопасную, хотя бы обе они с виду были одинаково надежны; и на первый взгляд эта кажущаяся робость как будто не согласуется с известной неустрашимостью закаленных моряков; но она происходит вследствие установившегося у них жизненного правила

— всегда выбирать безопаснейший путь на море. Женскому уму присуще свойство осторожности, и женщина применяет его не только к мореплаванию или к другим особенно рискованным занятиям, но и ко всему, что она делает. Как бы положение женщины ни было безопасно при тех или других обстоятельствах, но если с этой точки зрения представляется некоторая разница между двумя способами действия, то можно быть уверенным, что она изберет тот из них, который считает более безопасным. Я говорю — который она считает таким, потому что действия ее определяются этой предполагаемой, а не непременно действительной безопасностью. Она обыкновенно основывает свое суждение на опыте и поэтому избирает тот путь, которому она уже следовала раньше и который нашла безопасным. Всем, вероятно, случалось заметить, что женщины предпочитают идти дорогой, которой они уже шли, если она безопасна, хотя бы существовала другая, гораздо более удобная, но еще не испробованная ими; и обыкновенно они не признают уважительными доводы, почерпнутые из опыта других лиц или из естественных условий данного случая. Этот строй женского ума проявляется во всех житейских делах. Главный отличительный признак его — крайний консерватизм. Женщины думают, что всякое нововведение должно сопровождаться опасностью. Если жизнь возможна при существующих условиях, то лучше продолжать ее, как бы она ни была тяжела, чем отважиться на перемену. Таким образом, женщина становится противовесом в обществе и удерживает его рост в постоянном и неизменном положении. К этому приспособлена интуиция женщины.

На основании такой крайне консервативной природы женщины можно предположить, что она никогда не должна выступать в роли реформатора, так как всякая реформа под-

190 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

разумевает перемену в существующем порядке. Поэтому с выраженным здесь взглядом покажутся, конечно, несообразными те хорошо известные факты, что многие женщины являются реформаторами, что многие реформы ведутся главным образом женщинами, что их главный довод в пользу предоставления им политической власти основывается на притязании, что они произвели бы реформы, которых мужчины не предпримут, и, наконец, тот факт, что в роли реформаторов они оказываются гораздо более пылкими и непримиримыми, чем мужчины. Но я думаю, можно показать, что это только кажущаяся несообразность и что все эти факты совместимы с истинным консерватизмом. Или, вернее, консерватизм не представляет женского характера в целом. Выражаясь, пожалуй, еще точнее, можно сказать, что консерватизм женщины не направлен на учреждения или на окружающие условия, но сосредоточивается на ней самой и на ее детях. В женской природе глубоко укоренилось не стремление к сохранению учреждений, но скорее стремление к самосохранению, и поэтому консерватизм ее ограничивается теми учреждениями, в которых она видит охрану своей личной безопасности. Это факт, что она никогда не поддерживает реформу учреждения, которое само по себе считается хорошим, как бы оно ни могло быть улучшено. Мужчины, напротив, постоянно это делают. Для них мало того, чтобы что-нибудь было просто хорошо, лучше, чем ничего; они настаивают на улучшении учреждения, если оно только доступно улучшению, и не удовлетворяются до тех пор, пока не доведут его до возможной степени совершенства. Вот это настоящая реформа. С другой стороны, те реформы, в которых женщины принимают участие, собственно говоря, вовсе не реформы, а скорее революции. Женщина заинтересована только в реформе тех учреждений, которые они считают дурными, а реформа, которую они для них предлагают, — просто отмена их. Они во всем этом руководятся самосохранением. Дурное ненадежно и опасно, и поэтому реформы женщин просто представляют крестовые походы против действительных или предполагаемых зол, угрожающих безопасности их самих или их детей. С этой точки зрения их самые радикальные реформы явля-

ГЛАВА XXVI. ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ 191

ются полнейшим консерватизмом, охранением всего, что им дорого в жизни.

Мы видим, таким образом, что женская интуиция представляет резкий контраст с теми формами интуиции, которые обсуждались в XXII и XXIII главах. Прежде описанные формы приспособлены к достижению предметов желания; они поддерживают психические силы в их стремлении к

наслаждению и выполняют таким образом главные функции существования. Поэтому с этой точки зрения их можно назвать положительной, или активной, интуицией в противоположность свойству женского ума, которое можно назвать отрицательной, или пассивной, интуицией. Последняя не побуждает действующее лицо активно приниматься за какой-нибудь труд или какое-нибудь предприятие. Она готовится только к действию на случай, если бы оно сделалось необходимым, или останавливает предполагавшееся действие, если оно кажется неуместным. Дальнейший контраст заключается в том, что женская интуиция не заключает в себе принципа обмана, между тем как он составляет существенный отличительный признак мужской интуиции — как можно было бы назвать другие формы интуиции. Правда, что оба эти качества ума до некоторой степени принадлежат обоим полам; интуитивное суждение, описанное в последней главе и составляющее общее свойство ума, в принципе не отличается существенно от женской интуиции, между тем как интуитивный разум часто бывает хорошо развит и у женщин. Однако же верно и то, что, сопоставляя склад ума обоих полов, мы замечаем, что качества, обнимаемые общим названием интуитивного разума, именно тонкость, дипломатия, стратегия и т. п., отличают преимущественно мужчин; это активные, положительные и прогрессивные элементы общества; пассивные же, отрицательные и консервативные элементы, как, например, осторожность, робость, опасение, составляющие интуитивное суждение, оказываются главным образом женскими чертами. В следующей главе одна форма интуиции, еще не рассмотренная нами, еще ярче представит нам этот контраст.

Сделав все оговорки, мы имеем право сказать, что интуитивная способность развилась по двум различным направ-

192 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

лениям, в точности соответствующим тем направлениям, которым следовали оба пола, и что на деле существует мужская и женская ветви первоначальной интеллектуальной способности; первая, приспособленная к прокормлению и продолжению рода, и вторая, служащая защите и охранению его. Или же можно считать, что мужской ствол служит для активного роста, развития и преуспевания типа, а женский — способствует его пассивной устойчивости, неподвижности и постоянству. Преобладающее отличие мужской способности — *мужество*, а женской — *осторожность*. Можно провести параллель между этими двумя противоположными психологическими факторами и двумя биологическими факторами, также представляющими контраст между собой, именно мужской активностью, благоприятствующей приспособлению и изменчивости, и женской пассивностью^ благоприятной для наследственной передачи и неподвижности типа. Аналогию с ними представляют два социологических фактора: всегда имеющаяся налицо радикальная партия прогресса и сдерживающая ее, также всегда имеющаяся налицо, консервативная партия порядка. В заключение нельзя не высказать одной мысли относительно интуиции вообще и интуиции женщины в особенности. В XV главе мы воспользовались удобным случаем, чтобы заметить, что ввиду большей древности чувств сравнительно с интеллектом и ввиду общего значения чувств для последнего женщина, в которой чувства преобладают, должна занимать по крайней мере равное место с мужчиной в экономии социальной жизни. Теперь, с точки зрения интеллектуального развития, мы видим ее с самого начала, с древнейших, доисторических, дообщественных, даже дочеловеческих времен, стоящей бок о бок с ним и дополняющей его деятельность, которая иначе была бы односторонней, безрассудной и своевольной и скоро исказила и обезобразила бы расу и сделала бы ее неспособной к самому прогрессу, достижение которого он приписывает только себе. Поэтому даже в царстве интеллекта, где он охотно занял высшее место, она показала себя вполне равной ему и имеющей право на долю в том, что способствует прогрессу, достигаемому благодаря интеллекту.

ГЛАВА XXVII

СПОСОБНОСТЬ К ИЗОБРЕТЕНИЮ

Хотя интеллектуальный элемент обыкновенно называется силой, но на самом деле он не является таковой. Его нельзя сравнить с другими действительными психическими силами. Последние принуждены выполнять всю настоящую работу, как при косвенном, так и при прямом методе. Интеллект же только руководит ими таким образом, чтобы достигать наилучших результатов. Он также заставляет другие естественные силы приходить им на помощь и через это усиливает их действие. Все это совершается общим процессом *изобретения*, продукт которого *искусство*; так что способность к этому можно назвать способностью к *изобретению*, а производимые ею явления — *искусственными*. — *Dynamic Sociology*, II, 100.

Читатель, вероятно, заметил, что во всех рассмотренных нами до сих пор активных и прогрессивных формах интуиции, заключающих в себе принцип обмана, способность эта употребляется главным образом при взаимодействии с чувствующими существами. Отношения, которые воспринимаются интуицией и из которых она извлекает пользу, возникают вследствие деятельности этих одаренных чувством существ. Выгоды, извлекаемые действующим лицом из усилий, управляемых интуицией, причиняют ущерб какому-нибудь другому живому организму. Каждое удовольствие, испытываемое одним, сопровождается соответственным страданием другого. Конечно, часто бывает большое несоответствие между страданиями и удовольствиями, и в таких случаях первые обыкновенно гораздо значительнее. Шопенгауэр, доказывая преобладание в мире страданий над удовольствиями, приводит в пример животное, пожирающее другое животное. Трудно представить себе столь большую разницу в степени нервной чувствительности обоих этих животных, чтобы простое приятное вкусовое ощущение одного уравновешивало ужасные страдания другого. Впрочем, к такому объяснению незачем и обращаться, так как в бесчисленном множестве случаев жертва по своей организации и чувстви-

7 Зак. № 472

194 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

тельности занимает гораздо более высокое место. Крайний, но обыкновенный пример представляет тот случай, когда человек, мудрец может быть, медленно замучивается до смерти для удовлетворения так низко стоящего организма, как солитер. Но все заразные болезни, например холера, желтая лихорадка и, может быть, чахотка, на самом деле представляют еще более крайние случаи. Я не хочу этим сказать, конечно, что эти паразиты обладают интуитивной способностью. Они только служат примером полного равнодушия природы к страданиям животных.

Какое бы мы ни дали название этому свойству интуитивного восприятия, т. е. действию его на низших животных, ясно, что на высшей ступени интуиции, которую я назвал интуитивным разумом, свойство это, направленное против человеческих существ, решительно *безнравственно*. Большинство, вероятно, согласится с этим, даже если б можно было доказать, что достигаемое при этом счастье больше причиняемых страданий. Противоположного взгляда мог придерживаться только Герберт Спенсер в своей этике, основанной на законах, управляющих животным миром. Вопрос этот относится к дальнейшей главе и здесь касается нас лишь настолько, насколько он служит большому выяснению точной природы интуитивной способности вообще. Если деятельность этой способности в столь значительной степени обращена на чувствующие существа, то это только случайность, и она никоим образом не ограничивается этими проявлениями. Но для того чтобы составить себе более ясное понятие о ее природе, нам надо было сначала рассмотреть это ее применение и отложить до настоящей главы те ее проявления, которые имеют отношение к неодушевленным предметам и к физическим силам.

Едва ли можно сомневаться в том, что, как сказано в XXI главе, первые усилия, поведшие к развитию интуиции, были попытками преодолеть материальные препятствия, мешавшие удовлетворению желания. Отношения, которые необходимо было прежде всего понять, для того чтобы можно было следовать каким-нибудь косвенным путем по направлению к предмету желания, были отношениями между различными

физическими преградами в окружающей среде. Прямое направление, по которому, согласно первому закону Ньютона, движутся тела, испытывающие воздействие одной -какой-нибудь силы, было возможно только для живых организмов, обитавших в воде или в воздухе; в этом, может быть, надо видеть одну из причин того, что первые животные, как мы знаем из палеонтологии, были водные. Долгие периоды, может быть, более долгие, чем все последующее время, именно вся кембрийская, силурийская, девонская и, может быть, каменноугольная эпохи, протекли между появлением морских животных и возникновением жизни на суше. Исключения, насколько нам известно, составляли только насекомые, которые, вероятно, были одарены способностью летать, причем личинками жили в воде, а остальное существование проводили в воздухе. В той и другой среде они могли двигаться по прямой линии к предмету желания, когда хотели найти пищу или сотоварища другого пола, и по прямой же линии прочь от опасности, когда хотели ее избежать. Для этого им достаточно было простых психических сил без всякой руководящей способности, и они не нуждались в интуиции для восприятия сложных отношений. Иначе обстояло дело с сухопутными животными, которых сила тяготения держала на поверхности земли, и с теми летающими насекомыми, которые должны были жить в скалах, на деревьях, в траве и кустах. Даже в самых низших из них должна была существовать слабая степень руководящей способности; одной этой окружающей среды, вероятно, было бы достаточно, чтобы положить ей основание. Поэтому до некоторой степени эта способность необходимо должна была развиваться в очень ранний период жизни на земле. В этой стадии она, должно быть, оставалась неизменной в продолжение другого долгого периода, а следующий за тем шаг вперед был, вероятно, главным образом вызван медленным достижением гораздо более высокой степени этой способности, которая потребовалась для восприятия более сложных соотношений между движениями животных. На этой второй стадии началось интуитивное восприятие, описанное в XXII главе, и с этого времени до появления человека оно было обращено преимущественно на

196 ЧАСТЬ 11. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

высшие отношения движений животных, причем, однако, укрепляющаяся интуиция становилась все более и более способной понимать и простые физические отношения.

Мы уже видели, что и на высшей человеческой стадии косвенный метод все еще главным образом применялся к жизненным и психическим явлениям, что то же самое продолжалось в течение всей социальной эпохи и при высшем состоянии цивилизации и что благодаря этому интуитивный разум достиг высшего развития в торговой тонкости, политической дипломатии и военной стратегии.

Но уже на очень ранней человеческой стадии, а особенно на зарождающейся общественной стадии, начало увеличиваться значение применения руководящей способности к неодушевленным предметам. По мере того как число людей увеличивалось, а условия жизни становились сложнее, чисто животные способы отыскания средств существования оказывались все более и более неудобными. Первым и простейшим проявлением руководящей способности и было, может быть, предусмотрительное создание запаса на будущее время для постоянного удовлетворения потребностей; но наряду с этим отыскивались средства, благодаря которым можно было бы достигать той же цели с большей легкостью и быстротой. Было ли первое такое средство охота или какая-нибудь первобытная форма земледелия, оно во всяком случае вызвало новую форму интуитивной способности, не обсуждавшуюся еще нами до сих пор. Для обозначения ее не годится ни один из терминов, которыми мы пользовались в предыдущих главах, так что надо употребить новый. Точнее всего выражает эту новую идею слово *изобретательность*. Правда, что для охоты огромное значение имеют проникаемость и хитрость для обмана животных, которых надо поймать, но, для того чтобы это занятие сделалось успешным средством удовлетворения потребностей большого числа индивидуумов, требуется еще нечто другое. При охоте надо употреблять некоторые вспомогательные материальные орудия. Хотя для нас кажется очень

простой выдумкой употребление дубины или камня для того, чтобы усилить действие удара или побеждать расстояние, отделяющее преследовате-

ГЛАВА XXVII. СПОСОБНОСТЬ К ИЗОБРЕТЕНИЮ 197

ля от добычи, однако же сомнительно, чтобы что-нибудь было известно об употреблении таких средств обезьянами или мартышками (которые обладают органами, приспособленными для подобных действий). Все животные полагаются исключительно на органическое оружие, которым их снабдила природа для нападения и защиты. Поэтому употребление для подкрепления своих усилий какого-нибудь материального предмета, не составляющего части организма, было решительным нововведением, представляло новое применение интуитивной способности и обличало более высокий строй ума, чем тот, которым одарены существа, стоящие ниже человека. Но если бы даже можно было удовлетворительно показать, что и другие животные употребляют такие средства, то это значило бы только отодвинуть несколько назад время происхождения изобретательной способности. Конечно, существует бесчисленное множество случаев, в которых животные для достижения определенных целей прибегают к выдумкам и пользуются внешними предметами и физическими силами. Употребление слов позволяет назвать «изобретательными» удивительные способы птиц строить себе гнезда; известно также, что при некоторых обстоятельствах они совершенствуют эти способы. Рыба-стрелок убивает летящих над нею насекомых, пуская на них струю воды из своего удлинненного рыльца; пауки, ткущие длинные паутины, знают, как убирать паруса, подобно морякам, или как опуститься в надлежащее время и в надлежащем месте, подобно воздухоплавателям; и можно бы привести еще очень много других примеров. Но если приписывать подобные случаи высшей умственной способности, то что же придется сказать о некоторых насекомоядных растениях, как, например, о бразильских *Genlisca ornata*, которое ловит свою добычу родом сложной западни, или о *Dioncea muscipula*, которое, когда в него попадает добыча, закрывается самопроизвольным движением? Все это по большей части случаи приспособления, к которым привело медленное действие полового отбора, и если мы можем справедливо назвать их изобретениями, то это потому, что мы пользуемся тут оборотом речи, сделавшимся очень обыкновенным, и забываем, что это только ме-

198 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

тафора. Нет сомнения, что обычай употреблять такие обороты речи развился под влиянием господствующих телеологических привычек мысли, которыми мы обязаны прежней космологии, учившей, что все создано внешней силой с каким-нибудь специфическим предназначением. Язык так сообразовался с этой философией, что теперь нельзя заставить себя понять, не употребляя ее формул. Можно, однако, допустить, что в некоторых случаях, как, например, при устройстве гнезда, интуитивное восприятие действовало заодно с естественным отбором и с развитием инстинкта, а оно в качественном отношении ничуть не отличается от изобретательности, хотя в количественном отношении стоит бесконечно ниже даже самой простой формы, в которой изобретательность проявлялась в первобытном человеке.

Возвратившись к охотничьей стадии человеческого развития, мы можем проследить отсюда прогресс изобретения на оружии начиная от дубины и камня через все стадии копий, дротиков, луков и стрел, пращей, бумерангов вплоть до современного огнестрельного оружия. Подобным же образом можно проследить и развитие искусственных средств для ловли животных в западни и сети. Последним способом прибрежные жители воспользовались для ловли рыб и других существ, населяющих воду, и мы можем обозреть разные приспособления, придуманные человеком для этой цели. На земледельческой стадии предусмотрительность вызывалась главным образом необходимостью сеять или садить с тем, чтобы потом дожидаться жатвы; и здесь успех настолько же зависел от искусственных средств, как и в охоте. Надо было изобрести орудия для вспахивания земли; самые грубые вначале, они прошли через все ступени развития от заостренной палки до усовершенствованного плуга. Постепенно к ним были присоединены и все другие земледельческие снаряды.

На стадии скотоводства приведение животных в домашнее состояние вызвало новую форму интуиции, очень близкую к хитрости или дальновидности. Она состояла главным образом в обмане менее проницательных существ, но отличалась от интуиции, проявлявшейся в ловле добычи тем, что в последнем случае животные немедленно убивались и по-

ГЛАВА XXVII. СПОСОБНОСТЬ К ИЗОБРЕТЕНИЮ

199

жирались, здесь же они подвергались так называемому *приручению*. Приручению способствовал тот закон, что животные стараются избежать вреда; если же они видят, что им не вредят, — они подчиняются. Прирученное животное — в некотором роде паразит, живущий за счет человека, которого он перестал бояться; но человек, прокармливая его, взамен пользуется им для некоторых своих целей, например принуждает его работать, употребляет его мясо в пищу, стрижет его шерсть, доит самок и т. д.

С увеличением населения и с распространением человека по земле возникли многие другие потребности, главным образом потребности одежды и крова. Последние самым непосредственным образом способствовали развитию изобретательной способности.

Как ни были просты первые человеческие жилища, чтобы устроить их, требовалось много изобретательности. И если одежда людей состояла тогда только из звериных шкур, то они были все же усовершенствованы сшиванием. Из этих двух источников развились две главные отрасли человеческой промышленности, и отсюда можно проследить их прогресс до той стадии, которой они достигли теперь в цивилизованных странах. Но одновременно с удовлетворением этих действительных нужд, а часто и раньше этого, человек стал проявлять, пожалуй, даже большую изобретательность в удовлетворении своих воображаемых потребностей. Украшения предшествовали одежде, а капища и храмы — человеческим жилищам.

Одним из самых сильных побуждений к изобретательности служила война. Древний человек почти непременно был воинствен. Если он даже предпочитал мир, то принужден был воевать, чтобы защищаться. Надо было изобретать оружие. Таким образом, изобретательность развивала в то же время стратегические способности. Оружие было двоякого рода: наступательное и оборонительное; в производстве его одно племя соперничало с другим, как теперь соперничают между собой нации. Такое положение вещей должно было служить для изобретательности самым сильным стимулом, какой только можно себе представить, так как успех зависел

200 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

от введения более действенного оружия, чем то, которое уже существовало. Более совершенное оружие отдавало врагов или чужое государство во власть более изобретательной нации. Всегда существовало состояние неустойчивого равновесия: как только одно государство приобретало верх над другими, становилось неизбежным, чтобы другие превзошли его в том же направлении. Таким образом, орудия разрушения и оборонительные хитрости попеременно одерживали верх друг над другом, все более совершенствуясь в то же время, пока не привели к теперешним способам ведения войны, которые все еще не изменились в этом отношении.

Прогресс в способах ведения войны хорошо освещает вопрос, который обсуждался несколькими страницами выше, именно вопрос о том, существует ли действительная разница между методами человека и методами природы. Прогресс в животном мире, состоявший в приобретении наступательных орудий, каковы клыки, рога, когти и т. д., и свойств, приспособленных к защите от них, каковы чешуя, щетина, иглы (как на дикобразе), с виду кажется совершенным подобием, только на низшей ступени, прогресса, достигнутого человеком в ведении войны. И однако же первый является несомненным продуктом естественного отбора; его можно наблюдать и в растениях, особенно оборонительную сторону его. Подобные аналогии, а их очень много, так сильно поразили Хьюго Миллера¹ и других авторов этого направления, что они увидели в них

признаки умысла во вселенной. Но они, кажется, ни разу не подумали о том, как бесполезен был бы этот умысел ввиду того, что на каждой высшей ступени относительное положение наступающих и обороняющихся бойцов остается прежним. Разумному наблюдателю прогресс этот представляется огромной бесполезной тратой энергии.

Мы тут перечислили только главные условия, которые самым очевидным образом поощряли изобретательную способность. Условия эти бесконечно умножались по мере того, как в социальной жизни возникали высшие стремления. Человек все более и более систематически пользовался матери-

¹ *Testimony of the Rocks*, pp. 240-242.

ГЛАВА XXVII. СПОСОБНОСТЬ К ИЗОБРЕТЕНИЮ 201

алами и силами природы. Ветер сначала утилизировался для веяния, а потом при посредстве настоящей машины, ветряной мельницы, им стали пользоваться как двигательной силой. Вода утилизировалась благодаря сооружению плавающих предметов, принявших в конце концов форму настоящих лодок, приводимых в движение гребками или веслами, а потом и парусами; в последнем случае люди заставили служить себе вместе и ветер и воду. Позднее открыли, что сила воды может исполнять еще другую работу, и появились водяные мельницы. Порох и другие взрывчатые вещества были продуктами войны. Тяготение было утилизировано для разных целей посредством грузов. Упругость, которой впервые воспользовались для лука, начала потом играть важную роль, и пружины во многих случаях заменили грузы. Одним из позднейших открытий было открытие силы пара, а за ним последовало открытие электричества. С первым началась настоящая эра механизма и разных способов передвижения. Из второго же далеко еще не извлечена наибольшая польза. Вот самый краткий перечень успехов изобретательной способности; я привожу его здесь, собственно, только потому, что он представляет несколько главных примеров действия этой способности как фактора цивилизации. Даже из такого краткого обзора ее деятельности легко увидеть, что это действительно цивилизующая сила. Если исключить некоторые косвенным образом зависящие от нее образовательные влияния, то вполне справедливо можно сказать, что цивилизация состоит в утилизации материалов и сил природы, а единственный способ, посредством которого эта утилизация может быть выполнена, — человеческая изобретательность.

ГЛАВА XXVIII

ПСИХОЛОГИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ

Изобретатель полезного инструмента служит лучшим пояснением принципа конечной причины. Он видит перед собой свою цель отчетливо, но на недостижимом расстоянии и старается с помощью своего знания физических законов найти косвенный метод для достижения ее. Не будучи в состоянии выполнить то или другое действие непосредственно, он придумывает план, как бы выполнить его опосредованно. Исходя из посылок, доставленных опытом и наблюдением, он путем логических соображений определяет способ, посредством которого может воспользоваться слепыми механическими силами и направить их к достижению желанной цели. Как пример этого метода можно привести простейший из механических законов, на котором основываются рычаг и точка опоры. Подчинение природы человеку с помощью разных приспособлений составляет принцип, или *nexus*¹, который связывает ум с материей и позволяет первому проявляться в качестве силы через посредство второй. — *Dynamic Sociology*, I, 551-552.

Ad opera nil aliud potest homo, quam ut corpora naturalia admoveat et amoveat; reliqua Natura intus transigit. (В делах человек не может ничего иного, как только сближать или разъединять естественные тела; остальное совершает сама природа.) — Бэкон. *Novum Organum*, Apf. IV.

Всякий раз как нам удастся произвести сильное действие, мы этим обязаны тому, что-знание естественных законов позволяет нам ввести в число условий, влияющих на совершение различных

явлений, изменяющие элементы, которые, как бы они ни были слабы, в некоторых случаях бывают достаточны, чтобы изменить согласно нашему желанию окончательные результаты действия соединенных внешних причин. — Огюст Конт. *Philosophie Positive*, I, 51.

Внимательно сравнивая способность к изобретению с другими прежде рассмотренными формами интуиции, мы найдем между ними некоторое сходство и некоторое различие. Сходственные черты гораздо более общи и бол^ее важны, чем различия: все формы интуиции сходятся в том основном условии, что они представляют восприятие отношений по

¹ Связь (лат.).

ГЛАВА XXVIII. ПСИХОЛОГИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ 203

большей части одного и того же класса, именно отношений сопротивления, направления, быстроты движения и расстояния. Разница между изобретением и той первоначальной формой интуиции, которую мы называли интуитивным восприятием, не говоря уже о дифференциации ее для восприятия только физических отношений, заключается в степени и очень велика. Разницу же между изобретением и высшей формой интуиции, названной интуитивным разумом, можно пояснить различным образом. Обе эти формы интуиции главным образом, если не исключительно, принадлежат человеку; но между тем как интуитивный разум проявляется преимущественно по отношению к другим людям или к животным, т. е. служит для восприятия психических отношений, изобретательность исключительно ограничивается материальными предметами и физическими силами, т. е. восприятием физических отношений. Однако надо отыскать более существенные различия, насколько житейская проницательность может и должна дать понятие о состоянии окружающей материальной среды. Одним из таких различий является то, что интуитивный разум строго ограничивает свое внимание вопросами, представляющими личный интерес. Субъект тут не заботится ни о каких физических отношениях, не имеющих для него прямой выгоды; он воспринимает только отношения, существующие между ним и какими-нибудь материальными предметами; но такие отношения, которые существуют между двумя материальными предметами, субъекта никогда не затрагивают. С этой точки зрения эту и все другие формы интуиции можно назвать субъективными в отличие от объективной ее формы — изобретательности, которая только и воспринимает отношения между внешними предметами или силами и никогда такие, которые существуют между этими предметами или силами и субъектом; едва субъект затрагивается этим процессом, как уже форма меняется и становится субъективной.

С другой точки зрения изобретательность, или объективную интуицию, можно назвать *бескорыстной* в противоположность субъективной интуиции, которая по существу сво-

204 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ему *эгоистична*. Последняя непосредственно служит воле. Она имеет единственной целью содействовать психическим силам в обеспечении удовлетворения желаний. Этот крайне корыстный характер интуитивного разума сообщает ему гораздо большую силу и объем, так что он побеждает все препятствия и преграды и сильно дает себя чувствовать. Напротив, объективная бескорыстная форма интуиции отличается незначительной силой, или самоутверждением; она теряет из виду личность и погружается в природу, уподобляясь в этом отношении происходящим от нее способностям, которые мы будем рассматривать далее.

Все эти различия можно иллюстрировать хорошо известным фактом, что изобретатели редко извлекают выгоду из своих изобретений, между тем как ловкие дельцы благодаря последним составляют себе целые состояния на глазах у изобретателя. Очевидно, что у этих двух классов людей тут действуют совершенно разные способности. Крайний эгоизм одного представляет решительный контраст пренебрежению другого своими личными интересами ради открытия важного физического принципа. Социолог может извлечь большую пользу из рассмотрения этих двух видов характера. Изобретатель всегда видит полезность своего изобретения. В этом заключается сущность процесса изобретения, который можно определить как восприятие

отношений пользы. Можно сказать, что в том же состоят и все другие формы интуиции, и это будет верно, но в них принимается во внимание только непосредственная польза для личности. Польза же, которую видит изобретатель, это постоянная польза для всех людей, которые будут применять его изобретение. В этом смысле изобретателя можно назвать самым практичным из людей. Хотя изобретатель воспринимает физические отношения, но они часто гораздо более сложны и непонятны, чем субъективные, хотя бы даже и психические, отношения, воспринимаемые деловым человеком.

Предположим такой случай, что изобретатель, придумавший какой-нибудь механизм или открывший принцип, очень важный для будущности цивилизации, так был поглощен

ГЛАВА XXVIII. ПСИХОЛОГИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ 205

своим открытием, что совсем не заботился о своих личных интересах. Предположим далее, что, хотя бы и по такой своей беспечности, т. е. по собственной вине, он допустил ловкого дельца овладеть своим изобретением. Последний вводит его во всеобщее употребление в такой мере, насколько это дает ему возможность составить себе порядочное состояние, между тем как изобретатель остается так беден, что нужда серьезно мешает ему успешно заниматься открытием других принципов. Это предположение представляет только слабое преувеличение или упрощение действительных случаев, известных из истории.

Кто из этих двух людей заслуживает большего уважения с социологической точки зрения? Не будь делового человека, изобретатель, может быть, и не догадался бы ввести в употребление свой принцип. Без изобретателя деловой человек был бы принужден воспользоваться для приобретения состояния талантами какого-нибудь другого человека. Оба оказали услугу. Чья услуга больше? Если бы можно было знать, что без делового человека изобретение осталось бы как бы несделанным, то услуги обоих на деле можно было бы считать равными, хотя всякий, конечно, отдал бы изобретателю высшее место с точки зрения личного достоинства. Но так как в таком случае не может быть известно, применил ли бы изобретатель сам свой принцип или нет, то для каждого ясно, что его услуга важнее. Мы сознаем, что он обладает чем-то редким и ценным, каким-то качеством гораздо более высокого достоинства. Талант делового человека представляет нечто заурядное; это более низкая и грубая способность, в большей или меньшей степени состоящая в умении завладеть тем, что на самом деле принадлежит другим. Однако же в силу закона конкуренции, т. е. единственного закона, который признается большинством политико-экономов и социологов, этот человек гораздо способнее к переживанию. С биологической точки зрения он должен выжить, а изобретатель — погибнуть. Этот случай хорошо иллюстрирует разницу между общепринятой философией общества и философией ме-лиоризма, т. е. между биологической и психологической социологией.

206 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Сравнивая изобретательность с интуитивным суждением и с женской интуицией, мы найдем, что от них она отличается еще больше, чем от интуитивного восприятия и инту- -итивного разума. Между ними кроме указанных нами различий, отделяющих мужскую, или активную, форму интуиции от женской, или пассивной, есть еще другие специфические различия. Пассивная, или отрицательная, интуиция так же эгоистична, как активная, или положительная. Самозащита не более бескорыстна, чем самообогащение. При той и другой форме воспринимаются отношения внешних предметов к субъекту, а не отношения между двумя или более внешними предметами, как в изобретении. Обыкновенно это бывают психические отношения, редко — физические. Консерватизм, характеризующий отрицательную интуицию и не терпящий нововведений, не может благоприятствовать усовершенствованиям, а всякое усовершенствование вытекает из изобретения, следовательно, отрицательная интуиция не поощряет изобретений. Крайние формы этого стремления мы видим в некоторых случаях религиозного консерватизма, который считает все вновь придуманные изобретения дьявольскими и, если имеет возможность, запрещает и уничтожает их¹. Привычки мысли реагируют на склад ума и делают консервативных людей неизобретательными. Это трудно доказать относительно мужчин, но если бы возможно было

исследование этого вопроса, факт этот, вероятно, был бы обнаружен. Впрочем, общество обладает большим консервативным классом в лице женщин, и нетрудно сравнить средние умственные свойства мужчины с такими же свойствами женщины. Конечно, существует много исключений, встречаются кон-

¹ Согласно варварской, но строгой логике отсталых народов, всякое активное вмешательство человека в общую экономию природы с целью улучшения ее для своей выгоды должно представлять оскорбительное покушение на провиденциальное управление. В самом деле, нет сомнения, что слишком решительный перевес религиозного духа сам по себе непременно притупляет индустриальное развитие человечества благодаря преувеличенному чувству беспричинного оптимизма; справедливость этого можно проверить на многих решительных случаях. — Огюст Конт. *Philosophie Positive*, IV, 517.

ГЛАВА XXVIII. ПСИХОЛОГИЯ ИЗОБРЕТЕНИЯ 207

сервативные мужчины и прогрессивные женщины, неизобретательные мужчины и изобретательные женщины;' тем не менее для всякого наблюдателя очевиден тот факт, что женский пол отличается консервативностью, а мужской — изобретательностью; что женщины по большей части консервативны и что они по большей же части неизобретательны. Из предыдущих соображений выводим, что эти качества стоят во взаимном отношении причины к следствию и что частое действие интуитивного суждения не благоприятствует развитию изобретательности.

Истощив, таким образом, источники сравнения, возвратимся к вопросу о психологии изобретения, о сущности изобретательного акта. Все умственные акты всяких форм интуиции, т. е. течение нервных токов, составляющих психическую деятельность, сопровождаются во всем организме соответствующими движениями определенных органов. Движения эти приспособлены к тому, чтобы пользоваться воспринимаемыми отношениями. При субъективных формах интуиции эти умственные акты направлены обыкновенно к обману других чувствующих существ, они побуждают такое существо делать то, чего бы оно иначе не сделало, или заставляют его воздержаться от того, что оно иначе сделало бы. Это значит, что существо приманкой или убеждением склоняется к выполнению известных действий. Заметив, что некоторые силы всегда одинаково влияют на живые существа, лицо, действующее интуицией с помощью хитрости, проницательности, дальновидности, дипломатии и стратегии, заставляет эти силы действовать в таком направлении, как это для него выгодно. Почти в том же и состоит и изобретательность механика. Он замечает, что существуют известные качества материальных тел или известные физические силы (что в конечном анализе представляет одно и то же); он замечает также, что, если бы эти силы действовали в другом направлении или не с такой степенью интенсивности, какой они отличаются, когда им ничто не препятствует, или если бы они действовали вместе, вместо того чтобы действовать раздельно, или если бы они действовали заодно, вместо того чтобы противодействовать одна другой, и т. д., и т. д., то они при-

208 ЧАСТЫ I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

водили бы к результатам, полезным для человека, т. е. прежде всего полезным для данного лица. Далее, было замечено, что если действующее лицо само не в состоянии при помощи своей мускульной силы достигнуть желаемых результатов, то оно может так приспособить окружающие предметы, что они изменят направление, интенсивность и динамическое отношение сил и заставят их действовать так, как это выгодно для него. Затем, имея дело с качествами материалов, человек в состоянии изменить их форму из аморфной и бесполезной в определенную и полезную, например превратить глину в горшки или деревья в лодки.

Но такие сложные изменения требовали высокой степени интеллектуального развития и могли быть достигнуты только после целого ряда частных неудач и благодаря все возраставшей успешности усилий.

ГЛАВА XXIX

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ

Выдумки и стратегемы, дававшие ему (человеку) возможность обманывать менее проницательные существа, так же как и предусмотрительность и расчетливость, учившие его увеличивать рост и обилие питательных растений, могли быть полезны ему только до некоторой степени, если дальше на помощь им не являлась дополнявшая их умственная деятельность высшего порядка вместе с практическим пониманием инертных законов физики и механики и с искусной переработкой материальных предметов в такие формы, которые могли поддерживать, ускорять, усиливать и концентрировать естественные силы, направленные на производство средств существования. Та форма умственного напряжения и тот вид хитрости, которые человек обнаруживал в первоначальных способах производства, были поверхностны и общи. Для того чтобы они всегда были успешны, надо было, чтобы им содействовала более глубокая и специфическая форма психической силы и интеллектуальной энергии. — *Dynamic Sociology*, I, 549.

То, что я утверждаю и на чем должны настаивать защитники нового воспитания при обсуждении этого вопроса, это то, что великая способность изобретательности может быть развита воспитанием, как с умственной, так и с физической стороны, как в уме, так и в теле, в мозге и в мускулах, совершенно таким же образом и в такой же мере, как и все другие человеческие способности. Соответственным воспитанием ум можно приучить к изобретательным мыслям. Он может быть приучен к тому, чтобы отыскивать возможное полезное применение для всех предметов и явлений, представляющихся внешним чувствам, и затем выражать его в конкретных формах и механизмах. Таково настоящее изобретение. Процесс его состоит в образовании умственного понятия о каком-нибудь полезном применении и затем в выработке изменений, необходимых для осуществления его... Главная ошибка заключается в предположении, будто такое умственное состояние не может или не должно быть развиваемо. Оно может быть развито воспитанием до какой угодно степени; и можно себе представить такую степень его развития, которая избавит человечество от всей тяжелой работы, лежащей на нем теперь. — *The Forum*, Vol. V, New York, July, 1888, p. 578.

210 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Высшие приобретения и успехи интеллекта теперь имеют так мало отношения к практической жизни, что их взаимная связь обыкновенно теряется из виду. Но если мы вспомним, что палка, употребляемая для приподнимания камней, и весло, приводящее в движение лодку, служат примерами употребления рычага; что заострение стрелы обнаруживает молчаливое признание некоторых динамических принципов и что начиная от этих первых и смутных познаний ход прогресса можно проследить шаг за шагом до математических и астрономических обобщений, — то мы увидим, что вся наука постепенно возникла из грубого знания дикаря. Далее, если мы вспомним, что как это грубое знание дикаря руководило его действиями, направленными к поддержанию жизни, так и усовершенствованные математика и астрономия руководят людьми в мастерских и конторах и в управлении кораблем, между тем как усовершенствованные физика и химия играют главную роль во всех мануфактурных процессах, то мы увидим, что первая и главная цель интеллектуального развития всегда состояла в том, чтобы помогать человеку успешно действовать на внешний мир и удовлетворять свои потребности. — Герберт Спенсер. *Principles of Ethics*, I, 516-517.

До сих пор я избегал употреблять слово *гений*, потому что во всех его применениях с ним обыкновенно бывает связано понятие о человеке, бескорыстно посвящающем себя какой-нибудь вдохновенной идее, понятие, прямо противоположное крайне эгоистическому характеру рассмотренных нами первичных интеллектуальных актов. Из всех этих актов одна только способность изобретательности в состоянии развиваться сама из себя и поглощаться природой. Она, как и все другие способности, произошла из чистого эгоизма под давлением воли, но с самого начала отличалась, как уже было показано в предыдущей главе, особенным преимуществом, именно тем, что она была направлена на распознавание отношений между внешними предметами и только второстепенным образом была связана с одаренным волей субъектом. Сначала эта свобода не возбуждала в ней стремления сделаться независимой от воли, а

воспринимаемые отношения служили только для того, чтобы находить линию наименьшего сопротивления, хотя бы и неправильную, между субъек-

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 211

том и предметом желания. Но напоследок привычка временно считать средство целью привела к тому, что некоторая доля удовлетворения стала испытываться уже при успешном открытии средств. Особенную прелесть придавало то, что для этого требовалось редкое и особенное свойство ума, так что нахождение неизвестных прежде средств к достижению даже первоначальных целей организма сделалось удовольствием. До этого времени мы можем считать интеллект просто орудием воли, но с этого времени он все в большей и большей степени становится частью воли или души, одним из центров эмоционального чувства и приобретает собственные потребности и желания, ищущие удовлетворения. К этому времени можно отнести возникновение чувства наслаждения, которое испытывается при интеллектуальной деятельности и которое в конце концов развилось в великую психическую и социальную силу.

Это обстоятельство скоро заставило способность изобретательности опередить все другие формы интуиции и стать выше их. Процесс отыскивания и открытия полезных отношений сделался в высшей степени приятным и наконец для некоторых индивидуумов превратился даже в страсть. Искусство открывать пользу предметов и делать соответствующие приспособления признавалось и до сих пор признается особым видом гения, именно изобретательным гением, человека. Этой задаче посвящала себя более или менее исключительным образом незначительная, но все более возрастающая часть населения. Вначале работа была главным образом созидательного характера: человек представлял себе в уме полезный предмет, его форму и величину, его применение и назначение и затем приступал к выделке его из самых пригодных и доступных материалов. Чем проще применяемый закон, тем тяжелее труд выполнения. Поэтому многие из древнейших изобретений кажутся нам продуктами неискусной работы. Но в младенческий период человеческого рода всякая работа была искусна. Работа сама по себе, если она приводит к какому-нибудь результату, заключает в себе эле-

212 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

мент знания¹. В древнейшее время труд и знание не были дифференцированы. Изобретение и исполнение составляли одно и то же.

Не останавливаясь на подробностях, перейдем к той важной истине, что развитие изобретательного гения в человеке в конце концов привело к введению *искусства*. Сырые материалы природы, прежде составлявшие единственные средства человека, начали выходить из употребления и все более и более заменяться искусственными произведениями, пока не заменились ими почти исключительно. Эта перемена окончательно завершилась в современных цивилизованных странах, так что самое это явление теряется из виду даже политико-экономами; т. е. они находят его до такой степени всеобщим, что начинают смотреть на него как на естественное условие. Это приводит их к величайшим нелепостям. Биологическая школа, которую до сих пор еще можно считать господствующей, любит трактовать цивилизацию как продукт естественных сил и восстает против всяких попыток изменить действие этих сил или каким бы то ни было образом вмешаться в него; она совершенно забывает, что цивилизация всеми своими существенными отличиями является исключительно искусственным продуктом, продуктом изобретательного гения человека, изменяющего естественный ход явлений. Всякое приспособление, сделанное под влиянием изобретательного гения, есть вмешательство в естественный ход законов природы. Каждый предмет искусства таков, каким бы природа никогда не создала его. Оглянувшись кругом и заметив, как редко человек употребляет другие предметы, кроме искусственных, можно составить себе некоторое понятие о крайне искусственном характере цивилизации. Но это так и должно быть, так как искусственное всегда стоит выше естественного, и то, что мы называем прогрессом, состоит в том, чтобы делать все как можно более искусственным, т. е.

' Всякий труд есть труд умственный. Умственный элемент в значительной степени присущ самым простым действиям и управляет ими. В работнике, копающем яму, руководящее влияние ума в значительной степени преобладает над проявляемой им механической силой. — Э. Кларк. *Philosophy of Wealth*, 21.

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 213

влагать побольше искусства во все произведения, находя для них новые, добавочные полезные применения благодаря действию изобретательного гения.

В XIV главе я показал, что великий субъективный фактор ума, душа, или воля природы, составляет преобразующую силу, и изложил некоторые из совершенных ею изменений. Большая часть перечисленных там изменений относилась к дочеловеческой стадии развития, изменения же, происшедшие на человеческой стадии, нарочно были опущены мною, потому что в них действовал новый и до сих пор еще не объясненный фактор. Теперь мы должны его рассмотреть. Великая психическая, или, как мы теперь ее можем назвать, социальная, сила была и прежде не слабее и составляла побуждающий фактор, но она мало что могла совершить без помощи интеллекта как руководящего фактора в виде изобретательной способности. Когда же оба фактора принялись за дело, преобразование сделалось быстрым и постоянным. Прежние изменения и сравнивать нельзя с теми, которые были достигнуты теперь. Человек не мог дожидаться, пока природа своим медленным действием в течение миллионов поколений произведет перемены, подобные упомянутым анатомическим изменениям. Он начал непосредственно оказывать влияние на окружающую среду, радикально изменяя ее и делая ненужными различные приспособления в строении своего организма. Вот почему, может быть, строение человека на самом деле подверглось столь незначительным изменениям. Они могут происходить только под влиянием давления окружающей среды в том или другом направлении. Если же давление, как только оно почувствуется, умеряется каким-нибудь искусственным средством, то причина изменения тем самым бывает удалена и стремление к изменению прекращается. Это и случилось на деле с человеком, так как изобретательность всегда была направлена к тому, чтобы умерять давление среды и доставлять человеку возможность свободной деятельности с целью удовлетворения желаний.

На этом основании я утверждал в «Динамической социологии», что материальная цивилизация составила настоящий человеческий прогресс, понимая прогресс так, как я его

214 ЧАСТЫЙ. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

строго определил там, т. е. как увеличение счастья. Счастье состоит в непрерывном удовлетворении желаний по мере того, как они возникают, а увеличение счастья происходит вследствие умножения таких желаний, которые могут быть удовлетворены. Умножение их достигается материальной цивилизацией, которая совершенствует качества всего того, чем человек пользуется в своей обыденной жизни, и вводит новые средства для удовлетворения новых и высших потребностей. Правда, что введение искусств, продуктов изобретательного гения, привело человечество к необходимости трудиться, и этот труд в большинстве стран и в течение большей части веков сурово тяготел на главной массе народа; в защиту его, однако, можно привести смягчающие обстоятельства, и прежде всего то, что только благодаря труду может жить на земле такое множество человеческих существ. Труд составляет необходимое условие их существования. Они должны выбирать между трудом и вымиранием. Не будь искусств, делающих труд необходимым, земля могла бы доставлять средства к существованию только гораздо меньшему числу населения. Поэтому вопрос сводится к тому, лучше ли жить и трудиться, чем вовсе не жить. Если жизнь такая, как она есть, представляет ценность, то возможность труда, т. е. цивилизация, есть средство к прогрессу. Если же скажут, что угнетение работой происходит вследствие неправильного распределения продуктов труда, то я отвечу, что в этом виноват не изобретательный гений, а виновата склонность к хищничеству, одно из проявлений эгоистической способности человека, и что этот вопрос относится к социологии. Наконец, это угнетение часто вызывается влиянием тех быстрых перемен, которые характеризуют интеллектуальную силу,

отличая ее от низших сил природы, и которые не дают людям времени приспособиться к новым условиям. Такая перемена произошла недавно вследствие внезапной революции в способах производства, вызванной введением машин, и много времени пройдет, прежде чем рабочий вернет себе ту прибыль от своего труда, которую он имел до начала этой эры.

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 215

Обыкновенно полагают большое различие между изобретениями в механике и научными открытиями, между Генри, открывающими законы электричества, и Морзе, изобретающими телеграфную азбуку. В таких крайних случаях разница, конечно, велика, но между этими крайностями существует много переходных ступеней. Как при изобретении, так и при открытии всегда познаются отношения, существующие между физическими явлениями, свойства веществ и природы механических движений. Но внимание в различной степени бывает обращено на приспособления, посредством которых можно осуществить то или другое полезное применение. При чистом изобретении эти приспособления прежде всего имеются в виду. Если же на них смотрят как на нечто второстепенное, а главное внимание сосредоточено на законах и процессах, то это главным образом открытие. Разница тут приблизительно такая же, как между наукой и эмпиризмом, она напоминает также разницу между наукой и искусством. Не может быть успешного эмпиризма и не может быть истинного искусства без точного познания тех или других касающихся до них отношений. Чистое же открытие возможно без всякого применения естественных принципов. Другими словами, наука возможна и без искусств, но искусство в полном смысле слова невозможно без науки. В случаях когда наука еще не получила практического применения, всегда чувствуется, что она не достигла еще своей цели, что применение ее впереди и что до тех пор она не имеет особенной ценности. Это относится и к тем случаям, когда при каком-нибудь научном открытии нельзя себе представить даже, какое оно может иметь практическое применение. Те, которые стоят за свободное упражнение умственных дарований, не стесняемое соображениями о практической пользе, утверждают, что открываемая истина непременно окажется полезной когда-нибудь в будущем, и при этом они указывают на труды Гальвани и Вольты, действовавших только под влиянием любви к открытиям и не имевших ни малейшего понятия о всех возможных применениях электричества.

Всегда предполагается, что истина содержит в конце концов некоторую скрытую полезность и поэтому всегда заслу-

216 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

живает исследования. Но для исследования истины можно найти и более возвышенное основание. Если бы мы даже знали, что данное открытие не поведет ни к механическим изобретениям, ни к практическим искусствам, мы все же утверждаем, что открытия данной истины следовало добиваться ради нее самой. Этим мы хотим сказать, что кроме материальных существуют еще другие выгоды. Помимо того что интеллектуальное наслаждение, вызываемое знанием таких истин само по себе представляет для нас истинную ценность высшего порядка, это знание непременно имеет еще практическое значение для тех, кто им обладает, так как они руководствуются им в своих поступках. Оно пополняет их познания об окружающей среде, которые, вместе взятые, служат им правилом поведения и ключом к успеху. Уже доказано, что можно предупредить совершение преступления, расширив кругозор преступника познанием того, что он никогда не будет в состоянии извлечь из этого преступления прямую выгоду. Я сам утверждал и до сих пор верю, что практичнее учить преступников астрономии, чем этике.

Итак, изобретательному гению в самом широком смысле этого слова надо приписать дух научного исследования и страсть к самостоятельным изысканиям, так широко характеризующие наш век и произведшие столь важную перемену в характере цивилизации и в условиях общества. Мысль эта настолько общеизвестна, что не нуждается в пояснениях или разработке, и достаточно на этот раз того, что мы указали роль изобретательного гения в общем ходе психических событий, следовавших одно за другим в восходящем прогрессе развивающегося человечества.

Остается один только вопрос. Может ли изобретательный гений быть развиваем в человеке? По-видимому, чем он более распространен, тем лучше для людей ввиду несомненной ценности его для жизни и ввиду того, что он свободен от дурных стремлений, присущих, как мы показали, низшим чисто эгоистическим проявлениям первоначальной интеллектуальной способности. Достиг ли он уже высшей степени развития, какая только для него возможна? Если нет, то мо-

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 217

жет ли он быть развит далее искусственными средствами? На каждый из этих вопросов можно ответить в отдельности.

Степень распространения, достигнутая теперь изобретательным гением, число лиц, посвящающих себя изобретению, множество попыток, совершаемых ежегодно с целью утилизирования какого-нибудь нового принципа или усовершенствования уже изобретенного механизма, о чем свидетельствуют модели, представляемые для получения патента во всех просвещенных государствах, производят такое общее впечатление, будто изобретательный гений настолько деятелен, насколько это может быть нужно для здорового развития механических искусств. Тот факт, что любовь к изобретениям у некоторых становится преобладающей страстью и что, подобно всем другим полезным умственным свойствам, она доходит иногда до крайностей, как мы это видим из двигателей Keely и из попыток устроить *perpetuum mobile*, — все это еще более усиливает общую уверенность, что по крайней мере эта способность может сама собой поддерживаться без всякого усилия со стороны общества. Однако, если мы немного подумаем, для нас станет очевидно, что все эти факты служат только доводами в пользу систематического воспитания изобретательной способности. Интенсивность ее доказывает необходимость ее обуздания, регулирования и придания ей большей ширины и глубины. Количество недействующих механизмов и вторично открываемых принципов, на которые изобретатели желают получить патенты, свидетельствует о том, что публике следует быть более осведомленной во всех этих вопросах. Попытки применить воображаемые принципы показывают, что для успешного изобретения знание так же необходимо, как и ревностный труд.

Но если мы даже допустим, что дух изобретения достаточно силен и что никакой способ воспитания не мог бы непосредственно повести к увеличению природного запаса изобретательного гения в человеке, что это только дело наследственности, то все же остается еще тот довод, что этот талант, как и всякий другой, может спать в человеке и никогда не обнаружиться, если его не побудит к этому стечение

218 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

внешних обстоятельств. Если понимать воспитание надлежащим образом, то оно в лучшем случае представляет собой не что иное, как создание искусственных условий, рассчитанных таким образом, чтобы возбуждать к действию все скрытые таланты воспитываемого индивидуума. Поэтому посредством воспитания, действительно приспособленного к тому, чтобы пробуждать изобретательность, число лиц, обнаруживающих этот вид гения, могло бы быть значительно увеличено.

Могут возразить на это, что это просто увеличило бы количество моделей и наводнило бы мир ненужными машинами. На этом возражении основывается главный довод в пользу воспитания способности изобретательности. Успехи цивилизации всегда в точности соотносились с тем, в какой мере общество было приготовлено к употреблению искусств, придуманных изобретательным гением небольшого числа его членов. Но эта мера не определяет степени искусства, которой было бы возможно достигнуть. Другими словами, успех соразмерялся со спросом, но спрос не может служить мерою того, что может быть достигнуто в этом направлении. Достигнутое здесь всегда будет равно спросу, как бы ни могло оно быть велико на самом деле. Тот факт, что при современной цивилизации употребляется в несколько тысяч раз больше искусства, чем в древнем обществе, и что им продолжают пользоваться все в больших и больших размерах, показывает, что нет необходимых пределов для деятельности изобретательного гения на пользу

человечеству. Надо только увеличивать спрос, т. е. увеличивать способность общества принимать и ценить эти благодеяния. Не изобретатель нуждается в воспитании в нем этого гения, но те, кто пользуется его изобретением, т. е. публика. Не подлежит сомнению, что если изобретатели действительно редки теперь, то редки и люди, способные пользоваться их изобретениями. Удивительно, как мало людей имеют понятие об устройстве всякого сколько-нибудь сложного механизма. Когда впервые были изобретены неиссякаемые перья, многие из моих друзей приобрели их и пробовали пользоваться ими; но я не знаю ни одного из них, который бы не отказался вскоре от упо-

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 219

ребления этих перьев, потому что им казалось слишком скучным и затруднительным соблюдение нескольких необходимых указаний о том, как их держать в порядке. Они не думали о принципе, который был применен к механизму, и не понимали, почему не все равно, каким концом перо будет обращено вверх¹. Всякий знает, как трудно заставить слуг заботиться о каких-нибудь орудиях, кроме самых простых, а хозяйки в таких случаях по большей части бывают так же невежественны. Если где-нибудь в доме есть большая печь или введен какой-нибудь другой новейший способ отопления, то оказывается необходимым, чтобы заведование им принял на себя умный и рассудительный человек. Женскому полу, как уже было показано, особенно недостает прозорливости в этом отношении. Я недавно видел, как дама с письмом в руке подошла к почтовому ящику, на крышке которого ясно было написано выпуклыми буквами «опустить»; походив вокруг и испробовав все способы, кроме настоящего, она в конце концов ушла отсюда и отдала письмо приказчику москательной лавки, чтобы он отправил его вместо нее.

Если вся масса человечества так мало будет способна оценивать искусства, введенные цивилизацией, и пользоваться ими, то они мало будут прогрессировать и самый прогресс их окажется слабым и односторонним. Люди постоянно употребляют предметы, устройство которых они не понимают, что ведет к их порче и уничтожению и ставит общество в зависимость от немногих экспертов. Нельзя надлежащим образом употреблять то, чего не понимаешь; публика недовольна этим, она осуждает и отвергает такие предметы, так что спрос на них понижается. Старинные и утомительные способы предпочитают вновь изобретенным, быстрее и сокращающим труд. Здесь, как и в тысяче других случаев, народное неведение основных принципов искусства задерживает успехи общества. Хуже всего, пожалуй, незнание самой механики. Всякий в точности знает только то, чему он выучился в своем ремесле, и все, что сколько-нибудь выхо-

¹ Я пишу эти строки одним из таких старомодных перьев, которое употребляю ежедневно в продолжение уже пятнадцати лет.

220 ЧАСТЫ I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

дит из этой избитой колеи, приводит его в полнейшее недоумение. Почти невозможно, например, для человека, составившего себе самостоятельные взгляды, заставить построить для себя дом сообразно с этими взглядами. Рабочие объявят, что они «никогда не слышали о чем-нибудь подобном», они будут возражать и хитрить и наделают вам бесконечных хлопот скорей, чем отступят на волос от какого-нибудь установленного правила, которое делает каждый дом точным снимком с другого. Не было бы конца таким примерам, если бы я хотел привести все те из них, которые приходят на память, когда думаешь об этом предмете.

Если даже могут возразить, что одно воспитание не в состоянии сделать ум способным к изобретению, то нельзя по крайней мере отрицать, что те принципы механики, на основании которых устроены самые обыкновенные снаряды, по-большой части машины и инструменты, находящиеся в ежедневном употреблении, могут быть объяснены и преподаны всякому ученику и всякой ученице. Может быть, значительная часть этих знаний в уме многих не удержалась бы надолго. Это случается со всеми знаниями. Но многое и осталось бы у них в голове и принесло бы пользу позднее; такого рода наглядные уроки забывались бы менее легко, чем почти все остальное

в обучении. Недавнее движение в пользу обучения ремеслам является следствием все возрастающего сознания того, что знать, как это делается, так же необходимо, как и знать, что это такое. Давно известна жалкая беспомощность, которую обнаруживают лица, воспитанные в городе, когда они приведены в соприкосновение с природой, а также тот факт, что сильнейшими умами во всякой области оказываются те, которые рано почерпнули из сельской жизни, хотя бы и самой аркадской, знание естественных методов, помогающее им потом действовать успешно. Легким и естественным дополнением системы обучения ручному труду было бы полное и толковое преподавание тех принципов механики, на которых основывается большая часть великих изобретений, а также изобретения, наиболее знакомые ученику. Но кроме того, я утверждаю, что ум может быть так воспитан, что он будет отыскивать полезные применения, и

ГЛАВА XXIX. ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 221

обучен так, что он будет всегда готов постигнуть практические принципы и приспособления, рассчитанные таким образом, чтобы утилизировать силы, свойства и предметы природы, приводить в действие изобретательную способность человека и тем самым если не буквально, то все же увеличивать, развивать и стимулировать изобретательный гений человека.

ГЛАВА XXX

ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ

Любовь к прекрасному, как в зрении, так и в звуке, всегда была и навсегда должна остаться надежной социальной силой, всегда готовой обнаружить свое могущество, как только главные жизненные запросы существования перестанут поглощать заключающую в себе энергию общества. По мере того как удовлетворяются физические потребности человека и его социальные и половые отношения приводятся в естественное и удовлетворительное состояние, практические искусства, индустриальный характер и холодные деловые черты, отличающие человеческую жизнь, ослабляются, подавляются и украшаются смягчающим и бодрящим присутствием произведений искусства и вечной прелестью музыки и поэзии. — *Dynamic Sociology*, I, 674.

В первой части я рассмотрел чувства с точки зрения их происхождения и генезиса, т. е. рассмотрел великий первоначальный психический ствол с корнями его, скрывающимися в глубокой древности органической жизни. Во второй части внимание наше до сих пор ограничивалось интуитивным интеллектом, т. е. главным из второстепенных стволов, или господствующей ветвью, которая начала отделяться от главного ствола одновременно с появлением высших насекомых и первых птиц и млекопитающих около начала кайнозойской, или третичной, эпохи. Эта большая ветвь была, как мы видели, двойная, хотя и не раздвоенная или расходящаяся; символически ее можно изобразить состоящей из двух сближенных и соприкасающихся добавочных стволов, именно из активного, положительного и прогрессивного мужского ствола, представляющего биологические изменения и приспособления, и из пассивного, отрицательного и консервативного женского ствола, представляющего наследственность. Активный ствол принимал разные формы, которые я описал под названием интуитивного восприятия, интуитивного разума и изобретательной способности; пассивный ствол состоит из интуитивного суждения, олицетворяемого женской интуицией. Все эти формы проявления интеллекта

ГЛАВА XXX. ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ 223

развились из первоначального психического ствола, для того чтобы служить и содействовать воле, помогая ей лучше выполнять цель жизни чувствующих существ, т. е. удовлетворение желаний. Всего этого философия касалась мало или совсем не касалась.

Здесь мы доходим до области философии в том смысле, как она всегда понималась, и видим, таким образом, что она имеет дело только со способностями или отраслями интеллекта, имеющими второстепенное значение и отличающимися производным характером, так как они развились из главного ствола и более или менее удалились от первоначальной природы

интеллектуального процесса. Можно с уверенностью сказать, что ни одна из этих способностей никоим образом не могла бы быть развита одной природой. Нет ничего такого, на что мог бы опереться любой из основных биологических законов, для того чтобы дать первый толчок их развитию. Для этого нужна какая-нибудь могущественная причина, а в биологии причина всегда заключается в выгоде. Но некоторые умственные свойства мы признаем не подлежащими биологическому закону выгоды, так как деятельность их не делает того, кто ими обладает, более приспособленным к переживанию в борьбе за существование. Всякая способность, про которую это можно сказать, носит на себе печать производности, как бы имеет *свою fades*¹. Шопенгауэр, когда он с такой силой и правдой настаивал на том, что интеллект — только случайное явление, позднейшая прививка к главному психическому стволу, или воле, имел в виду тот интеллект, о котором говорили Кант и другие философы, ничего не знавшие о великой интуитивной ветви, из которой развились эти новейшие и бескорыстные, а потому и подчиненные отрасли. Произнесенное им обвинение, ограниченное таким образом, было поэтому вдвойне верно. Оно справедливо и относительно всех форм интеллекта, как я уже это достаточно показал, но только надо помнить, что интеллект в тесном смысле и в самой своей сущности как слуга воли и как новое средство к достижению целей чувствующих существ

¹ Лицо (*лат.*); здесь — индивидуальную внешность. — *Примеч. ред.*

224 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

настолько же древнее производного интеллекта философов, насколько он моложе воли, от которой он произошел.

Из всех этих позднейших производных порождений первоначального и первобытного интеллекта в генетическом отношении с ним, кажется, теснее всего связана способность приводить материалы, содержащиеся в уме, в новые формы, сочетания и соотношения. Прежние философы рассматривали эту способность главным образом в ее пассивной, менее важной форме под названием *воображения*. Более важная и активная форма ее — это так называемая способность к творчеству. Как относительно воображения все признают, что ничто не может быть создано умом, если в нем не будут налицо все нужные материалы, совершенно так же и под словом *творчество* неизменно понимается переработка существующих уже идей, причем единственным новым элементом является форма, сочетание или расположение этих идей. Но творчество в этом отношении тем отличается от воображения, что проистекающая из него идея достаточно сильна, чтобы сообщать двигательный толчок соответствующим мускулам и возбуждать телесную деятельность, необходимую для осуществления идеала. Другими словами, активная форма воображения *создает* что-нибудь. Здесь, как и в некоторых других случаях, упомянутых нами раньше, язык свидетельствует о первоначальном процессе, позднее опущенном из виду. К числу первых предметов, *созданных* творческой способностью, принадлежали литературные произведения; самой ранней формой их была форма поэтическая, и слово «поэма» в этимологическом значении слова значит просто нечто *созданное*.

Способность эта, однако, гораздо более древнего происхождения. В самом деле, она просто является развитием изобретательной способности, и эту преемственность можно с успехом проследить. Мы видели, что как только эта способность решительно отделилась от низших форм эгоистической интуиции и начала делаться независимой от телесных желаний, она приобрела характер изобретательного гения, первым делом которого была выделка полезных предметов. Одновременно с этим шагом в интеллектуальном развитии

■

ГЛАВА XXX. ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ 225

начало развиваться и грубое эстетическое чувство, благодаря которому новые предметы стали привлекать человека и он стал стремиться к новой цели. Первым проявлением этого чувства была, вероятно, любовь к украшениям, и изобретательный гений был тогда направлен на производство

таких предметов, которые могли удовлетворить это зарождающееся чувство прекрасного. Это была уже польза совсем другого рода, чем та первоначальная форма ее, которая заключалась в удовлетворении действительных потребностей или нужд. До того полезным являлось то, и только то, что делало существование возможным или менее трудным. Сюда относились главным образом средства к удовлетворению главнейших жизненных потребностей, т. е. потребностей пищи, одежды, жилища, защиты и других, постепенно из них развившихся. Вскоре это понятие распространилось и на то, что способствовало умножению и улучшению способов этого удовлетворения, и, наконец, на средство к приобретению собственности или богатства в каком-нибудь виде. Все, что содействует достижению этих целей, признается практичным, а практические искусства, как уже было сказано, создаются изобретательным гением человека. Творческий гений, напротив, создавая также особый вид искусства, пренебрегает практическими целями и преследует только эстетические. Он создал так называемые *изящные искусства*. Полезное и эстетичное не всегда бывают резко разграниченными. Существует множество полезных произведений искусства, которые в то же время служат и украшением; над такими работал и творческий и изобретательный гений. Эстетическая сторона предмета — следствие первого, полезная — следствие второго. Один из больших отделов изящных искусств, архитектура, занимает среднее место между прекрасным и полезным. Из истории мы знаем, что вначале архитектура жилищ принадлежала исключительно к практическим искусствам, архитектура же храмов — главным образом к изящным. Во многих местах это наблюдается и до сих пор. В больших городах Мексики в два этажа строятся только церкви, и почти только они одни и украшаются.

8 Зак. №472

226 ЧАСТЫ!. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Из этого явствует, что творческий гений очень близок к изобретательному гению, и вследствие этого тесного родства между ними при исследовании генезиса интеллектуальных способностей творческий гений надо поместить в ряд второстепенных, или производных, способностей. Изобретательный гений сам произведен, с тех пор как он делает свою собственную деятельность целью, а не средством к достижению главной цели организма. Но полное тождество между *modus operandi* изобретательного гения и изобретательной способности в ее первоначальной форме не дает возможности разделить их в логическом порядке интеллектуальных способностей. На этом пункте истории этой формы интуиции произошло первое отделение ее от первоначального эгоистического типа. Но творческий гений, освободившись не только от личности, но и от всего практичного и стремящийся только к эстетичному, составляет отдельную ветвь интеллекта, идущую далеко в сторону от первоначального интуитивного ствола.

Отделение творчества от изобретения можно пояснить следующим образом. Имея дело с действительными материалами и силами природы, ум постоянно чувствовал себя ограниченным фактами. Они останавливали его, когда он охотно пошел бы дальше. В уме была запечатлена тысяча представлений, которые он получил путем наблюдения и опыта и которые не могли найти себе осуществления в продуктах изобретения. Последние могли заключать в себе только то, что находилось в соответствии с окружающей средой. Изобретение поэтому представляет компромисс между идеалом изобретателя и суровой действительностью. Для того чтобы быть полезным, оно должно относиться с уважением к последней. Только в этих пределах может действовать практическое искусство. Дальше оно теряет свой практический характер и начинает служить только для украшения. Но самый ум, не сдерживаемый объективными условиями, имеет власть выбирать из всех своих воздушных материалов те, которые он считает лучшими, и соединять их в какую угодно форму, осуществляя таким образом мысленно свой высший идеал. Страсть к прекрасному, создающая такой умственный

ГЛАВА XXX. ТВОРЧЕСКИЙ ГЕНИЙ 227

образ, бывает часто так сильна в человеке, что заставляет его с большей или меньшей точностью выражать свой идеал с помощью соответствующих материальных приспособлений в форме,

доступной зрению или слуху. Для такого выражения идеала нужен талант, а также содействие живой умственной силы представления и обыкновенно продолжительный труд. При выполнении статуи или картины или при сочинении поэмы или романа ум освобождается от суровой действительности окружающего мира, ему не служат больше преградой свойства материальных тел или преграда физических сил; он находится в зависимости только от своей умственной силы представления и от мускульной способности к выполнению, да от тех орудий и материалов, которыми он пользуется при работе. Но созданные таким образом предметы не имеют практической ценности в общепринятом значении; они содействуют только эстетическому наслаждению.

Шопенгауэр утверждал, что это преследование чистых идеалов, это созерцание природы особо от приносимой ею пользы может привести к отречению от воли, направленной на жизнь, и к полному отождествлению субъекта с объектом. Это один из тех немногих случаев, в которых пристрастие к любимой теории совратило его с пути здоровой логики. Он справедливо утверждал, что наслаждение заключается в удовлетворении желаний и что воля есть не что иное, как слепое стремление к наслаждению. Он держался также того мнения, что отрицание воли является отречением от наслаждения и, если оно полное, обращает самую жизнь в ничто. Однако же в его апофеозе искусства мы находим у него выражения, под которыми надо подразумевать признание наслаждения, доставляемого актом отречения от воли. Такие выражения, как «эстетическое наслаждение», «радость, доставляемая прекрасным», «счастье и спокойствие духа», так же как и более решительные заявления его о том, что чисто безвольное познание красот природы есть единственное чистое счастье и что самыми счастливыми мы считаем те минуты, в которые чувствуем себя свободными от давления воли, обнаруживают удивительную путаницу в его понятиях о наслаждении и о воле.

228 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Эта точка зрения представляет для нас интерес, потому что иллюстрирует тот важный факт, что творческая способность и в значительной степени изобретательный гений очень расширили самую волю в том смысле, как ее понимал Шопенгауэр. Мозг сделался теперь эмоциональным центром и средоточием наслаждения, и с этого времени самый ум стал испытывать желания и стремиться к их удовлетворению и в этом отношении сам сделался динамическим фактором, или психической силой.

ГЛАВА XXXI

УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ

Развивающийся интеллект с самого начала оказался стоящим лицом к лицу с двумя классами явлений, между которыми нет, правда, родового различия, но крайности которых различаются между собой во многих отношениях. Один из них обнимает простые механические явления, обнаруживающиеся на поверхности природы и имеющие, к счастью, важное непосредственное практическое значение для физической жизни расы. Другой класс обнимает все более глубокие космические явления, которые имеют большую важность для развитой расы, но, должно быть, очень мало касались первобытного человека. Низшие животные, по-видимому, не имеют никакого понятия об этом классе естественных явлений, хотя они обнаруживают значительную степень знакомства с другим классом явлений, который в материальном отношении увеличивает их способность добывать себе пропитание. Но невежественный интеллект первобытного человека не видел разницы между значением тех и других явлений и немедленно начал составлять себе мнения об обоих классах в равной степени. Невозможность понять более глубокие и темные явления сразу заставила людей усвоить все заблуждения, сопутствующие сверхъестественному объяснению этих явлений, ложному в самом своем основании, и положила начало теологии, которая сделалась неразлучным элементом последующей культуры и прогресса расы. — *Dynamic Sociology*, II, 273-274.

Пока дело идет о развитии мозговой массы и, следовательно, мозговой способности, надо допустить, что никакой другой «признак» не мог бы непосредственно сделаться предметом естественного подбора, так как основное свойство мозга — хитрость, которая скорее всего может сделать существо способным к переживанию. Действительно, основательные притязания тех, кто защищает теорию унаследования умственных свойств, или позднейших приращений уже существующих способностей, относятся к некоторым случаям производных способностей, не имеющих никакого значения или очень малое значение для приспособления к переживанию, так как многие из них делают человека непригодным к борьбе за существование и почти беспомощным в ней. Какие же это свойства? Доктор Уоллес причисляет к ним главным образом математические, эстетические (скульптура, живопись) и т. п., но он также вполне справедливо упоминает способность к отвлеченному рассуждению, метафизическую способность, или талант к неясным умо-

230 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

зрением, дающий начало остроумию и юмору, и нравственные, или этические, качества. Можно бы назвать еще другие свойства, как, например, талант к научному наблюдению, к лабораторным опытам, к механическим изобретениям и к литературным изысканиям; а кроме того, вообще способности к умственному прилежанию, к удалению от всего материального, к вниманию, к изучению и к исследованию, благодаря которым увеличилось количество знаний. — *The Forum*, Vol. New York, May, 1891, 315-316.

Власть мысли — волшебная сила ума! — Байрон. *Корсар*, песнь I, строфа 8.

Великого на земле — только человек; великого в человеке — только ум. — В. Гамильтон.

В эволюции человеческого ума инстинкт космического исследования следует немедленно за инстинктом самосохранения. — Д. Пауэлл.

Под рубрику умозрительного гения я подвожу все бескорыстные, или неэгоистические, способности или атрибуты, которые не подходят под вышеизложенные определения изобретательного и творческого гения. Так как к изобретательному гению мы отнесли также способность к научным открытиям, которую в некотором смысле тоже можно назвать умозрительной, то теперь мы должны будем главным образом ограничиться тем, что обыкновенно понимается под словом «философия» с точки зрения ее различия от науки, и станем исследовать, какие свойства ума возбуждаются к деятельности умозрительной философией в самом широком ее смысле. Для нас также интересно знать, каким именно образом и из какой особенной эгоистической способности развились эти свойства. Согласно с генетическим методом, которым мы пользовались с самого начала, нам надо прежде всего стараться найти ответ на последний из этих вопросов в надежде, что он приведет нас к решению остальных.

После того как изобретательная способность отказалась от подданства воле, или, точнее, после того как она создала новый конативный центр в мозгу, она занялась, как мы уже видели, более широкими отношениями, существующими между всеми наблюдаемыми в природе фактами, благодаря

ГЛАВА XXXI. УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 231

чему она была в состоянии открывать новые истины и указывать дорогу науке. Главной ее целью все еще оставалось распознавание пользы, которую то или другое отношение могло иметь прежде всего для данной личности, а затем для всех людей, но вскоре она наткнулась на такие отношения и начала открывать такие истины, польза которых как для данной личности, так и для человечества была сомнительна или даже неприметна, т. е. такие истины, которыми она не в силах была воспользоваться для того, чтобы с помощью изобретательности обратить их на пользу человеку. Было заметно, что направление и движение солнца, луны и звезд, а также расстояние между ними находятся в точно определенных отношениях, но ум не был властен изменить эти

отношения. Вдали, на фоне неба, неясно вырисовывались горы; но никакое усилие воли или мускулов не могло повысить, или понизить их, или изменить их форму. Море билось о берег с неунимающимся ревом; но не во власти человека было усилить или ослабить его ритмический прилив и отлив. Реки стремились со своим никогда не прекращающимся напором и ропотом, и слабые руки человека не могли оказать им сопротивления. Облака мчались по небу или плыли в фантастических, вечно изменяющихся формах далеко в вышине, на расстоянии, недостижимом для прикованных к земле смертных. И так было повсюду. Куда ни смотрел человек, всюду он видел предметы и явления, которыми он не мог управлять, которые были для него непонятны, неисповедимы, неизменны.

Из отношений, которые интеллект всего усерднее старался постигнуть, его особенно неотразимой силой привлекали отношения причинности. Принцип достаточного основания сильнее всех других заявлял свои права, так как благодаря ему только изобретательная способность получила возможность управлять доступными ей более простыми и понятными отношениями. Очень возможно, что интеллект, все еще эгоистичный в своем стремлении подчинить себе более отдаленные отношения, действовал, особенно в начале, под влиянием смутного чувства, что если только он поймет эти отношения, он будет в состоянии заставить их служить своим эгоистичным целям. Когда бури, потоки дождя и громовые

232 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

стрелы бушевали и врывались в жилища людей, сея на своем пути опустошение, разрушение и смерть, в смелом мозгу существа, уже покорившего значительную часть природы, может быть, таилась дерзкая мысль, что он и им даст почувствовать свою силу, и их заставит покорно склониться перед своей властолюбивой волей.

Итак, развивающийся интеллект человека начал свои продолжительные исследования причин непонятных и непреодолимых явлений природы. Ему хорошо были известны собственная сила и собственные методы; но силу и методы природы он не знал. Что могло быть естественнее для него, как видеть нечто вроде самого себя позади явлений природы и предполагать в них те же причины и методы, какие он употреблял, или подобные им? Таким образом, прежде всего человек пришел к антропоморфическому объяснению явлений вселенной, и я едва ли преувеличу, если скажу, что такое объяснение принято и теперь для всех явлений, естественное объяснение которых неизвестно. Я слишком удалился бы в сторону, если бы вздумал подробно описывать, каким образом антропоморфическая теория вселенной сделалась в то же время теологической, но, по-видимому, это случилось повсеместно. Воображали ли себе люди эту действовавшую в природе человеческую силу в виде одного лица, вследствие чего теология их была монотеистична, или в виде нескольких лиц, что было более частым явлением и вело к политеистической теологии, как бы то ни было, в обоих случаях они представляли себе, что непостижимыми и непреложными явлениями природы управляют разум и воля, во всех своих существенных чертах сходные с разумом и волей человека.

Таким образом возникли все мифологии мира, представляющие не более и не менее как теологические космологии. Но наряду с ними всегда обнаруживалось стремление к рациональной космологии. Лучшие умы каждого племени чувствовали, что теологическая космология есть нечто вроде *ignava ratio*¹, т. е. попытка избежать более тяжелого усилия

¹ Лениость разума (*лат.*).

ГЛАВА XXXI. УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 233

ума, необходимого для того, чтобы в самом деле объяснить явления, поэтому мы знаем также много смешанных, частью теологических, частью рациональных, космологий: Такие космологии существовали в Древней Греции и в большей части древнейших культурных стран, а особенно они развились в продолжение двух или трех веков, предшествовавших научной эре. С самого начала этой эры оба рода теологии начали быстро и заметно дифференцироваться, так что в настоящее

время во всех просвещенных странах существует чисто теологическая космология бок о бок с чисто рациональной. Поток знания, внесенный в мир в продолжение XVI и XVII столетий изобретением книгопечатания, кругосветным плаванием, расширением мировой торговли и великими научными открытиями Кеплера, Галилея и Ньютона, снабдил умозрительный гений человека необходимыми данными для создания рациональной философии вселенной. Эта философия, дополненная светом научного исследования XVIII и XIX веков и руководимая принципами тяготения, эволюции и сохранения энергии, достигла такой законченности, что для многих умов сделала совершенно излишними теологические гипотезы, за исключением некоторых их высших обобщений.

Но умозрительная способность рано приобрела также другое направление и обратилась внутрь на самое себя. Для нее мало было искать объяснения явлениям вселенной, она стремилась также уяснить себе умственные явления. На этом пути, как я это уже указывал во введении и не раз упоминал в разных главах этой книги, действия ее были гораздо менее успешны вследствие того, что она ограничилась исследованием высших и самых сложных из этих явлений. Не может быть никакого сомнения, что на эти трудные и темные вопросы была потрачена высшая степень интеллектуальной силы, на какую только способен человеческий ум. Теории, введенные Платоном и его последователями касательно природы идей и их отношения к внешнему миру, дали толчок изучению этой самой непонятной из всех задач и были причиной того, что рассуждения главным образом направились

234 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

на вопрос о том, существует ли на самом деле что-нибудь кроме мыслящего субъекта. Лишенная таким образом реалистического основания, философия в течение столетий носилась в воздухе и сражалась с тенями. Низведенная отчасти снова на землю Локком, Декартом и Кантом, она продолжала борьбу, стоя одной ногой на твердой почве, пока наконец физиологическая психология не проколола метафизический пузырь и он лопнул.

Но до сих пор мы еще слишком мало знаем о темных причинах умственных явлений, чтобы мы могли совершенно отрешиться от великих мыслей прошлого, и к тому же именно теперь заметна некоторая реакция. Заметно если не настоящее бегство обратно к Канту, то по крайней мере стремление отыскать в мусоре метафизических умозрений несколько зарытых в нем золотых крупинок, с тем чтобы обнаружить их и сопоставить с фактами, открытыми наукой. Повсюду заметны признаки в некотором роде катабазиса, идущего от престола чистого разума и чистого интеллекта в более скромные сферы чувства и воли и из областей отвлечения, размышления и умозрения в менее сложную область интуитивного разумения, так как только здесь можно надеяться найти истинное научное основание для философии ума.

Надо упомянуть еще о двух больших областях, которые находятся в ведении умозрительного гения: о логике и о математике. Эти его проявления далее всего отстоят от эгоистического основания ума. Мы видели, что интеллект отрешился от личности, для того чтобы наслаждаться изысканием всеобщей пользы; мы видели затем, как он отказался от изыскания пользы, для того чтобы забавляться созданными им самим призраками; мы видели, как он погрузился в объективное созерцание макрокосма вне его и микрокосма в самом себе. Теперь же мы увидим, как он отрешился от всего материального и потерялся в чисто гипотетичном и чисто абстрактном. Ибо таким характером отличаются логика и геометрия, которые могут служить типом математической иде-ации. В этих двух науках логика наиболее абстрактна, так как на геометрию можно смотреть просто как на приложение логики к количеству. Логика имеет дело только с формами мыс-

ГЛАВА XXXI. УМОЗРИТЕЛЬНЫЙ ГЕНИЙ 235

ли, и потому она требует полного интеллектуального отвлечения. Математика служит пробным камнем и мерилom для всей науки, логика таким же образом служит рассуждению. Не стесняемая фактами и конкретными условиями, математика достигает абсолютной точности, а все другие

науки в иерархии стремятся по возможности приблизиться к ней как к совершенному образцу. Подобным же образом логика дает законы или правила, с которыми должны сообразоваться все интеллектуальные процессы.

Впрочем, характер этих интеллектуальных отделов нас здесь, собственно, не касается, разве только в такой степени, в какой он помогает нам понимать деятельность ума при таких обстоятельствах. В математике предметы не имеют никаких других атрибутов, кроме количества или числа. В логике они лишены всех физических атрибутов и сводятся просто к интеллектуальным отношениям. Это не значит, конечно, что эти количественные или интеллектуальные отношения не могут потом быть облечены в материальную одежду и приложены к конкретным фактам и к действительным предметам; напротив, в этом и заключается польза и назначение как математики, так и логики. Но сначала надо найти такие законы, которые были бы приложимы ко всевозможным случаям, а это возможно только под условием их полной отвлеченности и независимости от какого бы то ни было свойства природы. Так называемое отвлеченное рассуждение можно считать высшей стадией, достигнутой человеческим умом, измеряя развитие его степенью удаления от чисто конкретного, корыстного и эгоистического основания интуитивного разума. Однако же эта форма развития вовсе не означает непременно прогресса в области практической важности. Никакая сумма отвлеченного рассуждения не может спасти расу от гибели, которой ей угрожает закон конкуренции, и ни одна из производных способностей, рассмотренных нами в этой и в предыдущей главах, не может сколько-нибудь быть полезной в том отношении, чтобы сделать того, кто ею обладает, более способным к переживанию в общей борьбе за существование. Поэтому закон естественного отбора на эти способности не распространяется, а развитие их служит самым сильным из всех представленных до сих пор

236 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

доказательств того, что способность, усиленная упражнением в течение жизни какого-нибудь лица и приобретающая благодаря этому некоторое приращение, передает это приращение потомству. Иначе развитие их нельзя объяснить. Объяснение, предлагаемое Вейсманном и его учениками и состоящее в смешении благоприятных зародышей, непонятно и совсем неудовлетворительно, так что мы поневоле приходим к заключению, что эти благоприобретенные и с биологической точки зрения бесполезные свойства действительно передаются. Но не следует умалять значение умозрительного гения для цивилизации. Изобретательность и научные открытия послужили материальными факторами цивилизации; но обобщение и умозрение с помощью философии и научного рассуждения подарили миру интеллектуальную цивилизацию, без которой материальный прогресс имел бы мало значения¹.

¹ Научные методы находятся в таком же отношении к интеллектуальному прогрессу, в каком орудия, инструменты, машины и всевозможные механические снаряды находятся к прогрессу материальному. Они представляют интеллектуальные снаряды, способы к достижению результатов, которых одна интеллектуальная сила не могла бы достигнуть. Цивилизованный человек если и превосходит дикаря непосредственной грубой силой, то в очень слабой степени, а своим огромным превосходством в деле достижения материальных результатов он вполне обязан употреблению механических приспособлений; то же мы видим и в высшей сфере интеллекта: ученый не может похвастаться превосходством своей непосредственной интеллектуальной силы над интеллектуальной силой необразованного человека. Достигнутыми ею поразительными интеллектуальными результатами современная наука вполне обязана применению интеллектуальных приспособлений, или научных методов. Как в низшей сфере материального прогресса величайшими благодетелями расы являются изобретатели и усовершенствователи новых механических приборов или машин, так в высшей сфере интеллектуального прогресса величайшими благодетелями нашей расы являются лица, открывающие и совершенствующие новые интеллектуальные способы, или научные методы. — Жозеф Ле Конт. *Relation of Biology to Sociology*. The Berkeleyan, May, 1887, Vol. XXIII, p. 123 (separately paged reprint, pp. 4-5).

ИНТЕЛЛЕКТ

Умственная сила в общепринятом своем значении не сила, а только условие. Она не приводит в движение, она только направляет. Если ум и содействовал достижению тех важных результатов, которые представляет нам цивилизация и которые, правда, без него не могли бы быть достигнуты, то лишь настолько, насколько это допускается тесными границами данного нами выше определения. Все остальное было выполнено рассмотренными нами социальными силами. Ум только руководил ими. Обязанность ума состоит в том, чтобы направлять общество на беспрепятственный путь, обеспечивать простор социальным силам и не допускать, чтобы они становились недействительными вследствие столкновения с препятствиями на своем пути. Одним словом, роль ума в цивилизации состоит в том, чтобы поддерживать динамическое и не допускать статического состояния социальных сил, не допускать восстановления равновесия между социальными силами и действующими во внешнем мире силами природы. Подобно тому как гидравлическое колесо поршня приводится в движение не психической силой — без которой, однако, оно бы не могло бы действовать, — но исключительно силой тяжести и расширением газов, полезное для человека действие которых вызывается механической силой под влиянием разума, — подобно этому и мировую цивилизацию двигает вперед не ум, а только великие и постоянные социальные силы; но, не руководимые умом, они слепо сталкивались бы с противными им силами и скоро пришли бы в то состояние статического равновесия, которое и есть общественный застой. — *Dynamic Sociology*, I, 698-699.

Историю цивилизации можно выразить в шести словах: чем больше знаешь, тем больше можешь. — Эдмон Абу. *ABC du Travailleur*, 39.

Долгий, темный, извилистый путь, который мы прошли в предыдущих тридцати главах, начиная со второй, привел нас только к исходной точке философии ума, — к интеллекту. Все признавали существование интеллекта, но никто не пытался исследовать, каким образом он произошел. Это я и избрал своей специальной задачей, и она выполнена, если я указал верный путь к объяснению происхождения и развития интеллекта. Но Бэкон говорит: «*Vere scire est percausas*

238 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

scire»¹, и если логика этой книги верна, то мы можем претендовать на некоторое знание интеллекта. Много говорится о *психогенезисе* и делаются похвальные попытки объяснить генезис ума, но по большей части внимание при этом обращается только на его *онтогенезис*, т. е. на историю его развития в личности; между тем его *филогенезис*, т. е. история его развития в расе, имеет гораздо большую важность. Очерк последней я набросал в пятой главе «Динамической социологии», но недостаточность его ясно чувствовалась, и я только имел в виду указать настоящее отношение умственных явлений к жизненным, с одной стороны, и к социальным — с другой. Предлагаемый труд можно считать развитием той главы, но тогда он не мог быть написан, потому что предмет его не был еще вполне продуман мною и некоторые значительные отделы не были еще тогда ясны для моего ума. И теперь еще сочинение это страдает некоторыми недостатками вследствие подобных же причин; эти недостатки скоро, без сомнения, будут исправлены другими лицами с помощью больших познаний. Но я надеюсь, что наука эта уже не пойдет назад и что люди все же узнают действительное происхождение и природу ума.

Было время, и оно еще только недавно миновало, когда на жизнь смотрели как на неизменный факт. Теперь, благодаря Дарвину и его предшественникам и последователям, люди узнали, что жизнь есть развитие; и я не вижу, почему нельзя признать, что и ум в целом или даже интеллект в качестве последнего выражения психического закона имеет свою причину, свое происхождение и свою историю. Разум никогда не удовлетворится знанием факта, если он не знает его причину. Рок судил древним знать реку Нил только как факт, но слова «*M/i caput qucerere*»² сделались пословицей, выражавшей ту томительную неудовлетворенность, которую люди испытывали вследствие такого положения вещей; она и теперь выражает беспрестанное усилие, которое люди всегда будут обнаруживать с целью открыть неизвестный источ-

¹ Истинное знание есть знание, следующее причинности (*лат.*). ² Искать исток Нила (*лат.*).

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 239

ник какого-нибудь потока знания. Пусть богословы находят это усилие дерзким, пусть позитивисты объявляют его бесполезным — изыскание причины вещей все же будет Продолжаться, и скрытые тайны природы будут обнаружены.

Интеллект, видимый таким образом в перспективе истекших времен, выступает на первый план с не виданной до сих пор ясностью. Вся прошедшая философия ума, сосредоточившаяся на этой одной способности, не могла, несмотря на всю свою объемистость, весь свой блеск и всю глубину, представить ее нам так отчетливо. Мы видим интеллект возникающим, видим его как рождающееся дитя, как продукт, как нечто действительное. Нигилизм, идеализм и все другие «измы» всех школ изгоняются из науки, и психология в качестве настоящей естественной науки сменяет метафизику, подобно тому как астрономия сменила астрологию, химия — алхимию, а биология — волшебные фантазии таинственного *archaeus*¹.

Продолжая отыскивать сравнения в биологии, можно уподобить первоначальную интуицию, описанную в XXI и в XXII главах, протоплазме или простейшим, какова, например, амeba, а развитой интеллект — высшим типам животных. Интуиция, как показано там, есть самый интеллект; она заключает в себе все, что есть в этой способности, совершенно подобно тому, как протоплазма заключает в себе все, что есть в жизни. Подобно протоплазме, интуиция безусловно проста и недифференцирована. Это однородное свойство, заключающее в себе зародыши, из которых последовательно могут развиваться все интеллектуальные способности. В нем можно найти в неразвитом состоянии интуитивное восприятие, интуитивный разум и интуитивное суждение, изобретательную способность и изобретательный, творческий и умо-

¹ Парацельс считал, что имеется одна жизненная субстанция в природе, на которой основаны все вещи. Она называется *археусом*, или *жизненной силой*, которая есть синоним астрального света или духовного воздуха. Свет, скрытый в «универсальном эфире», излучается из центров, которые, накопив его, направляют свет на движение и жизнь, образуя тем самым творящие токи, астрализованный свет в звездах, оживленный в животных, очеловеченный в людях, свет, который растит все растения, заставляет блестеть металлы, производит все формы природы, уравнивает все через законы и пр. — *Примеч. ред.*

240 ЧАСТЫЙ. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

зрительный гений, о которых я говорил в нескольких последовательных главах.

Устроенный таким образом интеллект обнимает всю мыслящую сторону ума, все то в уме, что не составляет чувства; очень важно, однако, тщательно отличать его от некоторых других свойств, с которыми его иногда смешивают, по крайней мере те, кто не привык анализировать умственные процессы.

Прежде всего вряд ли нужно говорить, что интеллект отличается чисто психической, а не физиологической природой. Подобно всем психическим явлениям, его процессы соответствуют действительным движениям, которые происходят в мозгу и в высших нервных узлах и с которыми они, без сомнения, находятся в строгом отношении следствия к причине. Но процессы эти составляют чистые психозы, и их не надо смешивать с невротами, составляющими их физическую подкладку. Здесь, может быть, не будет излишним заметить, хотя это замечание относится также к субъективным явлениям, описанным в I части, что, по-моему, отношения ума к его физической подкладке не заключают в себе той глубокой таинственности, которой их окружают большинство писателей. Я думаю, что привычка воображать себе непроходимую пропасть между умом и телом возникла вследствие старинного верования в онтологическую природу ума. Если люди когда-нибудь сумеют избавиться от этого предрассудка и будут смотреть на ум просто как на свойство, таинственность эта сейчас же исчезнет. Можно поистине сказать, что всякое свойство заключает в

себе нечто таинственное. Если особенный состав и расположение частиц делают глицерин сладким, а хинин горьким, то и в этом столько же таинственного, как в том, что состав и молекулярное расположение протоплазмы снабжают это вещество жизненными свойствами или в том, что организация мозга одаряет его способностью знания. Однако же никто не распространяется насчет удивительной, заранее установленной гармонии, благодаря которой соль оказывается соленой, а поташ — щелочным. На это смотрят просто как на свойства этих веществ; химики приписывают их химическому составу данных тел, хотя они

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 241

никогда не были бы в состоянии на основании знания этого химического состава заключать о существовании тех или других свойств, предсказать их. Смотри на ум вообще и на мысль в особенности с этой точки зрения, мы освобождаем их из-под власти волшебства, в которой их держат даже позднейшие сочинения, и ставим их в такое же научное положение, в каком находятся и все другие явления, ожидающие исследования. Если бы меня попросили указать самое серьезное препятствие, стоящее на пути психологического прогресса, я не колеблясь назвал бы это издавна удержавшееся понятие о какой-то особенной сущности ума.

Далее, интеллект нельзя смешивать с сознанием. В эту ошибку, правда, впадают не многие; но некоторые все же склонны думать, что сознание заключает в себе всю познавательную способность. К области сознания сэръ Уильям Гамильтон относит все явления, обсуждаемые им в его курсе лекций по метафизике. Впрочем, он был не совсем неправ тут, так как сознание, собственно говоря, не способность, а скорей необходимое условие всех умственных процессов. С прекращением сознания ум не существует более. Нам представляются только кажущиеся исключения из этого положения. Дело в том, что каждый ганглиозный центр обладает собственным сознанием, так что в высших животных и в человеке надо отличать верховное сознание от подчиненных ему сознаний. Сознание обнимает как мышление и ум, так и чувство, поэтому обыкновенное выражение «бессознательное чувство» само себе противоречит. Небрежное употребление Гартманном слова *бессознательный* следует по меньшей мере назвать ненаучным, так как он сам показывает, что то «бессознательное», которое он хотел выразить этим термином, на самом деле глубоко сознается. Даже полезное выражение «бессознательная мозговая деятельность» следует понимать только в том ограниченном значении, что верховное «Я» не принимает к сведению те или другие процессы. Однако последние должны ясно сознаваться второстепенными центрами, которые и направляют их на совершенно разумные пути и часто приводят их к блестящим результатам.

242 ЧАСТЫ I. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Здесь уместно будет опровергнуть возражение, которое может быть сделано против принятой в этой книге основной классификации умственных явлений, т. е. против деления их на явления субъективные и объективные, как я их определил в IV и V главах. Некоторые думают, что всякая мозговая деятельность и всякая идеация сопровождаются чувствованием и что для того, чтобы мышление сознавалось, прохождение потока мыслей в мозгу должно производить ощущения. Некоторые авторы утверждают, что, когда в мозгу их совершается какой-нибудь умственный процесс, они могут различить в голове особое ощущение, вызываемое движением нервных токов. Однако зрительные и слуховые ощущения они, вероятнее всего, не различают, а между тем эти ощущения должны быть чувствительны, хотя никто, может быть, не способен довести их до сведения высшего своего сознания. Мы не имеем, кажется, основательной причины сомневаться в том, что мозговой невроз непременно чувствителен, все равно, производит ли он мысль или эмоцию. Иначе у нас было бы движение, по крайней мере молекулярное, без вызывающего его ощущения, т. е. было бы следствие без причины. Но признавать это вовсе не значит считать всякую мысль чувством и думать, что между умственными явлениями нельзя различать субъективные и объективные. Интеллектуальные процессы, заключающие в себе акты восприятия впечатлений, познания, постижения, суждения, рассуждения и обобщения и т. д., есть объективный факт и сложный психоз, который можно рассматривать отдельно от молекулярного изменения и сопровождающих его ощущений. Можно сказать, что сам по себе результат интеллекта — ничто, мы познаем его из тех мускульных действий, к которым он приводит, из

того, что данное лицо исполняет что-нибудь, чего бы оно не исполнило и не могло бы исполнить без способности разумения. Величайший «интеллект» в мире остался бы неизвестным, если бы он ничего не совершил. Только какой-нибудь деятельностью, т. е. тем, что данное лицо будет говорить, писать, сооружать и т. д., может интеллект проявить свое существование, а выполнять эту деятельность он может только с помощью телесных органов.

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 243

Затем надо указать различие между интеллектом и знанием. Заметим сначала, что слово *знание* имеет два различных значения, так как оно употребляется в активном и в пассивном смысле. В смысле познания оно является, конечно, составной частью интеллекта, но в этом оно встречается реже. Совсем не то можно сказать про пассивное, или объективное, значение этого слова. В этом случае интеллект и знание хотя и представляют собой две совершенно различные вещи, но не могут существовать один без другого. Их можно мыслить и рассматривать в отдельности, но на деле их нельзя разделить. Ни одно движение чувствующего существа, никакое самое первобытное действие даже наименее важного из его органов, если только оно совершено сознательно, не может не привести к знанию. Всякое движение есть реакция на какое-нибудь ощущение и включает в себе представление, хотя бы это было даже только представление о его собственной деятельности. Правда, что интенсивные ощущения, определенные в V главе, настолько сильны, что представление в них теряется из виду и сознание сосредоточивается на чувстве страдания или удовольствия, которое если и может дать, то очень незначительное понятие о свойствах предмета, но оно все-таки дает нам *опыт*, составляющих один из важнейших видов знания. Способность к восприятию отношений, составляющая сущность всех форм интуиции, приобретает бесчисленным рядом опытов. Опыт же извлекается из множества попыток исследовать окружающий мир, попыток по большей части неудачных, но иногда увенчивающихся успехом. Благодаря этим повторяющимся усилиям мозг и большие ганглиозные центры малопомалу выучиваются отличать успешные усилия от бесполезных.

Этот конативный класс опытов дополняется более правильным методом приобретения познания посредством восприятия тех представлений, которые сопровождают безразличные ощущения, доставляют понятия и идеи и приводят к идеации, или мысли. Таким образом, без всякого систематического или преднамеренного усилия интеллект постоянно и неизбежно приобретает знания благодаря соприкосновению организма с внешним миром и их взаимодействию. Спо-

244 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

способность к сопротивлению враждебным стихиям окружающего мира заключается в известной степени восприимчивости к приобретению необходимых знаний, и в силу закона естественного отбора только те существа способны к переживанию, которые обладают требуемой степенью восприимчивости. Вследствие этого интеллектуальная способность развивается чисто биологическим путем.

Однако мы знаем, что развитой человек обладает еще большим запасом знаний, приобретенных им не этим путем. Изобретательный, творческий и умозрительный гений по большей части не подчинены закону выгоды, но для своей деятельности нуждаются в самом большом запасе знаний, и притом высших. Каким образом приобретается он? Я показал, что действительный стимул, возбуждающий деятельность этих производных интеллектуальных способностей, заключается в удовольствии, доставляемом этой деятельностью. Но эта деятельность, как и деятельность интуитивных сил, неизбежно приводила к постоянному приобретению знаний, хотя они и не приносили никакой другой практической пользы индивидууму, кроме того что доставляли ему удовольствие, удовлетворяя новое и возвышенное желание — желание приобретать знание. Существование этого желания в значительной части человеческого рода хорошо известно, и нет сомнения, что оно развилось благодаря деятельности упомянутых способностей. Это новое желание, требовавшее удовлетворения, служило добавочным могущественным стимулом к возбуждению такого рода интеллектуальной деятельности, и необыкновенную высоту, достигнутую человеческим гением, следует приписать соединенному действию этих двух

стимулов: удовольствия, извлекаемого из интеллектуальной деятельности, и удовольствия, доставляемого приобретением знаний.

Интеллектуальность иногда смешивается с интеллектом, иногда с гением, иногда с тонкостью, проницательностью и изобретательностью, тогда как на самом деле она представляет нечто особенное, именно — обозначает значительную степень интеллектуальной способности в соединении с достаточным запасом знания. Она включает в себе одно из вые-

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 245

ших свойств интеллекта, хотя и не столь блестящее, как то, которое заключается в гении. Под знанием же понимается практическое знакомство с тем, что в принципе общезначимо и утилитарно, а не эрудиция, служащая только для удовольствия. Таким образом, интеллектуальность представляет собой смесь практического разума с практическими познаниями, а такое соединение качеств лучше всего обеспечивает успех в жизни. Она включает в себе достаточную долю эгоистического принципа, чтобы не допустить индивидуум сделаться жертвой этого принципа в других, достаточную долю интуитивного суждения, чтобы крепко держаться за то, что есть хорошего в существующем положении вещей, и достаточную долю изобретательной способности, чтобы в случае нужды бороться с природой и с несчастьями. В то же время она не исключает обладания каким бы то ни было полезным знанием и признает пользу, приносимую всеми утончающими, возвышающими и расширяющими влияниями. Способность и знания, которые, вместе взятые, составляют интеллектуальность, не составляют что-либо недоступное для обыкновенного индивидуума. Это состояние, которого может достигнуть всякий взрослый человек, обладающим здравым смыслом. Интеллектуалы — мужчина и женщина — идеальные граждане, и мнение Токвилля, что представительная форма правления непременно предполагает известную степень общей интеллектуальности в народе, неоднократно подтверждалось историей.

Наконец, очень важно уметь отличать интеллект от динамического агента ума. Природа этого агента была подробно описана в I части, и едва ли нужно здесь останавливаться на коренном ее несхождении с мыслительной способностью, генезис которой мы проследили. Но так как одна из главных целей этой книги состоит в том, чтобы доказать, что субъективные факторы ума составляют истинные социальные силы, а объективные факторы его служат им руководителем, то, мне кажется, здесь уместно доказать последнее мнение, прежде чем перейти к социальному синтезу факторов. Это особенно важно сделать потому, что многие часто выражают ту мысль,

246 ЧАСТЫ!. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

будто ум, под которым всегда подразумевают только интеллект, есть сила. Те, кто придерживается теистического или пантеистического взгляда на природу, почти единогласно приписывают все происходящие в мире явления действию ума, который они себе представляют как всемогущую силу; и если этот класс философов и признает эволюцию, то он смотрит на нее как на следствие интеллектуальной, или, как они выражаются, разумной, причины. На подобные заявления, как они ни многочисленны, едва ли был дан когда-нибудь тот единственный решительный ответ, который для них возможен. Спенсер, однако, возражая Джемсу Мартино, который придерживается мнений вроде вышеупомянутых и употребляет выражения «умственная сила» и «творящий ум», весьма справедливо говорит: «В метафизических прениях многие из предложений, предлагаемых и принимаемых как вполне вероятные, на самом деле совершенно непонятны. Действительные идеи постоянно смешиваются с такими, которые можно назвать только псевдоидеями. Между предложениями, содержащими действительными мысли, и предложениями, представляющими только форму мысли, не делается никакого различия. Мыслимо только такое предложение, оба члена которого можно представить себе в сознании в том взаимном отношении, которое им приписывается. Но очень часто случается, что, представив себе мысленно подлежащее предложения как нечто известное, представив себе сказуемое как нечто известное и представив себе приведенное между ними отношение тоже как некоторое известное отношение, предполагают, что и самое предложение было представлено мысленно. Представление себе в

отдельности каждого элемента предложения ошибочно принимается за представление себе их всех в той комбинации, которая утверждается предложением. Вследствие этого постоянно случается, что предложения немислимые на самом деле не только принимаются за мысли, но что им даже верят. К таким предложениям относится также и то, что "эволюция произведена умом". Оба члена предложения в отдельности понятны; но их взаимное отношение можно считать отношением следствия

1

ГЛАВА XXXI. ИНТЕЛЛЕКТ 247

к причине только до тех пор, пока не попробуешь представить его себе мысленно»¹.

Кроме широко распространенного мнения, что все явления внешнего мира или вызваны умом, или сами составляют всемирную умственную силу, часто выражается еще тот взгляд, что успехи человека служат доказательством того, что без интеллекта успехи эти не были бы возможны, т. е. что интеллект некоторым образом является их *причиной*, и не обращают внимания на разницу между *causa sine qua non*² и *causa efficient*. Последняя составляет сущность силы. Это *vis a tergo*⁴, увлекающая все, что перед ней находится. В этом смысле истинной силой можно назвать волю, но никак не интеллект. Последний — только руководящий агент. Я уже пояснял несколькими общеизвестными примерами разницу между движением вперед и направлением, в том числе примером ветра, надувающего паруса корабля, и примером руля, управляемого опытным кормчим; но причины, вследствие которых интеллект в соединении с волей может производить такие необыкновенно сильные результаты, не были еще указаны особо. Однако главы с XVII по XIX могут служить приготовлением к объяснению этих причин. Предпошлем этому объяснению ту общую мысль, что секрет успешности интеллектуального действия заключается в том, что *оно заставляет работать природу*. Это основной принцип всякого изобретения. В человеке есть внутренняя сила — воля, но она очень ограничена. С помощью одной только этой силы он

¹ *Popular Science Monthly*, Vol. I, New York, July, 1872, pp. 319-320. За много лет до того Спенсер в своей «Социальной статике» выражался так: «Интеллект не сила, а орудие; он не приводит что-нибудь в движение или в действие, но сам приводится в движение и в действие скрытыми силами. Говорить, что людьми управляет разум, так же неразумно, как говорить, что людьми управляют глаза их. Разум не что иное, как глаз — глаз, посредством которого желания видят, каким путем они могут достигнуть удовлетворения». См. *Social Statics*, London, 1851, p. 350.

² Необходимая причина (*лат.*).

³ Действующая причина (*лат.*).

⁴ «Сила, приложенная сзади», толкающая сила (*лат.*).

248 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

может достигнуть только очень немногого из того, чего он желает. Но он окружен невидимыми силами природы; на многие из них он, правда, не имеет влияния, но некоторыми с помощью интеллекта научился до некоторой степени управлять. Он узнал, что, понимая вполне природу этих сил, их можно направить таким образом, что они произведут желательные для него результаты. Явления природы однообразны и происходят по неизменным законам. Узнав эти законы, можно утилизировать их с помощью простых приспособлений. Как ни велика и ни непреодолима природа, несомненным фактом оказывается то, что ею легко управлять. Для этого нужно только основательно узнать ее, а также знать, каким способом можно ею управлять. Первое составляет науку, второе — искусство или изобретение. Это так же верно относительно простейших орудий, как и относительно самых сложных механизмов. Когда роют туннель через гору, самый грубый труд, употребляемый при этом, заключает в себе вышеупомянутый принцип. Толпа рабочих, занятая копанием, ничего не могла бы сделать без своих заступов и лопат;

последние же представляют продукты искусства. Приспособление их к работе, которую надо исполнить, есть результат мысли. Всякий *труд* есть нечто большее, чем простое мускульное напряжение. Рабочий, занимающийся самым грубым трудом, есть *артист* в собственном смысле этого слова. Политико-экономы говорят о производстве, но что такое производство, если не работа естественных сил, направляемая разумом и знанием¹? Действительный труд главным образом выполняется природой. Работа же человека почти только и состоит в управлении. Механика представляет только расширение этого принципа, который всегда применялся. Она уменьшает работу мускулов и увеличивает работу физической силы.

¹ Все орудия рода человеческого не что иное, как собрание идей. Все рычаги и тачки с течением времени портятся; паровые машины не вечны, но идея остается и позволяет нам бесконечно заменять уничтожающийся материал. — Эдмон Абу. *ABC du Travailleur*. Deuxieme Edition, Paris, 1869, pp. 39-40.

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 249

Сила же, заключающаяся в человеке, не только сравнительно слаба, но вследствие трения становится еще менее действительной в достижении целей, к которым человек стремится. Этим я хочу сказать, что, предоставленная самой себе, она постоянно будет терпеть неудачу вследствие представляющихся ей на пути препятствий. Так как она знает только прямой способ действия, то в большинстве случаев что-нибудь задерживает ее или совершенно препятствует ей в достижении ее цели. Единственную истинную психическую силу составляет желание. Само по себе оно неразумно и слепо. Поэты удачно изобразили любовь, тип чистого желания, слепой; и на всех языках признается истина выражения «слепое влечение». Среда, окружающая всякое живое существо, в высшей степени сложна, и если ему удастся избежать гибели, несмотря на все преграды, которые ставятся его существованию самыми простыми условиями, то только благодаря разным инстинктам, развившимся в нем путем естественного отбора и заставляющим его совершать действия, настолько сходные с разумными действиями, что их часто ошибочно за такие и принимают. Эти инстинкты неизменны и приспособлены только к одной данной среде, так что малейшее сколько-нибудь быстрое или внезапное изменение в ней делает вымирание неизбежным. У человека тоже есть инстинкты, но окружающие его условия гораздо более сложны, чем те, в которых живет какой бы то ни было другой вид животных, так что для борьбы с ними одного инстинкта мало. Поэтому одна из главных функций интеллекта состоит в том, чтобы уменьшать трение в окружающей среде или совсем устранять его и благодаря этому сберечь в возможно полной мере силы, заключающиеся в человеке. Это умение усиливать свои действия посредством сознательного избегания препятствий и помех вместе со способностью утилизировать силы природы более всего отличает человека от низших животных, и оба эти качества исключительно принадлежат интеллекту.

Теперь нам остается более точно описать то, что можно назвать *психологией управления интеллекта*, т. е. тот именно процесс, посредством которого интеллект управляет истин-

250 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ными психическими, а следовательно, и социальными силами. Процесс этот для простой интуиции я описал в главах с XXI по XXIII, а для специфического процесса изобретения — в главе XXVIII. Принцип остается тот же и при вполне развитом интеллекте, но его можно изложить теперь в более общем виде. Мы видели, что сущность этого принципа состоит в том, чтобы превращать средства к достижению цели в настоящий предмет желания, интеллект же только сообщает сознанию тот факт, что известный акт является таким средством. Он тогда немедленно возбуждает желание, а за желанием следует действие. Интеллектуальный акт состоит просто в познании того, что то или другое косвенное действие служит таким средством; сам по себе он не представляет мускульного движения или желания; поэтому он не сила в собственном смысле. Могут сказать, что самое познание это предполагает изменение в мозговом веществе, или невроз, и что интеллектуальный акт предполагает действие. Этого нельзя отрицать. «Донесение» сознанию об открытии средства к достижению желаемой цели, которой иначе нельзя или трудно

достигнуть, есть, конечно, психоз, и в качестве такового заключает в себе некоторый вид мозгового действия, или нервного метаболизма, но это не то движение, которое заставляет сокращаться соответствующие мускулы и производить нужные акты или хотя бы акт, существенно необходимый для обеспечения открытого средства. Такое действие не может совершиться, пока не возникнет желание овладеть этим средством, желание, которым интеллектуальное восприятие заменяет желание достигнуть цели.

Верно также и то, что все косвенные средства к достижению целей, воспринятых интеллектом, заключают в себе некоторое мускульное движение, требующее силы; и обыкновенно думают, что по крайней мере эта сила проявляется интеллектом. С помощью точки опоры, достаточно длинного рычага и ТТОВ aim Архимед, без сомнения, мог бы сдвинуть землю; в большинстве механических искусств требуется очень незначительное мускульное усилие сравнительно со всей силой, которая должна быть приложена к предмету, чтобы привести его в действие; однако же и девочке, взорвавшей

ГЛАВА XXXII. ИНТЕЛЛЕКТ 251

Хелл-Гейт, приложить зажженную бомбовую трубку стоило некоторого, хоть и слабого, мускульного усилия. Но сила, вызвавшая это усилие, не была интеллектом. Девочкой руководило, может быть, просто желание угодить родителям. Между тем всей инженерной работой, заключавшейся в этом предприятии, *«руководил»* интеллект.

Интеллект в таком развитом виде не представляет редкого качества, которое по большей части бывает скрыто и только по временам обнаруживается в случае нужды. Интеллект постоянно применяется, и деятельность его беспрестанна; он управляет большей частью движений того лица, которое им обладает. По крайней мере наиболее важные человеческие поступки совершаются под его руководством, и все явления культурной жизни представляют главным образом результат того, что было описано в «Динамической социологии» под названием «косвенного метода конации». Деятельность человека, руководимого интеллектом, может быть подведена под три отдела. Первый из них составляют движения тела и членов, совершаемые под руководством интеллекта с целью вернейшего удовлетворения желания. Сюда относятся не только те действия, которые считаются особыми и специальными, но и всякий значительный, систематический ряд действий. Кроме бесчисленных усилий провести, обмануть и перехитрить других, для того чтобы без труда удовлетворить свои желания, и кроме придумывания средств и орудий, для того чтобы таким же образом и с той же целью обмануть и перехитрить природу, этот отдел заключает в себе также целую область всевозможного человеческого труда, который, как сказано, всегда предполагает большее или меньшее проявление интеллектуальных сил. Второй большой отдел интеллектуальной деятельности — это изустное сообщение, или речь. В этом искусстве интеллект находит себе более полное выражение, чем просто в действии. Огромное влияние, которое члены общества с помощью речи оказывают друг на друга, а косвенным образом и на общее свое положение, слишком явно, чтобы нуждаться в пояснениях. Третий отдел — письменное сообщение, благодаря которому тончайшие оттенки мысли и величайшие вновь открытые истины не толь-

252 ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

ко делаются достоянием всех, кто умеет читать, но даже передаются позднейшим векам и служат основанием дальнейших интеллектуальных успехов.

Всем этим человек отличается от высших животных, и это-то отличие и делает его разумным существом; так как разум в обыденном смысле этого слова означает не что иное, как деятельность интеллекта, направленную согласно косвенному методу; и хотя способность эта слаба в низших человеческих типах и часто совращает их с пути, а в высших типах она тоже не слишком сильна и не очень надежна, но все же все люди обладают ею до некоторой степени, и все проявляют ее ежедневно и ежечасно во всем, что они делают. Факт этот следовало бы признать во всякой

системе социальной науки, и признать не только как факт, но и как главный фактор, который надо иметь в виду при обсуждении этой науки.

Часть 3

СОЦИАЛЬНЫЙ

СИНТЕЗ

ФАКТОРОВ

Сравнивая законодательство с изобретением, мы находим между ними не просто случайную подходящую аналогию. Как только ум становится в состоянии постигнуть социальные силы, которые обладают всеми существенными атрибутами физических сил, сейчас же становится очевидно, что если бы законодательство велось так, как его следует вести, оно действительно было бы тождественно с изобретением в механике, которое одно только успешно и ведется. Успешно работающий изобретатель знает, и должен прежде всего знать, природу таких сил и предметов, с которыми он имеет дело; последние он приспосабливает таким образом, что первые, несмотря на то что они не увеличиваются и не уменьшаются и что природа их не меняется, производят естественным действием результаты, выгодные для человека. Истинный законодатель должен поступать именно таким, и только таким, образом. Единственная разница состоит в том, что он имеет дело с социальными силами и предметами, а не с физическими. — *Dynamic Sociology*, I, 38.

Во всем животном царстве лучшие примеры энергической деятельности представляет нам деятельность, преследующая скорей альтруистические, чем эгоистические, цели. Отсюда для нас становится несомненным, что организм отлично может приспособиться к своим жизненным требованиям таким образом, чтобы энергия, расходуемая на общее благосостояние, не только была бы в состоянии обуздывать энергию, расходуемую на личное благополучие, но могла бы даже подчинить себе последнюю, так что личное благосостояние не превышало бы того, что необходимо для поддержания индивидуальной жизни... Мы видим, что личности с такой организацией возможны, что они будут так же энергичны в преследовании альтруистических целей, как другие в преследовании эгоистических, и даже более того; и в таких случаях мы видим, что преследование альтруистических целей есть преследование целей, которые, с другой стороны, эгоистичны. Действия, способствующие благосостоянию других, должны выполняться для удовлетворения потребностей самой организации человека. И наоборот, стремление к тому удовлетворению, которого требует организация человека, подразумевает выполнение деятельности, необходимой для блага общества. — Герберт Спенсер. *Principles of Ethics*, I, 301-302.

ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА

Расточительность природы есть хорошо известная теперь биологическая истина, которую каждый социолог и каждый государственный деятель должен не только хорошо понимать, но и уметь прилагать к обществу, все еще находящемуся под властью тех же разорительных законов. Настоящая экономия невозможна, пока интеллектуальная предусмотрительность не применена к социальным явлениям. Телеологическое приспособление есть единственное экономное приспособление. — *Dynamic Sociology*, I, 74—75.

Естественными противоядиями против монополии (т. е. там, где не делают попыток к общественному урегулированию) служат контрмонополия и конкуренция; впрочем, они в сущности представляют одно и то же, так как контрмонополия есть не что иное, как конкуренция монополий.

Конкуренция и кооперация находятся в постоянном противоположении между собой, и это так же относится к производителям, как и к непроизводителям. Кооперация всегда стремится уменьшить конкуренцию, последняя же обнаруживает нужду в кооперации. Можно ли надеяться на то, что конкуренция воспрепятствует монополии, — это зависит от степени развития коопераций. Различные промышленные отношения нельзя беспристрастно примирить до тех пор, пока в разных отраслях промышленности кооперация развита неодинаково. При теперешнем строе общества больше всего сотрудничают и меньше всего конкурируют непроизводительные классы, между тем как производительные сотрудничают очень мало, а конкурируют сильно. Кооперация есть искусственный принцип, результат высшего ума. Конкуренция же — естественный закон, не требующий мысли. Поэтому те, которые сотрудничают, наживаются за счет тех, кто конкурирует. — *Dynamic Sociology*, I, 594.

Природа крайне практична, но она не экономна в том смысле, в каком люди называют себя экономными. Экономия природы отличается от человеческой экономии своим генетическим характером, который допускает значительную растрату продуктов. При генетической экономии не щадятся никакие издержки, если они могут привести к малейшему результату, но в то же время не совершается ничего такого, что не могло бы произвести какой-нибудь, хоть самый незначительный, резуль-

256 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

тат. Напротив, люди при своей телеологической экономии обнаруживают большую скупость в издержках, а между тем часто тратят понапрасну много труда вследствие ложного толкования явлений. Природа никогда не ошибается, но тратит много. Человек экономничает, но часто много теряет вследствие ошибки. Природу можно назвать практичной, но не экономной; человека можно назвать экономным, но не всегда практичным. — *Dynamic Sociology*, II, 494.

Человек ни ангел, ни животное; и, к несчастью, всегда бывает так, что тот, кто хочет изобразить из себя ангела, изображает из себя животное. — Паскаль. *Мысли*, I, 185.

Таким образом, наконец временно осуществился, насколько он совместим с общими стремлениями современного общества, странный политический тип, свойственный отрицательной философии, так давно уже требовавшей системы, которая свела бы власть к простым репрессивным мерам без всякой обязанности управления и предоставила бы свободной частной конкуренции все активные заботы об интеллектуальном и нравственном возрождении. — Огюст Конт. *Philosophic Positive*, VI, 334.

Наши главные средства, или, выражаясь правильнее, все имущество человечества, заключаются в завоеваниях, сделанных трудом. Человек не может ни создать, ни уничтожить ни одного атома вещества; но он может приблизить к себе и усвоить себе все то, что ему угрожает; особенно он может приспособить к своему употреблению и обратить на пользу себе то, что сначала было для него безразлично или даже вредно. Благодаря труду он придает всему, чего он касается, полезный характер и таким образом мало-помалу овладевает всей Землей. — Эдмон Абу. *ABC du Travailleur*, p. 29.

Я указывал время от времени, что для применения биологических доктрин и методов к социологии существуют некоторые ограничения, из которых каждое является следствием введения какого-нибудь нового принципа, характеризующего *человечество* в его отличии от *животности*, *разум* в его отличии от *инстинкта* и *дух* в его отличии от *материи*. С чисто научной точки зрения, мы этого именно и должны были ожидать, и это в самом деле неизбежно. Каждая наука, какое бы она ни занимала место в иерархии наук, имеет дело не только с теми силами и явлениями, которые рассматриваются низшими науками, но и с какой-нибудь новой силой и новой группой явлений, а поэтому также с новыми доктринами и новыми методами. — Жозеф Ле Конт. *Popular Science Monthly*, Vol. XIV, February, 1879, p. 430.

Обратив человека в машину, менее всего можно сделать его производительным. Что этот результат не может быть достигнут таким путем —

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 257

слишком очевидно. Если даже некоторые из величайших писателей по политической экономии мысленно представляли его себе возможным, то это показывает только, как мало они постарались узнать истинную природу тех существ, действия которых они рассматривают. Если рабочий — машина, двигательная сила его заключается в топливе, если он человек, двигательная сила его — надежда, и тогда он продолжает действовать скорее под влиянием психических, чем физиологических, сил. Экономическим деятелем в нем являются не одни мускулы, но и воля; его надо манить, а не толкать, чтобы направить на путь производительного усилия. — Д. В. Кларк. *Philosophy of Wealth*, p. 53-54.

В этой главе я буду употреблять слово *природа* для обозначения всех тех явлений, как физических, так и жизненных и даже психических, в которые не входит интеллектуальный, или разумный, элемент; между тем как слово *ум* ради краткости буду употреблять в несколько обыденном, или условном, смысле, именно в смысле всего разумного, или интеллектуального; так что эти два термина будут исключать друг друга, а вместе будут обнимать все существующие явления. Такая широкая классификация полезна и даже необходима, как мы увидим дальше, хотя специальный предмет этой главы несколько узок, так как я здесь имею в виду подчеркнуть различие между двумя экономическими системами, — той, которая основана на действиях животного в человеке, и той, которая основана на действиях разумного человека. Первая — это система физиократов¹,

¹ «Не надо слишком управлять». — Маркиз Д'Аржансон. «Laissez faire et laissez passer». (Позвольте действовать и не создавайте препятствий.) — Де Гурнаг.

«Пусть поддерживают полную свободу торговли; самый надежный, и самый исправный, и наиболее выгодный для государства надзор за торговлей, как внутренней, так и внешней, состоит в предоставлении полной свободы конкуренции». — Квеснэ. *Maxime*, XXV.

«Всякий человеческий труд может сделаться прибыльным, если только порядок расходов сообразуется с естественным порядком потребностей. Порядок этот устанавливается сам собой. Полиция тут не должна вмешиваться: коснувшись этого порядка, она только спутала бы его и произвела бы беспорядок, который может сделать всякий труд бесплодным». — Дюпон де Немур, *Abrege des principes de Veconomie politique*, 1772.

9 Зак. № 472

258

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Адама Смита¹, Рикардо², Мальтуса³, Герберта Спенсера⁴ и современных индивидуалистов. Вторая же система была наме-

¹ Взгляды Адама Смита на конкуренцию и на естественные законы торговли лучше всего изложены, пожалуй, в VII главе I тома его «Богатства народов», озаглавленной так: «О естественной и рыночной цене продуктов». В VIII главе он применяет эти взгляды к заработной плате. Его, однако, главным образом интересует свобода торговли, и почти во всех частях этого сочинения можно найти у него осуждение попыток правительства урегулировать торговлю. Смотри особенно I и V главы II тома. Осуждение это, конечно, в значительной степени относится к перевозу товаров, особенно к премиям, правительственным вспомоганиям, пошлинам и т. д. Следующее место, однако, относится к обмену и обнаруживает его взгляд на отношение государства к промышленному действию: «Когда правительство, желая облегчить тяжелые последствия неурожая, приказывает торговцам продавать свой хлеб по той цене, которую оно

считает разумной, то оно этим самым или препятствует им привозить свой хлеб на рынок, что иногда может произвести голод в самом начале года, или же, если они станут продавать его, это даст возможность народу потреблять хлеб быстро и будет поощрять его к этому, так что голод неизбежно произойдет раньше конца года. Неограниченная, нестесняемая свобода хлебной торговли, которая представляет единственное действительное средство для предупреждения ужасов голода, служит также лучшим паллиативом для тяжелых последствий неурожая, так как последствия действительной скудости нельзя устранить, их можно только временно облегчить». — *Wealth of Nations*, II, 103.

² «Естественная цена труда та, которая необходима, чтобы дать возможность всякому рабочему существовать и продолжать род без увеличения или уменьшения». — Давид Рикардо. *Principles of Political Economy and Taxation*, p. 70.

«Как и все другие договоры, заработная плата должна быть предоставлена свободной и частной рыночной конкуренции и никогда не должна контролироваться вмешательством законодательства». — *Ibid*, p. 82.

³ Столь знаменитый теперь мальтузианский закон, или доктрина, изложенная в I главе «Опыта о принципе народонаселения», состоит в следующем: «Народонаселение, если ему ничто не препятствует, удваивается каждые двадцать пять лет, т. е. увеличивается в геометрической пропорции... Средства к существованию, имея в виду теперешнее среднее состояние земли, при обстоятельствах наиболее благоприятных человеческой промышленности нельзя привести к тому, чтобы они увеличивались быстрее, чем в арифметической пропорции...

При столь значительной силе к возрастанию народонаселения приращение рода человеческого может сдерживаться на уровне средств к существованию только постоянным действием могущественного закона необходимости, препятствующего возрастанию».

^л «Социальная статика» просмотренная и сокращенная; *The Man versus the State; justice; passim*.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 259

чена Огюстом Контом, но систематический вид впервые приняла в «Динамической социологии», с которой настоящее сочинение, конечно, связано. Хотя искаженный образ этой системы отражается в многочисленных более или менее неприятных формах в зеркале современного общественного мнения, но действительный ее характер неизвестен даже большинству широко образованных людей.

Конт признает влияние ума в обществе и отводит психологии надлежащее место в иерархии наук; но он отказывается считать ее особой наукой и трактует ее под названием трансцендентальной биологии. Тем не менее в своих рассуждениях он придает ей большую важность и очень напирает на элемент предвидения и на управление социальными силами. Спенсер, напротив, когда он напоследок рассуждает о психологии и отводит ей то же самое место, т. е. ставит ее между биологией и социологией, вовсе не делает ее в собственном смысле основанием социологии или этики, которые обе у него прямо опираются на биологию. Поэтому психология, которую он написал прежде биологии и главным образом с метафизической точки зрения, обособлена и бесполезна в его системе синтетической философии.

Люди рано заметили, что астрономические и физические явления однообразны и неизменны и что действия животных, хотя они гораздо более сложны, также следуют определенным законам, которые человеку легко понять и обратить на пользу себе. Вероятно, путем одного только наблюдения люди узнали и то, что простейшие человеческие действия, каковы действия детей, также однообразны и легкоопределимы. Отсюда они самым естественным образом пришли к тому обобщению, что и действия взрослых по роду не отличаются

Мальтузианская доктрина очень ясно вторично изложена и подтверждена у Спенсера в его «Принципах этики». Замечание Адама Смита относительно хлебных спекуляций почти в точности повторено в «Социальной статике» (Abridged edit., p. 104), а в «Грехах законодателей» (See same volume [там же], p. 339) спекулянт характеризуется как «лицо, функция которого состоит в том, чтобы уравнивать снабжение теми или другими продуктами, препятствуя слишком быстрому потреблению».

260 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

от действий детей; а затем оставалось сделать только короткий шаг, чтобы прийти к дальнейшему обобщению, состоявшему в том, что все виды человеческой деятельности и все социальные явления так же строго подчинены естественным законам, как и действия детей и животных или движения земных и небесных тел. Первые политико-экономы ухватились за эту правдоподобную мысль и вывели из нее свои великие законы торговли, промышленности, народонаселения и богатства.

Удивительно, что этот совершенно здравый отвлеченный принцип, необходимое основание всех экономических и социальных наук, привел к величайшему и основному экономическому заблуждению — заблуждению, которое проникло в сердце современной научной философии, оказало обширное влияние на общественное мнение и упорно сопротивлялось всем усилиям искоренить его. Заблуждение это состоит в том, что практически упускается из виду существование в человеке разумной способности, которая если и не избавляет его действия от подчинения естественным законам, однако же до того усложняет их, что их уже никак нельзя подводить под простые формулы, достаточные для вычисления чисто животных побуждений. Этот элемент прокрадывается между ребенком и взрослым и, незамеченный, разрушает наилучшим образом составленные планы экономистов и философов. Великий психический фактор был оставлен без внимания, именно интеллектуальный, или разумный, фактор, причина, происхождение и природа которого были рассмотрены во II части. Из того, что там было сказано о нем, должно явствовать, насколько этот фактор важен, так что нечего удивляться значительности ошибки, вызванной его опущением.

Хотя это прежде всего психологический вопрос, но, как мы теперь видим, он относится также к политической экономии, и нам небесполезно рассмотреть его теперь с этой последней точки зрения. Есть два различных вида экономии, из которых один можно назвать биологической экономией, или экономией жизни, а другой — психологической экономии-

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 261

ей, или умственной экономией. Слово «экономия» употреблено здесь в его тесном, или первоначальном, смысле. Вопрос тут касается экономии, и очень важно провести резкую параллель между этими двумя видами экономии: тем, который преобладает в животном мире, в области жизни, или в органической природе вообще, и тем, который господствует в человеческой сфере, в царстве ума, в области разума.

Со времени Дарвина всем хорошо известен общий характер животной экономии. Он заключается в переживании способнейшего в борьбе за существование. В этом случае действуют в природе неизменные и неуправляемые психические силы, описанные в XV главе; это просто физика жизни. Подобно тому как в физическом мире при столкновении механических сил высшая из них одерживает верх и производит наблюдаемые результаты, так и в животной физике имеет значение превосходство силы, и могущество стоит выше всего. Животные силы состоят в инстинктах, аппетитах, потребностях, одним словом — в желаниях животных. Желания всегда стремятся к удовлетворению, и если не достигают его, то только по недостатку силы.

Прежде предполагали, что органическая природа бережливо употребляет свою энергию. Факты приспособления, послужившие основанием для телеологического заблуждения касательно специального творения, вызвали также экономическое заблуждение касательно бережливости

природы. Прежде всего предположили, что приспособление всегда бывает совершенно. Это мнение не раз защищалось, и на нем много останавливались в ранние, доэволюционные дни. Оно до сих пор еще очень распространено с некоторым изменением, именно — теперь думают, что перемены в окружающей среде постоянно нарушают равновесие, между тем как естественный отбор постоянно стремится его восстановить. Вей-сманн в авторизованном переводе его «Опытов» допускает такое место: «Всякий существующий вид обнаруживает цель своего бытия в каждой подробности своего строения и в своем совершенном приспособлении к условиям, в которых он живет. Но он приспособлен к ним только в такой степени,

262 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

в какой это действительно необходимо для того, чтобы сделать его способнейшим к переживанию; дальше этого приспособление не идет»¹. Но мы даже и этого не можем признать ввиду того, что борьба за существование, как будет объяснено дальше, расходует всю органическую энергию и задерживает развитие тех существ, которые в нее вовлекаются. Понятие о совершенной экономии естественно согласуется с понятием о полном приспособлении. На природу смотрели как на великого эконома, которому человек должен подражать. Теперь биологи, конечно, лучше понимают дело, однако же мнение это все еще поддерживается популярными писателями. Даже Спенсер не вычеркнул в пересмотренном издании «Социальной статистики» (1892) следующее замечание, содержащееся уже в первоначальном издании (1850): «С полнейшей экономией природа пользуется всеми своими силами».

Несомненно, что природа не производит ничего такого, что необходимо должно было бы оказаться бесполезным; все, что она производит, является полезным. Это вытекает из генетического метода эволюции. Все существующее призывается к существованию в силу *vis a tergo*. Это действующая причина; природа только такие причины и употребляет. Всемирная жизненная сила беспрестанно создает новые формы, которые должны быть приспособлены к окружающей среде, иначе они не могли бы даже возникать. Но это приспособление достигает только минимальной степени. Если этого приспособления достаточно, чтобы гарантировать продолжение рода, то цель достигнута; хотя природа всегда стремится к большему приспособлению. Средства же, с помощью которых это приспособление достигается, вовсе нельзя назвать самыми экономными, какие только можно себе представить. Часто даже они кажутся нам самыми неэкономными. Средства эти таковы, какими их создают все, вместе взятые, обстоятельства данного случая. Если только цель достигнута, то характер средств совершенно безразличен с чисто биологической точки зрения.

¹ Essays, Vol. II. Oxford, 1892, p. 29.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 263

Расточительность этих средств сделалась одним из обыкновенных предметов обсуждения, и теперь накопились по этому вопросу поразительные факты. Некоторые из них были перечислены в «Динамической социологии» (Vol. II, p. 87), но к ним можно бы еще прибавить множество других случаев. Так, например, в лекции о сельди проф. Гексли, упомянув о том, что приведенное им число зрелых яиц, испускаемых при метании средней величины самкой сельди, именно 10000, вероятно ниже действительного, говорит дальше: «Предположим, что каждая взрослая самка сельди кладет 10 000 яиц, что человек не трогает рыбу, а количество ее с каждым годом приблизительно остается прежним; из этого следует, что 9698 особей из потомства каждой самки должны погибнуть, прежде чем достигнуть зрелости, так как если бы из 10 000 более двух особей избегли бы гибели, то количество сельди должно было бы пропорционально возрасти»¹.

Дарвин, как всем известно, был так поражен необыкновенной плодовитостью органического мира и неизбежно вытекающей из нее гибелью множества особей, что он сделал это исходным пунктом всех своих исследований. В его «Журнале исследований»² записано в виде подстрочного примечания следующее одно из его первых наблюдений: «Я был поражен, когда сосчитал яйца большой белой Doris (род морского слизня) и увидел, как они необыкновенно многочисленны. От

двух до пяти яиц (каждое из них имело в диаметре три тысячных дюйма) содержалось в сферической маленькой коробочке. Эти коробочки были расположены по две в глубину поперечными рядами, образовывавшими ленту. Лента прикрепляется краем своим к скале в виде овальной спирали. Раз я нашел ленту длиной около 20 дюймов, а шириной в полдюйма. Когда я сосчитал, сколько шаров содержится в одном ряду на протяжении одной десятой дюйма и сколько

¹ Лекция, прочтенная на национальной рыбной выставке, Норвич, 21 апреля 1881 г. *Nature*, April 28, 1881, Vol. XXIII, p. 612.

² New York, 1871, p. 201.

264 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

рядом заключается в кусочке ленты той же длины, то оказалось, что по самой умеренной выкладке там должно было быть шестьсот тысяч яиц. Между тем эта *Doris* вовсе не часто встречается; я часто искал под камнями, но видел только семь таких особей. *Самая обыкновенная ошибка естествоиспытателей заключается в мнении, будто количество особей отдельного вида зависит от степени его размножения*».

Известно еще много гораздо более поразительных случаев. По свидетельству Катрфажа, два последовательных поколения одной особи травяной вши (травяная вошь партеноге-нетична) покрыли бы восемь акров. Растительное царство также изобилует такими примерами. Большое каштановое дерево в июне, вероятно, содержит тонну пыльцы. Принимая во внимание величину отдельного семечка, количество их на таком дереве должно быть просто невообразимо. Некоторые сосны почти в таком же изобилии производят мужские споры, которые очень легки, так что ветер может переносить их на огромное расстояние. Нам сообщают иногда о «серных дождях», выпадающих в штатах, лежащих по берегам Великих озер: эти «серные дожди», как оказалось, состоят из такой плодотворной пыли, которую продолжительные южные ветры приносят из лесов, окаймляющих Мексиканский залив и состоящих из породы сосен с длинными иглами. Многие травы, как, например, ятрышник, личинковый цвет и другие, производят мельчайшие семена в огромном количестве, а между тем некоторые из них представляют редкие растения. Когда лопается дождевик, из него поднимается целое облако пыли, наполняющее воздух на некоторое расстояние вокруг. Облако это состоит из почти бесчисленного множества мельчайших спор, из которых каждая, если бы она упала на благоприятную почву, — что составляет очень редкий случай, — произвела бы гриб того вида, к которому она принадлежит.

Защитники экономии природы, которым известны такие факты, оправдывают их на основании их необходимости. Они говорят, что только таким путем и может прогрессиро-

ГЛАВА XXXI11. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЛ УМА 265

вать органическая жизнь. Так, профессор Грант Аллен, трактуя происхождение плодов, замечает: «Те растения, которые просто бросают в мир на произвол случая свои незащищенные зародыши и предоставляют им самим изворачиваться в жестокой борьбе с сильными и смелыми конкурентами, непременно должны тратить свою энергию на производство огромного количества семян. И действительно, по сделанным вычислениям цветок алого полевого мака производит в год не менее 50 000 зародышей, а некоторые другие виды еще превосходят эту огромную цифру»¹. Покойный проф. Юманс, самый ревностный из американских последователей Спенсера и непримиримый индивидуалист, выразился однажды таким образом: «Природа, по-видимому, так же неэкономно обращается и со своими умственными средствами, как с материальными. Образ действий ее отличается расточительностью, непонятной для узкой философии. Из массы производимых ею цветов только немногие становятся плодами; из мириадом яиц только немногие высиживаются. Множество из племен, существовавших в далеком прошлом, угасло; и значительная часть интеллектуальных успехов погибла вследствие забвения. Но при всей своей кажущейся расточительности природа тем не менее соблюдает большую экономию. Она предоставляет всем возможность к существованию при условиях, благоприятствующих наилучшим экземплярам;

потерпевшие неудачу отвергаются, а способнейшие выуживают»². Спенсер сам указывает нам объяснение этому положению вещей; он говорит: «Те сложные влияния, от которых зависит высший разряд естественных явлений, и в особенности те, в зависимости от которых находится органический мир, подчиняются закону вероятности. Какое-нибудь растение, например, производит тысячи семян. Большая часть их уничтожаются живущими на растении существами или попадают на такие места, где они не могут прорасти. Из молодых же растений, выросших из тех семян, которым удалось

¹ *Comhill Magazine for August*, 1878, Vol. XXXVIII, p. 180.

² *Popular Science Monthly*, Vol. V, New York, August, 1874, p. 494.

266 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

прорасти, многие заглушаются соседями, другие повреждаются насекомыми или съедаются животными; и в среднем числе случаев только одно из них становится совершенным образчиком своего вида, счастливо избегает всех опасностей, и в нем созревает достаточное для продолжения рода количество семян. То же самое бывает со всяким родом существ»¹. И затем он показывает, что цивилизация развилась в сущности таким же путем, причем однако упускает из виду психологический фактор.

Некоторые писатели держатся менее оптимистических взглядов в этом отношении. Доктор Аса Грей замечает: «Трата существ огромна; она гораздо значительнее, чем обыкновенно думают. Семена, яйца и другие зародыши предназначаются к тому, чтобы стать растениями и животными, но из тысячи или из миллиона только некоторые достигают этого предназначения. Те, которые попадают в подходящие места и в подходящем количестве, находят благотворные пищевые запасы, и, если бы в них пробудилось сознание, они предположили бы, вероятно, что окружающая среда умышленно приспособлена к их благополучию. Но что сказать о том огромном большинстве, которое погибает? Подобно тому как из солнечного света, рассылаемого по всем направлениям, только ничтожная часть воспринимается землей или другими планетами, где она может быть утилизирована для настоящей или будущей жизни, так и из всего числа возможных или начавших возникать организмов только небольшая часть достигает предполагавшейся цели их создания». Затем для подтверждения сказанного он немедленно приводит некоторые места из статьи, рассмотренной им в «*Westminster Review*». «Когда мы узнаем, как мы это видели выше, что размножение есть разбрасывание наудачу и что на одно обеспеченное и живущее существо приходится десять тысяч необеспеченных и гибнущих, то мы не можем не согласиться с тем, что существующий порядок вещей считался бы ужасным беспорядком во всякой сфере человеческой деятельности»².

¹ *Social Statics abridged and revised*, New York, 1892, pp. 237-238.

² Аса Грей. *Darwiniana*, New York, 1877, pp. 372-373.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 267

Последнее приведенное нами замечание этого критика как раз имеет отношение к нашей теме. Никто не отрицает того, что вся эта расточительность в неорганическом мире неизбежна, так как ни человек, ни ум не ответственны за нее. Никто не станет также оспаривать, что с течением времени этот метод привел к тому, что мы признаем общим органическим прогрессом; хотя теперь твердо установлено, что обратное движение могло совершиться так же легко, как и движение вперед, да оно и совершилось в больших размерах. Существующее теперь положение вещей представляет алгебраическую сумму, и если произошло из какой-нибудь первобытной формы, как предполагают большинство биологов, то сумма получилась прямо-таки положительная. Никто не будет возражать против того, чтобы метод природы в полноте объяснялся и излагался и основательно бы преподавался как великая научная истина. Протестовать необходимо только тогда, когда природа выставляется за образец, которому человек должен следовать, и когда ему

запрещается «вмешиваться» в ее действия. Далее я постараюсь показать, что естественный метод представляет нечто совершенно непохожее на то, что могло бы себе вообразить разумное существо, и что если бы человек, которого считают разумным, усвоил себе такой метод, его сочли бы сумасшедшим.

Во всей литературе по этому вопросу, только о небольшой части которой здесь можно упомянуть, насколько мне известно, не встречается попыток формулировать истинный закон биологической экономии. Много говорилось о законе бережливости, второстепенном, иногда только применяемом законе. Но до сих пор не было сделано соответствующего определения великого, всемирного закона расточительности. Мы видели, что вследствие своего генетического характера органическая сила не может произвести неизбежно бесполезной формы. Хотя продукты ее редко отличаются действительной ценностью, но по крайней мере все они непременно обладают скрытой ценностью. Эту часть закона можно поэтому выразить следующей формулой: *Всякое создание органической природы включает в себе возможность успеха.*

268 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

До сих пор биологический закон можно назвать экономическим. Но, как мы видели, только крошечная доля из того, что создается, представляет *действительный* успех. Поэтому определение должно содержать еще другую часть для выражения этой стороны предмета. По мнению Спенсера, как это видно из его слов, приведенных мною выше, эта сторона предмета включает в себе доктрину вероятностей. Но мне кажется, что это объяснение не совсем точно. Правильнее будет назвать ее процессом испытания и ошибки. Основной принцип можно назвать *необходимостью успешности, или особенной важностью успешности*, между тем как процесс состоит в *умножении шансов*. Природа, кажется, не полагает границ степени проявления энергии в видах обеспечения успешности. Возможности переживания, хотя они и кажутся многочисленными, умножаются еще в тысячу раз, для того чтобы успешность была в тысячу раз больше упрощена. Поэтому закон биологической экономии в полном виде может быть выражен следующим образом.

1. Вся органическая энергия направлена к потенциальной пользе.
2. Действительная польза гарантируется неопределенным умножением усилий.

Таким образом, оказывается, что хотя в области биологии не совершается ничего такого, что бы не обеспечивало некоторую, хоть самую незначительную, выгоду, но количество энергии, расходуемой на то, чтобы приобрести эту выгоду, не находится в определенном отношении к результату. Действия природы как бы основываются на том положении, что ее средства неистощимы, и хотя предметы, которые она покупает, никогда не бывают совершенно бесполезны, но она платит за них безумную цену. Выражения *«естественный отбор»* и *«переживание способнейшего»* заключают в себе тот многозначительный смысл, что все существа в природе вовсе не являются избранными и что только немногие избранные способны выжить, между тем как все остальные погибают. Первую часть закона биологической экономии можно охарактеризовать под названием *практической*, а вторую —

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 269

под названием *расточительной*. Природа поэтому вместе и самый практичный, и самый расточительный из всех экономов. Практична она в том отношении, что не производит ничего такого, что не заключало бы в себе элементов пользы; расточительна в том отношении, что не щадит издержек для достижения самого незначительного результата.

Можно сказать, что природа создает все формы, какие только можно себе вообразить. Всем известно удивительное разнообразие существующих форм животной и растительной жизни. Но при всей своей бесчисленности они представляют одни только успешные формы. Кроме них надо также вообразить себе бесконечное множество неудачных, переходных форм, на производство

которых напрасно тратилась органическая энергия, и тратилась в гораздо большей степени, чем это было нужно для создания всего того, что существует теперь. Успешные же формы представляют, в свою очередь, разные степени успешности. Есть между ними сильные и крепкие существа, в полной мере наслаждающиеся жизненностью и постепенно овладевающие землею. Но есть в числе их и слабые, и изнуренные, которых сильные мало-помалу вытесняют из существования. Между теми и другими можно найти все переходные ступени. Но и успешные формы только временно являются таковыми. Они возвышаются и падают, подобно человеческим царствам, и естественная история, так же как и история людей, усеяна на своем пути остатками погибших династий и следами угасших рас.

Закон этот можно разъяснить примерами из физики и из биотики. Если смотреть на трату энергии как на *стоимость* какого-нибудь данного результата, то можно вообще сказать, что природа стремится увеличить *стоимость того, что она производит*. Так, например, можно предположить, что река следовала бы самому экономному пути, если бы она текла по прямой линии от истока к устью. Между тем если даже она сначала течет по этому направлению, то скоро течение ее становится неправильным, изогнутым, извилистым, и чем дальше, тем более извилистым, так что наконец расстояние,

270 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

которое должна пройти каждая капля, по крайней мере удваивается. Этот физический закон, названный «ритмом движений» и опирающийся на «непостоянство однородного», господствует также и в органическом мире. Повсюду заметно стремление доводить до крайности отступления от нормального развития. Оно иногда заходит так далеко, что производит уродливости, сами обрекающие себя на вымирание. К таким уродам принадлежали, без сомнения, и странные драконы мезозойской эпохи, и еще более странные, пожалуй, млекопитающие начала третичной эпохи, и менее древние мастодонты и мамонты, моа и аптериксы, и другие бескрылые птицы; теперешний слон и другие слишком большие существа, без сомнения, также должны скоро исчезнуть. В растительном царстве полна таких примеров флора каменноугольной эпохи, так же как и менее известная флора триасовой и юрской эпох; и теперь существует много угасающих типов, каковы деревья волосатик, мамонтово и красное, палеонтологическая летопись которых показывает, что они как раз теперь сходят со сцены. Многие другие существующие растения или вследствие паразитизма, как явское дерево, или вследствие крайней специализации, как многие орхидеи и юкка, также подтверждают этот закон. Такие уродливые организмы непременно погибают при малейшем изменении в окружающей их материальной среде. Таким образом процесс органического развития в значительной степени представляет последовательное создание типов, которые в самих себе заключали элементы собственной гибели, которые, так сказать, разрушились вследствие собственной тяжести. За ними, конечно, следовали другие, приспособленные во время своего появления к окружающей среде, но осужденные, в свою очередь, перерасти ее и погибнуть вследствие той же причины. Поэтому ритмический характер органического прогресса оказывается в сущности саморазрушающим, и весь прогресс заключается в приращении, обусловливаемом перевесом плюсов над минусами. Такова отличительная черта генетического прогресса. Телеологический же прогресс совершается по совершенно другому закону, связанному с действительной экономией энергии.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 271

В этом очерке естественной, или биологической, экономии я не вдавался в физическое объяснение причины разницы, существующей между нею и тем, что я теперь буду подразумевать под названием человеческой, или разумной экономии, как я ее изложил в «Динамической социологии» (Vol. I, p. 73; Vol. II, p. 99); т. е. я не объяснил, почему в естественной экономии следствие всегда только равняется причине. Органическая сила непосредственно действует на предмет, который должен быть видоизменен, и формы, которые должны создаться, принимают требующийся вид благодаря бесчисленному множеству незначительных толчков, общая сумма которых выражается произведенной переменной. Здесь не применяется никакой механический принцип, с помощью которого следствие могло бы превзойти потраченную для его достижения энергию, что составляет нормальный отличительный признак интеллектуального действия, как это было показано в

предыдущей главе. Есть, правда, класс фактов, в которых действие естественного отбора так напоминает выполнение разумного плана, что окончательные результаты его сначала принимались, да и теперь принимаются многими, за следствие разумной деятельности. Так, например, острые когти и зубы походят на заостренные и наточенные инструменты или оружие, и в них применяется принцип наклонной плоскости в форме, представляемой клином; в иных же случаях дело доходит до того, что применяется принцип винта, как, например, в некоторых околоплодиях, которые просверливают землю, чтобы посадить свои семена. О других подобных случаях я упоминал в XXVII главе. Несомненно также, что в устройстве мускулов и в прохождении сухожилий через хрящевые влагаища в большей или меньшей степени утилизирован принцип рычага и точки опоры. Однако все такие случаи составляют исключения из закона биологической экономии, а изумление и интерес, испытываемые людьми, когда они замечают в природе явления, с виду как будто заставляющие предполагать в ней разумную экономию, обнаруживают только, что человек инстинктивно чувствует разницу между последней и биологической экономией.

272 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Разница эта состоит в том, что разумная экономия отличается телеологическим характером и имеет дело с конечными причинами, между тем как биологическая экономия отличается генетическим характером и имеет дело с действующими причинами. Это означает, что между тем как органические формы вызываются к существованию столкновением атомов и представляют нечаянные явления или, буквально, продукты случая, человеческие создания сначала задумываются в уме, искусно предназначаются к известным целям и выполняются затем с помощью разных механических принципов, вроде упомянутых выше, благодаря чему энергии тратится очень мало, обыкновенно ничтожное количество, сравнительно с достигаемым результатом. Первоначально разум был применен к изобретательной способности человека. Никакое другое животное не обладает ею хотя бы в такой степени, чтобы уметь владеть оружием, не составляющим части его организма¹. Бобры, правда, строят плотины, срубая дере-

¹ Смотри выше, стр. 196-197. Замечание это уже содержалось в адресе, который я читал на Рочестерском митинге в августе 1892 г. в качестве вице-президента секции экономической науки и статистики, составлявшей отдел Американского общества поощрения науки (*Proceedings*, Vol. XLI, p. 307), и содержание которого я только более развил в настоящей главе. Тогда это замечание показалось многим сомнительным ввиду того, что ему будто бы противоречили рассказы некоторых африканских путешественников, особенно Дю-Шайлью и Бюттикофера, о горилле и шимпанзе. Поэтому я сам занялся исследованием этого вопроса и нашел, что мой текст не нуждается ни в каких изменениях. Действительно, преобладает мнение, будто эти животные, особенно шимпанзе, употребляют дубины для самообороны; но я думаю, ни один писатель не говорит, что он был свидетелем такого факта или верит в его возможность; хотя молва об этом распространена по всей Западной Африке и туземцы составили себе причудливые понятия об уме этих существ. Они обыкновенно смешивают обе породы животных и вследствие замеченного в них сходства в человеке приписывают им разные человеческие действия. Следующее место из «Reisebilder aus Liberia» Бюттикофера (Vol. I, 229-230) содержит в себе, вероятно, все то, о чем гласит эта молва: «Бабуин — так называется шимпанзе по всей Либерии — обыкновенно считается существом, стоящим выше всех других животных... Между прочим рассказывают о бабуине, что он ходит на двух ногах, как человек, что старые экземпляры никогда не забираются на деревья, а от нападений защищаются дубиной, которую держат в руках, что они

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 273

вья, но единственным их орудием при этом служат зубы, и они извлекают выгоду только из того способа, которым мускулы у них прикреплены к челюстям. Война между животными буквально ведется зубами и когтями, рогами и копытами, лапами и боднями, клыками и хоботом, клешнями и жалом, всегда органическим оружием и никогда механическим. А всякая работа животных всегда выполняется теми орудиями, которыми природа их снабдила путем постепенного, медленного развития, и ни в одном из этих орудий не применяется какой-нибудь принцип физики, за исключением тех случаев, которые уже были мною упомянуты.

сжатыми кулаками колотят себя по широкой груди и режут при этом так, что слышно далеко вокруг» (следовательно, совершенно то же, что рассказывают о горилле).

Мнение, будто шимпанзе умеет разводить огонь, опирается на еще более шаткое свидетельство. Тот же автор (*Ibid*, р. 230) приводит следующий рассказ, слышанный им от старого африканского охотника, проведшего лучшие годы своей жизни в преследовании этих и других диких зверей в той же местности, рассказ, вероятно послуживший основанием для вышеупомянутого мнения и других подобных понятий.

«Тебе случалось уже, вероятно, во время охоты попадать на те поразительные, расчищенные, открытые места в лесу, происхождение которых так трудно себе объяснить. Это места, где бабуины разводят огонь. Дело в том, что бабуины имеют обыкновение все перенимать у человека. На эти места в лесу сносят они сухие ветви и складывают из них высокий костер. Затем один из них делает вид, будто он зажигает огонь, и тогда все вместе начинают дуть на мнимый огонь, сначала осторожно, потом все сильнее и сильнее, пока чуть не задыхаются. Затем все садятся на землю вокруг этой кучи хвороста, упираются локтями в колена и вытягивают кисти рук, как будто для того, чтобы их согреть. В сырую погоду их можно видеть добрых полдня терпеливо сидящими вокруг своего воображаемого огня». Нет сомнения, что эти животные, как и все другие из семейства обезьян, отличаются большой способностью к перениманию, которая и внушила, вероятно, туземцам нелепое понятие об их проницательности. Как мало можно полагаться на факты, не проверенные и не исследованные людьми науки, видно из дальнейшего замечания Бюттикофера (там же, т. II, 350): «Судя по словам туземцев, взрослый шимпанзе не уступает горилле в силе и величине; и вообще он играет в их сказаниях выдающуюся роль как образец ума и силы. Однако же некоторые совсем старые экземпляры обоих полов, которыми нам удалось завладеть, послужили неопровержимым доказательством того, что рассказы туземцев, по крайней мере в том, что касается роста, в высшей степени преувеличены».

274 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Итак, в действиях разумного человека впервые применяется то, что заслуживает названия экономии. В природе же нет экономии. Экономно что-нибудь может быть выполнено, только если оно совершается преднамеренно и с известной предусмотрительностью. Сооруженные таким образом реки (каналы, мельничные водопроводы, ирригационные каналы) или совсем прямые, или прямые по крайней мере настолько, насколько этого требует истинная экономия. Мы сознаем справедливость заключения проф. Скиапарелли, что на Марсе должны обитать разумные существа, на основании предполагаемого существования на нем обширных водных путей, пересекающих его диск в прямых линиях, если только факты действительно таковы, какими их представляют. Все, что совершается под руководством интеллекта, бывает настолько экономно, насколько это допускается степенью ума. Неудачи же в достижении этого максимума экономии происходят вследствие невежества, т. е. недостаточного знакомства с условиями вопроса. Поэтому при одной и той же степени интеллектуальной проницательности степень экономии будет как раз пропорциональна количеству имеющихся знаний.

Природа, сея семена, предоставляет их произволу ветра, воды, птиц и зверей. Большая часть семян массой падает возле родного растения, и вследствие собственного изобилия они не получают света или совершенно заглушаются. Только немногие из них, которые случайно переносятся той или другой силой на благоприятное место и покрываются землей, могут расти. Из тех же семян, которым удастся прорасти, большая часть не достигает зрелого возраста вследствие окружающих их враждебных условий; и только в очень редких счастливых случаях растение живет настолько долго, что может содействовать продолжению рода. Чтобы покрыть эту огромную трату, производится соответствующее огромное количество семян. Такова экономия природы. Как не похожа на нее экономия разумного человека! Он приготавливает почву, очищая ее от растительных соперников, тщательно сажает семена на надлежащем расстоянии одно от другого, для

того чтобы они не теснили одно другое, а когда они взойдут, охраняет их от врагов, принадлежащих как к растительному, так и к животному царству; в случае надобности снабжает их водой, доставляет им даже недостающие в почве химические вещества, если они ему известны, и таким образом гарантирует, насколько это возможно, здоровый рост и плодovitость каждого посеянного семени. Такова экономия ума.

Более внимательный анализ показывает, что основная разница между животным и человеческим методом состоит в том, что *окружающая среда преобразует животное, между тем как человек сам преобразует окружающую среду*. Положение это верно в буквальном смысле, с какой точки зрения его ни рассматривать. В нем вполне выражается тот изложенный выше факт, что животные употребляют органические орудия, между тем как человек — механические. Сравнивая эти два метода с нашей теперешней экономической точки зрения, мы сразу видим огромное превосходство человеческого, или психологического, метода над животным, или биологическим. Экономия бывает двоякого рода: экономия времени и экономия энергии. Для развития в животных какого-либо из органических приспособлений, необходимых им для удовлетворения своих потребностей или для борьбы с врагами, требовалось гораздо больше времени, чем занимает весь период, в продолжение которого человек уже пользуется искусствами, хотя бы и самыми простыми сначала. Однако же все эти приспособления, несмотря на все их совершенство и всю их действенность, не дали какому-нибудь виду животных возможности занять большее территориальное протяжение и переселиться подальше из той области, к которой он первоначально был приспособлен. С другой стороны, человек, не приобретая никаких новых органических приспособлений, благодаря производству орудий, оружия, одежды, жилищ и т. п., благодаря подчинению себе животного и растительного царства, благодаря способности «смотреть вперед и назад», одним словом, благодаря разуму, овладел всей землей и представляет единственное животное, место жительства которого не ограничено известными пределами.

276 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Достиг он этого, как только что было замечено, сравнительно в короткий период времени, главным образом со времени ледяной эпохи, хотя началом этого периода следует считать третичную эпоху.

Экономия энергии у людей совершенно так же велика, как и экономия времени, и первую можно считать причиной последней. Она представляет результат *искусства*. Мы уже видели, что в механических продуктах разумного умысла непременно утилизируется какой-нибудь экономический принцип, благодаря которому для достижения известного результата требуется гораздо меньше мускульной силы, чем было бы ее нужно без такой утилизации. В значительном большинстве случаев результата даже нельзя достигнуть иначе как с помощью особенного приспособленного к этому снаряда или механизма, и это становится все заметнее по мере того, как машинное производство берет перевес над ручным трудом. Общая сумма всех таких изобретений составляет основание механических искусств. Не многие представляют себе, до какой степени цивилизация вполне зависит от искусства, как мы его здесь понимаем. Полная беспомощность человека, лишенного возможности пользоваться искусствами, хорошо иллюстрирована в сочинении Дефо «Робинзон Крузо»; автор отлично понял, что для того, чтобы дать своему герою хоть какую-нибудь возможность существовать даже в тропическом климате, богатом произведениями природы, он должен снабдить его значительным количеством орудий и других искусственных приспособлений из запасов потерпевшего крушения корабля. Если это справедливо относительно Робинзона Крузо при тех условиях, в которых он находился, то еще справедливее будет это относительно громадного большинства рода человеческого, обитающего в так называемом умеренном климате, т. е. в климате, где температура бывает на десять или двадцать градусов ниже точки замерзания и где ежегодно на несколько месяцев прекращаются все растительные функции. Если бы не было искусств, одной зимы было бы достаточно, чтобы стереть с лица земли все население к северу от 30-й северной и к югу от 30-й южной параллели.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 277

Мы так привыкли к словам *труд* и *производство*, что никогда не задумываемся над тем, что они, собственно, означают. Ни одному из этих слов нет места в животной экономии. Труд всецело состоит в искусственном преобразовании окружающей человека среды. Природа ничего не производит в политико-экономическом смысле этого слова. Производство состоит в искусственном изменении вида естественных предметов. Одежду, которую мы носим, доставляют нам из животных главным образом овца, бык, шелковичный червь и немногие другие; а из растений — хлопчатник, лен, конопля и немногие другие; но между последней стадией, в которой природа оставляет эти свои продукты, и окончательной их формой, в которой они годны для употребления, должен совершиться целый ряд превращений, требующих большого искусства и много труда. Дома, в которых живет человек, некогда состояли главным образом из деревьев, глины и пластов крепкого камня. Эти материалы тоже преобразовывались посредством труда, который выполнялся с помощью орудий и машин. Подобным образом мы могли бы перебрать все достигнутые человеком усовершенствования и везде заметили бы то же явление.

Искусства, взятые в целом, составляют материальную цивилизацию, которая главным образом и отличает человека от остальной природы. Она совершилась исключительно благодаря его уму, его разумной, или интеллектуальной, способности. Следовательно, она составляет чисто психологическое отличие. Цивилизация, т. е. развитие человека, следующее за животной стадией, совершается под влиянием экономии ума, между тем как животное развитие совершается под влиянием экономии жизни. Между этими двумя видами экономии существует основное различие. Они не только несходны, но даже прямо противоположны один другому. Психологический закон стремится отменить закон биологический. Последний можно коротко определить как *переживание наилучшим образом приспособленного строения*. Прочным бывает такое строение, которое всего легче поддается переменам в окружающей среде. Поэтому закон этот

278 ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

удачно был назван «переживанием пластического»¹. Хотя окружающая среда постоянно изменяется, но она никогда не изменяется таким образом, чтобы более соответствовать строению организмов; напротив, вследствие ее изменений организмы, отчасти к ней приспособленные, становятся менее приспособленными; так что возможен только такой органический прогресс, который состоит в постепенном изменении строения, имеющем целью дать возможность организму сопротивляться все более суровым и более тяжелым условиям. Во всех случаях изменение непременно производится окружающей средой, а испытывается организмом.

Но самый важный фактор в условиях, окружающих какой-нибудь вид, это его органическая среда. Самое тяжелое давление оказывается на него живыми существами, среди которых он находится; и как это ни кажется парадоксально, но всего более теснят его те существа, которые наиболее с ним сходны. Малейшее преимущество, достигнутое каким-нибудь видом вследствие благоприятного изменения в строении, способствует его распространению, позволяет ему мешать распространению других и завладеть вскоре, если ему не будет оказано решительного сопротивления, полной монополией предметов, необходимых ему для существования. Всякий другой вид, потребляющий те же вещества, непременно будет вытеснен, если только он не настолько же силен. Вот что на самом деле означает переживание способнейшего. Это в сущности процесс *конкуренции*, но конкуренции в самом чистом виде, к которому не примешивается ни нравственный, ни интеллектуальный элемент, чего никак нельзя сказать про конкуренцию в человеческом обществе.

Совершенно ложна та господствующая мысль, будто из этой борьбы выживают способнейшие. Конкуренция действует таким образом, что препятствует какому бы то ни было виду достигнуть максимума развития и держит на срав-

¹ Речь о катастрофизме в геологии, произнесенная Кларенсом Кингом в Йельской школе наук в 1877 г. Принцип этот не представляет чего-нибудь отличного от принципа естественного отбора и переживания способнейшего, как это, кажется, предполагает г. Кинг.

нительно низком уровне развития все виды, которым удастся выжить. Таков нормальный результат ритмического характера всех чисто естественных, т. е. не разумных и не телеологических, явлений, которые я объяснил несколькими страницами раньше. Большая часть того, что приносится приливом, уносится отливом. Там, где конкуренция совершенно бывает устранена, как это устраивает человек в интересах какого-нибудь вида, развитие вида, которому оказывается таким образом покровительство, идет быстрыми шагами, и он скоро опережает все те виды, развитие которых обуславливается конкуренцией. Так было дело с зерновыми хлебами, с плодовыми деревьями, с домашними животными, одним словом, со всеми формами жизни, которые человек исключил из биологического закона и подчинил закону ума. Много говорилось о стремлении таких форм возвращаться в свое первоначальное, дикое состояние; но это стремление состоит просто в том, что, будучи снова поставлены в прежние условия конкуренции, они не способны удержаться на том высоком положении, которого достигли в счастливые дни, когда были избавлены от борьбы, — так же не способны, как не способны впервые достигнуть этого положения, будучи участниками борьбы¹. Таким образом, конкуренция не только предполагает описанную уже мною огромную потерю, но и препятствует достижению максимума развития, так как наибольшее, что может быть достигнуто под ее влиянием, стоит гораздо ниже того, что может быть достигнуто при искусственном, т. е. рациональном и интеллектуальном, устранении этого влияния.

Как ни трудно понять эту истину современным философам, но она была одной из первых истин, осветивших че-

¹ Я давно уже считаю эту истину одной из самых важных в биологии, и склонен особенно напирать на нее ввиду того, что первостепенные биологи, по-видимому, совсем не заметили ее и придерживались ложного взгляда. Я сначала особо выразил ее в статье о местном распределении растений в «Popular Science Monthly» за октябрь 1876 г. (Vol. IX, 676-684) и затем при удобном случае не раз иллюстрировал ее (см. особенно «Forum», December, 1886, Vol. II, 347-349).

280 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ловеческий интеллект. Сознательно или бессознательно, но люди с самого начала чувствовали, что назначение ума состоит в том, чтобы бороться с законом конкуренции и по возможности противиться ему и побеждать его. Этот железный закон природы, как его справедливо можно назвать (рикар-довский «железный закон заработной платы» есть только одно из его проявлений), всегда стоял поперек дороги человеческому прогрессу, и всю последующую борьбу, как физическую, так и социальную, и нравственную, разумный человек вел с этим тираном природы — с законом конкуренции. И если человек вообще ушел вперед от чисто животной стадии, то он достиг этого благодаря тому, что мало-помалу восторжествовал над законом конкуренции и получил некоторый перевес в борьбе с ним. В физическом мире он достиг этого в такой мере, в какой это было для него возможно благодаря изобретательности, произведшей искусства и материальную цивилизацию. Всякий снаряд или орудие, всякое изобретение в механике, всякое произведение человеческого замысла, знания и труда, всякий искусственный предмет, служащий целям человека, представляет торжество ума над физическими силами природы, находящимися в беспрестанной и бесцельной конкуренции. Возделывание и улучшение хозяйственных растений и приручение полезных животных заключают в себе непосредственное управление биологическими силами и изъятие данных форм жизни из-под влияния великого органического закона, задерживающего их природную силу развития. С широкой точки зрения все человеческие учреждения — религия, правительство, закон, брак, обычай, вместе с бесчисленными способами регулирования общественной, промышленной и торговой жизни, — представляют только способы борьбы с проявляющимся в обществе принципом конкуренции. Наконец, кодекс этики и нравственный закон просвещенного человека суть не что иное, как средства, избранные рассудком, разумом и утонченной чувствительностью для того, чтобы подавлять и искоренять в человеке его животную природу и сковывать в нем эгоизм, побуждающий его к конкуренции и унаследованный им от его животных предков.

Таким образом, важный факт был упущен из виду. Человек, правда, разумное существо, но он вместе с тем и животное. Он мужественно боролся с железным законом природы, но до сих пор далеко еще не победил его. Противодействуя ему в физическом мире, он достиг удивительных успехов; он мощно наложил свою руку на область органической жизни; с помощью благоустроенных учреждений он нанес жестокие удары социальным проявлениям закона конкуренции; и самоубийственное стремление, обнаруживаемое этим законом, когда он действует на густые массы народа, возбудило против него сильное действие противного ему закона этики. Но все это не могло вполне искоренить глубоко засевший принцип, лежащий в основании животной экономии. Таким образом, только отчасти человеку удалось вытеснить экономию жизни, основанную на конкуренции, и поставить на ее место экономию ума, основанную на кооперации; но во многих отношениях человек еще в той же мере находится под влиянием первой, как и всякое другое органическое существо.

До сих пор в этой главе я не упоминал о том важном факте, которому я старался придать особенное значение в первых главах II части; именно, что самый интеллект развился под влиянием чисто эгоистического закона. Необыкновенное развитие мозга, так исключительно характеризующее человека, было достигнуто благодаря основному принципу выгоды. Мозг в этом отношении не отличается от рогов, зубов или когтей. В великой борьбе, через которую должно было пройти животное-человек, для того чтобы достигнуть верховенства, оно своей окончательной победой было обязано мозгу; в силу биологического закона отбора и в силу того, что способность к переживанию обуславливалась высшей степенью проницательности — постепенно, клеточка за клеточкой, стал возникать человеческий мозг, и наконец вполне развитые полушария буквально покрыли первоначальные нервные узлы, между тем как стенки черепа расширились, чтобы принять их. Таким образом, самый мозг был сначала орудием конкуренции. Интеллект же был просто слугой воли. Только благодаря особенному его свойству, позволяющему заме-

282 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

тить, что прямой животный образ действия является не самым успешным даже в простой борьбе за существование, интеллект так рано из чисто эгоистических целей начал отвергать этот метод и принимать противоположный, косвенный метод, метод умысла, расчета и кооперации.

Конкуренция, которую мы наблюдаем в социальном и промышленном мире и которая поддерживается и смягчается разумом и развитием, в принципе так же, как и по своим целям, не отличается от конкуренции, царствующей в животном и растительном мире, но зато она очень отличается от нее своим методом и производимым ею действием. Мы и здесь видим ту же бездушную борьбу, тот же чрезмерный эгоизм, тот же ритм, увеличивающий существующее неравенство, то же приношение слабого в жертву сильному, то же безумное стремление сильного овладеть землей и монополизировать ее. Но наряду со всем этим мы замечаем также активное влияние противоположного принципа. Этот принцип — закон ума, обуславливающий истинную экономию энергии. Только ум замечает, что конкуренция разорительна для энергии, и в интересах того самого успеха, которого добивается конкуренция, он борется с ней и заменяет ее искусством, наукой и кооперацией. Те, которые пользуются этими средствами, достигают в тысячу раз большего успеха. Таким образом, в обществе конкуренция сама содействует своему поражению, возбуждая против себя силу мысли. Такое положение вещей не может продолжаться. Оно в лучшем случае представляет временное условие или переходное состояние. С одной стороны, конкуренция между людьми превращается в конкуренцию между машинами, и вместо способнейшего организма теперь выживает способнейший механизм. С другой стороны, конкуренция между индивидуумами становится конкуренцией между ассоциациями индивидуумов. Такие ассоциации составляют результат кооперации, явления, противоположного конкуренции. Политико-экономы толкуют о свободной конкуренции, но в обществе она едва ли возможна. Только самые простые действия, менее всего нуждающиеся в руководстве ума, могут продолжать еще конкурировать

некоторое время. Ближе всего к таким условиям стоят наименее искусные формы труда, но свобода их стесняется отношениями труда к капиталу. Вплоть до недавнего времени главная разница между нанимателями и рабочими состояла в том, что первые пользовались разумным методом, между тем как последние — естественным. Капитал всегда соединялся и сотрудничал, между тем как труд только конкурировал. Но сила разумного метода и его превосходство над естественными таковы, что борьба конкурирующего труда с соединенным капиталом всегда была неудачна. Однако в последнее время труд некоторым образом начал призывать к себе на помощь психологическую экономию, основанную на кооперации. Эта мера показалась такой странной и неожиданной, что ее сначала сочли преступлением против общества, да и теперь многие так на нее смотрят. В самом деле, все законы современных наций основаны на предположении, что капитал естественно должен соединяться, между тем как труд естественно должен конкурировать; поэтому попытки труда соединиться против капитала обыкновенно подавляются силой, а на стороне капиталистов стоит современный закон. Это огромное неравенство, против которого борется труд в своем усилии усвоить и применить разумную экономию, сильно сдерживает прогресс промышленной реформы, стремящейся к тому, чтобы в этом отношении поставить труд на равную ногу с капиталом.

Конкуренция между разумными существами вообще сменяется конкуренцией между промышленными ассоциациями или корпорациями, представляющей только короткое переходное состояние, за которым должно следовать дальнейшее соединение. Подобно тому как конкуренция между индивидуумами скоро привела к образованию корпораций, так и конкуренция между корпорациями быстро приводит к соединению всех лиц, занимающихся одной отраслью промышленности, в одно более сложное общество, в Америке носящее название трест (trust). Этот процесс образования коопераций не прекращается до тех пор, пока весь продукт данной отрасли промышленности не будет находиться в ве-

284 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

дении одного общества людей. Такое общество может безусловно распоряжаться ценой производимого товара с тем ограничением только, чтобы извлекать из него наибольшую возможную выгоду. Так, например, вся нефть, добываемая в стране, может находиться в ведении одного-единственного общества, и, для того, чтобы обеспечить себе наибольший доход, члены этой ассоциации капиталистов доведут цену нефти до высшей цифры, какую только потребители согласятся платить до тех пор, пока вполне или отчасти вернутся к свечам или прибегнут к газу и электричеству. Между ценой продукта и стоимостью производства нет никакого определенного отношения. Первая может быть в двадцать или в сто раз больше последней, и сообразно с этим выгода, получаемая обществом, будет больше или меньше. Такой же характер может принять производство каменного угля, железа, сахара, хлопчатой бумаги, даже производство муки. На этот принцип опираются все монополии, которые представляют столь же частое явление в области вывоза и обмена, как и в области производства. Примеры этому мы можем найти не только в железнодорожной¹ и телеграфной системе, но и в торговой деятельности всякой страны; там конкуренция

¹ «Скоро сделалось очевидным, что конкуренция, на которую общество рассчитывало с такой уверенностью, как на средство к урегулированию железнодорожной системы, оказывается совершенно несостоятельной в деле искоренения злоупотреблений и понижения платы за проезд... Время от времени возникала борьба между двумя соперничающими линиями, но она продолжалась недолго, и за нею следовало обыкновенно возвращение к прежнему образу действий. Обе компании приходили к соглашению делить доходы или заработок или установить таксу; иногда же находили какое-нибудь другое средство уничтожить конкуренцию и поставить на ее место союз. В конце концов одна дорога обыкновенно выкупалась другой, так что исчезало самое подобие конкуренции... Результатом была огромная потеря денег не только для лиц, участвовавших в предприятии, но и для всей страны в целом. Случалось, что дороги строились исключительно с той целью, чтобы их выкупила какая-нибудь конкурирующая компания, что со временем должно было произойти почти непременно». *Железнодорожный вопрос. Доклад*

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 285

всегда горяча, внезапна и порывиста и приводит к тому, что крупная промышленность поглощает мелкую все в большем масштабе.

Каким бы дурным нам ни казался этот порядок вещей, он, однако, заключает в себе не одно только зло. Это чисто эгоистическое применение рационального закона к торговым интересам все же обнаруживает признаки своего экономического превосходства над естественным методом, устраняя потерю, неизбежную и нормальную при конкуренции. Хотя вытекающее отсюда огромное сбережение почти все поступает в сундуки немногих счастливых, на долю которых выпало управлять этими потоками богатства, но стоимость монополизированных таким образом товаров для всех покупателей обыкновенно бывает ниже, чем в тех случаях, когда она зависит только от влияния конкуренции. Это может показаться странным тем политико-экономам, которые видят в конкуренции единственное противоядие против монополии и которых учили, что нормальное последствие ее состоит в понижении цен. Но факты противоречат этому взгляду, и нам бесполезно будет рассмотреть некоторые из них. Всего действительнее будет, если я приведу несколько отрывков из замечательной статьи одного из наших выдающихся политико-экономов¹.

«Я употребляю слово «потеря» в широком смысле, чтобы обозначить все те причины, которые заставляют цену товаров держаться на большей высоте, чем если бы продавцы не старались привлечь покупателей. В прежние времена продавцы товаров спокойно оставались там, где они торговали, и ожидали прибытия покупателей. Если в одной лавке платье продавалось по более низкой цене, чем в других, конкурирующих с нею, то покупатели сами отыскивали эту лавку и шли туда за своими покупками. Но это доброе старое время прошло. Теперь продавец всегда должен быть настороже, чтобы привлекать к себе торговлю, иначе соперники перебьют ее у него. Его лавка должна находиться на хорошей улице. Он должен

¹ The Principles of Rational Taxation, by Prof. Simon N. Patten. Published by the Philadelphia Social Science Association before which it was read. Nov. 21, 1889, 25 pp. 80.

286 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

много тратить на рекламу; должен содержать агентов на большом жаловании, для того чтобы они вербовали ему покупателей. Всем этим и многим другим издержкам должен подвергнуться всякий, кто в наше время хочет успешно вести торговлю. Но как это отражается на ценах? Не стоят ли цены в наших лавках выше, чем бы они стояли, если бы сами покупатели отыскивали продавцов, а не наоборот? Не были ли бы швейные машины и органы дешевле, если бы лица, желающие их купить, сами находили бы продавца, а не он искал бы их по всему городу? Число купцов, торгующих каким-нибудь отдельным видом товаров, соответствует только ничтожной доле числа покупателей; и последним гораздо легче находить подходящую лавку, чем купцу гоняться за покупателями... Если тот или другой торговец не станет прибегать ко всем обычным средствам для достижения своих интересов, то более предприимчивый соперник подорвет его торговлю; но развивается ли вообще торговля данного города вследствие всех этих усилий устранить соперников? Больше ли продается у нас мыла, каменного угля, башмаков благодаря тому, что объявления о продаже вывешены в вагонах уличной железной дороги? Способствуют ли объявления, оставляемые у наших дверей торговцами колониальными товарами, большему потреблению кофе и сахара в нашем городе? Способствует ли высокая квартирная плата, взимаемая в лучшей местности города, развитию местной торговли или ею выражается только преимущество одного соперника над другим в одной и той же отрасли торговли?

Поразмыслив немного, мы увидим, я думаю, что значительная часть всех этих расходов не увеличивает общего благосостояния города. Если к ним прибегает только одно лицо из

значительного числа соперников, то торговля этого лица может процветать за счет других. Но если к ним одинаково прибегают все соперники, то торговля их от этих издержек не может развиваться более, чем она развилась бы без них. Все эти торговцы должны тогда назначить более высокую цену за свои товары, чтобы вознаградить себя за расходы, и публике приходится нести тяжелое бремя, не пользуясь за это соответственной выгодой.

Другая потеря происходит вследствие значительного увеличения числа мелочных лавок. Каждая новая лавка обладает какой-нибудь приманкой, обеспечивающей отчасти ее торговлю. Возьмем для примера башмачные лавки в нашем городе. Подумайте, как их много, иногда по несколько на одной улице. Ввиду того что они поневоле удваивают нужный запас товара, употребляют много лишних рук и платят за наем многих лишних зданий, удивительно ли,

ГЛАВА XXXI. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 287

что цена башмаков так высока? Заметьте также, как много появилось тележек с булочным и молочным товаром. Каждое утро слышен на наших улицах несмолкающий стук их колес, свидетельствующий о длинных путешествиях, которые им понапрасну приходится совершать. Эти причины действуют во всякой отрасли мелочной торговли. Недавнее исследование показало, что количество мелочных торговцев увеличивается вчетверо быстрее, чем количество населения.

Помня эти факты, легко увидеть, куда делась значительная часть приращения производительной силы. При прежней величине производства наши мануфактуры употребляют теперь меньше людей; те же люди, которые лишились там работы, по большей части занялись мелочной торговлей... Такие же стремления обнаруживаются и в оптовой торговле. Каждый фабрикант и каждый купец прибегает к дорогостоящим средствам, чтобы предохранить свою торговлю, и средства эти очень невыгодны для потребителя. Для того чтобы дела купца шли хорошо, он ни в чем не должен отставать от своих соперников, а уплачивать счета он предоставляет публике. Извлекают ли фермеры какую-нибудь выгоду из чрезмерного соперничества фирм, прибегающих к разным дорогим средствам, чтобы продать им свои машины? Насколько больше товаров продается ежегодно американскому народу благодаря существованию корпорации коммивояжеров, обходящихся, как говорят, оптовой торговле в 200000000 фунтов стерлингов в год?

Эта огромная потеря является главной причиной теперешнего стремления к образованию трестов и подобных им союзов. Как только торговля приобретает какую-нибудь союзную организацию, вся масса этих бесполезных издержек становится лишней и вытекающая отсюда экономия составляет главный источник увеличения дивиденда. Правильный трест представляет организацию, имеющую целью прекращение лишних расходов, и он не может долго продолжать свое существование, если будет стремиться повысить цены более, чем они были бы повышены при свободной конкуренции. Результат сбережения, конечно, в значительной степени поступает во владение союза; однако же сбережение во всяком случае лучше, чем потеря, на чью бы долю ни доставалась выгода.

Современная система конкуренции, поощряющая бесполезные траты, оказывает такое же влияние на цены, как и монополия и союзы. Цены возвышаются до крайнего предела, дальше которого они уже не могут возвышаться без вреда для торговли. Если условия торгового дела таковы, что большие издержки на привле-

288 ЧАСТЬ II. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

чение покупателей могут дать купцу преимущество перед его соперниками, до тех пор, по крайней мере, пока они не последуют его примеру, то он скоро должен будет поднять цену своих товаров гораздо выше стоимости их производства вследствие расходов на пространные объявления, на странствующих приказчиков и на устройство магазинов в модных частях города. Мелкий торговец, не обладающий достаточным капиталом, чтобы поддерживать свою торговлю такими дорогими средствами, переносит свою лавку поближе к домам покупателей, чтобы

противопоставить преимуществам богатых соперников по крайней мере свое более выгодное местонахождение. Появляется множество небольших лавок, стремящихся воспользоваться выгодами данного местонахождения, и цены еще более удаляются от стоимости производства, для того чтобы дать возможность торговцу платить за наем помещения и существовать продажей небольшого запаса товаров, требуемых в данной местности. Когда все эти причины начнут сильно действовать и каждый из соперников будет прибегать к новым средствам, чтобы привлечь к себе торговлю других, цены могут беспрепятственно повышаться, пока не дойдут до предела, далее которого публика перестанет закупать товары в больших количествах. Таким образом, наделе оказывается, что существует одинаковый предел для повышения цен как при системе расточительной конкуренции, так и при системе монополии. В видах собственной выгоды монополия не может повышать цены сильнее, чем их повысила бы конкуренция. Для публики же как для покупателей обе системы имеют одинаковое следствие, так как приводят к одинаковым розничным ценам. С покупателя берут столько, сколько можно взять, не препятствуя продаже.

В высших профессиях действует то же влияние, в силу которого плата за услуги возвышается до крайнего предела. Например, предел этот для вознаграждения адвоката представляет не ту сумму, которая выражала бы действительную стоимость его труда и энергии, но ту сумму, больше которой публика не станет ему платить. Этого же предела стремится достигнуть и докторское вознаграждение. Молодой доктор не может рассчитывать на то, что дешевизна приобретет ему практику. Ему надо каким-нибудь образом войти в милость публики, принимать деятельное участие в делах какой-нибудь церкви или какого-нибудь общества или другим путем обратить на себя внимание. Но все эти средства к обеспечению своей профессии стоят денег, ему надо будет назначать за свои визиты такую плату, чтобы вернуть все издержки и чтобы ему еще остались средства к безбедному существованию.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 289

Старинное мнение, будто конкуренция сбавляет цены, так сильно укоренилось в публике, что она не ценит вошедших теперь во всеобщее употребление перемен в способах торговли. Обыкновенно думают, что большое число конкурентов в какой-нибудь отрасли торговли служит порукой за сохранение низких цен. Однако же эти конкуренты находят, что пассивная дешевизна мало помогает успеху их дел. Дорогостоящая наступательная политика доставляет десять покупателей, в то время как пассивная дешевизна доставляет только одного. Публика, без сомнения, ищет дешевизны, но она готова дорого платить тем, кто поможет ей в ее поисках. Признав эти факты, купцы организуют свою торговлю на наступательной политике, и тогда действительная дешевизна отходит в область преданий, а цены становятся приблизительно такими же, как и при кооперации или при разумной монополии.

Итак, мы имеем достаточные основания считать, что разорительная конкуренция в своем стремлении к повышению цен так же отражается на ценах и следует тем же законам, как и монополия. Если мы захотим определить действие существующих экономических условий, то сделаем гораздо более верный вывод, когда представим себе большую часть нашей промышленности и торговли в виде монополий, чем если будем придерживаться старинной гипотезы о том, что сильная конкуренция приводит к дешевизне. Закон монополии так же управляет ценой москательных товаров, как и ценой сахара. Цена молочных товаров так же мало стремится сообразоваться с низшей стоимостью производства, как и цена сахара при теперешнем уровне трестирования этого производства. Разница только в том, что в последнем случае прибавка к цене поступает прямо в руки сахарозаводчиков, между тем как в первом случае она распределяется между лицами, занимающимися перепродажей товаров.

Публика думает, что наступательная конкуренция снабжает ее более дешевыми товарами, так как она предполагает, что ради личных интересов продавцы неизбежно должны сбавлять цену. Однако личный интерес может побуждать купца привлекать покупателей расточительными средствами совершенно так же, как и просто дешевизной. Образ действия, к которому побуждает купца личный интерес, зависит не от него самого, а от социальных условий того народа, с которым он имеет дело. Если народ легко вводится в заблуждение и если достижение образцовых средств к существованию не требует от него всей производительной силы, наступательные действия

продавца будут иметь больше успеха, чем простая дешевизна. Действительная граница повышения цен определяется

10 Зак. №472

290 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

покупателями, а не продавцами. Цены перестают повышаться тогда, когда дальнейшее их повышение быстро заставило бы упасть спрос со стороны публики. Поэтому крайний предел повышения цен одинаков как при наступательной конкуренции, так и при разумной монополии. Увеличение чистого дохода составляет главный мотив, которым руководствуются и конкурирующие торговцы, и монополии. Цена устанавливается теми покупателями, которые, если бы они перестали покупать, уменьшили бы чистый доход продавца».

Я привел такой длинный отрывок из этого замечательного документа, потому что здесь с необыкновенной ясностью представлен ряд неоспоримых фактов. Хотя авторитетность этой статьи и не подлежит сомнению, но приведенные в ней факты настолько доступны общему наблюдению, что не нуждаются даже в поддержке авторитета. Однако изложить их все же было необходимо, так как, несмотря на всю их очевидность, заблуждение, которое они должны опровергнуть, широко распространено и глубоко укоренилось. Автор, приводя их, имеет в виду совсем не ту цель, для которой я ими хочу воспользоваться, но это нас здесь не касается. Для настоящего сочинения они имеют основное и первостепенное значение, вполне оправдывающее занятое ими здесь место. Лучше всяких других фактов они показывают нам основную разницу между конкуренцией, совершающейся под влиянием разумной способности, и чисто животной биологической конкуренцией. И если в теперешних способах торговли произошла сравнительно с прежними способами та перемена, на которую ссылается профессор Наттен, то произошла она вследствие того, что элемент ума в большей степени, чем прежде, был введен в торговые дела. Как известно, увеличивающаяся плотность народонаселения благодаря столкновению умов сама собой способствует изощрению ума и развитию той практической его формы, которая полезна в борьбе за существование. Наряду с этим значительно увеличилась доставляемая городами возможность образования. Не говоря уже об улучшенной системе народных школ и о продлении времени общего обучения благодаря возникновению средних школ, из которых некоторые готовят своих

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 291

учеников к поступлению в колледжи, — существует множество торговых и коммерческих колледжей, специально приспособленных к тому, чтобы учить молодежь заключать сделки и вести торговые предприятия и вообще «наживать деньги».

Несмотря на все ханжество, с которым восхваляется «достоинство труда», ручной труд в какой-нибудь производительной профессии считается унижительным, и те, которые им занимаются, лишены всякого общественного положения. «Интеллигентный» человек больше всего стремится избежать этого худшего из всех положений и приобретать средства к существованию своей изворотливостью или каким-нибудь более благородным и менее унижительным занятием, чем ручной труд. Вследствие этого «ученые профессии» переполняются кандидатами на эту честь; увеличивается число городских адвокатов, поверенных, нотариусов, судей, полицейских и других чиновников; образуются целые толпы агентов страховых обществ, банкиров, маклеров и цирюльников; появляется слишком много газетных и литературных предприятий; развивается огромная армия репортеров, стенографов, типографшиков и переписчиков; всякий готовится сделаться по меньшей мере писцом или кем угодно, только не простым рабочим, мастеровым или ремесленником. Как ни переполнены все эти специальности, они все еще умудряются существовать и процветать и достигают этого благодаря тому, что увеличивают стоимость своих продуктов, насколько это возможно сделать, не доводя публику до отказа от пользования ими. Как может поддерживаться конкуренция в этих профессиях при таких обстоятельствах, видно из числа существующих во всех больших городах «первоклассных ресторанов», где обедают только

немногие богачи да случайно появляющиеся праздношатающиеся и где кажется, что платишь почти исключительно за серебряные приборы и за праздную свиту прислужников.

Эта «наступательная конкуренция» тоже ясно обнаруживает свое происхождение от элемента ума, описанного в XXIII и XXIV главах. Как воплощение деловой проницательности, она заключает в себе в значительной степени принцип обмана. Всякий ходатай по делам всегда готов обмануть кли-

292 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ента. Всякая публикация — в сущности ложь; купец преднамеренно старается уверить публику, что тот или иной товар, о котором он объявляет, у него лучшего качества или продается дешевле, чем у его конкурентов, хотя он отлично знает, что это неправда. Обеспечение таким путем сбыта товаров в действительности есть не что иное, как «вымогательство денег под ложными предложениями», что номинально считается наказуемым преступлением, но на что в этом случае смотрят сквозь пальцы, за исключением разве самых гнусных случаев. В самом деле, в основе общества лежит естественное обращение к этой форме лжи, а законное признание ее выразилось в положении обычного права: *caveat emptor*¹.

Таково логичное следствие конкуренции между разумными существами. Естественный закон быстро уступает умственному; удержится ли он еще в продолжение некоторого времени или уничтожится сам собой и заменится монополией, как это рано или поздно должно случиться, результат для общества будет один и тот же. Если считать печальным комментарием к действиям разумных существ то, что они неизбежно должны за все платить высшую цену, какую только согласны платить скорее, чем отказаться от употребления данной вещи, причем цена эта нисколько не зависит от стоимости производства, — то не надо забывать, что до сих пор разумен в собственном смысле этого слова только индивидуум. Если бы самое общество было разумно, такой порядок, конечно, показался бы нелепым; и если когда-нибудь общество сделается разумным, оно ни минуты не потерпит такой нелепости. Те, которые сравнивают общество с организмом, не заметили, что в этом отношении оно походит только на низших сложных животных, какова, например, гидра, у которой нет настоящего управляющего и координирующего нервного узла; а еще более общество напоминает некоторые из низших колоний клеток, где каждая клеточка, подобно индивидуальному члену общества, зависит от общей массы единственно в том отношении, что простой факт сцепления до некоторой степени служит защитой как индивидуальным

¹ Пусть будет бдителен покупатель (лат.).

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 293

клеточкам, так и совокупной массе. И все же многие доказывают необходимость большей независимости для индивидуума и жалеют о всяком шаге, сделанном по направлению к интеграции, хотя они знают, что только этим путем может прогрессировать общественное устройство органических существ. Так плохо запечатлены принципы биологии в умах даже тех ученых, занимающихся социологией, которые открыто объявляют, что синтетически постигли эти две области науки.

Читатель не мог не заметить основной разницы между рассмотренными нами выше социальными явлениями и теми, которые повсюду происходят в природе ниже уровня разумной способности человека; вследствие этой разницы, даже когда мы имеем дело со всеобщим законом конкуренции, к человеку надо применять ряд принципов, совершенно отличных от тех, которые можно применить к неразумным существам. Между последними конкуренция свободна, или, вернее, там она существует в чистом виде. Она не прекращается, пока живы слабейшие; когда же они наконец уничтожены, а наилучшим образом приспособленные организмы выживают и торжествуют, то это торжествует действительно превосходство, и чтобы населять землю, остаются только сильные и крепкие существа. Но когда ум принимает участие в борьбе, то сначала характер конкуренции

совершенно меняется, а потом она совсем подавляется, и хотя все еще выживают сильнейшие, но сила-то их состоит в косвенных путях, которыми они пользуются, в обмане, в лукавстве, хитрости и тонкости; причем все эти свойства неизбежно связаны с притуплёнными нравственными качествами и сильно поддерживаются иногда случайным положением индивидуума. В собственном же смысле неверно, что выживает способнейший. Если бы в этом заключалась единственная функция мозга, то очевидно, что он положительно вредил бы обществу. Чисто животная конкуренция была бы гораздо лучше. Вероятно, созерцание безнадежности такого положения вещей придало восточной философии ее мрачную окраску, и неудивительно, если в наше время те, которые считают существующий порядок неизменным, утверждают, что мы живем

294 ЧАСТЬ in. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

в наихудшем из миров. Тех же людей, которые видят избыток хорошего в существующих вещах или верят в возможность их усовершенствования под влиянием закона эволюции без помощи общественного рассудка, надо признать безнадежно ослепленными великой оптимистической иллюзией всего живущего.

Между тем как конкуренцию даже в ее чисто животном виде, а тем более в том наступательном виде, который она принимает у людей, нельзя считать желательным состоянием общества, в то же время нельзя не признать огромную важность свободной индивидуальной деятельности при предоставлении полного простора всем естественным побуждениям. К таким побуждениям принадлежат дружеское соперничество и честное соревнование, которые и законны, и безвредны, и могущественны. Конкуренция же заглушает их; она стремится подавить индивидуальную свободу и затормозить колеса социального прогресса. Каким образом может быть обеспечен этот истинный индивидуализм и допущена полная свобода индивидуального действия? Здесь скрывается социальный парадокс. Ничто подобное не может быть достигнуто; это ясно из того, что было сказано до сих пор. Стремления общества решительно направлены в другую сторону. Конкуренция становится все более наступательной, жаркой и кратковременной, между тем как образование союзов становится все более и более всеобщим, могущественным, прочным. Таков результат самой полной политики *невмешательства*. Парадокс состоит в том, что *индивидуальная свобода может быть достигнута только с помощью социального урегулирования*. Над кооперативным действием умственного управления, уничтожающим конкуренцию, может одержать верх только еще высшая форма кооперации, которая устраним низшую форму и даст простор нормальным способностям человека. Свободная конкуренция, которая будет вместе и безвредна, и выгодна, может быть до некоторой степени обеспечена только таким, и никаким другим, путем.

Возьмем для пояснения следующий пример: предположим, что вдоль существующего уже канала строится желез-

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 295

ная дорога. Железнодорожная компания сейчас же приступит к переговорам о покупке канала, не потому чтобы он был ей нужен, но для того чтобы устранить конкуренцию. Переговоры эти, без сомнения, увенчаются успехом, и поле деятельности останется за железной дорогой. Конкуренция будет устранена, плата за провоз увеличена, и удобный водный путь останется без употребления. Но предположим, что общество как коллективное целое при какой бы то ни было организации, заметив опасность данного положения, вмешалось в дело, само выкупило канал и, несмотря на существование железной дороги, продолжало пользоваться им для интересов торговли. Это был бы один из тех случаев, когда разумный закон направлен на поддержание, а не на уничтожение конкуренции.

Новая и пересмотренная политическая экономия в значительной степени будет посвящена не тому, чтобы прославлять величие конкуренции, которого общество вовсе не чувствует, но тому, чтобы указать обществу, как оно должно поступать, чтобы обеспечить себе те выгоды, которые из конкуренции можно извлечь, и как лишить конкуренцию ее разорительных и агрессивных

свойств, если уж ее нельзя устранить совсем. Не надо также пренебрегать высшими атрибутами разума и знания. Они составляют истинные элементы цивилизации и прогресса. Но их тоже следует лишать их когтей. Чтобы препятствовать пагубным результатам, к которым приводит иногда ум, действующий в отдельной личности, надо сообщить большую долю того же элемента ума управляющей силе общества. Такое могущественное оружие, как разум, становится опасным, когда один индивидуум направляет его против другого. Еще опаснее оно в руках корпораций, которые, как принято говорить, не имеют души. Но всего губительнее оно в руках сложных корпораций, стремящихся управлять богатствами всего мира. Оно безопасно только тогда, когда его употребляет социальное «его», когда оно исходит из коллективного ума общества и направлено на обеспечение общих интересов социального организма.

Однако в этой главе я имел в виду не указывать средства против общественных зол, но показать, как это сказано вна-

296 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

чале, что экономическая система, имеющая дело с разумным человеком, должна опираться на психологическое, а не на биологическое основание. Удивительно, конечно, что надо еще привлекать общее внимание к этой истине ввиду всех представленных здесь фактов, которые сами навязывают себя наблюдению и которые всегда для всех имели значение. Но единственная существующая у нас система социальной экономии и единственная обнародованная социальная философия, за исключением той, которая была упомянута в начале этой главы, совершенно игнорируют эту истину и смотрят на человека только как на животное. Не только пишущие о социальной экономии, но и великие философы упорно держатся естественного закона и пренебрегают законом ума. У нас возникла система так называемой «политической экономии», в которой *политическая* сторона вопроса, т. е. отношение государства к обществу, по большей части оставлена без внимания; самая же система сводится к ряду догматических правил, подвергать которые сомнению или критике до недавнего времени считалось почти святотатством. Однако, отчасти благодаря развитию общей образованности, которая помогла яснее увидеть умственный элемент в промышленных и социальных явлениях, отчасти благодаря большей критической независимости новых исследователей экономики, стала наконец обнаруживаться та истина, что большая часть предполагавшихся экономических аксиом не только подлежат критике, но даже положительно неверны. Некоторые из этих аксиом настолько глубоко укоренились, что всякий противоречащий им факт справедливо можно назвать парадоксальным, подобно тем явлениям, которые, казалось, опровергали закон тяготения. Этим оправдывается заглавие, данное мной статье, которую я представил Американскому экономическому обществу в Филадельфии в 1888 г.¹ и в которой я разобрал значительное количество этих экономических принципов и показал, что они могут быть верны только тогда, когда представлены в обратном виде. Дальнейшее ис-

Some Social and Economic Paradoxes. The American Anthropologist, Vol. II, Washington, April, 1889, pp. 119-132.

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 297

следование этих принципов, в котором мне много помог Е. А. Росс¹, профессор политической экономии в Корнелль-ском университете и секретарь вышеупомянутого общества, показало, что разрушительная работа критики может быть еще продолжена и, вероятно, не остановится до тех пор, пока не упадет и не рассыплется на мелкие куски все здание, которому эти принципы служат основанием. Чтобы доказать это мнение, я приведу здесь список, в их первоначальной форме, самых важных положений, установленных промышленной историей мира, и по большей части прямо противоположных принятым до сих пор правилам политической экономии. Поэтому их можно продолжать называть экономическими парадоксами.

1. Средства к существованию увеличиваются, а не уменьшаются с увеличением народонаселения (мальтузианское положение наоборот).

2. Интересы индивидуума и общества редко бывают одни и те же.
3. Вследствие незнания отдаленных последствий своих действий люди не всегда делают то, что для них выгодно.
4. Дешевизна служит более сильной приманкой, чем доброкачественность, поэтому нельзя рассчитывать, что потребитель будет поощрять лучших из производителей.
5. Конкуренция повышает и цену товаров, и налоги.
6. Образование союзов часто понижает цены и налоги.
7. Свободная конкуренция возможна только под условием, чтобы общество ее регулировало.
8. Частной монополии может помешать только общественная монополия.
9. Надежда на прибыль не всегда является лучшим побуждением к промышленной деятельности.
10. При одинаковых издержках общественное учреждение привлекает к работе лучшие силы, чем частное предприятие.
11. Рыночные и общественные силы не тождественны.

¹ Я вовсе не имею в виду этим заявлением навязать г. Россу какое-либо из последующих положений.

298 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

12. Процветание общества столько же зависит от способа потребления, как и от количества производимых товаров.
13. Частные предприятия налагают на народ более тяжелую подать, чем правительство.
14. Социальные последствия обложения налогами более важны, чем его фискальные последствия.
15. Производитель не всегда может сдвинуть бремя налогов на потребителя — например, при монополии и при наступательной конкуренции.
16. Система протекционизма может понизить цену поддерживаемого продукта не только в той стране, в которой она применяется, но и в той, откуда товар ввозится.
17. Капитал, если он заключается в машинах, больше способствует производству богатства, чем труд.
18. Заработная плата получается с продукта, а не с капитала, и существование денежного фонда для платы — миф.
19. Увеличение платы сопровождается увеличением прибыли.
20. Цены падают по мере того, как заработная плата повышается.
21. Уменьшение числа рабочих часов увеличивает производство.
22. Сокращение рабочего времени повышает заработную плату.

23. Мужчина, работающий один, зарабатывает то же, что он может заработать с женой и детьми.

24. Понижение размера процентов может повести к увеличению сбережения.

Это перечисление далеко не исчерпывает всего списка таких положений; но для нашей теперешней цели достаточно и его. Представим себе, что современный политико-эконом, воспитанный в мальтузианской, рикардовской или манчестерской школе, которые до сих пор господствуют даже в американских университетах, с умом непредубежденным, смотрит на этот ряд фактов и убеждается в их действительной справедливости. Он, естественно, будет поставлен в тупик и не будет знать сначала, где ему искать объяснения. Если он будет продолжать свои розыски глубокомысленно и

ГЛАВА XXXIII. ЭКОНОМИЯ ПРИРОДЫ И ЭКОНОМИЯ УМА 299

безбоязненно, заботясь только об истине, он в конце концов должен прийти к тому единственному и полному объяснению, что вся смесь правил, до сих пор слышавшая политической экономией, может относиться к неразумным животным; но она совсем не приложима к разумному человеку.

Дарвин скромно сознается, что он вывел свое оригинальное понятие о естественном отборе из чтения Мальтуса «Опыта о народонаселении»¹. Но он, может быть, сам не заметил, что, применяя закон Мальтуса к животному миру, он ввел его в единственную область, для которой этот закон верен. А между тем в действительности дело обстоит так, и причину этого мы уже указывали, именно, что возникновение впервые в человеке способности к мышлению, познанию, предвидению, расчету, намерению, изобретению и созиданию, способности, недостающей низшим существам, отменило для человеческого общества биологический, или естественный, закон и установило на его место психологический закон, или закон ума.

Автобиография. Жизнь и переписка, т. I, стр. 25. Изд. О. Н. Поповой. СПб, 1896.

ГЛАВА XXXIV

МЕЛИОРИЗМ

Переход от простого побуждения к истинному чувству и от чувства к разуму представляет психические ступени, соответствующие ряду дел милосердия, которые начинаются с нерассуждающего подаяния, далее принимают вид все более расширяющихся систем благотворительности и приводят, наконец, к самым широким формам филантропии и к самым глубоким планам гуманизации общественной жизни. Отсюда до мелиоризма остается уже сделать только один шаг в том же направлении. *Мелиоризм* — та же гуманизация *минус* чувство. Это динамический, а не этический принцип. Он предполагает улучшение социальных условий путем холодного расчета, с помощью косвенных средств. Он не довольствуется смягчением существующих страданий, он стремится создать такие условия, при которых страдание было бы невозможно. — *Dynamic Sociology*, II, 468.

Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь употреблял слово «мелиорист», кроме меня самой. Но я начинаю думать, что ни одно хорошее изобретение или открытие не делается только одним лицом. Единственное основание для упоминания об «источнике» состояло бы в том, чтобы вы нашли полезным для доктрины мелиоризма указать на лицо, исповедующее это немодное учение, вместо того, чтобы следовать любой крайности, вошедшей в моду. — Джордж Элиот.

По своим взглядам на жизнь Джордж Элиот не была ни оптимистом, ни пессимистом. Она придерживалась чего-то среднего между этими двумя теориями и сама придумала для себя название «мелиориста». Ее ободряла надежда и уверенность, что масса постепенно развивается; по ее мнению, каждый человек находит наибольшее счастье в оказании помощи другому. — Д. В. Кросс. *George Eliot's Life*, III, 377.

Наш образ мыслей снабжает нас практической идеей, которая занимает среднее место между крайностями оптимизма и пессимизма и которую справедливо можно назвать мелиоризмом. Термином этим я обязан первой между нашими живущими теперь женщинами-писательницами и мыслителями, Джордж Элиот. Я понимаю под ним уверенность не только в том, что мы в состоянии уменьшать существующее зло, — в этом никто не сомневается, но и в том, что мы можем увеличить сумму положительного блага. Только последняя мысль и может в самом

ГЛАВА XXXIV. МЕЛИОРИЗМ 301

деле возбуждать и поддерживать человеческие усилия. — Джеймс Сюлли. *Pessimism. A History and a Criticism*, London, 1877, p. 399.

Пристли (если не Беккариа) был первым, научившим мои уста произносить ту священную истину, что нравственность и законодательство должны иметь в виду наибольшее счастье наибольшего числа людей. — Иеремиа Бентам. *Works*, Vol. X, p. 142.

Если можно ожидать, что различные действия произведут одинаковую степень благополучия, то сравнительное достоинство этих действий будет зависеть от сравнительного числа лиц, на которых это благополучие распространяется, так что то действие будет лучше, которое доставит счастье наибольшему числу людей. — Ф. Гутчинсон. *An Inquiry concerning Moral Good and Evil*, II, pp. 184-185.

Он не верил, чтобы Провидение послало в мир несколько человек, обутых в сапоги со шпорами, для того, чтобы ездить верхом, и целые миллионы людей, оседланных, взнузданных, для того чтобы на них ездили. — Маколей (о Ричарде Румбольде, когда его собираются казнить). *History of England*, *Works*, I, 441.

В первой и во второй частях я попытался представить главные психические факторы цивилизации. Хотя, если их рассматривать подробно, они кажутся довольно многочисленными, но при общем взгляде на них видно, что их можно все подвести под два класса: субъективных и объективных факторов. Психические способности, содействовавшие человеческому прогрессу, можно также свести к двум соответствующим обобщениям под названием *конативной и интуитивной* способностей. Употребляя слово *воля* в шопенгауэровском смысле, можно сказать, что воля и интеллект составляют прогрессивные умственные элементы человека. Субъективная, конативная, способность, или воля, служит движущим агентом, а объективная, интуитивная, способность, или интеллект, служит руководящим агентом. Воля — сила, интеллект — ее руководитель, и благодаря сотрудничеству этих двух главных факторов цивилизация и шла вперед.

В сравнении с биологическим прогрессом прогресс, достигнутый человеком, без сомнения, оказывается быстрым и

302 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

блестящим; и легко себе представить, что всякий, кто в состоянии сделать это сравнение, а тем более тот, кто потрудится изобразить шаг за шагом весь ход человеческого развития, не только должен быть доволен столь замечательным результатом, но даже может прийти в восторг от него. Большинство ученых, писавших об этом предмете, и держатся такого взгляда. Они видят, что природа оказалась способной исполнить все это, и считают нелепым рассуждения о том, как бы это могло совершиться иначе. Для них это только ступень в великом плане эволюции. Это должно было совершиться и совершилось, подобно сгущению туманных пятен в миры и подобно развитию дубов из водорослей и млекопитающих из червей. Хотя никто из этих ученых не объясняет, как я попытался это сделать, каким образом интеллект произошел именно под влиянием этого закона эволюции, но они тем не менее предполагают, что он произошел именно под влиянием этого закона; и хотя ни один из них не указывает — как я это сделал в этом сочинении — на то, каким образом интеллект человека сделал возможной его цивилизацию, но они также предполагают, что это совершилось согласно нормальным законам эволюции.

Человеческие дела и законы общества считаются естественными в том же смысле, в каком являются естественными движение Солнечной системы и инстинкты животных.

Недовольство, обнаруживаемое некоторыми по поводу произведенного природой положения вещей, приписывается главным образом незнанию этих важных истин и считается результатом узких взглядов на мир, привычки к ненаучному образу мыслей и к глупому преувеличению способности человека влиять на такие великие движения. Никто не отрицает, что иногда производятся попытки оказать влияние на ход вещей; но утверждают, что все они были неудачны, что они только портили дело. Если же мы рассмотрим случаи, которые приводятся в подтверждение этого мнения, то увидим, что они ограничиваются только одним родом попыток, именно попытками преобразовать правительство. Попытки другого рода остаются незамеченными. Если бы мы спроси-

ГЛАВА XXXIV. МЕЛИОРИЗМ 303

ли философа из школы *«laissez /aire»*¹, считает ли он правительство вообще, в его прошлом и настоящем, неудачным учреждением, то он, вероятно, ответил бы отрицательно; по крайней мере он не согласился бы с тем, что, в частности, то правительство, которому он подчиняется, хуже, чем отсутствие всякого правительства, хотя бы он и считал его крайне дурным и хотя бы менее известные правительства других стран и казались ему хуже чистой анархии. Он сослался бы, вероятно, на то, что правительство составляет часть цивилизации, что оно развилось подобно другим учреждениям, что оно представляет продукт ума и связано с общим человеческим прогрессом.

Здесь полезно задать себе несколько вопросов. Правительство нашего предполагаемого философа не лучшее ли из всех? Он, положим, согласится с этим. Не лучше ли оно теперь, чем было прежде? На это он, вероятно, не задумается дать утвердительный ответ. В таком случае не невозможно преобразовать правительство. Правительства, существующие во всем мире, не настолько хороши, чтобы их нельзя было сделать еще лучшими. По крайней мере другие правительства можно довести до состояния правительства нашего философа, а так как последнее считается еще очень дурным, то есть надежда на возможность и его усовершенствования, по крайней мере если будут следовать наставлениям философа. Но отличается ли в этом отношении улучшение существующего уже правительства от учреждения правительства там, где его еще не было? На какой ступени прогресса правительств становится нелепым пытаться преобразовать их? Если ступень эта достигнута именно в то время, когда живет и пишет наш философ, то почему же не могла она совпасть с каким-нибудь другим моментом? Вероятно, будут настаивать на том, что всякая действительная реформа правительства состоит в ограничении его действий. Но логический вывод отсюда был бы — возвращение к анархии, чего, вероятно, никто не считает желательным. Следовательно, долж-

¹ Принцип неконтролируемой экономики.

[. — *Примеч. ред.*

304 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

на быть возможна некоторая реформа правительства, не доходящая до полной его отмены. В чем бы она состояла, мы теперь не будем рассматривать; нам нужно было только доказать ее возможность.

Никто не станет отрицать, что правительство произошло путем эволюции, что оно является продуктом нормально действующего человеческого разума и знания; но это только одно из многих человеческих учреждений, развившихся таким же путем. Попытки преобразовать или несколько изменить его относятся к тому же разряду, как и попытки учредить его, и так же нормальны. Разум и знания оказывали на правительство такое же воздействие, как и на многое другое. Зачем же обособлять правительство как единственный из продуктов развития, который

может служить примером неудачи всех попыток противодействовать закону эволюции? Цивилизация заключается не в одном только правительстве. Учреждение это, без сомнения, сыграло важную роль, но до сих пор эта роль главным образом состояла в том, что правительство давало возможность действовать более непосредственным цивилизирующим влиянием. Функция его состояла преимущественно в защите, в доставлении безопасности другим нормальным процессам. Функцию эту оно и выполнило довольно действенным образом, с различным и неполным успехом, но все-таки выполнило. Не многие, вероятно, станут утверждать, что оно потерпело полную неудачу, и почти все признают, что без правительства вряд ли был бы возможен социальный прогресс. Подумайте только, как ревниво охраняются законом действительные права, как спокойно могут развиваться торговля и промышленность, как гарантирована личная свобода, как наказываются преступления против личности и собственности, и представьте себе затем, каково было бы положение вещей при полном отсутствии правительственного надзора. Для пополнения последней картины следовало бы представить себе то подобие царства террора, которое хорошо знакомо людям, попробовавшим когда-нибудь пожить на границах

ГЛАВА XXXIV. МЕЛИОРИЗМ 305

цивилизованного мира, в местностях, недостижимых для закона¹.

Если установление и улучшение правительства и всех остальных человеческих учреждений, так же как и действие разных цивилизующих влияний человечества, являются нормальными продуктами эволюции и произошли под действием естественных законов, действием, возможным только благодаря существованию в человеке интеллектуальной способности, как все, вероятно, согласятся, то что же после этого назвать искусственным? Или же если некоторые из этих явлений можно назвать искусственными, то почему же не все? Нам говорят: не надо вмешиваться; пусть природа идет своим путем. Но придерживался ли этого правила когда-нибудь рассудительный человек? Разве не является сама цивилизация и все, что ею достигнуто, результатом того, что человек всегда во все вмешивался и никогда не давал природе идти своим путем? Если нет, то даже глупые попытки современных социальных реформаторов произвести невозможные перемены в якобы недоступном для улучшений теперешнем положении правительства и общества являются нормальным следствием естественных законов и те, которые нападают на них, позволяют себе *brutafulmina*².

Критики реформаторов также, конечно, представляют собой продукты естественного закона, но правило *laissezfaire*

¹ Герберт Спенсер, которого, конечно, нельзя заподозрить в чрезмерной симпатии к институту правления, удостоверяет изложенную здесь истину следующими словами: «Как ни полны недостатков законы, однако же жизнь и собственность людей находятся теперь в гораздо большей безопасности, чем прежде, что заставляет предполагать развитие тех чувств, которые выражаются в справедливых законах. Если мы взглянем теперь на рост правительственных форм, которые с каждым новым периодом уменьшали безграничную власть правящих классов и все большее участие предоставляли в ней низшим классам, то мы увидим, что такие установления более альтруистичны, как в том смысле, что они лучше признают права всех, так и в том смысле, что они защищаются и проводятся на беспристрастных основаниях и опираются на чувство справедливости в человеке, т. е. на самое отвлеченное и позднее всего развившееся альтруистическое чувство». — *Principles of Ethics*, Vol. I, 249.

² «Шальные молнии» (*лат.*), перен. «неразумные нападки».

306 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

можно с таким же основанием применить в пользу объектов их нападков, как и в пользу тех, к кому они хотят его применять.

Истина же просто заключается в том, что все, что совершается в силу интеллектуальной способности, само по себе и по необходимости представляет чисто искусственный продукт в единственном смысле этого слова. Вся разница между цивилизацией и другими формами естественного прогресса состоит в том, что цивилизация — продукт искусства. Искусство же, как показано в XXVII—XXIX главах, есть естественный продукт изобретательной способности, представляющей только одну из форм интуитивного восприятия, или интуитивного разума, и принадлежащей к главному стволу интеллекта. Это главный и первоначальный фактор всего чисто человеческого, всего истинно прогрессивного, единственная причина всего социального прогресса и самой цивилизации. Искусственное стоит несравненно выше естественного, и цивилизованный человек удовлетворяется только теми предметами, которые выполнены и закончены трудом и искусством ремесленника или художника. Люди постоянно стремятся к тому, чтобы сделать все как можно более искусственным, т. е. как можно более совершенным. Человеческие учреждения также не свободны от влияния этого всепроникающего духа усовершенствования. Они также искусственны, задумываются в изобретательном мозгу и выполняются умственным искусством, которое порождается изобретательным гением. К их усовершенствованию человека побуждает та же страсть, которая заставляет его улучшать плуг или паровую машину. Правительство — один из таких искусственных продуктов человеческого изобретения, и человек имеет такое же право улучшать его, как и создавать. Нет сомнения, что оно уже значительно улучшено; и все заставляет ожидать еще большего усовершенствования его в будущем.

Слова «цивилизация» и «прогресс» имеют не совсем одинаковое значение. Высокое состояние цивилизации может сопровождаться иногда незначительной степенью или даже отсутствием истинного прогресса. Такое расплывчатое выра-

ГЛАВА XXXIV. МЕЛИОРИЗМ 307

жение, как «прогресс», требует строгого определения. Так как конечную цель человеческих усилий составляет счастье, то истинный прогресс непременно должен быть к нему направлен. Поэтому прогресс состоит в увеличении человеческого счастья, или, с отрицательной стороны, в уменьшении человеческих страданий. Цивилизация же по существу своему не заключается в стремлении к этой цели. Если она и приводит к ней, то только случайным образом. Нет сомнения, что в общем она способствует ее достижению, хотя и не во всех отдельных случаях. Цивилизация производится работой изобретательного мозга многих людей, из которых каждый старается заставить силы природы сделать что-нибудь для него. Но число людей, действительно содействующих цивилизации, очень невелико сравнительно со всей массой населения, и хотя то, что нужно одному человеку, обыкновенно нужно и другим, однако такой индивидуализм неизбежно приводит к очень неравномерному распределению продукта. Есть люди, которые, признавая это неравенство, утверждают, что равномерное распределение было бы несправедливо, так как не вознаграждало бы за ум и трудолюбие. Мы бы охотно согласились с этим, но, как показано в XXVIII главе, редко случается, чтобы открытие плодотворного принципа обеспечивало тому, кто его сделал, справедливую долю в выгоде, доставленной этим открытием. Это зависит не от гения, но от незначительной степени хитрости или деловой тонкости. Почти всякое другое распределение было бы справедливее существующего теперь. Кроме того, было бы несправедливо, если бы весь доход доставался изобретателю. У него получилась бы тогда слишком огромная сумма, так что он не знал бы, на что ему употребить и тысячную ее долю. С какой стороны ни смотреть на этот вопрос, он представляется задачей. Задача эта в полном виде состоит в отождествлении цивилизации с прогрессом и в обеспечении обществу выгод, доставляемых продуктами искусства, знания и труда. Ясно, что для разрешения ее материальную цивилизацию нельзя всецело предоставлять произволу личности. Это сопровождалось бы не только неравномерным и несправедливым распределением продуктов мысли и промышленности, но еще и

308 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

огромной потерей. Индивидуум никогда не сделает целью своей деятельности социальный прогресс. Он всегда будет следовать узкой разорительной политике, преждевременно истощая почву, не заботясь ни о благе других живущих, ни о потомстве, но увлекая все, что он только

может добыть, в водоворот своей алчности и нисколько не сообразуясь при этом со своими действительными нуждами. Изменить этот порядок вещей может только общество, если оно само станет на место индивидуума и будет добиваться своих выгод так, как индивидуум добивается своих, и заботиться о благосостоянии и благополучии своих членов подобно тому, как индивидуум заботится о здоровье и крепости органов своего тела.

Главный недостаток социальной системы в ее теперешнем и прежнем виде заключается в социальном трении, описанном в XVII главе. Следовательно, задача сводится к уменьшению социального трения. Социальное трение есть главным образом следствие биологического закона естественного отбора и борьбы за существование, который на языке политической экономии называется законом конкуренции. Этому закону человек подчиняется под могущественным влиянием интуитивного разума в его различных формах, описанных в XXIII и XXIV главах. Социологи, опирающиеся на биологию, замечают тождество конкуренции с тем, что происходит в животном мире, и предполагают, что это здоровый порядок вещей и наилучший, какой только возможен. Они думают, что он ведет к социальному прогрессу. Они, должно быть, забывают, что, как это было показано в предыдущей главе, с возникновением в человеке интеллектуальной способности, начался совершенно новый порядок, что прежний медленный биологический метод органического, или строительного, развития был заменен новым и быстрым антропическим методом преобразования среды и приспособления ее к человеку, так что переживание принципа животной жадности становится анахронизмом, теряет свое прежнее значение для развития и служит препятствием на пути человеческого прогресса. Даже индивидуальные усилия не раз уже были направлены к разрушению этого принципа. Общественное состояние взаимной зависимости и коопера-

ГЛАВА xxxiv. МЕЛИОРИЗМ 309

ции нанесло ему тяжелый удар. Разделение труда на проектирование и выполнение, благодаря которому все работают друг на друга, еще более поколебало его. Развитие ума, вследствие распространения образования и знаний, привело к тому, что он сделался предметом общего осуждения. Торговля, путешествия, сношения народа с народом и племени с племенем освободили мысль от предрассудков и сделали животный принцип еще более непопулярным. Развитие сочувствия в людях вместе с развитием рассудка оказало могущественное противодействие его успехам, а влияние благотворительных усилий, смягчающее худые его последствия, всем хорошо известно. Однако же он все еще держится, и, вероятно, все эти влияния не в состоянии искоренить его совершенно. Вполне его может уничтожить только сознательное усилие общества, если оно мудро будет направлено на устранение всего того, что побуждает людей к потворству своей эгоистической алчности. Для достижения этой цели предлагались уже разные планы, о разумности или успешности которых распространяться здесь было бы излишне. Нам важно только опровергнуть мнение, будто бы общество никогда не может освободиться от худшего врага его спокойствия и прогресса.

Мне скажут, что для этого надо предположить изменение человеческой природы. На это я отвечу, что интуитивный разум вовсе не заставляет человека стремиться причинять вред другим. Он не прибегает к этому средству, если его эгоистические цели могут быть достигнуты другим путем. Единственная существенная разница между интуитивным разумом и изобретательной интуицией состоит в том, что последняя направлена на бесчувственные предметы и поэтому теряет свою нравственную, или, вернее, безнравственную, сторону. Один и тот же принцип действует в человеке, когда он направляет какую-нибудь физическую силу на тот путь, который для него выгоден, или когда заманивает животное в ловушку, или обирает человеческую жертву. Во всех этих случаях действующее лицо заботится только об одной цели — о своей выгоде; оно не обращает внимания на средства и на их последствия для других. Изобретатель обманывает так

310 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

же, как какой-нибудь мошенник, только те, кого он обманывает, не чувствуют причиняемого вреда. Из всего сказанного следует, что, когда все побуждения к удовлетворению себя за счет

других будут устранены, принцип жадности лишится своего жала. Безнравственная сторона его исчезнет. Он может тогда проявляться еще могущественнее, чем прежде, не причиняя никому вреда, мало того, может даже способствовать добру. Итак, не существует никакой самостоятельной невозможности устранить главную причину социального трения, и вопрос сводится к практической возможности этого. Осветите этот великий и жгучий вопрос, ожидающий разрешения, светом разума и знания и особенно изобретательного гения, и даже нельзя будет предсказать всего результата. Задачи эти не имеют никакого отношения к этике. Это не вопросы нравственности, хотя от разрешения их больше, чем от чего-либо другого, зависит нравственный прогресс мира. Это чисто социальные задачи, и их можно рассматривать надлежащим образом только с сухой научной точки зрения. Настоящее название этой науки — *мелиоризм*, или наука об исправлении или улучшении человеческого, или социального, состояния.

СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

В интеллектуальном отношении дифференциация общества всегда шла быстрее его интеграции. Подобно тому как в Солнечной системе отдаленные члены ее — планеты — значительно опередили центральную массу, Солнце, на пути к ослаблению присущего им движения и к интеграции составляющей их материи, так и в обществе, между тем как отдельные лица в разное время и в различной степени достигли уже полного самосознания и сознания окружающего мира, вся социальная масса, верховный психический центр социального организма, все еще состоит из хаоса недифференцированных элементов в беспорядочном, однородном состоянии. Так велик этот недостаток интеграции в общественном сознании, что общество в целом все еще делится на множество более или менее чуждых друг другу и независимых социальных групп, более или менее слабо соединенных между собой узами различной крепости: начиная от уз языка и национального сходства в государствах, находящихся во взаимной политической зависимости, и кончая более или менее неправильными торговыми связями между отдаленными народами, говорящими на разных языках. — *Dynamic Sociology*, II, 397.

Общество, обладавшее на первое время вполне интегрированным сознанием, могло наконец начертать себе план независимой деятельности с целью систематического осуществления своих собственных интересов, подобно рассудительному и проницательному индивидууму, преследующему свои жизненные цели. — *Dynamic Sociology*, II, 249.

Бывает такое время в ходе социального развития, когда общества людей начинают сознавать свое совокупное существование и когда улучшение условий этого существования становится предметом сознательного и обдуманного усилия. Вопрос о том, на какой именно стадии человеческой истории выступает на сцену эта новая социальная сила, нас здесь не касается. Важно только указать, что это действительно *новая социальная сила*, по свойствам своим не имеющая ничего общего ни с другими силами, определявшими до нее судьбу людей, ни с теми влияниями, которые руководили развитием как индивидуальных животных, так и целых видов. Мы не можем, как бы ни заботились об этом, прибавить локоть к нашему росту. Вид, подвергаясь процессу развития, совершенно не сознает влияний, определяющих для него ход

312 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

этого процесса. Обратное можно сказать про человеческую эволюцию. Цивилизованное человечество сознает все перемены, происходящие в его социальных условиях, и сознательно и обдуманно принимает меры к улучшению последних. — Д. Е. Кэрнес. *Fortnightly Review*, Vol. XXIII, January, 1875, p. 71.

Ограничиваясь одним упоминанием остальных, я сосредоточу внимание только на одной из них, именно на современной социальной доктрине *человеческого прогресса*. Заметьте при этом, что я подразумеваю тут не простую естественную эволюцию или бессознательный прогресс, совершающийся по неизбежным законам, но *сознательный произвольный прогресс*,

совершающийся по свободному закону, сознательное усилие как со стороны индивидуума, так и со стороны расы достигнуть более высокой цели. — Жозеф Ле Конт. *Relation of Biology to Sociology*, p. 7.

Если сходство между физиологическим и политическим организмом служит указанием не только на то, что последний собой представляет или как он сделался тем, что он есть, но также и на то, чем он должен быть и чем он стремится сделаться, то я не могу не признать, что действительный смысл аналогии совершенно противоречит отрицательному взгляду на функции государства. Предположим себе, что согласно с этим взглядом каждый мускул вдруг станет утверждать, что нервная система не имеет права вмешиваться в его сокращения, за исключением тех случаев, когда надо не позволить ему мешать сокращениям других мускулов, а каждая железа заявит, что она имеет право производить свои выделения до тех пор, пока они не мешают другим железам; предположим, что каждой отдельной клеточке предоставлена свобода преследовать свои собственные «интересы» и что применяется теория «*laissez/aire*»; Боже, что будет тогда с физиологическим телом?

Дело в том, что верховная власть тела думает и действует за физиологический организм и с железной властью управляет его индивидуальными составными частями. Даже кровяные тельца не могут собраться на митинг без того, чтобы их не обвинили в «приливе крови», и мозг, подобно другим деспотам, о которых мы слышали, сейчас употребит против них острую сталь... Поэтому если аналогия между политическим и физическим телом имеет какое-нибудь значение, то мне кажется, что она говорит в пользу гораздо большего вмешательства, чем то, какое существует теперь или какое я по крайней мере сколько-нибудь желал бы видеть. — Проф. Гексли. *Administrative Nihilism*.

ГЛАВА XXXV. СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

313

Термин «сознание» употреблялся в трех различных значениях: во-первых, в применении ко всякому чувствованию; во-вторых, в применении только к тем чувствованиям, которые сообщаются мозгу и становятся известны интегрированному организму; и в-третьих, в применении только к тем из них, которые санкционируются и управляются интеллектом. Последний смысл, в котором его употребляли Шопенгауэр и Гартманн, довольно трудно определить; он поясняется примером воли, как эту функцию понимали названные философы, которые всегда считали ее бессознательной. В этом смысле Гартманнова «философия бессознательного» — почти то же, что философия воли. По более точному определению сознания, принятому физиологами и большинством философов, оно составляет существенную часть чувствования или самую чувствительность, так как чувство без сознания было бы противоречием в терминах. Но так как животное движение предполагает чувство, то необходимо допустить сознание и в низших ганглиозных центрах, хотя нашему «я» о нем ничего не известно, — мы ведь приписываем чувство и сознание животным, которые не могут выразить нам своего умственного состояния. Подобно этому мы должны признать существование сознания на всех тех стадиях жизни, на которых только можно допустить чувство. Совместимо ли сознание со всей жизнью вообще — вопрос сомнительный, так как растениям чувство обыкновенно не приписывается. Однако же возможно, что сознание связано с сокращаемостью протоплазмы в растительных клеточках и что оно свойственно всей протоплазме. С другой стороны, ввиду того, что назначение чувства состоит в защите тех организмов, которые иначе не были бы защищены, можно предполагать, что оно возникло вместе с появлением таких организмов. Шопенгауэр придает воле большее распространение и включает в нее химическое сродство и все физические силы. Но так как он отрицает сознание даже в человеческой воле, то ему не надо искать точки, на которой оно окончательно исчезает.

Главным возражением против доктрины, изображающей общество как организм, служит то, что общество не обладает

органом сознания. Однако так как вся эта теория представляет только аналогию, то найти аналогию для мозга было бы, может быть, не более трудно, чем найти все другие аналогии, которые так тщательно отыскивались. Если мы обратим внимание на состав общества, то увидим, что кроме обособленных единиц, называемых индивидуумами, в нем находится очень много других единиц несколько высшего порядка, из которых каждая представляет группу индивидуумов. Группы эти бывают разного рода, образуются с весьма неодинаковыми целями и бесконечно разнообразны по своей величине, своему устройству и составу. Их можно разделить на два общих класса, имеющих между собой основное различие. К одному из них относятся носящие разные названия организации, общества, корпорации, компании, ассоциации, секты, церкви и т. д., и т. д. У всех этих групп есть одна общая черта, как бы их остальные черты ни были различны: ни одна из них не включает в себе всех индивидуумов, живущих на данном территориальном пространстве. Многие из них не ограничиваются одной какой-нибудь территорией или страной. У них могут быть члены в разных частях той страны, в которой они обыкновенно попадают, и, кроме того, члены в других странах; итак, они «интернациональны». Если же они «локальны», например если вне известного города у них нет членов, то даже самые обширные из них все-таки не включают в себе всех жителей этого города. Многие из членов одного такого общества или ассоциации могут в то же время быть членами одного или нескольких других обществ, и принадлежность к одному обществу может даже быть в несогласии с верностью другому. Различным группам этого вида можно всем вместе дать название *частных*, или *неполных*, социальных агрегатов.

Другой общий класс этих социальных агрегатов, или единиц, можно для различия назвать *всеобщим*, *ИЛИ* *полным*. Отличается он от первого тем, что всегда включает в себе все население какого-нибудь определенного территориального пространства. Кроме того, две такие организации, принадлежащие к одному разряду, не могут обе одновременно зани-

ГЛАВА XXXV. СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ 315

мать какую-нибудь часть этого пространства и ни один индивидуум не может одновременно быть членом двух таких ассоциаций. Но несколько подчиненных организаций этого класса могут заключаться в одной высшей, территория которой в таком случае совпадает с территориями всех подчиненных групп, а все члены последних являются также членами высшей организации. Членами одной какой-нибудь, и не более чем одной, всеобщей, или полной, организации должны быть и все члены всякой частной или неполной организации, а также все те индивидуумы, которые не принадлежат ни к какой частной организации.

Во всех организациях, как частных, так и всеобщих, существуют известные правила, которым члены подчиняются. В организациях первого вида правила эти касаются очень разнообразных более или менее ограниченных и определенных предметов. Все же организации второго вида имеют в виду одну и ту же цель или одну и ту же группу целей, так что, между тем как частные ассоциации крайне разнородны по своим целям, всеобщие организации во всем мире однородны в этом отношении. Единственная цель или группа целей, в которой заключается вся функция всякой всеобщей организации, состоит *в общем благе ее членов*. Частные ассоциации часто также организуются ради общего блага их членов, но это всегда какое-нибудь особенное, специальное благо, касающееся ограниченных предметов; иногда же они имеют в виду цели, совершенно чуждые интересам членов; таковы, например, благотворительные ассоциации, которые заботятся о благе других людей, не принадлежащих к числу членов.

Другая особенность всеобщих организаций состоит в том, что правила, которым подчиняются их члены, не только гораздо строже и суровее, но, кроме того, им можно силой заставить повиноваться. В частных же организациях это возможно только до известной степени. Церковь в прежнее время налагала наказания, а католическая церковь делает это и до сих пор; но теперь наказания эти слабы и для посторонних смешны. Между тем полная организация на каком-ни-

будь территориальном пространстве имеет неограниченную власть над своими членами, может даже лишать их жизни, если преступления их по правилам организации служат достаточным основанием для этого.

Читатель, конечно, заметил, что под названием всеобщих, или полных, организаций я описал правительства в том виде, в каком они теперь существуют. Я не раз думал, что наши попытки обсуждать социальные вопросы привели бы к большим результатам, если бы мы употребляли слово «правительство» только в смысле свода правил. Ни к чему справляться, каким образом возникло правительство и по какому праву оно действует. Если мы не намерены играть роль завязанных анархистов и вести крестовый поход против правительства, то нам лучше примириться с тем, что есть на самом деле, и постараться извлечь из него наибольшую пользу. Не подлежит сомнению, что почти повсеместно общество подчиняется какой-нибудь организации, которая заключает в себе всех его членов и имеет над ними полную власть, что, с виду по крайней мере, способствует их же собственному благу.

Некоторые возразят, может быть, что действительными членами правительственного учреждения бывают только чиновники. Такого взгляда держится школа *мизархистов*, которые обыкновенно объявляют правительство шайкой политиков, случайно занимающих должности в данное время. Они, вероятно, не согласились бы с тем, что они сами члены правительства той страны, в которой они живут. Но они ведь принадлежат к членам общества, составляющего нацию, которая подчиняется этому правительству. Кроме того, в странах с представительным правлением тех, которые подают голоса или имеют на это право, надо, конечно, считать частью правительства, создаваемого их голосованием. Далее, было бы странным провести разграничивающую линию таким образом, чтобы считать правительством чиновников и избирателей и исключать из него остальных членов общества. Многие не принадлежащие к избирателям служат поддержкой правительству. Почему же они не могут быть вклю-

ГЛАВА XXXV. СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

317

чены в него? Но если правительство состоит из чиновников, избирателей и плательщиков налога, то оно уже заключает в себе значительную часть народа. Мало того, часто очень трудно определить, кого можно назвать плательщиком налогов. При этом далеко нельзя иметь в виду только те лица, под чьим именем оценивается имущество. Если попытаться найти действительных плательщиков, то придется причислить к ним не только всех владельцев какой-нибудь собственности, но равно и всех потребителей. Разве не получается половина государственных доходов из пошлин с ввозимых товаров, которые потребляются и людьми, не имеющими собственности, так что и они должны, следовательно, платить налоги? То же самое можно сказать о так называемых внутренних доходах. Кроме того, каждый член общества различными другими способами поддерживает правительство, которому он подчиняется. А принимать участие в управлении индивидуум может не только посредством голосования и исполнения должностей, но и другим образом. Ведь можно сказать, что всякий, кто имеет влияние на политические дела, принимает участие в управлении, а хорошо известно, что многие женщины, которые сами не могут подавать голоса, определяют голоса других. Этот факт приводился даже как довод против распространения права голоса на женщин на том основании, что теперь их влияние сильнее, чем оно было бы тогда. Я упоминаю об этом не для того, чтобы пустить в ход это мнение, но чтобы показать, как ясно всеми сознается влияние, оказываемое на дела управления теми, которые не подают голоса и не занимают должностей.

Поэтому мне кажется, что нельзя провести границу, которая исключала бы кого-нибудь из участия в правительственной организации, надо считать, что правительство состоит из всех индивидуумов, находящихся под его ведением. Если же кому-нибудь не нравится такое употребление слова «правительство», то мы с полным основанием можем заменить его словом *нация*, или

государство. Важно не название, важен факт, что существуют такие организации, как описанные здесь, заключающие в себе целое население.

318 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Все это должно служить введением к следующему вопросу: почему бы не считать такую всеобщую, или полную, организацию страны подобием органа сознания в животном и не дополнить таким образом аналогию между животным и общественным организмом? Под сознанием я понимаю здесь и чувствующую, и познавательную способности как атрибуты нервной системы с включением в нее мозга. Таким образом, аналогия получится полная, если считать, что мозгу развитых животных в обществе соответствует полная независимая национальная автономия, как, например, федеральное правительство в Соединенных Штатах, а иерархии второстепенных ганглиозных центров соответствуют подчиненные правительства штата, округа, общины и т. д., из которых у каждого — как у ганглиозного центра в животном организме — есть свои функции, не настолько важные, чтобы сообщать о них верховной центральной власти. С этой точки зрения существующие в мире независимые политические автономии, или *нации*, составляют каждая социальное *ego*, между тем как подчиненные им правительства представляют разные ганг-лиозные центры общества, регулирующие его менее важную деятельность.

Как ни симметрична эта схема, ее не стоило бы предлагать, если бы она не помогала нам уяснить себе действительный характер общества. Может ли она сделать это? Сознание, пожалуй, лучше всего можно определить как *знание чувствования*. Если мы сравним индивидуумы, составляющие общественный организм, с *частями* животного организма (ограничиваясь теми из последних, которые снабжены чувствительными нервами), то увидим, что те и другие состоят из множества чувствительных точек, или *мест* чувствований. В животном донесения из этих различных мест чувствований, как внешних, так и внутренних, определяют и регулируют его деятельность, обеспечивают его питание и предохраняют его от опасности. Это относится только к индивидуумам и не распространяется на вид или на какую-нибудь другую высшую группу. Поэтому вполне интегрированную и независимую политическую автономию можно сравнить только с индивидуальным организмом. Чувствования инди-

ГЛАВА XXXV. СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

319

видуальных людей познаются национальным сознанием совершенно таким образом, как чувствования частей животного организма познаются сознанием животного. Главное же сходство заключается в цели, для которой это происходит. В животном сознание всегда действует ради его блага; а мы видели, что правительство тоже существует исключительно для блага индивидуумов. Одних индивидуумов с действиями других знакомят еще и другие средства, как-то: газеты, народная молва и т. д., но это бесцельные источники сведений. Донесения доставляются в центр политического сознания только с той целью, чтобы было предпринято какое-нибудь действие для блага индивидуумов, испытывающих те чувствования, о которых было донесено. Здесь мы видим близкую аналогию с чувствительной и следующей за ней двигательной деятельностью нервной системы при подобных обстоятельствах. В животном все чувствования конативного вида приводят к желаниям, ищущим удовлетворения, а двигательные разряды стремятся сократить те мускулы,

И действие которых предназначено к удовлетворению этих желаний. В обществе чувствования относятся к тому же виду, и отвечающее на них действие правительства имеет всегда такое же направление: оно стремится удовлетворить какую-нибудь потребность, заставить признать то или другое право, исправить известное зло. Поэтому правительство как в своей законодательной, так и в исполнительной, и в судебной функциях, насколько оно вообще действует, является слугой воли всех своих членов, подобно тому как мозг есть слуга воли животного. В следующих двух главах я проведу аналогию несколько дальше, но следует заметить, что она приложима только с психологической стороны. Мы видели, что биологическая теория общества совершенно ошибочна

вследствие того, что она не признает психологии, стоящей между биологией и социологией; теория общества как организма также верна, даже аналогически, только до тех пор, пока сравнение ограничивается психической стороной.

ГЛАВА XXXVI

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЛЯ

Каковы бы ни были цели правительства, ясно, что оно не может иметь другого происхождения, кроме *воли* (не «согласия», которое имеет только отрицательный позволяющий характер, но положительной, объявленной воли) общества. — *Dynamic Sociology*, II, 230.

Ей одной (исполнительной отрасли правительства) известны действительные потребности государства. Она постоянно подвержена давлению с разных сторон, происходящему вследствие нормального действия торговли, мануфактур и промышленности вообще. Эти биения непременно сейчас же ощущаются ею, и она всегда стремится их удовлетворить, насколько это позволяет данная ей законом власть. — *Dynamic Sociology*, II, 575.

Индивидуальная воля в единственном настоящем и понятном смысле слова — есть конативная способность, способность, благодаря которой существо стремится удовлетворить свои желания. Это средство, благодаря которому оно живет, которое ведет к удовлетворению его потребностей и к безопасности его жизни. Все чувствования, как внутренние, так и внешние, доходящие до сознания, реагируют как двигательные разряды, определяющие соответствующие действия. В обществе потребности индивидуумов стремятся проникнуть в средоточие социального сознания, т. е. в государственную организацию, и производят подобные же реакции, ведущие к их удовлетворению. В организмах с высоким развитием аналогия эта очень ясна, и в них достигнута почти такая же степень соответствия, какой отличается индивидуальная воля. Но даже в низших, более грубых формах существует некоторая степень соответствия. Каждое правительство, даже самое деспотическое, служит до некоторой степени представителем того состояния общества, при котором оно действует, и каждое гораздо ближе подходит к наилучшей форме, какая только возможна при данных обстоятельствах, чем это большей частью думают. Все те, кто управляется более либеральным правительством, склонны судить о

ГЛАВА XXXVI. СОЦИАЛЬНАЯ ВОЛЯ 321

других обществах по своему собственному. Они забывают, что если их правительство гораздо более либерально, то именно потому, что их общество гораздо более развито и что характер правительства определяется обществом. Правительство всегда должно быть приспособлено к худшему классу, и даже незначительный *класс* неразвитых граждан понижает его уровень независимо от значения этого класса. Это и заставляет развитый класс казаться опасным и беспокойным и побуждает некоторых смотреть на развитие скорее как на проклятие, чем как на благословение. Желательнее всего для общества надо считать однообразную степень развития, или интеллектуальную и нравственную однородность.

Относительно проявлений социальной воли надо заметить тот важный факт, что во всех существующих правительствах они часто бывают тщетны или неудачны. Правительство беспрестанно старается удовлетворить требования индивидуумов; но часто его усилия оказываются неудачными. В общем они все-таки успешны, иначе самое общество оказалось бы несостоятельным; но успехи эти не обращают на себя нашего внимания, между тем как неудачами его многие пользуются как доказательством бесполезности всякой правительственной деятельности. Утверждаются законы, не достигающие цели; некоторые из них приводят к результатам, противоположным тем, которые имелись в виду. Многие отменяются, потому что оказываются вредными, и т. д., и т. д. Здесь не место возражать на все поверхностные доводы, основанные на таких фактах; наше дело — исследовать причины неудач правительственных действий. Прежде всего эти неудачи ничуть не более тех, которыми сопровождаются иногда действия индивидуальной воли. Когда рассудок не руководит волей, она постоянно возбуждает к

таким поступкам, которые или не достигают желанных целей, или производят результаты, обратные тем, какие имелись в виду, или оказываются вредными для тех, кто их совершает.

Очевидно, что в том и другом случае неудачи главным образом происходят вследствие того, что обыкновенно называется невежеством. Но это особенный вид невежества,

11 Зак. № 472

322 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

именно — недостаток знакомства с важными принципами. Неудачи индивидуумов происходят часто вследствие незнания физических законов, но всего чаще вследствие незнания человеческой природы, т. е. мотивов человеческих действий. Социальные или правительственные неудачи бывают почти исключительно следствием незнания социальных законов, т. е. принципов коллективной человеческой деятельности. Другими словами, те, которые утверждают неудачные или вредные законы, незнакомы с природой социальных сил. По общему правилу, они действуют под влиянием слепого рвения к достижению какой-нибудь видимой им цели, а воля по природе стремится идти к цели прямым путем. Социальная воля, так же как индивидуальная, стремится по прямому направлению к предмету желания. Такой способ может быть успешен только в самых простых случаях. Я довольно подробно рассмотрел этот вопрос в VIII главе «Динамической социологии» под заглавием «Прямой метод конации», поэтому не зачем вдаваться в рассмотрение его здесь. Надо только заметить, что прямой метод до сих пор преобладал во всех правительствах, если же они применяли косвенный метод, то с таким недостаточным знанием сложных законов социальных явлений, что это было почти равносильно прямому методу. При таком способе успешно могут совершаться только простейшие функции правительства; они и были удовлетворительным образом выполнены. Попытки же пойти дальше этого сопровождались различным успехом, и понадобилось немало неудач и новых усилий, чтобы достигнуть теперешнего незначительного прогресса в высшей государственной деятельности.

Поэтому в высшей степени нелогично утверждать, что государство никогда не может расширить свою власть. Оно есть орган социального сознания и всегда должно стараться повиноваться воле общества. Оно должно и всегда будет усиливаться дать обществу все, чего оно требует. Если оно сначала потерпит неудачу, то будет продолжать свои попытки до тех пор, пока они не увенчаются успехом. Если оно невежественно, то будет само себя образовывать, хотя бы путем опыта и ошибок. Развитие общества будет сопровождаться все

ГЛАВА XXXVI. СОЦИАЛЬНАЯ ВОЛЯ 323

высшими образцами государственной деятельности, пока наконец не будут разрешены одна за другой все трудные социальные проблемы. Напрасно утверждают, будто, правительство неизбежно должно ограничиваться теми немногими функциями, которые оно до сих пор брало на себя. Ограничиваться оно должно только благом общества, и всякий раз, как будет открыт новый способ достижения этой цели путем правительственного действия, действие это будет предпринято.

Едва ли стоит упоминать о крайне узком взгляде некоторых лиц, которые обыкновенно говорят о правительстве как о чем-то чуждом народу и враждебном истинным интересам общества. Если и бывали случаи, что в продолжение коротких периодов правящий класс в некоторых странах оправдывал такой взгляд, совершенно неправильно понимая свои отношения к обществу, то события скоро давали ему урок; и если даже король когда-нибудь воображал себе, что государство — это он, то и в ту самую минуту он был только слугой общественной воли, а отказ повиноваться ей стоил бы ему и его потомкам права на власть или даже жизни. Но особенно не имеет значения такой взгляд в наше время, когда правительство сделалось настолько чутким к воле общества, что одного противного голоса достаточно, чтобы низвергнуть кабинет, и когда ежегодно для решения некоторых дел обращаются к народу. На самом деле современные правительства не только далеки от мысли о каких-нибудь замыслах угнетения, но они даже с таким напряженным вниманием

относятся к народной воле, что каждый новый шаг делается очень медленно, не раньше чем станет известным, что он будет встречен с радостью и заслужит всеобщее одобрение. Соединенные Штаты в настоящее время созрели для целого ряда важных национальных реформ, которые не могут быть выполнены, потому что небольшое сравнительно число влиятельных граждан противится им. Законодательство всех современных наций отличается консерватизмом, страхом неодобрения и общей робостью перед народом, который признается действительным правительством. Для того чтобы была принята и проведена какая-нибудь преобразовательная

324 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

мера, необходимо, чтобы воля народа выразилась сильно и положительно. Когда же она вполне ясно бывает понята, то одобряемые ею меры проводятся даже слишком стремительно. Правительство все более и более становится органом общественного сознания и слугой общественной воли. Наша декларация независимости, которая гласит, что правительство получает свою справедливую власть по «согласию» управляемых, не выражает уже действительного положения дел. Теперь оно пользуется этой властью не на основании согласия управляемых, но на основании положительным образом объявленной воли их.

ГЛАВА XXXVII

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Социальные силы надо только исследовать так, как были исследованы все остальные, для того чтобы найти доказательства их полезности. Они представляют для истинно научной разработки обширное поле, которое до сих пор осталось нетронутым и существование которого неизвестно законодателям нашего времени... Если область социальных явлений так же вполне подчинена законам, как и область физических явлений... то мы имеем основание рассчитывать на такой же успех в ней, соразмерно с тем, насколько мы узнаем эти законы, что, в свою очередь, служит мерой прогресса человеческого господства в материальном мире. — *Dynamic Sociology*, I, 43.

Не надо, чтобы человек думал, что он подобен животному, ни что он подобен ангелу; не надо также, чтобы и то и другое было ему неизвестно; надо, чтобы он знал и то и другое. — Паскаль. *Pensees*, II, 85.

Важная истина, изложенная в I части, именно — что чувство развилось как средство для сохранения жизни, когда не было для этого других средств, едва ли имеет большее значение, чем другая великая истина, установленная во II части, именно — что интеллект развился для того, чтобы обеспечить достижение таких целей, которые не могли быть достигнуты одной волей без руководителя. Я описал различные формы, принимаемые интеллектом при выполнении этой функции, и проследил их успешность и прогресс. Мы видели, что чисто биологические цели существа успешно преследуются при помощи эгоистических форм интеллекта, но что к социальному прогрессу и к цивилизации ведет та форма его, которая называется изобретательной способностью, а на высшей своей ступени — изобретательным гением и которая предоставляет в распоряжение человека все материальные и динамические средства природы. В XXVIII главе точно был описан характер этой способности и была указана тайна ее успеха.

Беспрестанные неудачи, сопровождавшие в животном мире непосредственные усилия воли достигнуть высших целей существа и задерживавшие органическое развитие до тех

326 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

пор, пока не явилась интеллектуальная способность, которая дала ему новый и сильный толчок, характеризовали также и усилия социальной воли достигнуть лучших результатов и будут продолжать характеризовать их до тех пор, пока не разовьется социальный интеллект, который начнет организовывать силы человеческой природы и вербовать их на служение обществу.

В этом направлении уже достигнут теперь значительный успех, но тут, как и в животном мире, сначала были применены эгоистические формы интеллекта. Происходило это и теперь происходит главным образом в области взаимных отношений между нациями и племенами. Для наций и племен, как и для индивидуума, самосохранение есть первый закон природы, поэтому самые напряженные усилия выполнить предписания воли коллективный человек проявлял под влиянием этого основного закона. Так что здесь яснее всего обнаружилось содействие интеллекта. Особенно оно чувствовалось по двум главным направлениям, которые рассматриваются в XXIII главе, именно — в стратегии на войне и в дипломатии в мирное время. Сюда можно отнести еще и множество других усилий задержать соперничающую нацию и обеспечить народную безопасность и процветание промышленности. Но нации редко пользовались деятельностью изобретательной способности, когда имели дело с другими нациями, а еще реже — когда имели дело с собственными гражданами; между тем в последнем-то случае и возможно очень широкое применение ее, которое мы теперь вкратце рассмотрим.

В «Динамической социологии» принцип изобретения ясно сформулирован под названием «привлекающего законодательства», и там же представлено несколько примеров тех его применений, которые уже были сделаны. Самыми важными из них надо, вероятно, считать разного рода правительственные вспоможения, включая тарифы, премии и другие субсидии. Введение для собирания доходов марок в качестве или почтовой оплаты или акциза представляет собой поистине изобретательную выдумку законодателя, и это не единственная. Данный принцип бесконечно может быть рас-

ГЛАВА XXXVU. СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ 327

ширен. Нет сомнения, что когда-нибудь он будет применен ко всем отделам законодательства. Он более всего другого может способствовать удалению того недоброжелательства, с которым теперь у нас относятся даже к самым необходимым правительственным действиям. Не только для собирания доходов можно было бы найти способы, которые гораздо менее были бы неприятны народу и были бы справедливее, чем теперешние, но и все другие функции правительства могли бы, если бы государственные деятели были достаточно изобретательны для этого, выполняться с такой мягкостью и легкостью, что общество едва чувствовало бы тяжесть законов.

Самый принцип этот безусловно тождествен принципу механического изобретения, с той единственной разницей, что он имеет дело с социальными силами, а не с физическими, и с людьми, а не с вещами. Изобретательность, которую человек проявил в обращении с животными и которая сделала диких зверей его полезнейшими слугами и доставила ему полное господство над низшими царствами природы, свидетельствует о том, что изобретательная способность может успешно бороться с психическими и жизненными силами. Для того чтобы усмирить животного-человека и сделать его таким же безвредным и полезным для общества, как безвредны и полезны домашние животные для него самого, нужна только более высокая степень того же свойства ума. Прежде всего надо совершенно отделаться от мысли, будто бы есть дурные по существу своему наклонности. Все те наклонности, которыми теперь одарены люди, развились в них для каких-нибудь полезных целей. Они должны быть признаны естественными, и надо стараться дать им полезное направление, подобно тому как с помощью механических изобретений дается полезное направление стихиям природы: огню, ветру, воде, электричеству и др. Вместо того чтобы грубо приказывать «не смей!», надо придумать такие меры, чтобы, когда человек действует согласно своей природе, действия его были по крайней мере безвредны, а если возможно, то и полезны. В большинстве случаев вовсе не надо ожидать, чтобы то или другое действие естественным образом привело к результа-

328 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

^_

ту, опасному для других, и тогда наказывать действующее лицо, тогда как, изменяя среду с помощью изобретательности, можно совершенно устранить самое желание вредить другим.

Моралисты взяли на себя невыполнимую задачу излечить людей от их так называемых пагубных наклонностей. Мелиоризм учит нас, что таких наклонностей нет, но что можно устранить пагубные последствия некоторых поступков, внушаемых естественными импульсами. Желания нельзя уничтожить, потому что они свойственны человеку, но желания стремятся только к собственному удовлетворению. Вред же другим причиняется лишь случайным образом; вся задача в том, чтобы другие не стояли на дороге.

Природа людских желаний может, правда, быть изменена. Один и тот же индивидуум, воспитанный в одной среде, имел бы совсем не такие желания, если бы он был воспитан в другой среде. В этом заключается самый веский довод в пользу создания надлежащей социальной среды. Желания и обусловливаемое ими поведение людей зависят от их понятий, т. е. от их мнений и верований, которые, в свою очередь, зависят от воспитания в широком смысле этого слова. Прежде всего, следовательно, надо обратить внимание на воспитание; как я показал в «Динамической социологии», высшая обязанность общества состоит в наблюдении за тем, чтобы каждый член его получил правильное воспитание. Это воспитание не должно быть подобно тому, которое дается заинтересованными в этом деле лицами и состоит в затверживании известного количества ни на чем не основанных верований; оно должно исключительно состоять в доставлении наибольшей по возможности суммы важнейших знаний; верования же должны быть предоставлены самим себе. Одно это могло бы лишить когтей почти все человеческие наклонности и значительно сократило бы задачу уголовного законодательства.

Но если бы даже был сделан этот важный первоначальный шаг и всякий член общества приобрел бы для своего руководства все существующие в мире практические знания, то все же для коллективной изобретательности оставалось бы еще широкое поле деятельности, особенно в продолжение

ГЛАВА XXXVII. СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ 329

того периода, когда эта мера не принесла бы еще всех своих плодов. Так как счастье служит главным предметом человеческих стремлений, *то* задача, предстоящая социальному интеллекту, состоит ни более ни менее как в устройении счастья. Существующее в мире зло так велико и повсеместно, что сначала непременно принимаются меры, ведущие скорее к уменьшению и удалению зла, чем к увеличению и распространению встречающегося в жизни положительного наслаждения. Пока не все страдания облегчены, попытка увеличить сумму удовольствия кажется святотатством. Поэтому социальному интеллекту прежде всего следует взяться за разрешение задачи об уменьшении социального трения. Каждое колесо общественного механизма должно быть тщательно исследовано опытным глазом искусного мастера, для того чтобы была понята сущность трения и было удалено все то, что не нужно в совершенной системе.

Здесь я позволю себе заключительное слово относительно метода, с помощью которого все это может осуществиться. Прежде чем можно будет приступить к тому всеобщему преобразованию, о котором я выше подал мысль, надо произвести большую перемену во всей теории законодательства. Надо признать, что законодатель — в сущности изобретатель и открыватель научных истин. Он обязан обладать основательными сведениями по всей теории и практике социальной физики. Он призван изобретать *способы и средства* к обеспечению действительных интересов и развития того народа, для которого он издает законы. Существующими методами это, очевидно, не может быть достигнуто. Легко себе представить, что общее собрание, подчиняющееся парламентским правилам, представляет довольно неудобный способ для чего-нибудь вроде научного законодательства. Вообразите себе, что вдруг все изобретатели какой-нибудь страны стали бы собираться в одну залу, где они под управлением молотка председателя изобретали бы машины и по большинству голосов выбрали бы лучшую! Или подумайте, можно ли ускорить научное открытие общим конвентом! Действительно, существуют научные общества, но обыкновенно для чтения статей, в которых изложены открытия, сделанные членами

общества в их лабораториях, и против такого рода законодательных собраний ничего нельзя было бы возразить. Но как в науке, так и в законодательстве настоящий труд, т. е. мысль, изыскание, наблюдение, опыт и открытие законов и принципов природы, должен быть выполнен в другом месте и при соответствующих условиях: на широком поприще или в частном кабинете.

С первого взгляда мысль, чтобы законодательство совершалось подобным образом, может показаться нелепой, но по некотором размышлении становится ясным, что она не только не нелепа, но что даже в настоящее время во всех просвещенных странах заметно сильное стремление к принятию такого метода. Большая часть действительного законодательства выполняется теперь, как известно, комитетами. В члены этих законодательных комитетов тщательно выбираются люди с заведомыми способностями к разрешению тех вопросов, которые им вверяются. Эти комитеты действительно «обсуждают» дело. Они исследуют поставленные им вопросы, выслушивают свидетельства и петиции и взвешивают доводы за и против каждой предложенной меры. Это поистине научный метод, ведущий к открытию основных принципов. Если только члены комитетов свободны от влияния партий, то они, очень вероятно, постигнут истину и предложат практичные и полезные меры. Собрание, которому подведомственны эти комитеты, уважает их решения и обыкновенно следует их указаниям. Остальные члены его большей частью мало смыслят в разбираемых вопросах или по крайней мере не изучали их, так что полагаются на высший суд тех, которые их изучали. Таким образом, работа комитетов представляет у нас ближайшую ступень к научному исследованию социальных вопросов. Она теперь развивается, и ей суждено играть все возрастающую роль в национальном законодательстве.

Есть еще одно важное применение социального интеллекта к человеческим делам. У нас принята теория, будто бы исполнительная отрасль правительства только управляет народными делами. Это совершенно ошибочное мнение. Значительная часть действительного законодательства страны производится исполнительной властью. Биение народно-

ГЛАВА XXXVII. СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ 331

го пульса гораздо чувствительнее для разных правительственных канцелярий, чем для законодательной власти. Заведующие этими канцеляриями чиновники как бы сливаются в одно с известными отраслями деятельности, и к ним обращается народ с просьбами о принятии необходимых реформ. Удовлетворив эти требования в размерах данной им законом власти — причем делаются настоящие законодательные распоряжения, не имевшиеся в виду теми, кто составлял законы об учреждении этих канцелярий, — они об остальном делают представления законодательной власти. Последняя обыкновенно признает мудрость этих представлений и обращает их в законы, все расширяя таким образом административную юрисдикцию правительства. Такое законодательство можно назвать научным в истинном смысле этого слова. Оно опирается на знание как потребностей общества, так и лучших способов их удовлетворения; оно подвергается глубокомысленному обдумыванию и зрелому обсуждению. Метод этот все больше применяется с каждым годом и обыкновенно приводит к успешным и прочным результатам.

История доставляет государственному деятелю еще другое основание для законодательства. Теперь можно приобретать познания из истории промышленности народов; она, правда, неполна, так как многое было потеряно для нее в тот период, когда думали, что история должна касаться только государственных дел и лиц, стоящих во главе правления; но все же она содержит достаточно сведений, чтобы служить ценным руководством для законодателя. Никто не должен считать себя способным издавать законы для народа, если он незнаком хорошо по крайней мере с историей новейших наций, с их разнообразными системами финансов, доходов, обложения податями, общественных работ, образования, распределения земли, законов о привилегиях и авторских правах, военного и морского дела, общего судопроизводства и конституционных, писанных и неписанных законов. Мне скажут, конечно, что очень немногие законодатели обо всем этом осведомлены; но зато эти немногие и направляют деятельность государства, и их примеру должны подражать все те, которые стремятся играть руководящую роль в политической драме.

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

Мнение мое подтверждается еще и введением статистического метода. Никто не станет отрицать, что он теперь быстро становится одним из главных факторов законодательства. Статистика просто представляет факты, на которые опирается наука правления. Она для законодателя то же, что результат наблюдения и опыта для человека науки. Она есть индукция политической науки, для которой индуктивный метод так же важен, как и для науки вообще, которой он служит единственным верным основанием. В наше время нет ни одного большого государства, которое не старалось бы собирать статистические сведения. В большинстве передовых наций статистика ведется в очень широких размерах. Перепись, которая недавно еще состояла в простом перечислении населения государства, теперь означает подробное исследование всех его жизненных, промышленных и торговых условий. Этим и многими другими способами правительство доставляет законодателям важнейшие факты, которые нужны им как руководство в принятии мер, необходимых для процветания народа.

Стремление к научному законодательству постоянно усиливается еще разными другими способами, и, не вдаваясь в излишний оптимизм относительно этого предмета, можно считать установленным факт, что не нужно никакой революции в характере общества, для того чтобы произвести постепенное преобразование, необходимое для осуществления всего того, что предвозвещается в этой главе. Механизм для необходимого преобразования уже готов, и остается только подчинить его управлению развитого социального интеллекта. Талант общества к государственной деятельности становится все значительнее. Более глубокие государственные и общественные вопросы обдумываются старательнее, чем когда бы то ни было прежде, и заметны несомненные признаки здорового прогресса. Хорошо было бы, если бы не только на лица, находящиеся в данное время у кормила государственного корабля, но и на подвиги руководящего социального интеллекта, направляющего этот корабль в более спокойные воды, мы смотрели как бы из отдаленного будущего, с точки зрения истории, которую они составляют.

ГЛАВА XXXVII

СОЦИОКРАТИЯ

Чтобы отличать это общее стремление к урегулированию социальных явлений от всех других фактов человеческой истории и при этом избежать всяких предосудительных терминов и выразить понятие в самом широком его смысле, его удобнее всего назвать *социократией*. Теперь слишком поздно возражать против этого нового термина на основании его смешанной греко-латинской этимологии, так как в греческом языке, как известно, нет подходящего корня для первой части этого составного слова и несколько подобных слов уже введено в общее употребление лучшими авторитетами. Социократия означает нечто совершенно отличное от демократии, так как не указывает, подобно ей, на определенную форму организации. Термин «социализм», который может показаться родственным социократии, оставляя в стороне его непопулярность, тоже отличается слишком определенным значением, которое слишком уже клонится к радикальным переменам в существующих политических учреждениях. Все эти формы общественной организации противоположны другим каким-нибудь существующим формам, между тем как социократия противоположна только отсутствию регулирующей системы и служит символом положительной социальной деятельности в противоположность отрицательному направлению господствующей школы политико-экономических *«доктринеров»*, придерживающихся *laissez /aire*. Социократия признает законными все формы правления; оставляя без внимания форму, она разбирает сущность и указывает на то, что при какой бы то ни было организации общество должно действовать сознательно и разумно — как подобает в просвещенный век — стремясь к охранению своих собственных интересов и создавая собственную судьбу. — *Perm Monthly*, Vol. XII, Philadelphia, May, 1881, p. 336.

Другой отдел социальной динамики, обнимающий влияния описанных перед этим активных, или положительных, сил, необходимо связывает изучение этих сил с *искусством* применять их, которое является отличительным человеческим процессом и вполне зависит от действий самого человека. Искусство это справедливо можно назвать *социократией*, хотя оно есть не что иное, как то, что иногда называется *политикой*, если только понимать это слово в более широком смысле, чем тот, который ему обыкновенно придается. Таким образом у нас получается, кроме социальной статики, отрицательная и положительная социальная динамика, а все эти отделы необходимы в

334 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

социологии для того, чтобы она была настоящей наукой. — *Dynamic Sociology*, I, 60.

Мы знаем, что с помощью именно этих средств человек искусственно изменил результаты действия законов во всех других науках вплоть до биологии; и нет сомнения, что эти средства имеют такую же власть над социологическими явлениями. Применение их составляет отдел активной социальной динамики, или социократии, которую Конт смутно провидел и которую его преемники до сих пор не признавали. — *Dynamic Sociology*, I, 137.

Итак, это высшее искусство, искусство правления и социальной организации, может без помощи науки достигнуть высокой степени совершенства; но если оно останется только искусством, то оно быстро дойдет до высшей точки и начнет приходить в упадок или же окаменеет и сделается неподвижным, как мы это видим в Китае и Японии... Но раз будут поняты научные принципы социологии, раз наука, или социальный разум, станет руководить социальным развитием, прогресс его может быть безграничен. Заметьте, однако, этот бесконечный прогресс возможен только благодаря введению новых принципов, чуждых чисто животной природе, так что он нарушает полную аналогию с материальными организмами. — Жозеф Ле Конт. *Popular Science Monthly*, February, 1879 (Vol. XIV, p. 429).

До сих пор внимание наше главным образом ограничивалось психологической стороной науки об обществе. Но для каждой науки, имеющей применение, существует соответствующее искусство. Хотя социальное искусство есть не что иное, как то самое управление, о котором пришлось уже так много говорить до сих пор, однако же наш социальный синтез будет неполон, если мы не подвергнем социальному исследованию существенный характер этого искусства как продукта соединения социального сознания, воли и интеллекта. Надо сознаться, что существующие правительства, несмотря на все, что может быть сказано в их пользу, только в очень незначительной степени являются таким продуктом. Социальное сознание до сих пор еще крайне слабо; оно скорее соответствует сознанию *scenobium*¹ из *Flagellata* {жгутиковых}

Ценобий — колония одноклеточных организмов с разделением функций между отдельными группами особей.

ГЛАВА XXXIII. СОЦИОКРАТИЯ 335

и *Celiata* (песчаных), чем сознанию в развитых животных формах. Вследствие этого социальная воля представляет только массу сталкивающихся желаний, сильно противодействующих одно другому, так что в результате получается очень слабое движение вперед по какому-нибудь определенному направлению. Социальный интеллект оказывается плохим руководителем не потому, чтобы он был недостаточно силен, но вследствие ограниченности знаний по вопросам, имеющим наибольшее значение для общества; существующие же знания такого рода сосредоточиваются главным образом в умах таких лиц, которые не имеют права голоса в государственных делах.

В «Динамической социологии» я указал единственный способ, которым, по моему мнению, можно исправить существующее положение вещей, и привел в пользу его логически построенное доказательство. Способ этот был выражен в следующей формуле — «всеобщее распространение наибольшей суммы важнейших знаний», и я показал, что он не только выполним, но окажется

даже легким и простым, как только общество достигнет той стадии, на которой оно ясно сознает *его* важность. Полного развития искусства правления можно ожидать не раньше того, как ум общества, состоящий из сознания, воли и интеллекта, придет в такое же отношение к социальному организму, в каком находится индивидуальный ум к индивидуальному организму; а это может быть достигнуто путем применения вышеизложенной формулы в продолжение периода, достаточно долгого, чтобы привести к желанному результату. Тогда искусство правления будет иметь свойства всех других искусств с той точки зрения, с какой я их объясняю во II части. *Оно будет* продуктом изобретательной способности, усовершенствуется изобретательным гением и систематизируется благодаря научным открытиям, сделанным под влиянием научного метода и духа.

В сравнении с этой будущей формой правления все теперешние и прежние формы можно считать эмпирическими. Но и они были полезны, как всякое эмпирическое искусство, и даже необходимы и некоторым образом приспособлены к

336 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

своему веку и к своей стране; так что и они способствовали и теперь способствуют социальному развитию и цивилизации. Формы эти были очень разнообразны; главные из них назывались или монархиями, или демократиями. Но эти термины никогда не были точны, а теперь сделались окончательно сбивчивы. Если демократии вообще существуют, то демократиями в настоящее время надо назвать все монархии Европы, за двумя разве исключениями: некоторые из государств, которым все еще нравится называться монархиями, более демократичны, чем те, которые сами себя называют республиками. В Америке же, где ни одно из правительств не имеет монархической формы, многие из них положительно самодержавны, и в таких государствах выборы бывают просто комедией, если только не служат сигналом к революции. Так что названия, под которыми известны правительства, совсем не могут служить верным указанием на их действительный характер. Более точным было бы деление форм правления на *автократию*, *аристократию* и *демократию*. Под аристократией (формой правления) тогда надо было бы понимать правление одного класса, не непременно высшего, но считаемого таковым. Большая часть монархий представляет такой вид правления. Аристократия (сословие) в них состоит не только из царствующей фамилии или династии, но из дворянства, духовенства и других привилегированных лиц, так как все они на самом деле принадлежат к правящему классу. Европейские страны по большей части прошли через две первые стадии и вступили в третью. Некоторые страны надо все еще считать находящимися на второй стадии, а большинство полумодернизированных, варварских или диких наций не вышли еще и из первой.

Во II части я показал, что интеллект развился как помощник воли в деле достижения личных интересов индивидуума, а в «Динамической социологии» (гл. VII) я указывал на то, что правительство занимает выдающееся место в разных способах приобретения. Особенно это можно сказать про самодержавную и аристократическую стадии. В демократии явление это ослабевает и ограничивается профессиональными политиками. Большая часть вошедших теперь в моду на-

ГЛАВА XXXVIII. СОЦИОКРАТИЯ 337

падок на правительство основывается на тех ярких описаниях, в которых история изображает деяния правящего класса во времена автократии и аристократии, и те, кто производит эти нападки, как будто забывают, что все вполне просвещенные нации прошли уже эти стадии и решительно вступили теперь в стадию демократии. Но страх и ужас перед правительством все еще удерживаются, привидение их постоянно появляется и не хочет исчезнуть. Хотя современные правительства — главным образом вследствие того недоверия, которым они окружены, — едва решаются исполнять даже решительным образом объявленную им волю тех, кем они созданы, и долго колеблются, прежде чем сделать шаг вперед, из боязни, что их сейчас же низвергнет все разрушающий плебисцит, — тем не менее они все еще служат предметом самого бдительного надзора и самых жестоких нападков. Это значительно ослабляет их способность к полезной деятельности и замедляет ход социального прогресса и реформ.

Не следует, однако, выводить такое заключение, будто бы человеческая природа изменилась вследствие перехода от автократии и аристократии к демократии. Жажда самовозвышения не уменьшилась, но изменились способы, которыми оно достигается. Как учреждением правительства общество положило конец междоусобным распрям, угрожавшим его существованию, так ниспровержением аристократии оно вырвало у аристократа право существовать за счет масс. Но с помощью своего проницательного эгоизма хитрые индивидуумы немедленно стали искать новые средства для улучшения своего положения за счет тех, которые менее одарены этой непобедимой умственной силой или находятся в условиях, менее благоприятных для применения ее. Что не могло быть добыто путем государственной хитрости, то надо было добыть с помощью какого-нибудь другого вида хитрости. Скоро оказалось, что самая слабость правительства служит средством для достижения гораздо большего, чем могло быть достигнуто при помощи самой могущественной формы правления. Чего нельзя было добиться через посредство всеобщей, или полной, социальной организации, оказалось легкодостижимым при помощи одной из многообразных част-

338 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ных, или неполных, организаций, понимая эти термины согласно с определением, данным им в XXIV главе. При строгой системе, развившейся для защиты определенных законных прав личности, ничто не мешало идти почти как угодно далеко по этому направлению.

В силу ритмического закона социального прогресса реакция, направленная в сторону демократии, имела в виду и в значительной степени осуществила четвертую стадию, которую справедливо можно назвать физиократией. Она в самом деле почти исключительно состоит в удовлетворении тех требований, которые были предъявлены французской школой политико-экономов, именовавших себя физиократами. Если исключить некоторые частные положения, вызванные местными условиями Франции, то движение это в сущности не отличалось от того, которое вскоре затем началось в Англии и сделало там столь быстрые успехи, что совсем овладело народными умами и положило начало политической философии этой страны, а повсюду, где употребляется английский язык, послужило основанием социальных и экономических наук, преподававшихся с ученых кафедр. Эта физиократия в качестве скорее образа мыслей, чем формы правления, носит теперь название индивидуализма и доводится некоторыми до того, что становится равносильной практическому анархизму, ограничивающему все управление действием так называемых естественных законов.

Результатом всего этого было то, что общество, пройдя через стадии автократии и аристократии и вступив на стадию демократии, в силу естественной реакции против власти до крайности уменьшило влияние правительства; вследствие чего та сила, которая прежде пользовалась управлением для собственных интересов, теперь привела общество к пятой стадии, к стадии *плутократии*, развивающейся при слабой демократии или физиократии и стремящейся совсем их вытеснить. Главной опорой ей служит общераспространенное недоверие к правительству, и она пользуется всеми средствами, чтобы раздуть пламя мизархии. Вместо того чтобы требовать большего и сильнейшего правительства, она требует меньшего и слабейшего. Коварно ратуя за индивидуальную

ГЛАВА XXXVIII. СОЦИОКРАТИЯ 339

свободу, она постоянно выставляет на вид насилия, совершенные правительствами на деспотической и аристократической стадиях, и лживо утверждает, что возвращение им власти грозит неминуемой опасностью. Она громко защищает в теории самый крайний индивидуализм, граничащий с практической анархией во всем, кроме принуждения к признанию существующих прав собственности; так что народному уму она представляет действительное положение вещей в ложном свете. Система политической экономии, возникшая во Франции и Англии в конце аристократической стадии, до сих пор еще преподается в высших учебных заведениях. Она чрезвычайно благоприятствует распространению плутократии, и те, кто извлекает выгоду из последней, указывают на эту систему как на ее неопровержимое научное основание. Многие

честные политико-экономы все еще прельщаются благовидными требованиями этой системы и продолжают ее поддерживать; и из выдающихся сочинений о социальной науке по крайней мере одно, трактат Герберта Спенсера, защищает ее во всех подробностях. Ввиду такого прочного положения ее со стороны общества потребуются титаническое усилие, чтобы искоренить этот неосновательный предрассудок и еще раз спастись из челюстей человеческого эгоизма, которым коварно руководит развитой и образованный разум.

При существующей экономической системе богатства всего мира, каким бы они путем ни создавались и независимо от требований производителя, стекаются в известные центры накопления и поступают в пользование тех, в чьих руках эти центры находятся. Мы приближаемся, по-видимому, к тому периоду, когда все те, кто трудится, как бы они ни были искусны, трудолюбивы и умеренны, будут получать за свои услуги согласно «железному закону», сформулированному Рикардо, не более того, что им необходимо, чтобы быть в состоянии «существовать и размножаться». Все остальное будет поступать в руки сравнительно немногих и обыкновенно не производящих индивидуумов, которым обычаи и законы всех стран позволяют поддерживать притязания на облада-

340

ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ние самыми источниками богатства и на право разрешать или запрещать его производство.

Все это представляет великое и серьезное зло, в сравнении с которым оказались бы пустяками все те общепризнанные преступления, которые могли бы совершаться, если бы не было никакого правительства. Слишком низко оплачиваемый труд, продолжительная и тяжелая черная работа, бесполезная трата сил, нищета и грязь, порождающие болезни, преждевременная смерть — все эти несчастия, которых не допустило бы справедливое распределение продуктов труда, могут в один год перевесить все те так называемые преступления целого века, преступления, для предотвращения которых будто бы только и существует правительство. Вся эта обширная область скорбей считается вне ведения правительства, между тем как самые напряженные усилия употребляются на то, чтобы открыть и наказать виновных в ничтожнейшем из общепризнанных преступлений. То, что огромное зло оставляется без внимания, между тем как незначительное зло неистово преследуется, есть признак истощенной цивилизации и предостерегает нас о приближающемся слабоумии человеческого рода.

Законным действиям, которые правительство могло бы предпринять, чтобы оградить общество от упомянутых худших зол, сильно противится та инстинктивная враждебность к правительству, или мизархия, о которой было сказано выше. Ввиду этой враждебности правительство не решается принимать меры, как бы ясны ни были для него его право на это и способ действия. Как уже было замечено, такая неосновательная и излишняя предосторожность со стороны общества против невозможного случая сама по себе не в состоянии была бы помешать правительству в исправлении столь явных несправедливостей. Но дело в том, что мизархия нарочно воспитывалась и поддерживалась с особенной целью. Она послужила главным доводом тем, чьи интересы требуют поддержания существующего социального порядка в распределении богатств. Сомнительно, чтобы такое враждебное отношение к правительству удержалось до настоящего времени, если бы оно не возбуждалось постоянно снова упомя-

ГЛАВА XXXVIU. СОЦИОКРАТИЯ 341

нутым классом людей. Сама эта несправедливая экономическая система составляет продукт целых веков коварных проделок со стороны проникательнейших умов, имевших в виду законными средствами обеспечить себе ту незаслуженную долю продуктов, которая прежде была наградой за большую физическую силу. Этому классу людей ясно, что их интересы требуют политики полного невмешательства со стороны правительства в то, что они называют естественными законами политической экономии, и они живо сообразили, что старинная ненависть, все еще живущая в

народе, может послужить им крепким оплотом. Поэтому они никогда не упускают случая воспользоваться ею самым действительным образом. Постоянное употребление этого *argumentum adpro-pulum*¹ беспрерывно поддерживает антиправительственное чувство, которое иначе стало бы тлеть и совсем угасло, после того как причина его перестала существовать.

Великие беды, от которых страдает теперь общество, развились с прогрессом интеллектуального господства. Они прокрались незаметно в то время, когда организованная хитрость постепенно стала вторгаться во владения грубой силы. Над этими исчезающими владениями правительство удерживает всю власть; но оно все еще не имеет власти над увеличивающейся и теперь уже всеобъемлющей областью психического влияния. Никто никогда не требовал, чтобы при борьбе физических сил добыча доставалась сильнейшему. В таких случаях правительство всегда простирает свою руку и заставляет подчиниться правосудию. Но в разнообразных случаях гораздо более неравной борьбы, происходящей теперь между умами, или скорее между личностью, с одной стороны, и организованной системой, продуктом целых веков мысли, с другой, принято говорить, что в такие дела не надо вмешиваться и что способнейшему надо позволить выжить. Для всякого, кто станет разбирать дело беспристрастно, должно быть очевидно, что первые и главные действия правительства всегда состояли в том, чтобы открыто и гласно препятствовать путем насильственного вмешательства есте-

¹ Довод, адресованный народу (лат.).

342 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ственным результатам всякого столкновения естественных сил. Естественные законы, вокруг которых поднимают столько шума, нарушаются всякий раз, когда схватывают и посылают в тюрьму преступника.

Первобытное правительство тех времен, когда люди действовали только грубой силой, было достаточно сильно, чтобы обеспечивать справедливое и беспристрастное распределение богатств. В наше время, когда умственная сила — все, а физическая — ничто, оно бессильно в этом отношении. Одно это доказывает уже, что необходимо усилить главное свойство правительства — способность к защите общества. Всякое рассуждение, применимое к одному виду защиты, непременно применимо и к другому. Совершенно нелогично говорить, что возвышение себя за счет других при помощи физической силы должно быть запрещено, между тем как такое же возвышение при помощи умственной силы или узаконенной лжи должно быть дозволено. Нелепо требовать, чтобы несправедливости, совершаемые посредством мускулов, сдерживались законом, но чтобы при этом несправедливость посредством мозга совершалась беспрепятственно.

Хотя современная плутократия не форма правительства в том смысле, как другие упомянутые здесь формы, но тем не менее нетрудно видеть, что власть ее так же велика, как власть любого правительства. Пробой силы правительства служит обыкновенно способ обложения народа налогами, и самые существенные обвинения, возбуждавшиеся когда-либо против худших форм тирании, касались их угнетательного способа взыскания налогов. Платить десятину считается обременительным, а требование четвертой части с доходов, доставляемых каким-нибудь промыслом, послужило бы достаточным основанием для революции. Между тем в настоящее время народ за многие товары платит вдвое и втрое больше того, сколько нужно для покрытия стоимости производства, перевоза и обмена, при хорошем жалованье и хорошей прибыли. Во многих отраслях промышленности монополии взимают с потребителя от 25 до 75 процентов сверх действительной стоимости товара. Что, если бы акцизная пошлина приближалась к таким цифрам? В XXXIII главе я

ГЛАВА XXXIII. СОИИОКРАТИЯ 343

показал, что как монополия, так и наступательная конкуренция, независимо от стоимости производства, доводят цену продуктов до максимума, при котором данный продукт может еще находить сбыт в количестве достаточном, чтобы обеспечить известную прибыль. Ни одно

правительство в мире, ни теперь, ни прежде не было настолько сильно, чтобы принудить народ подчиниться такому вымогательству. Но это может сделать власть, управляющая в интересах нескольких привилегированных индивидуумов и превосходящая власть самого могущественного монарха или деспота, когда-либо правившего государством.

Есть ли средство против этого? Может ли общество помешать тому, чтобы эгоистический интеллект таким образом окончательно не захватил власть? Оно низвергло правление грубой силы, учредив правительство. Оно заменило автократию аристократией, а последнюю демократией и теперь оказалось в руках плутократии. Может ли оно спастись? Должно ли оно вернуться к автократии, чтобы найти силу, которая в состоянии бороться с плутократией? Но ни один властелин не обладал и десятой долей такой силы. Должно ли общество дать плутократии победить себя? Это не неизбежно. Есть одна единственная власть сильнее той, которая теперь управляет обществом. Власть эта — само общество. Есть форма правления, которая могущественнее и автократии, и аристократии, и демократии, и даже плутократии, эта форма правления — *социократия*.

Личность царствовала довольно долго. Пора обществу самому заняться своими делами и самому создавать свою судьбу. Личность поступала возможно лучшим образом; она поступала единственным образом, которым она могла поступить. Обладая собственным сознанием, собственной волей и собственным интеллектом, она только и могла преследовать свои естественные цели. Ее нельзя за это порицать. Напротив, она заслуживает похвалы и даже *подражания*. Общество должно учиться у личности, оно должно следовать по пути, который последняя так ясно указала и который ведет к успеху. Оно должно вообразить себя личностью со всеми личными интересами и, *сознав* эти интересы, должно преследовать

344 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

их с такой же неукротимой *волей*, с какой личность преследует свои интересы. Мало того, как личность руководится своим интеллектом, так общество должно руководиться социальным *интеллектом*, вооруженным всеми знаниями, которыми его снабдили труд, рвение и талант соединенных личностей и которые составляют социальный рассудок.

Социократия будет отличаться от всех других форм правления, которые до сих пор были придуманы, однако же между ними нет настолько коренной разницы, чтобы для введения социократии потребовалась революция. Как неограниченная монархия незаметно перешла в ограниченную, а последняя в некоторых странах даже без перемены названия перешла в более или менее чистую демократию, так же легко может и демократия перейти в социократию, даже не принимая этого непривычного имени или не меняя того, под которым она известна. Хотя это и парадокс, но демократия, которая теперь, по крайней мере в том, что касается управления внутренними элементами, есть самая слабая из всех форм правления, может, однако, сделаться самой сильной из них. Ни одна из других форм правления не способна непосредственно перейти в правление самого общества. Демократия — это фазис, через который все правительства должны пройти на пути к последней социальной стадии, которой они в конце концов должны достигнуть, если будут настойчивы.

Могут спросить: какая же разница между демократией и социократией? Какая разница между обществом и народом? Если бы под словом «народ» действительно подразумевался народ, разница была бы менее значительна. Но этот лозунг демократических государств, в которых он, впрочем, только и имеет определенный смысл, означает большинство — как бы невелико оно ни было, — состоящее из лиц, имеющих право быть избирателями. В некотором отношении на действия большинства можно смотреть как на действия общества. По крайней мере нельзя отрицать право большинства действовать от лица общества, так как отрицать это право значит не признавать за правительством права действовать вообще или же допускать, что от лица общества имеет право действовать меньшинство. Но не одно и то же, будет ли большинство дей-

ствовать от лица общества или общество будет действовать само за себя, хотя бы оно действовало, как это всегда и должно быть, через посредство лиц, которых избирают его члены. Все демократические правительства в значительной степени являются партийными правительствами. Избиратели примыкают к той или другой партии, и победившая сторона ничуть не менее Людовика XIV считает себя государством. Победленная же партия обыкновенно смотрит на правительство как на что-то противное и враждебное ей, как на завоевателя, и только о том и думает, как бы ей усилиться настолько, чтобы низвергнуть его, когда снова представится случай. Хотя на вид выставляются разные вопросы, которые оспариваются одними и защищаются другими, но для постороннего наблюдателя очевидно, что спорящим сторонам очень мало дела до этих вопросов и что они пользуются ими только для того, чтобы получить какое-нибудь преимущество над противной стороной и победить на выборах.

С точки зрения общества это детская игра. Даже слабое пробуждение общественного сознания изгнало бы ее и поставило бы на ее место что-нибудь более серьезное. Как только мы освободимся от этой ребяческой страсти к забавам и внимание наше будет привлечено действительными интересами общества, мы увидим, что почти во всех важных вопросах все партии и все граждане согласны между собой, так что вовсе не нужно, чтобы партии оказывали давление на народную энергию. Это ясно видно всякий раз, когда правительство составляется из новой партии. Победоносная партия, которая порицала действия правительства потому только, что оно состояло из его политических противников, и хвасталась, что она произведет революцию в стране, чтобы добиться хорошего управления, с той минуты, как она приобретает власть и чувствует на себе ответственность перед нацией, видит, что ей почти ничего больше не остается делать, как приводить в исполнение законы, подобно ее предшественникам.

Существует большая разница между приверженностью к партии и защитой так называемых принципов, с одной стороны, и попечением о действительных интересах и необходимых делах нации — с другой. От правительства требуется

346 ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

последнее: это его долг по отношению к обществу. Давление, которое принуждает исполнять этот долг, есть сила социальной воли. Но при искусственном возбуждении борьбы партий, когда, с одной стороны, профессиональные политики и демагоги, а с другой — агенты плутократии нестройным хором кричат в уши народу, действительные интересы общества, по крайней мере временно, упускаются из виду, заволакиваются и затемняются, люди забывают важные вопросы и даже свои собственные главные интересы, которые при всей их эгоистичности могут служить гораздо более надежным руководителем, и в конце концов все это обыкновенно оставляется без внимания, и нации по-прежнему остаются в руках простых политиков, которыми легко управляют ловкие представители богатства.

Социократия изменит все это. Не относящиеся к делу вопросы будут отложены. На важные же предметы, относительно которых все согласны, за исключением небольшого числа заинтересованных лиц, будет обращено должное внимание; и будут обсуждаться меры совсем не в духе партий, а с единственной целью достижения желанных результатов. Возьмем для примера почтово-телеграфный вопрос. Ни один человек, кроме акционеров существующих телеграфных компаний, не захочет платить 25 центов за отправку корреспонденции, когда он может отправить ее за 10 центов. Такого рода вопросы не требуют даже обсуждения. Общество нуждается в самой дешевой по возможности системе. Ему надо знать наверно, можно ли учреждением национальной почто-во-телеграфной системы достигнуть этого желательного для всех результата. Следует, конечно, ожидать, что агенты теперешних телеграфных компаний будут стараться доказать, что такая мера не может иметь успеха. Они поступят в этом случае согласно с изложенными в этой книге психологическими законами. Но зачем обращать внимание на интересы такого небольшого числа людей, хотя бы и очень почтенных, когда все остальное человечество заинтересовано в противоположном решении вопроса? Тут должно быть предпринято беспристрастное и строго научное исследование, которое должно существенным образом разрешить вопрос в том или

другом смысле. Если окажется, что упомянутая система действительно выгодна, она должна быть принята. В настоящее время американскому народу представляется множество таких строго социальных вопросов, которые касаются каждого гражданина страны и решение которых, несомненно, будет иметь большое влияние на будущность цивилизации на нашем континенте. Теперь нельзя добиться не только решения этих вопросов, но даже исследования их с точки зрения их действительных достоинств. То же самое можно сказать о других странах; вообще выдающиеся демократии не способны решать проблемы, касающиеся социального благополучия.

Разницу между демократией и социократией можно еще более выяснить, указав на некоторые важные и крайние случаи, о которых я упоминал несколькими страницами раньше. Я показал там, что, как это известно политико-экономам, цены большей части главных продуктов, потребляемых человечеством, не находятся в определенном отношении к стоимости их производства и доставки потребителям. Цены эти всегда бывают самые высокие, какие только потребитель согласится платить скорее, чем обойтись без данных продуктов. Предположим, что цены эти средним числом вдвое превышают стоимость производства, перевоза, обмена и доставки товаров, допуская при каждом из этих действий хорошее вознаграждение за оказываемые услуги. Найдется ли хоть один член общества, который согласится платить два доллара за то, что на самом деле стоит только один? Можно ли на здравом основании защищать такое положение? Конечно нет. Индивидуум не может исправить существующее положение вещей. Никакая демократия не может его исправить. Но правительство, которое было бы выразителем интересов общества, так же не потерпело бы такого положения вещей, как не потерпел бы индивидуум постоянного вымогательства у него денег со стороны другого индивидуума без всякой замены.

И так во всем общество самым деловым образом, смело и беспристрастно исследовало бы все то, что касается его благополучия; устраняло бы встречающиеся на пути препят-

348 ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

ствия, пользовалось бы удобными случаями, словом, поступало бы так, как поступал бы при тех же обстоятельствах рассудительный индивидуум. Оно всеми возможными способами заботилось бы о своих интересах.

Я предвижу возражение, что такое положение вещей идеально, что оно никогда еще не было достигнуто ни одним государством и, вероятно, не может быть достигнуто. Никакой честный критик не прибавит, однако, обычного и не лишеного истины возражения, приводимого против всех социальных планов, именно, что они предполагают изменение «человеческой природы». Это возражение нельзя привести, потому что, обсуждая намеченное здесь преобразование, я предполагал все умственные свойства человека неизменными и не только не напирал на нравственный прогресс мира, но даже не назвал в числе социальных сил способность к симпатии в качестве фактора цивилизации. Я признаю эту способность одним из производных факторов, которому предстоит важная роль; но я предпочел обосновать свое мнение главными и первоначальными эгоистическими влияниями, считая, что мелиоризм и социократию нельзя защищать, ссылаясь на чувства или на альтруистические основания. По крайней мере без ссылки на них доказательства будут иметь большую силу; если же можно показать, что и эти основания имеют законное влияние на разбираемый нами предмет, то это сделает свидетельство наше еще более веским.

На другое обвинение я отвечу, что идеалы необходимы, но что никогда идеалы вполне не осуществляются. Если можно показать, что общество действительно движется по направлению к идеалу, то этим самым все равно что доказано конечное существенное выполнение данного идеала. В настоящее время можно найти много доказательств того, что такое движение существует в обществе. Во многих странах общество отстояло немало важных пунктов против

посягательств эгоистического индивидуализма. В Соединенных Штатах развитие плутократии под защитой демократического правления вызвало серьезную тревогу. Разделение на партии слабеет, и заметны несомненные признаки того, что значительная часть народа серьезно начинает заинтересовы-

ГЛАВА XXXVIII. СОЦИОКРАТИЯ 349

ваться социальным прогрессом страны. В истории политических партий в первый раз теперь образовалась в Соединенных Штатах совершенно особенная промышленная партия, обладающая всеми элементами долговечности и обещающая скоро сделаться сдерживающим фактором в американской политике. Хотя все это еще не предвещает великой социальной революции, однако надо полагать, что именно таким образом должна начаться реформа, которая пойдет в указанном выше направлении. Окажется ли теперешнее движение продолжительным или кратковременным, как бы то ни было, семена реформы разбросаны по всей земле и рано или поздно они должны взойти, вырасти и принести плоды.

В продолжение еще долгого времени социальная деятельность должна оставаться преимущественно отрицательной и ограничиваться устранением существующих зол вроде тех, которые были указаны на этих страницах, но в конце концов будет достигнута положительная стадия, на которой общество начнет обсуждать и принимать меры к движению вперед. Мы не можем здесь подробно разбирать вопрос о том, что находится в ведении социальной деятельности, а что в ведении индивидуальной; но достоверно, что первая будет вторгаться во владения второй до тех пор, пока это будет представлять выгоду для народа. В этом отношении особенно не может быть сомнения относительно той обширной области, которая на современном экономическом языке называется областью «естественной монополии». Доказательства этого слишком хорошо известны, так что повторять их здесь было бы излишним; притом это движение уже настолько развилось, что едва ли нуждается в дальнейших доказательствах. Что касается других вопросов, то они подлежат еще долгому обсуждению и относительно их возможна чистосердечная разница во мнениях. Происходит это вследствие того, что здесь мало еще применялась индукция. Социальное отличие той формы правления, которую я назвал социократией и которая непосредственно опирается на социологию, состоит в том, что она исследует факты, касающиеся того или другого вопроса, не с той целью, чтобы лишить какой-нибудь класс граждан удобного случая извлечь выгоду для себя,

350

ЧАСТЬ 111. СОЦИАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ ФАКТОРОВ

но единственно и исключительно с целью определить то, чего требуют интересы общества вообще.

Социалистические доводы в пользу того, чтобы общество всецело взяло на себя все существующие промышленные операции, никогда не казались мне достаточно убедительными главным образом вследствие того, что они по большей части представляют чистую теорию и априористические выводы. Всякий, кто при занятиях какой-нибудь специальной отраслью науки проникся значением научного доказательства, потребует, чтобы ему представили такие доказательства, прежде чем он согласится с выводами, которые были сделаны в каком-нибудь другом отделе науки. Так должны были бы поступать все по отношению к более широким вопросам, касающимся социальных явлений. Самое большее, что может сделать в подобном случае истинный политико-эконом, это сказать, что вопрос остается открытым и что он охотно согласится с логикой фактов, когда они будут ему представлены. Я не хочу этим сказать, что не надо входить в воду до тех пор, пока не выучишься плавать. Но этот анекдот наводит меня на мысль о настоящем методе разрешения подобных вопросов. Плавать выучиваются целым рядом попыток; общество также отлично может делать опыты в известном направлении и замечать результаты. Существуют, однако, и другие методы, как, например, тщательная оценка издержек и точное вычисление результатов, основывающихся на неизменных законах социальных явлений.

Для составленной таким образом научной теории окончательным критерием служит опыт, который как в физической, так и в социальной науке может устанавливать и опровергать гипотезы. Но в социальной науке, так же как и в других отраслях науки, принятая гипотеза всегда должна быть главным орудием успешных изысканий.

В ожидании наступления научной стадии необходимым приготовлением к ней должно служить ясное изложение социальных задач и тех общих соображений, которые их непосредственно касаются. Из всех известных мне попыток такого рода всего охотнее могу рекомендовать попытки, сделанные Джоном Стюартом Миллем в его небольшом сочинении

ГЛАВА XXXVIII. СОЦИОКРАТИЯ 351

«О свободе»¹ и в его «Главах о социализме», вышедших посмертным изданием. Эти сочинения своей всесторонней мудростью представляют резкий контраст с чрезмерно односторонними трудами Герберта Спенсера по тому же в сущности предмету; однако оба автора, очевидно, согласны относительно главных обсуждаемых пунктов. Беспристрастное изложение подлинных требований школы *laissez /aire* совершенно законно. Равно законно и столь же беспристрастное изложение противоположной стороны вопроса. Чем больше света будет пролито на все стороны его, тем лучше; но, чтобы действительно уяснить социальные проблемы, надо, чтобы это был холодный свет науки и чтобы он так мало окрашивался чувством, как если бы мы рассматривали в умственный телескоп обитателей лун Юпитера, а не нашей планеты.

Даже деспотизм не производит своих худших последствий до тех пор, пока индивидуальность может существовать при нем; то, что подавляет индивидуальность, и есть деспотизм, каким бы именем он ни назывался. — Джон Стюарт Милль. *On liberty*, pp. 122-123.

Никакое лицо и никакое множество лиц не имеет права сказать другому человеческому существу зрелого возраста, что оно не смеет ради собственной выгоды распоряжаться своей жизнью как ему угодно. — Джон Стюарт Милль. *Ibid.*, p. 127.

Самый убедительный из всех доводов против вмешательства общества в чисто личное поведение состоит в том, что, когда оно вмешивается, в результате оказывается всегда, что оно вмешалось несправедливо и некстати. — Джон Стюарт Милль. *Ibid.*, p. 161.